

133 м.

Проф. В. М. ХВОСТОВЪ.

801-13
1932

M $\frac{68}{183}$

БИБЛИОТЕКА П. У. Р.

ТЕОРІЯ

ИСТОРИЧЕСКАГО

ПРОЦЕССА.

Очерни по философи и методологии истории.

3850

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

(Исправленное и значительно дополненное).

Московское Научное Издательство
имени Г. М. Марнъ при
Московскомъ Научномъ Институтѣ.

1919.

ИЗДАТЕЛЬСТВО П. У. Р.

ТЕОРІЯ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОЦЕССА.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. Необходимость философскаго обоснованія исторической науки. Спекулятивная и критическая философія.

I. Предметомъ нашего изученія будетъ не исторія, а *теорія историческаго процесса*. Для того, однако, чтобы опредѣлить, что такое теорія историческаго процесса, намъ необходимо съ самаго же начала установить отношеніе этой дисциплины къ самой исторической наукѣ, а потому приходится начать изложеніе съ опредѣленія исторіи, какъ науки. Въ настоящее время я могу дать только предварительное опредѣленіе исторіи, такъ какъ обоснованію и развитію этого опредѣленія будетъ посвящена значительная часть дальнѣйшаго изложенія.

По моему мнѣнію, подъ именемъ *исторіи* слѣдуетъ разумѣть науку, ставящую своей задачей *изученіе минувшихъ событій и состояній въ жизни людей, какъ социальныхъ существъ*. Приблизительно въ такихъ выраженіяхъ опредѣляетъ эту науку и одинъ изъ самыхъ серьезныхъ современныхъ авторитетовъ въ области философіи исторіи—проф. Грейфсвальдскаго университета *Эрнстъ Бернгеймъ*¹⁾. Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, во-первыхъ, что исторія изучаетъ не какіе-нибудь типическіе процессы, но *отдѣльные*

¹⁾ *Bernheim*. Lehrbuch der histor. Methode, изд. 3—4, стр. 6. *Его же*. Введеніе въ историческую науку, 26. Ср. гораздо болѣе широкое опредѣленіе у *Berr*. La synthèse en histoire (1911), 1: исторія есть изученіе чело-вѣческихъ дѣяній въ прошломъ.

событія и состоянія во всей ихъ конкретности; ея интересъ возбуждается не тѣмъ, что есть въ этихъ событіяхъ общаго съ какими-либо другими, но именно всѣми конкретными особенностями этихъ событій; отдѣльныя событія во всей ихъ конкретности никогда не повторяются,—и именно такія неповторяющіяся событія и составляютъ предметъ изученія исторіи. Во-вторыхъ, исторія посвящаетъ себя изученію *минушихъ событій и состояній*; не ея дѣло—оцѣнка событій современности или попытки заглянуть въ будущее; только то, что уже совершилось, представляетъ собой пригодный матеріалъ для строго научнаго историческаго изслѣдованія. Наконецъ, событія и состоянія, которыя изучаются историкомъ, представляютъ собою явленія въ жизни людей и притомъ такія явленія, въ которыхъ люди выступаютъ, какъ члены человѣческаго обществія, событія *соціального характера*; дѣятелями въ этихъ событіяхъ могутъ оказываться не однѣ только массы, но и отдѣльные люди, но самая дѣятельность этихъ людей должна стоять въ связи съ ихъ участіемъ въ жизни человѣческаго общества. Событія и состоянія, касающіяся единичныхъ лицъ и не представляющія соціального интереса, выходятъ тѣмъ самымъ изъ вѣдѣнія исторіи.

II. Совсѣмъ иное представляетъ изъ себя *теорія историческаго процесса*. Эта наука не есть дисциплина историческая. Она не имѣетъ дѣла съ конкретными неповторяющимися событіями и состояніями. Напротивъ, ея задача, какъ задача всякой теоріи, состоитъ въ построеніи извѣстныхъ общихъ ученій, въ установленіи абстрактныхъ положеній, примѣнимыхъ къ разнообразному матеріалу фактовъ. Теорія историческаго процесса имѣетъ своимъ предметомъ обоснованіе общихъ положеній, лежащихъ въ основѣ самой исторической науки, дающихъ руководящую нить при всякомъ историческомъ изслѣдованіи. Такимъ образомъ, теорію историческаго процесса мы смѣло можемъ причислить къ *философскимъ дисциплинамъ*, если только правильно будемъ понимать задачи философіи.

Основная задача теоріи историческаго процесса состоитъ въ томъ, чтобы дать историку философски-обоснованное, т.-е. критически провѣренное міровоззрѣніе. На почвѣ теоріи историческаго процесса историкъ долженъ установить тѣ

основныя предпосылки, изъ которыхъ онъ будетъ исходить при своей дальнѣйшей дѣятельности¹⁾.

Но въ этомъ пунктѣ мы уже наталкиваемся на одно принципиальное возраженіе, которое можетъ возбудить сомнѣніе въ правомѣрности самой изучаемой нами науки. Если задача теоріи историческаго процесса состоитъ въ томъ, чтобы установить „предпосылки“ историческаго изслѣдованія, то нужна ли вообще такая дисциплина? Вѣдь на историкѣ лежитъ обязанность изслѣдовать и передавать историческую истину по возможности объективно, не внося въ изложеніе никакихъ предвзятыхъ идей. Не является ли поэтому для него не только излишней, но и вредной такая дисциплина, какъ теорія историческаго процесса, назначеніе которой, по видимому, и сводится къ тому, чтобы внушать такія предвзятые идеи?

Возраженіе это, конечно, въ такой общей формѣ не можетъ быть признано основательнымъ. Дѣло въ томъ, что безъ всякаго міровоззрѣнія никакой историкъ обойтись не можетъ²⁾. Поэтому дѣло сводится только къ тому, какъ онъ будетъ его вырабатывать, явится ли это міровоззрѣніе результатомъ разнаго рода не приведенныхъ въ систему и разрозненныхъ переживаній, или же оно будетъ установлено путемъ критическаго изслѣдованія и размышленія. Задача теоріи историческаго процесса въ томъ и состоитъ, чтобы внести элементъ строгой, критической провѣрки въ міровоззрѣніе историка. Историкъ, не прошедшій этой школы, не будетъ избавленъ

1) Конечно, можно возразить, что слѣдуетъ различать двѣ науки: теорію историческаго процесса и теорію историческаго знанія: см. *Картевъ*, „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.), стр. 44. Но я думаю, что теорія историческаго процесса по самому своему понятію обнимаетъ обѣ задачи: она учитъ и тому, какъ историческій процессъ *происходитъ*, и тому, какъ онъ *познается*. На практикѣ же такое дѣленіе нежелательно: какъ изученіе, такъ и изложеніе обѣихъ этихъ областей пострадаютъ, если ихъ раздѣлять. Поэтому я считаю возможнымъ обѣ категоріи проблемъ покрывать именемъ теоріи историческаго процесса въ широкомъ смыслѣ этого выраженія или философіи исторіи.

2) Ср. очеркъ „Историческое міровоззрѣніе В. О. Ключевского“ въ *моей* книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1911 г.). Вообще обѣ историческомъ міровоззрѣніи крупныхъ историковъ (не философовъ), начиная съ эпохи Возрожденія, см. *Fueter*. Geschichte der neueren Historiographie (1911).

отъ „предпосылокъ“ въ своей работѣ; но только его предпосылки будутъ вытекать изъ произвольно создавагося у него міровоззрѣнія, не подвергнутого строгой систематической критикѣ и потому имѣющаго наивно догматическій характеръ ¹⁾).

III. Если подѣ *философией* вообще понимать дисциплину, которая имѣетъ своей задачей изслѣдовать предпосылки всякаго знанія и открыть общіе принципы научнаго міровоззрѣнія, то на основаніи всего изложеннаго мы уже можемъ сдѣлать выводъ, что теорія историческаго процесса есть дисциплина философская или, иными словами, что между теоріей историческаго процесса въ широкомъ смыслѣ слова и *философией исторіи* нѣтъ никакой разницы. По моему мнѣнію, эти выраженія могутъ употребляться, какъ синонимы.

Но, причисляя теорію историческаго процесса къ философскимъ дисциплинамъ, я долженъ еще разъ подчеркнуть, какъ я понимаю задачи самой философіи. Я имѣю въ виду *критическую философію*. Задача ея состоитъ не въ томъ, чтобы путемъ отвлеченныхъ умозрѣній создавать, независимо отъ данныхъ точной науки, спекулятивныя построения о смыслѣ мірозданія, которыя потомъ должны быть полагаемы въ основу самой науки, но, наоборотъ, въ томъ, чтобы помогать наукѣ разобратся въ своихъ задачахъ. Критическая философія должна отправляться отъ факта научнаго познанія и базироваться на данныхъ, добытыхъ научнымъ изслѣдованіемъ. При этомъ она ставитъ своей задачей выяснитъ самыя первоосновы научнаго знанія. Специальной проблемой философіи является, прежде всего, проблема *гносеологическая*, т.-е. вопросъ о самомъ познаніи, его предметѣ и его образованіи, и о границахъ эмпирическаго познанія; затѣмъ философія ставитъ себѣ цѣлью изслѣдовать тѣ *общіе принципы*, которые лежатъ въ основѣ уже добытаго знанія, попытаться свести ихъ въ систему и, въ случаѣ нужды,

¹⁾ Есть, конечно, и такіе историки, которые вообще не признаютъ въ исторической наукѣ никакихъ синтезовъ и объясненій, но всю работу историка сводятъ къ критическому констатированію фактовъ; однако, и эти историки безъ методологическихъ приемовъ и предпосылокъ обойтись не могутъ. Самое же направленіе этого рода есть, несомнѣнно, плодъ методологическаго недоразумѣнія. См. *Berr. La synthèse en histoire* (1911).

предложить свои гипотезы для восполненія пробѣловъ, оставаемыхъ наукой, но съ сознаниемъ предположительности такого рода дополненій. Философія, понимаемая такимъ образомъ, не только не содержитъ въ себѣ элементовъ, вредныхъ для науки, но, напротивъ, является необходимой предпосылкой научнаго изслѣдованія, помогаетъ наукѣ уяснить самое себя.

Тѣ задачи, которыя критическая философія выполняетъ вообще по отношенію къ наукѣ, философія исторіи выполняетъ спеціально въ отношеніи къ исторической наукѣ ¹⁾.

§ 2. Содержаніе теоріи историческаго процесса.

I. Согласно изложенному, намъ нетрудно теперь болѣе подробно намѣтить содержаніе курса теоріи историческаго процесса. Эта дисциплина должна насъ познакомить съ исторической наукой въ процессѣ ея возникновенія и затѣмъ съ основными принципами историческаго процесса, какъ они представляются съ точки зрѣнія уже сложившейся исторической науки въ ея современномъ состояніи.

Все это содержаніе можно уложить въ три отдѣла, на которые и будетъ распадаться нашъ курсъ. ¹⁾ Первый отдѣлъ будетъ посвященъ выясненію *мѣста исторіи среди другихъ наукъ и ея спеціальныхъ задачъ*. Здѣсь мы должны будемъ точнѣе опредѣлить тотъ предметъ, съ которымъ имѣетъ дѣло историческое изслѣдованіе, выяснитъ отношеніе исторіи къ другимъ научнымъ дисциплинамъ и мѣсто ея въ классификаціи наукъ, наконецъ, дать отвѣтъ на вопросъ о томъ, чѣмъ

¹⁾ Ср. *Бернгеймъ*. Философія исторіи, ея исторія и задачи, пер. А. Рождественскаго (1910 г.). Нѣсколько иначе, чѣмъ въ текстѣ, ставитъ задачи философіи исторіи *Wundt. Elemente der Völkerpsychologie* (1913), стр. 514—516. Онъ полагаетъ, что философія исторіи должна ставить себѣ гносеологическія задачи: раскрытіе цѣлей и цѣнностей человеческой исторіи; но для нея должна быть подготовлена почва наукой, которая съ чисто каузальной точки зрѣнія изучаетъ тотъ психическій механизмъ, которымъ создается исторія, тѣ средства, которыми оперируетъ историческій процессъ, т.-е. психологіей народовъ. — Я бы считалъ болѣе правильнымъ въ последнемъ случаѣ говорить о теоріи историческаго процесса въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ первомъ о метафизикѣ исторіи, а все вмѣстѣ объединять терминомъ „философія исторіи“.

собственно возбуждается интересъ человѣчества къ историческимъ проблемамъ, т.-е. на какіе запросы призвано давать отвѣтъ историческое познаніе. 2) Второй отдѣлъ будетъ имѣть своимъ предметомъ *руководяція понятія и принципы, лежащіе въ основѣ историческаго міровоззрѣнія*. Здѣсь мы будемъ имѣть дѣло съ общимъ ученіемъ объ историческомъ процессѣ, насколько оно можетъ быть установлено на основаніи данныхъ современнаго знанія. Въ значительной степени здѣсь придется ограничиться подведеніемъ итоговъ тѣмъ различнымъ научнымъ дисциплинамъ, съ которыми сопрягается историческое изслѣдованіе, поскольку эти дисциплины даютъ матеріалъ для общаго міровоззрѣнія историка. 3) Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ мы поставимъ спеціально вопросъ *о предѣлахъ эмпирическаго познанія въ области исторіи, о средствахъ и пріемахъ историческаго изслѣдованія*. Здѣсь мы должны дать окончательный отвѣтъ по вопросу о значеніи гипотетическихъ и метафизическихъ элементовъ въ современномъ историческомъ міровоззрѣніи. Мы выяснимъ, до какихъ предѣловъ можетъ идти историкъ въ точномъ изслѣдованіи и въ какой степени возможно для него отрѣшиться отъ субъективизма въ его работѣ и выводахъ.

II. Намѣченная программа имѣетъ, такимъ образомъ, преимущественно гносеологическое и методологическое содержаніе. Но именно поэтому она не вполне отвѣчаетъ тѣмъ представленіямъ, которыя обычно существуютъ о содержаніи философіи исторіи. Съ этимъ именемъ давно привыкли связывать представленіе о дисциплинѣ, посвящающей себя преимущественно общимъ спекуляціямъ на тему о *смыслѣ всемірной исторіи*, попыткамъ выяснить ту раціональную или ирраціональную схему, которая лежитъ въ основѣ всего историческаго процесса, уже пережитаго человѣчествомъ, и даже заглянуть на этомъ основаніи въ будущее. Такое содержаніе философія исторіи получала и до сихъ поръ обыкновенно получаетъ у философовъ. Ихъ интересуютъ, главнымъ образомъ, метафизическія проблемы, возникающія въ связи съ философскимъ изученіемъ историческаго матеріала. Но и нѣкоторые изъ современныхъ историковъ стоятъ на той же точкѣ зрѣнія. Такъ, по мнѣнію *Н. И. Карьева* ¹⁾, задачу

¹⁾ *Карьевъ*. Основные вопросы философіи исторіи (1897 г.), 1—19. См. также *Mehlis*. Lehrbuch der Geschichtsphilosophie 1915.

Философіи исторіи составляетъ изложеніе всемірной исторіи съ точки зрѣнія *прогресса*, который онъ понимаетъ въ смыслѣ постепеннаго нарастанія духовныхъ цѣнностей и увеличивающейся доступности ихъ наибольшему числу индивидовъ. Философскую теорію историческаго знанія и историческаго процесса *Карьевъ* подъ именемъ *исторіософіи* выдѣляетъ въ особую дисциплину. Съ такого рода построеніемъ я согласиться не могу. Я не отрицаю правомѣрности постановки метафизическихъ вопросовъ въ философіи исторіи. Я только-что указывалъ, что одну изъ задачъ всякой философіи составляютъ попытки продолжить развитіе принциповъ и гипотезъ, припѣняющихся въ точныхъ наукахъ, за предѣлы научнаго знанія для сведенія ихъ къ гипотетическому и метафизическому единству. Такой по существу метафизической проблемой въ области исторіи является, какъ я это постараюсь показать позже, проблема прогресса, а именно къ этой проблемѣ *Карьевъ* сводитъ философію исторіи. Но я полагаю, что разработка этой проблемы никоимъ образомъ *не должна быть отдѣляема отъ изслѣдованія гносеологическихъ и методологическихъ вопросовъ*, которое *Карьевъ* предлагаетъ сдѣлать предметомъ спеціальной науки—исторіософіи. При такомъ раздѣленіи, философіи исторіи въ смыслѣ *Карьева* грозитъ опасность превратиться въ догматическую дисциплину, гдѣ спекуляціи на тему о прогрессѣ въ исторіи будутъ производиться безъ достаточно критическаго фундамента ¹⁾.

Къ этому я долженъ добавить, что лично вообще не имѣю намѣренія заниматься построеніемъ метафизическихъ картинъ, хотя бы и на томъ критическомъ фундаментѣ, о которомъ я говорилъ, и съ тѣми оговорками, которыми должна сопровождаться всякая метафизическая работа. Я не ощущаю въ себѣ достаточнаго полета фантазіи для такого рода спекуляцій, значенія которыхъ не думаю отрицать, и считаю возможнымъ ограничиться чисто критической работой. Эта работа, во всякомъ случаѣ, является необходимой и для введенія въ исто-

¹⁾ Въ настоящее время *Н. И. Карьевъ*, Теорія историческаго знанія (1913 г.), стр. 48, предлагаетъ иное дѣленіе дисциплинъ; онъ различаетъ теорію историческаго знанія или исторіку и теорію историческаго процесса или исторіологію; послѣдняя обнимаетъ и вопросъ о прогрессѣ (стр. 52).

рическое изслѣдованіе, и для подготовленія исторической метафизики. Такимъ образомъ, прямо вопроса о смыслѣ историческаго процесса мы въ курсѣ ставить не будемъ, но постараемся, между прочимъ, выяснитъ степень правомѣрности этого вопроса съ точки зрѣнія точной науки.

III. Среди авторовъ, занимающихся вопросами философіи исторіи, есть и такіе, которые вообще не склонны признавать правомѣрность философіи исторіи, какъ самостоятельной дисциплины. Такъ, одинъ изъ видныхъ писателей въ этой области, — *Пауль Бартъ* — даже озаглавилъ свой трудъ: „Философія исторіи, какъ соціологія“. Именно съ соціологіей¹⁾ и притомъ съ той ея частью, которую принято называть соціальной динамикой, т. е. съ ученіемъ о развитіи человѣческихъ обществъ, чаще всего склонны отождествлять философію исторіи противники самостоятельнаго существованія этой дисциплины²⁾. Возникаетъ поэтому вопросъ, въ какомъ отношеніи находится философія исторіи или теорія историческаго процесса къ соціологіи?

Если понимать соціологію въ томъ широкомъ смыслѣ, который придавалъ этому термину основатель этой науки — *Огюсть Контъ*, то въ соціологію должны войти всѣ тѣ науки, которыя такъ или иначе имѣютъ дѣло съ человѣческимъ обществомъ. Въ такомъ случаѣ и самая исторія становится лишь составной частью соціологіи. Но если подъ соціологіей разумѣть науку, имѣющую своимъ специальнымъ предметомъ изученіе общихъ законовъ жизни и развитія человѣческихъ обществъ, то ея отграниченіе отъ философіи исторіи не вызоветъ большихъ затрудненій. Ясно, что съ данными соціологіи намъ придется имѣть дѣло во второмъ отдѣлѣ нашего курса, при изученіи основныхъ принциповъ историческаго процесса. Но и въ этомъ отдѣлѣ теорія историческаго процесса или философія исторіи не представляетъ собою простого пе-

¹⁾ О соціологіи см. статью „Предметъ и методъ соціологіи“ въ *моей* книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1911 г.). Ср. *Дюркгеймъ*. „Методъ соціологіи“ (1899 г.). О современномъ состояніи соціологіи см. *F. Squillace*. Die soziologische Theorien, deutsch von R. Eisler (1911). „Моя Соціологія“. Ч. I. „Историческій очеркъ ученій объ обществѣ“ (1917 г.), гл. V—XIII.

²⁾ Это дѣлаетъ, впрочемъ, и *Картевъ*. „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.), стр. 47. „Исторіологія“ (1915), стр. 27.

ресказа соціологическихъ выводовъ; напротивъ, задача философіи исторіи здѣсь прямо противоположна задачѣ соціологіи. Соціологія пользуется данными исторіи, этнографіи и другихъ наукъ, чтобы построить, по возможности, широкія обобщенія, вывести общіе законы жизни человѣческаго общества. Философія исторіи заимствуетъ у соціологіи эти обобщенія, чтобы съ ихъ помощью дать возможность исторіи объяснить, какъ появляется то многообразіе индивидуальныхъ событій и состояній, которое изучается исторіей. Такимъ образомъ, соціологія собираетъ историческія данныя для ихъ обобщенія; философія исторіи собираетъ соціологическія обобщенія, чтобы дать возможность историку объяснить историческіе факты. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отдѣлѣ философія исторіи тѣсно соприкасается съ соціологіей, представляетъ собой примѣненіе соціологіи къ запросамъ исторической науки. Что же касается остальныхъ отдѣловъ философіи исторіи, т. е. гносеологическихъ и методологическихъ проблемъ, связанныхъ съ чисто историческимъ изслѣдованіемъ, то совершенно очевидно, что онѣ не входятъ въ область специальной науки объ общихъ законахъ жизни социальныхъ группъ, а если и входятъ, то совершенно въ иной постановкѣ. То же самое приходится сказать и о метафизическихъ проблемахъ философіи исторіи; онѣ также не имѣютъ отношенія къ задачамъ соціологіи, какъ таковой.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Мѣсто исторіи въ системѣ научнаго знанія.

Глава I. Система наукъ.

§ 3. Наука ли исторія?

I. Обыкновенно задачей научнаго познанія считается *обобщеніе* всего того, что мы узнаемъ изъ опыта объ окружающемъ мірѣ. Экспериментъ и наблюденіе даютъ намъ безконечное разнообразіе впечатлѣній, не согласованныхъ между собою и на первый взглядъ нерѣдко противорѣчивыхъ, взаимно другъ друга исключаютъ. Задача науки состоитъ въ томъ, чтобъ привести все эти данныя въ логическую систему и создать изъ нихъ картину міра, легко обозримую и лишенную противорѣчій. Въ нашихъ непосредственныхъ переживаніяхъ нѣтъ повтореній; въ нихъ все индивидуально. Ни одинъ конкретный предметъ не составляетъ во всѣхъ своихъ частностяхъ точной копій другого, и даже воспріятія отъ одного и того же предмета, получаемыя въ разные моменты или разными лицами, не могутъ совпасть во всѣхъ подробностяхъ. Наука должна все это хаотическое разнообразіе свести въ рамки сравнительно немногихъ общихъ понятій и формулъ и привести эти понятія и формулы въ логическую связь между собою. Критеріемъ научной истины является поэтому согласованность нашихъ сужденій о мірѣ между собою въ соотвѣтствіи съ данными опыта. Идеаломъ законченнаго научнаго знанія міра была бы такая картина мірозданія, которая представила бы намъ міровой процессъ, какъ необходимое и въ то же время цѣлесообразное единство, какъ

потокъ явленій, совершающихся по строгимъ и неизмѣннымъ законамъ природы и идущихъ къ опредѣленной разумной цѣли. Такая картина уяснила бы человѣку его мѣсто и значеніе въ міровомъ процессѣ. Она не только удовлетворила бы нашей любознательности, но и дала бы возможность разрѣшить наиболѣе важную для человѣчества практическую проблему, проблему человѣческаго поведенія, составляющую предметъ специальнаго изслѣдованія этической науки ¹⁾.

II. Но если правилень такой взглядъ на науку и ея основныя задачи и идеалы,—а этотъ взглядъ, несомнѣнно, и общепризнанный и въ основѣ вѣрный,—то возникаетъ вопросъ: можно ли въ такомъ случаѣ считать исторію, какъ мы ее выше опредѣлили, за науку?

Въ самомъ дѣлѣ, мы сказали, что исторія есть наука, изучающая минувшія событія и состоянія въ жизни людей, какъ социальныхъ существъ. Такимъ образомъ, предметомъ историческаго изученія являются *отдѣльныя неповторяющіяся событія и состоянія* во всей ихъ конкретности со всеми особенностями. Исторія не ставитъ своею цѣлью никакихъ обобщеній, она не устанавливаетъ никакихъ общихъ формулъ. Между тѣмъ, какъ мы только-что убѣдились, именно въ такихъ обобщеніяхъ и состоитъ основная задача научнаго знанія.

Неудивительно поэтому, что и въ дѣйствительности раздавались и раздаются возраженія противъ признанія исторіи, какъ мы ее понимаемъ, за науку. Съ большою силою формулировалъ подобныя возраженія *Артуръ Шопенгауэръ*. У этого философа есть двоякаго рода аргументы противъ признанія исторіи наукой. Одинъ рядъ его соображеній стоитъ въ тѣсной связи съ его метафизической системой, различающей міръ, какъ волю и представленіе. Съ точки зрѣнія этой системы истинное существо міра составляетъ единая и неизмѣнная, вѣчно страдающая міровая воля; что же касается всѣхъ событій исторической жизни въ ихъ постоянномъ разнообразіи, то они составляютъ часть того *покрывала Майи*, которое скрываетъ отъ насъ истинную сущность вещей. Заниматься изученіемъ этихъ феноменовъ значитъ только

¹⁾ См. объ этомъ подробно статью: „Чего не можетъ намъ дать научное знаніе“ въ *моей* книгѣ—„Нравственная личность и общество“ (1911 г.).

уклоняться отъ познанія сущности міра. Общепессимистическій колоритъ шопенгауэровской философіи приводитъ автора къ заключенію, что никакого внутренняго смысла въ чело-вѣческой исторіи нѣтъ, что она только содержитъ въ себѣ иллюстраціи общечеловѣческой пошлости, повторяетъ все однѣ и тѣ же темы на различные лады (*eadem sed aliter*). Эти соображенія насъ мало интересуютъ въ настоящее время. Полемицировать съ ними приходится тѣмъ, кто ставитъ своей задачей изслѣдованіе метафизическихъ проблемъ философіи исторіи. Въ настоящее время не эти проблемы составляютъ предметъ нашего вниманія. Но есть у Шопенгауэра и иныя возраженія противъ исторіи, какъ науки. Онъ съ большою силою развиваетъ тѣ соображенія, которыя только-что были намѣчены. Такъ какъ исторія не ставитъ своей задачей обобщеній, то она, по приговору философа-пессимиста, есть только видъ знанія, дѣло памяти, но не наука. „Собственно классицирующія науки, каковы: зоологія, ботаника, также физика и химія, поскольку послѣднія сводятъ все неорганическіе процессы къ немногимъ основнымъ силамъ, говоритъ Шопенгауэръ, въ наибольшей степени проводятъ принципъ подчиненія; напротивъ, въ исторіи, въ сущности, нѣтъ никакого подчиненія, такъ какъ общее въ ней состоитъ въ обзорѣнн главныхъ періодовъ, изъ которыхъ, однако, отдѣльныя событія не могутъ быть выведены, и только по времени подчиняются имъ, а по понятію сочиняются; поэтому исторія, строго говоря, хотя и есть знаніе, но не есть наука“¹⁾. Въ подобныхъ отрасляхъ знанія, по мнѣнію Шопенгауэра, главную роль играетъ не сила сужденія, необходимая для правильнаго и точнаго перенесенія наглядно познаннаго въ область абстрактныхъ понятій, но память.

Эти соображенія затрогиваютъ самую суть дѣла въ той постановкѣ, которую мы придаемъ вопросу, и на нихъ необходимо отвѣтить. Настолько ли они вѣски, чтобы дать основаніе отказать исторіи въ имени науки? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ ознакомиться со всей *системой современнаго научнаго знанія*, выяснитъ себѣ, какое здѣсь мѣсто занимаетъ исторія, и тогда мы въ состояніи будемъ дать отчетъ, почему наука, имѣющая своей задачей

¹⁾ *Schopenhauer*. Die Welt als Wille und Vorstellung (Reclam), 1, 106.

обобщеніе знаній, въ то же время въ области, по крайней мѣрѣ, чело-вѣческой исторіи, не отказывается отъ спеціальнаго изученія отдѣльныхъ неповторяющихся событій и при такомъ изученіи все же не перестаетъ оставаться настоящей наукой?

§ 4. Классификація наукъ въ ея историческомъ развитіи.

1. Подъ именемъ *классификаціи* разумѣется совокупность раздѣлительныхъ сужденій, посредствомъ которыхъ какое-нибудь понятіе разлагается на рядъ частей, координированныхъ между собою и составляющихъ въ общей сложности разлагаемое понятіе. Въ качествѣ основанія дѣленія берется какой-нибудь измѣнчивый элементъ понятія. Чтобы классификація была логически правильной, этотъ элементъ долженъ присутствовать во всѣхъ членахъ раздѣляемаго понятія, такъ какъ иначе придется въ теченіе классификаціи оставить одно основаніе дѣленія и обратиться къ другому. Сверхъ того, въ качествѣ основанія долженъ быть выбранъ такой признакъ, измѣненіямъ котораго соответствуетъ измѣненіе важнѣйшихъ другихъ измѣнчивыхъ элементовъ подраздѣляемаго понятія, какъ какъ иначе основаніе дѣленія не будетъ отвѣчать существеннымъ признакамъ подраздѣляемаго понятія, природѣ изучаемаго предмета¹⁾.

Классификація наукъ ставитъ своей задачей раздѣленіе наукъ по ихъ существеннымъ признакамъ на отдѣльныя группы. Если эта классификація выполнена правильно, то на должна намъ давать точное представленіе о задачахъ каждой отдѣльной науки и о ея мѣстѣ въ общей системѣ чело-вѣческаго знанія. Конечно, наука, какъ логически пробрѣнное знаніе, по самому своему понятію требуетъ и правильной логической классификаціи. Только при ея наличности можемъ мы говорить о наукѣ, какъ о логически систематизированной совокупности знаній о мірѣ. Однако, незаконченность науки съ особой силой даетъ себя чувствовать именно въ этой области. До сихъ поръ не существуетъ такой классификаціи наукъ, которая бы могла считаться общепризнанной и даже господствующей. Происходятъ споры о самыхъ

¹⁾ Ср. *Wundt*. Logik³, II, 47 сл.

основныхъ принципахъ дѣленія наукъ. Это объясняется двоякаго рода причинами.

Во-первыхъ, въ процессѣ исторической эволюціи отдѣльныя научныя дисциплины выдѣлялись изъ общей массы научнаго знанія не въ какой-нибудь логической системѣ, но по самымъ различнымъ поводамъ. Выдѣленіе самостоятельной научной дисциплины вызывалось не только отличіями предмета ея изслѣдованія или примѣняемыхъ ею методовъ, но иногда просто тѣмъ, что данная отрасль знанія въ извѣстную эпоху подъ вліяніемъ переходящихъ условій привлекала къ себѣ особое вниманіе, или же даже тѣмъ, что особенно даровитый и энергичный изслѣдователь дѣлалъ изъ нея свою спеціальность. Такъ появлялись научныя дисциплины съ особыми названіями, но точнаго опредѣленія яснаго логическаго отграниченія отъ другихъ дисциплин онѣ не получали. Этимъ объясняется, напр., та путаница, которая въ наше время происходитъ между такими дисциплинами, какъ соціологія, коллективная психологія или психологія народовъ, этнологія, — всѣ эти науки получили разныя имена, но работаютъ одними и тѣми же методами над однимъ и тѣмъ же предметомъ, и провести между ними ясныя демаркаціонныя линіи не такъ-то легко ¹⁾. Задача правильной классификаціи наукъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы обнаружить, какіе логическіе критеріи лежатъ въ основѣ исторически сложившагося подраздѣленія наукъ и въ исправленіи этого подраздѣленія съ точки зрѣнія требований строгой логики.

Во-вторыхъ, процессъ раздѣленія наукъ далеко еще закончился. Научное знаніе постоянно прогрессируетъ, только ставя новыя проблемы уже существующимъ наукамъ, но и дѣлая предметомъ разработки новыя области опыта до сихъ поръ мало затронутыя научнымъ анализомъ. Классификація наукъ должна считаться и съ этимъ и, подвергнутой логической провѣркѣ всю систему знанія, должна обнаруживать его пробѣлы, указывать, какихъ дисциплинъ не хватаетъ для логической полноты системы, какія должны бы

¹⁾ См. Вундтъ. Проблемы психологіи народовъ (рус. пер. 1912 г. стр. 1 слл.).

вновь созданы и какія подлежатъ упраздненію въ качествѣ особыхъ самостоятельныхъ дисциплинъ.

Такимъ образомъ, классификація наукъ должна идти среднимъ путемъ. Она не должна ставить своей задачей созданіе совершенно новой систематики наукъ, которая ничего общаго не имѣла бы съ исторически сложившимся подраздѣленіемъ наукъ. Такая чисто новаторская классификація была бы осуждена на полный неуспѣхъ, такъ какъ невозможно сломать теоретическимъ разсужденіемъ прочно сложившіеся историческіе навыки. Да въ такой полной и коренной ломкѣ нѣтъ и особой нужды, такъ какъ и въ историческомъ процессѣ раздѣленія наукъ извѣстная логика существуетъ; исполнѣ ирраціональнымъ этотъ процессъ названъ быть не можетъ. Но, съ другой стороны, извѣстныя поправки въ историческую систему правильная классификація не можетъ не внести въ смыслѣ устраненія тѣхъ уклоненій отъ выдержанной логической системы, которыя создались дѣйствіемъ историческихъ случайностей. Наконецъ, правильная классификація должна указать взаимную зависимость наукъ другъ отъ друга, мѣсто ихъ въ общей системѣ научнаго знанія и наглядно обнаружить тѣ принципы, которые создались историческимъ ходомъ развитія наукъ и не всегда достаточно отчетливо формулировались, хотя оказывали опредѣленное дѣйствіе на самую практику научной жизни и изслѣдованія.

По моему мнѣнію, вопросъ о классификаціи наукъ не можетъ быть разрѣшенъ правильно иначе, какъ на почвѣ точнаго опредѣленія самаго понятія, подлежащаго распредѣленію, т.-е. понятія науки. Это понятіе можетъ быть получено только при помощи той науки, которая занимается вопросомъ о сущности и цѣнности человѣческаго познанія, т.-е. *теоріи познанія* или *гносеологіи*. Только этимъ путемъ можемъ мы разобраться въ томъ матеріалѣ, который подлежитъ научной обработкѣ, и въ тѣхъ приемахъ, которыми наука пользуется при этой обработкѣ. Уже при помощи этихъ знаній мы можемъ произвести логическій анализъ существующихъ научныхъ дисциплинъ и въ результатъ построить правильную классификацію. Тогда мы получимъ мотивированный отвѣтъ и на непосредственно интересующій насъ вопросъ о томъ, что такое исторія и какое мѣсто она занимаетъ въ системѣ научнаго знанія людей.

Но въ виду спорности и незаконченности вопроса о классификаціи наукъ небезполезно, прежде чѣмъ обратиться къ теоріи познанія и разбору вопроса по существу, бросить взглядъ на предлагавшіяся до сихъ поръ важнѣйшія классификаціи наукъ въ ихъ исторической послѣдовательности ¹⁾.

II. Въ *античной древности* наука еще не выдѣлилась изъ общей философіи, и потому классификація научнаго знанія сводится къ подраздѣленію философіи на отдѣлы. Къ сожалѣнію, два корифея античной философіи—Платонъ и Аристотель—не ставили себѣ прямо задачи выработать такое подраздѣленіе. Въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ только случайныя замѣчанія по этому поводу, содержаніе которыхъ притомъ не вполне совпадаетъ съ содержаніемъ ихъ сочиненій. Поэтому при возстановленіи той системы, которой они слѣдовали, приходится сообразоваться со всѣмъ содержаніемъ ихъ ученія, а также съ тѣми показаніями о сущности принятой ими системы, которыя мы находимъ у ихъ послѣдователей. Внимательное изученіе этого вопроса показало, что система Платона и система Аристотеля покоятся на одинаковыхъ по существу основаніяхъ, при чемъ Аристотель развиваетъ дальше и детальнѣе ту систему, которая заложена была Платономъ.

Въ основѣ дѣленія философіи, принятаго въ сочиненіяхъ Платона, лежитъ различеніе той духовной дѣятельности, продукты которой составляютъ предметъ изслѣдованія разныхъ ея отдѣловъ. Основнымъ знаніемъ является для Платона то, которое заключается въ чистыхъ понятіяхъ. Греки вообще больше всего цѣнятъ чистое знаніе; прикладная сторона науки мало ихъ интересуетъ; самая добродѣтель опредѣляется ими обыкновенно, какъ знаніе. Этимъ объясняется и взглядъ Платона на философію и ея дѣленіе. Тотъ отдѣлъ философіи, который содержитъ въ себѣ знаніе понятій, называется *диалектикой*. Вторую часть философіи образуетъ *физика*, предметъ которой составляютъ продукты чувственнаго опыта. Третьимъ отдѣломъ является *этика*, которая занимается продуктами человѣческаго хотѣнія и дѣятельности.

¹⁾ Ср. къ дальнѣйшему *Wundt*. Einleitung in die Philosophie, §§ 5—8. *Eisler*. Geschichte der Wissenschaften, 1906. *Пирсонъ*. Грамматика науки, гл. XII.

По мнѣнію *Аристотеля* также только то знаніе является совершеннымъ, которое вытекаетъ изъ понятій. Но Аристотель тѣснѣе сближаетъ понятія съ эмпирическимъ міромъ явленій и настаиваетъ на необходимости отъ сверхчувственной *формы* явленій постоянно спускаться къ чувственной *матеріи* вещей. Онъ вноситъ то осложненіе въ раздѣленіе философіи, что предлагаетъ различать въ ней три основныя части: *теоретическую* философію, которая имѣетъ дѣло съ чистымъ познаніемъ міра, *практическую* философію, которая занимается изученіемъ человѣческаго дѣйствования, и *поэтическую* философію, которая обращаетъ свое вниманіе на дѣятельность, создающую опредѣленные продукты. Теоретическая философія имѣетъ дѣло съ познаніемъ, практическая и поэтическая—съ дѣйствованіемъ, при чемъ первая занимается дѣйствованіемъ, какъ таковымъ, съ точки зрѣнія вызывающей его воли; вторая же имѣетъ въ виду продукты, создаваемые художественной способностью человѣческаго существа. Въ теоретической философіи Аристотель различаетъ *аналитику* или *логику*, *физику* и *метафизику*. Практическая философія распадается на *этику*, которая имѣетъ въ виду поведеніе отдѣльнаго человѣка, и *политику*, имѣющую дѣло съ государствомъ. Къ поэтической философіи относится *поэтика* и *риторика*. Таковы главныя подраздѣленія философіи у Аристотеля и его послѣдователей. Слѣдуетъ оговориться, что при запутанности вопроса въ источникахъ современные изслѣдователи далеко не согласны между собою въ передачѣ въ подробностяхъ этого Аристотелевскаго дѣленія философіи ¹⁾.

III. Классификація, ведущая свое начало отъ Аристотеля, держалась въ теченіе всѣхъ *среднихъ вѣковъ* и полагалась въ основу школьнаго обученія. Преподаваніе въ средневѣковыхъ школахъ ²⁾ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на „семи свободныхъ искусствахъ“; изъ нихъ три словесныя дис-

¹⁾ См. *Zeller*. Die Philosophie der Griechen, II 2, 176 слл.

²⁾ См. *Ziegler*. Geschichte der Pädagogik (3 изд.), стр. 17 слл. Вообще о состояніи науки въ эту эпоху см. *Эйкенъ*. Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія (1907 г.), стр. 523 слл. См. также мою „Соціологию“ (1917 г.), гл. II.

циплины—грамматика, риторика и діалектика или логика—составляли такъ называемое *trivium*, а четыре математическія—арифметика, геометрія, астрономія и теорія музыки—*quadrivium*. На этомъ общемъ фундаментѣ затѣмъ въ университетахъ воздвигалось преподаваніе специальныхъ дисциплинъ: теологіи, права и медицины. Вся наука проникнута была *схоластическимъ* духомъ. Истина считалась разъ навсегда данной въ Божественномъ откровеніи; задача философіи и науки состояла лишь въ томъ, чтобы рационализировать эту истину. Въ этомъ смыслѣ философія оказывалась лишь „служанкой богословія“, получающей свои задачи извнѣ; въ своей же собственной работѣ она была связана метсдомъ *Аристотеля*, логика и метафизика котораго были каноническими книгами для схоластиковъ. Изъ числа семи свободныхъ искусствъ сперва главное значеніе имѣла грамматика, но, по мѣрѣ развитія схоластической науки, на первый планъ выдвинулась и получила преобладающее значеніе діалектика. Экспериментъ и наблюденіе не играли никакой роли въ схоластической наукѣ; ея единственнымъ методомъ была діалектическая разработка, рационализированіе разъ навсегда данныхъ истинъ. Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что уже въ самой схоластикѣ постепенно намѣчалось направленіе, которое приходило къ сознанію невозможности такой задачи, констатировало расхожденіе данныхъ вѣры и выводовъ разума и проповѣдывало ученіе о такъ называемой двойной истинѣ, о томъ, что вѣрное въ теологіи можетъ быть ложнымъ въ философіи, и наоборотъ.

Но, по мѣрѣ развитія научнаго знанія, классификація, основанная на ученіи Аристотеля, оказывалась недостаточной. Въ нее не укладывались многія важныя научныя дисциплины. Общее понятіе физики, обнимающее собою не только естественныя науки, но и математику, было слишкомъ узкимъ, чтобы вмѣстить въ себя всю массу математическихъ и натуралистическихъ дисциплинъ, особенно послѣ того, какъ онѣ быстро стали развиваться съ эпохи Возрожденія. Съ другой стороны, въ классификаціи Аристотеля не нашли себѣ подобающаго мѣста исторія и филологія. Обнаруживалась потребность въ перестройкѣ заново всей системы. Эта задача въ началѣ XVII вѣка выполнена была Фрэнсисомъ Бэкономъ,

IV. *Бэконъ* исходитъ изъ положенія, что наука нужна людямъ для практическихъ цѣлей. Это показываетъ намъ, насколько его міровоззрѣніе отличается отъ античнаго; для него во времени вообще характерно такое выдвиганіе на первый планъ прикладной, практической цѣнности знанія. Чѣмъ больше знаетъ человѣкъ, учитъ Бэконъ, тѣмъ выше его могущество надъ окружающимъ міромъ. Знаніе и сила совпадаютъ. *Tantum possumus quantum scimus*. Въ своемъ планѣ возрожденія наукъ онъ хочетъ не только обзрѣть все существующее знаніе, но и указать на его пробѣлы. Поэтому Бэконъ въ своей классификаціи наукъ предлагаетъ не мало новыхъ дисциплинъ въ качествѣ *desiderata*. Нѣкоторыя изъ этихъ его указаній дѣйствительно были осуществлены.

Въ основу дѣленія наукъ Бэконъ кладетъ такъ же, какъ и Платонъ, различіе видовъ духовной дѣятельности, но онъ беретъ это различіе не съ объективной стороны, поскольку оно проявляется въ самомъ содержаніи знанія, а со стороны субъективной, т.-е. въ смыслѣ различія тѣхъ дѣятельностей духа, которыя проявляются при разработкѣ разныхъ научныхъ проблемъ. Съ этой точки зрѣнія для Бэкона отпадаетъ дѣленіе науки на теоретическія и практическія; всѣ науки оказываются плодомъ дѣятельности духовныхъ силъ, при помощи которыхъ мы представляемъ себѣ дѣйствительный міръ. Существуютъ, конечно, прикладныя науки, но онѣ строятся на теоретической основѣ, и каждая теоретическая наука является базой для соответствующей технической. Самая же классификація покоится на психологической основѣ. Мы познаемъ міръ при помощи *памяти, фантазій и разсудка*. Поэтому и науки распадаются на три основныя группы: *исторія*, въ основѣ которой лежитъ память, *поэзія*, въ основѣ которой лежитъ фантазія, *философія*, въ основѣ которой лежитъ разсудокъ. Далѣе, каждая изъ этихъ группъ раздѣляется на отдѣльныя науки, смотря по объектамъ знанія. Исторія дѣлится на исторію человѣка и исторію природы. Поэзія раздѣляется на эпическую, драматическую и аллегорически-дидактическую. Философія занимается изученіемъ Бога, человѣка и природы. Изъ изученія природы можно вывести существованіе Бога и опроверженіе атеизма. Въ этихъ предѣлахъ ученіе о Богѣ входитъ въ философію. Но, поскольку религія покоится на

откровениі, она составляет область отличную отъ науки. *Вѣра и знаніе* должны быть строго раздѣляемы. Надъ всѣми спеціальными отдѣлами философіи стоитъ наука, которую Бэконъ называетъ именемъ *philosophia prima*; задачей этой науки является изученіе тѣхъ аксіомъ и понятій, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ частей философіи, каковы понятія бытія и небытія, сходства и различія, аксіома равенства двухъ величинъ, которыя порознь равны третьей. По своей идеѣ эта „первая философія“ Бэкона аналогична современной теоріи познанія.

Классификація Бэкона легла въ основу подраздѣленія наукъ въ новое время; нѣкоторыя научныя дисциплины впервые были имъ выдвинуты, какъ, напримѣръ, исторія литературы и исторія философіи. *Д'Аламберъ* въ своемъ извѣстномъ введеніи къ великой французской энциклопедіи (1756 г.) только усовершенствовалъ эту классификацію ¹⁾. Такъ, онъ съ бѣльшей рѣзкостью провелъ различіе между поэзіей, какъ искусствомъ, и наукой, но для науки оставилъ двучленное дѣленіе на исторію и философію. Въ составъ естественныхъ наукъ онъ включилъ математику, не нашедшую себѣ должнаго мѣста въ системѣ Бэкона.

Тѣмъ не менѣе, классификація наукъ Бэкона ошибочна въ самой своей основѣ. Дѣло въ томъ, что неправильна мысль, будто бы въ созданіи различныхъ научныхъ дисциплинъ участвуютъ только отдѣльныя стороны интеллекта, такъ что исторія, напримѣръ, является исключительно дѣломъ памяти. Мы увидимъ, что точки зрѣнія нашего мышленія по отношенію къ опыту бываютъ различны, что существуетъ различіе между науками въ смыслѣ примѣняемыхъ ими методовъ, но нельзя это различіе сводить къ тому различію отдѣльныхъ духовныхъ способностей, къ которому сводилъ все дѣло Бэконъ. Сверхъ того, для классификаціи наукъ значеніе имѣетъ не только разница въ точкахъ зрѣнія на матеріаль опыт, но и въ характерѣ самого этого матеріала. Бэконъ, исходя изъ неправильнаго ученія о душевныхъ способностяхъ, создалъ классификацію, которая давала и въ частностяхъ неправильные выводы. Его масштабы приводили къ тому, что подѣ

¹⁾ Русскій переводъ статьи *Д'Аламбера* см. въ изданіи „Родоначалники позитивизма“, вып. I (1910 г.).

одной рубрикой соединялись неодинаковыя вещи; тогда какъ однородныя разъединялись его классификаціей. Такъ, соединялись исторія природы и исторія человѣчества, имѣющія на самомъ дѣлѣ мало общаго между собою.

V. Поэтому дѣлаются новыя попытки классификаціи наукъ. Изъ этихъ попытокъ сравнительно мало значенія имѣютъ системы *Бентама* (1829 г.) и *Ампера* (1834 г.), такъ какъ ихъ авторы чрезмѣрно увлекались новаторствомъ и введеніемъ совершенно новой терминологіи. Между тѣмъ въ основѣ этихъ классификацій лежала плодотворная мысль раздѣлить науки по различію изучаемыхъ ими объектовъ. Различались два большіе класса наукъ съ этой точки зрѣнія: *науки о природѣ* и *науки о духѣ*. Въ Германіи ту же мысль проводилъ *Гегель* (1817 г.).

Гораздо больше успѣха имѣла классификація основателя новѣйшей позитивной философіи *Огюста Конта* ¹⁾ (1830 г.). Контъ дѣлитъ всѣ науки прежде всего на *теоретическія* и *практическія*. Изъ знанія вытекаетъ предвидѣніе, изъ предвидѣнія—вліяніе. Но теоретическія науки, какъ лежащія въ основѣ практическихъ, являются предметомъ его преимущественнаго вниманія. „Хотя услуги, оказанныя промышленности научными теоріями, очень велики, хотя, по энергичному выраженію Бэкона, могущество пропорціонально знанію, мы не должны забывать,—говоритъ Контъ,—что науки имѣютъ прежде всего болѣе прямое и болѣе возвышенное значеніе: онѣ удовлетворяютъ основной потребности нашего ума познавать законы явленій“. Теоретическія науки въ свою очередь дѣлятся на два вида: науки *абстрактныя*, общія, которыя имѣютъ цѣлью открывать законы, управляющіе различными классами явленій, путемъ разсмотрѣнія всѣхъ возможныхъ случаевъ ихъ, и науки *конкретныя*, частныя, описательныя, которыя состоятъ изъ примѣненія этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существъ. Отношеніе наукъ абстрактныхъ къ конкретнымъ поясняется примѣрами: абстрактной наукой является общія физиологія по сравненію съ ботаникой и зоологіей, химія—по сравненію съ минералогіей. Абстрактныя науки суть *основныя*, и онѣ однѣ изучаются въ курсѣ позитивной фило-

¹⁾ См., главнымъ образомъ, его вступительныя лекціи къ „Курсу положительной философіи“.

софіи Конта.—Всякая наука, по мнѣнію Конта, можетъ быть изучаема двумя различными методами: *историческимъ и догматическимъ*. Первый методъ заключается въ послѣдовательномъ изложеніи знаній въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они дѣйствительно возникли, и въ усвоеніи ихъ тѣмъ же путемъ. Этотъ методъ долженъ примѣняться только вначалѣ, при изученіи вновь являющейся науки. По мѣрѣ прогресса наукъ онъ замѣняется вторымъ, состоящимъ въ томъ, что система идей излагается въ такой формѣ, въ какой она могла бы быть развита въ настоящее время однимъ человѣкомъ, который, ставъ на надлежащую точку зрѣнія и обладая надлежащими познаніями, занялся бы вновь постройкой цѣлой науки. Основныя науки располагаются Контомъ въ *линейномъ порядкѣ*, при чемъ впереди стоятъ тѣ науки, знаніе которыхъ необходимо для изученія послѣдующихъ. Начинается система съ науки, которая изучаетъ всѣ предметы, но въ немногихъ общихъ имъ всѣмъ признакахъ, и кончается наукой, которая охватываетъ немногіе предметы, но въ большомъ количествѣ признаковъ. Такъ получается пять основныхъ наукъ: *астрономія, физика, химія, физиологія и социальная физика, или социологія*, наука, Контомъ впервые создаваемая.—Всѣ науки и развивались исторически, по мнѣнію Конта, въ указанномъ порядкѣ. Наиболѣе поздняя изъ нихъ есть послѣдняя наука всего ряда: социологія. Каждая отрасль знанія, согласно основному закону Контовской философіи, проходитъ въ своемъ развитіи *три фазиса: теологическій*, когда явленія объясняются прямымъ и постояннымъ вліяніемъ сверхъестественныхъ дѣятелей; *метафизическій*, когда сверхъестественные дѣятели замѣняются отвлеченными сущностями, олицетворенными абстракціями, и *позитивный*, когда умъ человѣка признаетъ невозможность пріобрѣсти абсолютное знаніе, отказывается отъ изслѣдованія происхожденія и цѣли вселенной и сосредоточивается на изученіи неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сосуществованія явленій. Въ настоящее время главной задачей оказывается приведеніе въ научное состояніе социологіи. Тогда мы получимъ *позитивную философію*, которая преобразуетъ и воспитаніе людей и политику. Задача позитивной философіи состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ основныя принципы отдѣльныхъ наукъ и свести ихъ къ еще болѣе общимъ и основнымъ положеніямъ, сообразуясь при этомъ постоянно съ

основными правилами позитивнаго метода.—Контъ не признаетъ самостоятельнаго значенія за *психологіей*, отвергая возможность самонаблюденія и настаивая на объективномъ изученіи тѣлъ природы. Не видитъ онъ и особыхъ задачъ *философіи*. Позитивная философія исчерпывается системой положительныхъ наукъ. *Математика* оказывается въ построеніи Конта не столько составной частью философіи природы, сколько истинной основой всей этой философіи, такъ какъ служить могущественнѣйшимъ средствомъ при изслѣдованіи законовъ естественныхъ явленій. *Исторія* поглощена социологіей, а психологія сведена къ биологическимъ явленіямъ.

VI. *Гербертъ Спенсеръ*¹⁾ (1854 г.) приводитъ рядъ существенныхъ возраженій противъ классификаціи Конта. Прежде всего, онъ находитъ ни на чемъ не основанной мысль Конта о возможности линейнаго ряда наукъ. Исторія этой мысли не подтверждаетъ, такъ какъ науки создавались не въ этой послѣдовательности, но одновременно; „прогрессъ науки—двойной: онъ вмѣстѣ идетъ отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному; онъ въ одно и то же время аналитиченъ и синтетиченъ“. Мысль Конта о линейномъ расположеніи наукъ представляется Спенсеру метафизическимъ допущеніемъ. Далѣе Контъ повиненъ, по мнѣнію Спенсера, въ томъ, что онъ неправильно примѣняетъ понятія абстрактнаго и конкретнаго. Онъ употребляетъ слова „абстрактный“ и „общій“, какъ синонимы. Между тѣмъ эти слова означаютъ различныя понятія: „слово абстрактный означаетъ отвлеченіе, дѣлаемое изъ обстоятельствъ какихъ-либо частныхъ явленій; слово общій обозначаетъ проявленіе во многихъ случаяхъ“. Самъ Спенсеръ поэтому предлагаетъ иную классификацію наукъ. Онъ дѣлитъ ихъ на три группы, смотря по степени ихъ абстрактности. Первую группу составляютъ *науки абстрактныя*, которыя изслѣдуютъ только отношенія между явленіями, тѣ формы, въ которыхъ являются намъ вещи, не касаясь самыхъ вещей; сюда относятся логика и математика. Вторую группу составляютъ *науки абстрактно-конкретныя*, которыя изучаютъ уже самыя явленія, но въ отдѣльныхъ ихъ элементахъ, открываютъ законы тѣхъ силъ, которыя приводятъ въ совмѣстномъ дѣйствіи къ сложнымъ явленіямъ;

¹⁾ См. его Опыты, т. II, статьи: Генезисъ науки и Классификація наукъ.

сюда относятся такія науки, какъ: механика, физика, химія. Третью группу составляютъ науки конкретныя, которыя, изучаютъ явленія во всей ихъ сложности, какъ они синтезируются изъ взаимодействія этихъ отдѣльныхъ силъ; таковы: астрономія, геологія, біологія, психологія, социологія. Спенсеръ замѣчаетъ, что „три класса наукъ, указанные выше, не могутъ быть различаемы другъ отъ друга по степени ихъ общности. Всѣ они одинаково общи или, вѣрнѣе, всеобщы, если ихъ разсматривать, какъ группы... Въ каждой группѣ оказываются истины болѣе или менѣе общія“. „Три группы наукъ могутъ быть кратко опредѣлены, какъ: законы формъ, законы факторовъ и законы продуктовъ“. „Каждая изъ группъ распространяясь на всѣ явленія, содержитъ въ себѣ всеобщія истины“.

Такова классификація Спенсера. Конечно, возраженія Спенсера противъ Конта не лишены значенія¹⁾. Но это не освобождаетъ и классификацію Спенсера отъ существенныхъ недостатковъ. Абстрагированіе есть только одинъ изъ приемовъ, примѣняемыхъ наукой, но не единственный и не всегда наиболѣе существенный и характерный. Поэтому нельзя исчерпать всѣ существенныя различія между науками однимъ указаніемъ степени ихъ абстрактности. Спенсеръ, напримѣръ, совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе другого важнаго различія въ научныхъ точкахъ зрѣнія на опыты изученія общаго и индивидуальнаго, что не одно и то же съ противоположеніемъ абстрактнаго и конкретнаго въ смыслѣ придаваемомъ этимъ понятіямъ Спенсеромъ. Вѣдь самъ Спенсеръ указываетъ, что всѣ его науки, не выключая и конкретныхъ, занимаются изученіемъ общихъ явленій и элементовъ, устанавливающихъ истины, болѣе или менѣе общія. Вотъ почему на мой взглядъ, мы не находимъ въ классификаціи Спенсера мѣста для такой науки, какъ исторія. Далѣе Спенсеръ слишкомъ мало считаетъ съ различіемъ опыта по его содержанію. Онъ недостаточно внимательно отнесся къ противоположенію наукъ о природѣ и о духѣ. Его классификація находится подъ явно преувеличеннымъ знакомъ естествознанія въ тѣ

¹⁾ Защищаетъ Конта противъ Спенсера Милль. „Огюсть Контъ и позитивизмъ“ (рус. пер. 1906 г.). Къ Спенсеру примыкаетъ въ своей классификаціи, внося, впрочемъ, существенныя измѣненія, Пирсонъ. „Грамматика науки“.

номъ смыслѣ слова. Этимъ, думается мнѣ, объясняется и высказываемое имъ мнѣніе, будто всякая развитая наука сводится къ количественному предвидѣнію; тогда какъ предвидѣніе качественное есть признакъ неразвившагося знанія. Я убѣжденъ, что именно въ области психическихъ явленій никакая квантификація невозможна по самому существу этихъ явленій, и это обстоятельство далеко не является признакомъ неразвитости наукъ о духѣ (см. ниже, § 8).

Всѣ эти соображенія заставляютъ меня отдавать рѣшительное предпочтеніе такимъ классификаціямъ, которыя, помимо разницы между науками въ методахъ¹⁾, отмѣчаютъ разницу въ предметахъ изученія и вообще отдаютъ должное сложности подраздѣляемаго объекта—науки, вводя сразу нѣсколько критеріевъ классификаціи, взаимно перекрещивающихся. Такова классификація Вундта.

VII. Вильгельмъ Вундтъ²⁾ предлагаетъ классификацію двоякаго рода. Прежде всего онъ дѣлитъ науки на формальныя и реальныя, напоминая этимъ Спенсеровское различіе наукъ абстрактныхъ, только объ отношеніяхъ, и наукъ конкретныхъ и конкретно-абстрактныхъ, о явленіяхъ. Къ формальнымъ наукамъ принадлежитъ математика, какъ такая наука, которая совершенно отвлекается отъ содержанія, даннаго намъ въ опытѣ, и изслѣдуетъ только тотъ постоянный порядокъ, въ которомъ располагается это содержаніе. Отправляясь отъ порядка пространственно-временныхъ отношеній, господствующихъ въ нашемъ опытѣ, математика затѣмъ изу-

¹⁾ Къ этому разряду классификацій принадлежитъ также и предложенное Навиллемъ дѣленіе наукъ на три категоріи: 1) науки о необходимыхъ предѣлахъ и отношеніяхъ возможностей, или науки о законахъ, теорематическія; 2) науки о реализованныхъ возможностяхъ, или о фактахъ, историческія; 3) науки о возможностяхъ, реализация которыхъ была бы цѣнной, или науки объ идеальныхъ правилахъ дѣйствованія, каноническія. См. A. Naville. Nouvelle classification des sciences, 2 éd. 1901. Навилль, впрочемъ, приближаясь къ Вундту, признаетъ принципиальное различіе причинности механической и причинности психической, хотя отвергаетъ дѣленіе наукъ на науки о природѣ и о духѣ. См. Naville, op. cit., 90 слл. Еще въ 1851 г. Cournot. Essai sur les fondements de nos connaissances, т. XXII, предлагалъ дѣленіе наукъ, близкое къ классификаціи Навилля, на три серіи: 1) теоретическую, 2) космологическую и историческую, 3) техническую или практическую. См. о Курно мою „Социологію“, § 45.

²⁾ См. его Einleitung in die Philosophie, §§ 7 и 8. Logik³, II, 85—100.

часть формальныя отношенія независимо отъ ихъ примѣняемости въ опытѣ, т.-е. какъ простыя возможности¹⁾. Такъ она изслѣдуетъ пространство и измѣреній или такое, гдѣ кратчайшимъ разстоянiемъ являются не прямыя, а разнаго рода кривыя линiи. Всѣми этими свойствами математика отличается отъ *реальныхъ наукъ*, изучающихъ форму и содержаніе опыта. Эти науки дѣлятся на *науки о природѣ и науки о духѣ*, смотря по тому, подѣ какимъ угломъ зрѣнія онѣ анализируютъ содержаніе опыта. Вундтъ отмѣчаетъ весьма важное различіе въ характерѣ причинности міра физическаго и міра духовнаго, которое дѣлаетъ безусловно необходимымъ отграниченіе наукъ о духѣ отъ наукъ о природѣ (см. ниже § 8). Въ каждой изъ этихъ двухъ группъ Вундтъ въ своей очередь различаетъ уже съ иной точки зрѣнія троякаго рода дисциплины. 1) Науки *феноменологическія*, т.-е. такія, которыя изучаютъ *общіе* процессы природы и духа; таковы: физика, химія, біологія, психологія, психологія народовъ. 2) Науки *систематическія*, изучающія предметы природы и произведенія духа въ систематическомъ порядкѣ; таковы: ботаника, зоологія, филологія, юриспруденція. 3) Науки *генетическія*, которыя изучаютъ происхожденіе предметовъ природы и произведенія духа и представляютъ собою приложеніе наукъ о процессахъ къ наукамъ о предметахъ и продуктахъ; таковы: геологія, ученіе о происхожденіи животныхъ видовъ, исторія. Задача *философiи*, по Вундту, состоитъ въ томъ, чтобы: 1) выяснитъ законы и предѣлы *создающагося* познанія (*логика, теорія познанія, методологія*); 2) свести воедино принципы, лежащiе въ основѣ *уже созданныхъ* наукъ, и вывести наше міровоззрѣніе, для его объединенія, за предѣлы научно доказуемаго знанія (*ученіе о принципахъ*, или *метафизика*).

Главнымъ недостаткомъ классификаціи Вундта я считаю то обстоятельство, что и онъ не отмѣтилъ съ достаточной силой разницы между знаніемъ объ *общемъ* и знаніемъ объ *индивидуальномъ*, хотя ему было это сдѣлать нетрудно, такъ какъ его раздѣленіе наукъ на феноменологическія, систематическія и генетическія близко подходитъ къ этой проблемѣ. Въ наше время значеніе наукъ, изучающихъ единичное

¹⁾ Ср. статью *Габриловича* въ „Вопр. фил. и псих.“, № 119 (1913 г.) *Пско.* „Элементы философіи наукъ“ (рус. пер. 1916 г.), гл. IV.

индивидуальное, къ числу которыхъ относится именно исторія людей, особенно подчеркивается *Риккертомъ*. Будучи проведенъ Риккертомъ съ извѣстной односторонностью, этотъ принципъ далъ ему основаніе предлагать новое дѣленіе наукъ: на *науки о природѣ* (куда относятся и науки о духѣ) и *науки о культурѣ*, т.-е. на науки объ *общемъ* и о *единичномъ* (см. ниже, § 10)¹⁾.

¹⁾ Подробное развитіе моихъ собственныхъ представленій о классификаціи наукъ см. въ *моей* статьѣ „Классификація наукъ и мѣсто социологiи въ системѣ научнаго знанія“ въ „Вопр. фил. и псих.“, 1917, кн. 139.

Глава II. Очеркъ теоріи познанія.

§ 5. Предметъ теоріи познанія. Различныя направленія.

I. Всѣ вопросы, касающіеся классификаціи наукъ, могутъ быть удовлетворительно разрѣшены только на почвѣ попытки, особенно характерныя для новѣйшаго времени, освоить теорію познанія. Только этимъ путемъ можемъ мы выяснитъ себѣ, съ какими предметами приходится имѣть дѣло нашему познавательному процессу и какими приемами при ихъ разслѣдованіи пользоваться. Получивъ отъ теоріи познанія надлежащія указанія, мы будемъ въ состояніи дать себѣ отчетъ въ томъ, какія научныя дисциплины имѣютъ въ достаточной степени отграниченный отъ другихъ объектъ изслѣдованія, или же пользуются достаточно своеобразными приемами изслѣдованія для того, чтобы имѣть право на самостоятельное существованіе. Въ теоріи познанія мы получимъ надежный фундаментъ и для рѣшенія коренного вопроса о томъ, слѣдуетъ ли различать науки о природѣ отъ наукъ о духѣ, какъ это предлагаетъ, на примѣръ, Вундтъ, или же это дѣленіе должно быть отвергнуто, какъ недостаточно проникающее въ суть дѣла, и замѣнено какимъ-нибудь инымъ, въ родѣ предлагаемаго Риккертомъ дѣленія наукъ на науки о природѣ и науки о культурѣ.

Теорія познанія въ своемъ настоящемъ видѣ ведетъ начало отъ Кантовской философіи. Въ своихъ трехъ критикахъ Кантъ впервые вполне ясно и опредѣленно поставилъ для философіи въ качествѣ основной слѣдующую задачу: подвергнуть изслѣдованію источники и приемы нашего познанія для того, чтобы опредѣлить границы возможнаго для насъ точнаго знанія. Въ своей трансцендентальной философіи Кантъ не исчерпалъ всѣхъ вопросовъ, относящихся къ этой задачѣ и его рѣшенія не могутъ быть приняты безъ серьезныхъ

оговорокъ и поправокъ. Но за нимъ навсегда останется заслуга созданія и постановки на надлежащую почву основной для нашего времени философской дисциплины.

Теорія познанія, какъ видно уже изъ сказаннаго, имѣетъ своимъ предметомъ установленіе границъ доступнаго для насъ знанія, уясненіе его источниковъ и опредѣленіе присущей ему цѣнности. При разрѣшеніи этихъ вопросовъ ей приходится имѣть дѣло съ тѣмъ же матеріаломъ, надъ которымъ работаетъ и психологія, такъ какъ познавательный процессъ составляетъ часть психической жизни. Вопросы гносеологіи или теоріи познанія поэтому и не могутъ быть разрѣшаемы иначе, какъ психологически. Поэтому мы и не можемъ выйти здѣсь за предѣлы психологіи и получить представленіе о какомъ-либо иномъ знаніи, превышающемъ уровень знанія человѣческаго. Мы можемъ только мысленно допускать существованіе такого знанія, чтобы имѣть право на самостоятельное существованіе. Въ теоріи познанія мы получимъ надежную идею отгнать ограниченность доступнаго намъ, людямъ, представленія о такомъ сверхчеловѣческомъ знаніи. Такое значеніе и у Канта имѣетъ идея *интуитивнаго разума* — *intellectus archetypus*, — которою онъ пользуется, чтобы отгнать ограниченности и слабыя стороны нашего дискурсивнаго разума. Для интуитивнаго разума возможность совпадаетъ съ дѣйствительностью, такъ какъ его мышленіе есть въ то же время созерцаніе. Нашему же дискурсивному разуму приходится выдѣлять изъ интуитивнаго воззрѣнія подводить подъ понятія разсудка и

1) Ср. *Höffding*. „Der menschliche Gedanke“ (1911), стр. 278: „человѣкъ познается при посредствѣ міра, но всякое пониманіе міра опредѣлено человеческой природой; § 111. *Ribot*. „La logique des sentiments“, 29: „современное вторженіе психологіи въ логическіе трактаты, „психологизмъ“, какъ его называютъ чистые логики, поднимающіе протестъ, составляетъ борьбу къ реальности и къ жизни“.

потому для насъ возможное въ понятіи становится дѣйствительнымъ лишь послѣ своего подтвержденія въ воззрѣніи.

Въ происходящемъ въ наше время походѣ противъ психологизма въ гносеологіи есть, однако, и положительная сторона, поскольку въ немъ можно видѣть протестъ противъ отождествленія теоріи познанія съ чисто-психологическимъ изслѣдованіемъ природы нашихъ познавательныхъ процессовъ. Именно, хотя гносеологія должна непременно отправляться отъ психологическихъ данныхъ, но задачи ея совсѣмъ не тѣ, что задачи психологіи. Психологія изслѣдуетъ познавательные процессы исключительно со стороны ихъ фактическаго состава и происхожденія, не ставя вопросовъ о томъ, каково значеніе эти процессы имѣютъ для пониманія существующаго; для нея одинаковый интересъ представляетъ какъ то мышленіе, которое мы признаемъ правильнымъ, такъ и то, которое считается ошибочнымъ; какъ тѣ ощущенія, которымъ мы приписываемъ указаніе на извѣстную независящую отъ насъ реальность, такъ и тѣ, которыя мы считаемъ грезами несуществующемъ. Напротивъ, гносеологія ставитъ себѣ задачей разрѣшить вопросъ, *какую цѣнность имѣетъ наше познаніе, какъ средство для проникновенія въ реальное бытіе того міра, членами котораго мы являемся, и какимъ условіямъ долженъ удовлетворять познавательный процессъ, чтобы вести насъ къ этой цѣли*²⁾.

Такимъ образомъ, психологія является наукой по существу описательной. Она описываетъ, какъ происходятъ дѣйствительные процессы, не задаваясь вопросами о томъ, пригодны ли они на что-нибудь, ведутъ ли къ какой-нибудь цѣли. Гносеологія есть дисциплина оцѣночная, *нормативная*; ея главнымъ предметомъ является именно проблема о пригодности нашего знанія для уясненія сущаго, бытія. Отправляясь отъ психологическихъ данныхъ, гносеологія должна произвести въ нихъ извѣстный отборъ; изъ всѣхъ психологическихъ

1) Kant. Kr. 4. Ur. 349—350. Paulsen. Kant. 4, 160. Höffding. Gesch. d. neuer Phil., II, 52. Фалькенбергъ. „Ист. нов. фил.“, пер. Викторова. 31. Lask. „Fichtes Idealismus und die Geschichte“ (1902), 51 слл. По существу с. Р. Райтеръ „Скептицизмъ въ философіи“, т. I (1910 г.), 184 слл.: существуетъ только истина для кого-нибудь, а не истина въ себѣ; истинна въ себѣ есть логическое и психологическое чудовище.

2) Гёффдингъ. „Философія религіи“, 93.

возможныхъ путей движенія мысли и представленій она должна отобрать тѣ, которые являются дѣйствительно пригодными для указанной цѣли. Научно-цѣнное мышленіе оказывается только вырѣзкой изъ болѣе обширной области мышленія психологически дѣйствительнаго и возможнаго¹⁾.

Что касается такъ называемой *логики*, понимаемой въ смыслѣ науки о формальныхъ приемахъ правильнаго мышленія, то она, по моему мнѣнію, является лишь составной частью гносеологіи, или же дисциплиной, находящейся въ тѣсной зависимости отъ гносеологіи. Въ самомъ дѣлѣ, только отъ гносеологіи, логика можетъ получить указаніе на то, въ чемъ заключается критерій истиннаго знанія, и, только сообразуясь съ этимъ критеріемъ, можетъ она разрѣшить свою собственную задачу о приемахъ правильнаго, т.-е. ведущаго къ такому знанію, мышленія. Логика, оторванная отъ гносеологіи, лишается необходимой опоры; гносеологія же, не включающая въ себя логику, оказывается неполной. Поэтому правильно поступаютъ тѣ философы, которые соединяютъ логику и гносеологію въ своихъ трактатахъ по логикѣ (Вундтъ, Зигвартъ, Коппенъ).

II. Какъ я уже сказалъ, настоящимъ основателемъ теоріи познанія слѣдуетъ считать Канта. Это не значитъ, что въ новой философіи до Канта совсѣмъ не трактовались соответствующіе вопросы. Уже Бэконъ въ своей „первой философіи“ ставитъ проблему чисто гносеологическаго характера: объ аксіомахъ всѣхъ наукъ. Изслѣдованія въ томъ же направленіи продолжаютъ Локкъ, Беркли и Юмъ. Но эти представители эмпиризма не проводятъ еще рѣзкой и опредѣленной границы, которая бы отмежевывала теорію познанія отъ психологіи. Что же касается рационалистовъ, то нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Декартъ и Лейбницъ, прямо ставятъ гносеологическіе вопросы, заявляютъ, что нельзя философствовать, не поставивъ предварительно проблемы о природѣ и границахъ человѣческаго познанія; но они недостаточно далеко идутъ по этому пути и, отчасти въ противорѣчій съ собственными гносеологическими выводами, остаются при твердомъ догматическомъ убѣжденіи въ томъ, что знаніе наше непогрѣшимо и можетъ доходить до разрѣшенія самыхъ послѣднихъ

1) См. Ribot. La logique des sentiments, préface.

и основныхъ проблемъ, возникающихъ у мыслящаго чело-
вѣка. Определенно ставить гносеологическую проблему въ
трансцендентальной философіи, имъ впервые созданной,
Кантъ. Его труды полагаютъ начало наукѣ о границахъ и
цѣнности знанія, какъ вполне обособленной дисциплинѣ.
Съ тѣхъ поръ гносеологія стала основной философской дис-
циплиной. Кантъ яснѣе, чѣмъ всѣ его предшественники,
показалъ, что никакая метафизика невозможна иначе, какъ
на гносеологическихъ основахъ, такъ какъ возведенію мета-
физическихъ сооружений должно предшествовать критическое
исслѣдованіе о границахъ достовѣрнаго знанія. Поэтому отъ
Канта ведутъ свое начало и съ Кантомъ вынуждены счита-
ться всѣ направленія современной гносеологіи. Слѣдуетъ
замѣтить, однако, что и до сихъ поръ гносеологія остается
чуть ли не самой спорной философской дисциплиной. Едино-
гласія въ рѣшеніи ея вопросовъ не достигнуто и неизвѣстно,
когда оно будетъ достигнуто. Различается нѣсколько основ-
ныхъ направленій гносеологической мысли; но такъ какъ
эти основныя направленія могутъ у разныхъ мыслителей
вступать между собою въ различныя сочетанія и проводиться
ими съ неодинаковой степенью опредѣленности и рѣзкости,
то даже перечень этихъ направленій еще не даетъ предста-
вленія о той путаницѣ, съ которою мы встрѣчаемся въ этой
области въ настоящее время.

Я не имѣю возможности въ предѣлахъ своего сжатого
очерка входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ на-
правленій современной гносеологіи и по существу ограни-
чусь изложеніемъ только своихъ собственныхъ воззрѣній на
относящіеся сюда вопросы. Но я считаю необходимымъ этому
обоснованію собственныхъ мнѣній предпослать хотя бы самый
краткій обзоръ важнѣйшихъ направленій въ теоріи познанія,
чтобы можно было судить о степени спорности всѣхъ этихъ
вопросовъ. Споры происходятъ въ этой области по всѣмъ
пунктамъ; гносеологическія направленія опредѣляются раз-
личіемъ точекъ зрѣнія: 1) по вопросу о происхожденіи познанія
и его источникахъ; 2) по вопросу объ обязательности познанія,
3) по вопросу о предметѣ познанія¹⁾.

¹⁾ Ср. къ дальнѣйшему *Гюльпе*. „Введеніе въ философію,“ §§ 15—17.

1. *Происхожденіе познанія*. Въ основѣ нашего знанія
участвуютъ два элемента. Одинъ изъ нихъ, *опытъ* или *эмпи-
рический* элементъ, характеризуется тѣмъ, что онъ въ значи-
тельной своей части представляется какъ бы навязаннымъ,
даннымъ извнѣ; другой сводится, напротивъ, къ состоянію
активной дѣятельности, которая работаетъ надъ матеріаломъ
опыта, расчленяетъ его и приводитъ въ порядокъ; это—*мыш-
леніе*, или элементъ *раціональный*. Возникаетъ вопросъ о
соотношеніи этихъ элементовъ: являются ли оба эти фактора
равноцѣнными, или же одному изъ нихъ слѣдуетъ отдать
предпочтеніе? Смотря по характеру отвѣта на этотъ вопросъ,
различается нѣсколько гносеологическихъ направленій.—
Раціонализмъ отвѣчаетъ на поставленный вопросъ тѣмъ, что
рѣшительное предпочтеніе отдаетъ активному элементу мыш-
ленія. Только при помощи мышленія мы получаемъ знаніе,
необходимое и общеобязательное; то, что дано въ опытѣ, этими
войствами не обладаетъ: всякое опытное явленіе могло бы
быть и инымъ; тогда какъ всякое установленное мышленіемъ
положеніе не можетъ быть отвергнуто безъ нарушенія логи-
ческихъ законовъ; есть такія области знанія, которыя цѣликомъ
построены мышленіемъ: такова чистая математика.—*Эмпи-
ризмъ* утверждаетъ, напротивъ, что основой знанія является
опытъ. Только показанія опыта обладаютъ неопровержимой
достоверностью, т. е. только опытъ удостоверяетъ намъ дѣй-
ствительность представленія; тогда какъ мышленіе можетъ
обладать понятія о только возможномъ и, даже если оно не
подлежитъ контролю опыта, тѣмъ не менѣе выдавать эти
понятія за дѣйствительность. Всѣ наши понятія, даже самыя
сложныя, происходятъ отъ опыта; такъ какъ никакихъ
неожиданныхъ идей нѣтъ, то лишь опытъ служитъ источни-
комъ новыхъ знаній.—*Критицизмъ* выступаетъ въ роли
посредника между этими двумя крайними направленіями.
Онъ стремится отдать должное и опыту, и мышленію. И тотъ
и другой элементы одинаково необходимы для познанія. Ко-
нечно, нѣтъ вполне доказуемаго знанія дѣйствительности,
кроме того, которое засвидѣтельствовано опытомъ. Но, съ
другой стороны, въ самомъ опытѣ непремѣнно присутствуетъ
неразрывно съ нимъ связано мышленіе. Чистаго опыта, въ
оставъ котораго не входило бы мышленіе, на практикѣ быть
не можетъ. Если мы и говоримъ о такомъ опытѣ въ проти-

вположность мышленію, то мы оперируемъ съ чистѣйшею абстракціей, которую отнюдь не слѣдуетъ гипостазировать. Элементъ мышленія содержится въ каждой частицѣ нашего реального опыта: то, что мы называемъ воспріятіемъ отдѣльнаго предмета, есть уже въ то же время актъ мышленія, и только при посредствѣ мышленія можемъ мы выдѣлить изъ сплошной массы опыта то единство, которое называемъ затѣмъ отдѣльнымъ предметомъ. Въ нашемъ знаніи есть необходимыя присутствующіе рационалистическіе элементы, которые вносятъ опредѣленный порядокъ въ хаотическій матеріалъ опыта и дѣлаютъ его для насъ постижимымъ. Только эти элементы и придаютъ нашему знанію характеръ необходимаго. Они могутъ быть сами выведены изъ опыта, ибо ими опредѣляется самый опытъ, какъ нѣчто для насъ постижимое. Эти рационалистическіе, апріорные элементы составляютъ то, что Кантъ называлъ трансцендентальной основой знанія, и они не менее необходимы для знанія, чѣмъ матеріалъ опыта. Ими опредѣляется постоянная форма, которую этотъ матеріалъ получаетъ въ нашемъ знаніи.—Дѣло осложняется еще вопросомъ о томъ, составляютъ ли чувственный опытъ и логическое мышленіе о которыхъ до сихъ поръ велась рѣчь, единственные источники достовернаго знанія и не располагаютъ ли люди еще какими-нибудь источниками, кромѣ почерпаемаго изъ этихъ источниковъ. Такъ называемый *мистицизмъ* всегда стоялъ за наличность знанія иного порядка, почерпаемаго человекомъ путемъ внутренняго самоуглубленія. Со времени Канта мысль объ иномъ источникѣ знанія приняла форму утвержденія такъ называемаго примата практическаго разума надъ теоретическимъ; начали говорить о *моральномъ знаніи* и противополжности къ знанію, почерпаемому изъ чувственного опыта и логически доказуемому. Въ наше время возрождается интересъ къ вопросамъ *религіознаго опыта*, сопоставляемому съ опытомъ чувственнымъ (Джемсъ), и къ такъ называемой *интуиціи* (Бергсонъ)¹⁾. Однимъ словомъ, въ разныхъ формахъ ставится неустрашимый вопросъ о соотношеніи *вѣры* и знанія понимаемаго въ смыслѣ точной науки.

¹⁾ *Джемсъ*. Многообразіе религіознаго опыта (1910). *Bergson*,—*Evolution créatrice. Ego esse*. Introduction à la métaphysique (Revue de métaphysique de morale, 1903). Объ работѣ Бергсона имѣются въ русскомъ переводѣ (слѣдняя помѣщена въ книгѣ подъ заглавіемъ: „Время и свобода воли“ 1911).

2. *Обязательность познанія*. По этому вопросу мы встрѣчаемся съ аналогичными разногласіями.—*Догматизмъ* называется такое направленіе мысли, при которомъ невозможные вопросы ставятся на разрѣшеніе безъ достаточно глубокаго предварительнаго изслѣдованія основной проблемы о границахъ возможнаго познанія. При такомъ положеніи у мыслителя существуетъ увѣренность въ безграничности и полной достовѣрности знанія; на самомъ же дѣлѣ въ должной провѣрки смѣшиваются элементы опытнаго знанія и метафизическія или религіозныя представленія. Такой характеръ имѣетъ вся философія и наука до трудовъ Декарта, Локка, Юма и, особенно, Канта. Въ наше время догматизмъ замѣчается въ трудахъ тѣхъ ученыхъ спеціалистовъ, которые не считаютъ нужнымъ заниматься гносеологическими вопросами и потому не разграничиваютъ разныхъ происхожденію элементовъ своего міровоззрѣнія. Въ области философіи догматизмъ теперь встрѣчается только въ замаскированной формѣ, какъ результатъ недостаточно сильной гносеологической критики предпосылокъ.—Противоположную крайность составляетъ *скептицизмъ*, т.-е. такое направленіе, которое не знаетъ никакихъ границъ незнанія и сомнѣвается въ возможности достовернаго знанія вообще. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что абсолютный скептицизмъ, т.-е. такой, который все эти положенія выставляетъ, какъ истину, самъ себя опровергаетъ, такъ какъ подобный скептикъ, вопреки своему утвержденію, что никакой достоверной истинности нѣтъ, свой же скептицизмъ выдаетъ за истину и тѣмъ самымъ создаетъ во внутреннее противорѣчіе съ самимъ собой. Но скептицизмъ выступаетъ обыкновенно въ смягченной формѣ: онъ, какъ *релятивизмъ*, настаивающій на случайности знанія и на зависимости его отъ нашей несовершенной познавательной организаціи, или какъ *субъективизмъ*, который особенно опирается именно на послѣднее условіе: зависимость знанія отъ свойствъ познающаго субъекта. Въ этой формѣ со скептицизмомъ теоріи познанія приходится серьезно считаться, потому что, въ сущности, лежитъ въ основаніи всей теоріи познанія: и будь у насъ сомнѣній въ достовѣрности знанія, не родилось бы и науки о существѣ познанія и его цѣнности.—Смягченный скептицизмъ незамѣтно переходитъ въ *крити-*

цизмъ. Это направлѣніе въ его современной формѣ ¹⁾ доиспытываетъ наличность достовѣрнаго знанія, но только указываетъ ему опредѣленные границы. Оно настаиваетъ на разграниченіи метафизики и религіозной вѣры отъ точнаго научнаго знанія и отмѣчаетъ, что сама наука опирается на недоказуемыя предпосылки и для сведенія своихъ положеній къ единству нуждается въ гипотетическихъ дополненіяхъ. Допущеніемъ метафизики, какъ гипотетическаго дополненія къ научному знанію, критицизмъ отличается отъ родственнаго ему *позитивизма*, который проникнуть догматической вѣрой въ самоопредѣляющее значеніе эмпирической науки и не хочетъ ничего слышать о метафизической философіи, сознательно выходящей въ своихъ построеніяхъ за границы возможнаго опыта.

3. *Предметъ познанія*. Обычная точка зрѣнія человѣка неискупеннаго въ гносеологіи, есть *наивный реализмъ*, который остается въ убѣжденіи, что мы познаемъ предметъ существующіе независимо отъ нашего сознанія, и познаемъ ихъ такъ, какъ они существуютъ сами по себѣ. Въ философіи конечно, такого направленія быть не должно. Если мы философовъ нашего времени встрѣчаемся съ реализмомъ, то обыкновенно только въ формѣ критическаго, о которомъ рѣчь будетъ ниже.—Весьма распространенное въ наше время гносеологическое направленіе—*имманентизмъ*—настаиваетъ на томъ, что предметомъ нашего знанія являются только состоянія сознанія и что за предѣлами сознанія знаніе ни въ какой формѣ выходить не должно, хотя бы въ формѣ примышленія къ сознанію вещей, лежащихъ за предѣлами сознанія. Если бы подъ сознаніемъ при этомъ разумѣлось личное сознаніе, то ученіе это ничѣмъ не отличалось бы отъ *солипсизма*, т. е. отъ представленія, что реальность составлю я одинъ съ присущими мнѣ состояніями сознанія. Но имманентисты отводятъ отъ себя подозрѣнія въ солипсизмъ, указывая на то, что они имѣютъ въ виду не личное сознаніе, а сверхличное „сознаніе вообще“, и такимъ образомъ будто бы получаютъ опору для знанія вполнѣ объективнаго. Неяснымъ при этомъ остается вопросъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ

¹⁾ Считаю необходимымъ сдѣлать оговорку, что я не имѣю здѣсь въ виду ни Канта въ чистомъ его видѣ, ни то современное направленіе, которое присвоило себѣ имя „неокантіанства“, но употребляю слово „критицизмъ“ въ болѣе широкомъ значеніи.

сознаніемъ вообще“. Если понимать подъ этимъ именемъ особую реальность, тогда возникаетъ вопросъ, какъ она получается въ качествѣ основы нашего знанія—не предполагаетъ ли сознаніе вообще въ этомъ смыслѣ цѣлаго ряда предпосылокъ въ родѣ существованія другихъ людей, какъ носителей этого сознанія? Въ такомъ случаѣ необходимо еще установить эти предпосылки и нельзя дѣлать „сознаніе вообще“ отправной точкой всего гносеологическаго построенія. Если же понимать подъ сознаніемъ вообще не какую-либо реальность, но только идеальное состояніе нашего знанія, въ которомъ оно лишено было бы субъективныхъ и въ этомъ смыслѣ случайныхъ элементовъ, то тогда непонятно, какъ это лишь въ идеальномъ существующее сознаніе можетъ намъ что-либо гарантировать въ мірѣ реальностей и спасти насъ отъ опасности солипсизма (см. ниже, §§ 7 и 10).—То направленіе, которое именуется *феноменализмомъ*, основывается на признаніи вѣковой независимой отъ сознанія и въ этомъ смыслѣ трансцендентной реальности, которая познается нами въ своихъ проявленіяхъ въ сознаніи. Поэтому феноменалисты различаютъ бытіе, независимое отъ нашего сознанія,—*вещи въ самихъ себѣ*—отъ проявленій бытія въ сознаніи—*явленій* этихъ вещей; въ этомъ отношеніи состоитъ знаменитое Кантовское различіе міра *явленій*, *феноменовъ*, данныхъ въ нашемъ сознаніи въ видѣ эмпирическаго, воззрительнаго матеріала, отъ міра вещей въ себѣ, *ноуменовъ*, который не данъ намъ въ эмпирическомъ воззрѣніи, но можетъ быть нами только примышленъ въ понятіяхъ къ міру феноменовъ, какъ его реальное основаніе; этотъ послѣдній міръ есть для насъ міръ не воспринимаемый, но только умопостигаемый, интеллигибельный.—Отношеніе міра феноменовъ къ міру ноуменовъ можетъ быть мыслимо различно. Представители такъ называемаго *критическаго реализма* полагаютъ, что присущія людямъ формы воспріятія и мышленія находятся въ соотвѣтствіи съ природой вещей самихъ по себѣ, и потому утверждаютъ, что чѣмъ полнѣе становится наше знаніе, основанное на изученіи феноменовъ, тѣмъ ближе оно насъ подводитъ къ пониманію міра, какъ онъ есть самъ по себѣ, независимо отъ нашего сознанія.

Я лично раздѣляю именно эту послѣднюю точку зрѣнія критическаго реализма, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей котораго является въ наше время *Вильгельмъ*

Вундтъ. Въ дальнѣйшемъ я и постараюсь разъяснить и обосновать эту точку зрѣнія на познание.

§ 6. Соотношеніе мышленія и опыта.

I. Отправнымъ пунктомъ для теоріи познания является фактъ сознательныхъ переживаній, *наличность сознанія*¹⁾. Въ потокѣ сознательныхъ переживаній первоначально все представляется слитнымъ; въ сознаніи новорожденного ребенка нѣтъ еще различенія субъекта и объекта, міра внутренняго и внѣшняго; все это является результатомъ дальнѣйшаго анализа содержанія сознанія. Познание и состоитъ въ такомъ анализѣ. Но анализъ уже предполагаетъ извѣстное противоположеніе: нѣкоего пассивнаго матеріала, подлежащаго анализу, и нѣкоего активнаго начала, отъ котораго исходитъ самый анализъ. Такое противоположеніе дѣйствительно имѣется въ сознаніи и составляетъ его изначальный фактъ, не подлежащій дальнѣйшему обоснованію и выведенію, такъ какъ именно отъ него и исходитъ всякое обоснованіе и выведеніе. Мы разумѣемъ противоположность въ сознаніи двухъ элементовъ: *опыта и мышленія*. При этомъ самое противоположеніе это исходитъ отъ мышленія, активнаго элемента сознанія, которое противопоставляетъ себя своей активностью пассивному или рецентивному элементу—опыту.

Аналитическая работа мышленія надъ опытомъ сводится къ тому, что мышленіе расчленяетъ потокъ представленій, со-

¹⁾ Ср. къ этому *Герузалемъ*. „Учебникъ психологіи“ (рус. пер. съ 4 изд.), стр. 4. „Переживаніе душевныхъ явленій мы называемъ, вообще говоря, *сознаніемъ*. „У насъ есть сознаніе“ — значитъ не что иное, какъ: мы обладаемъ способностью переживать психическія явленія. „Мы сознаемъ что-либо“ — значитъ не что иное, какъ: мы, дѣйствительно, переживаемъ психическія явленія... Научная обработка психическихъ процессовъ приводитъ къ тому, что ихъ общій признакъ закрѣпляется въ одномъ понятіи и противопоставляется отдѣльнымъ переживаніямъ, какъ бы одно цѣлое. Это превращеніе сознанія въ одно самостоятельное цѣлое подсказывается намъ въ особенности тою тѣсною связью, которая господствуетъ между всѣми душевными переживаніями одного и того же индивидуума и которая называется обыкновенно *единствомъ сознанія*. Такимъ образомъ, сознаніе само какъ бы, дѣйствительно, выдѣляется на фонѣ своихъ состояній и содержаній въ видѣ нѣкотораго единства“.

вляющихъ опытъ, на отдѣльные элементы и въ то же время замѣчаетъ связь этихъ элементовъ между собою. Въ этомъ состоитъ *апперцепція* въ сознаніи, придающая опредѣленное направленіе дѣятельности сознанія¹⁾. Путемъ апперцепціи всякое содержаніе сознанія разлагается на элементы, при чемъ мышленіе всегда слѣдуетъ закону парнаго дѣленія. Въ этомъ заключается *дискурсивность мышленія*; мы все познаемъ только черезъ сравненіе и противопоставленіе и ничего не можемъ познать безотносительно. Всякое опредѣленіе состоитъ въ ограниченіи опредѣляемаго отъ чего-нибудь другого; безъ этого соотношенія съ чѣмъ-либо другимъ ничто нами уяснено быть не можетъ. Свѣтъ мы познаемъ, какъ антитезу тьмѣ, добро, какъ антитезу злу, свободу, какъ антитезу необходимости, каждый оттѣнокъ цвѣта намъ выясняется лишь въ сравненію съ другими оттѣнками. Мы не можемъ уяснить свойствъ чего-нибудь такого, что не допускало бы сравненій и сопоставленій, что ни отъ чего бы не зависѣло и ни съ чѣмъ не стояло бы въ соотношеніи. Намъ недоступно познание *абсолютное*, ибо мышленіе наше можетъ оперировать лишь при помощи сравненій и сопоставленій.

Работа мышленія надъ опытомъ, такимъ образомъ, имѣетъ аналитическій характеръ. Мышленіе выдѣляетъ въ слитномъ матеріалѣ опыта отдѣльные элементы, которые мы называемъ *понятіями*, и въ то же время констатируетъ существующую въ опытѣ связь понятій въ формѣ *сужденій*. И понятія, и сужденія составляютъ продукты такого расчлененія опыта работой мышленія. Поэтому нельзя сказать, что является логически первымъ: понятіе или сужденіе. Это — соотносительные продукты мышленія: понятія предполагаютъ наличие сужденій; сужденія невозможны безъ понятій²⁾. Сравнительная между собой отдѣльные комплексы, выдѣленные нами въ опытѣ (напр., отдѣльныя деревья), мы замѣчаемъ, что между этими комплексами есть сходныя черты. Пользуясь этими сходствами, мы совершаемъ операцію обобщенія, т.-е. создаемъ такія понятія, въ которыя входятъ лишь черты, отсутствующія многимъ сходнымъ между собой понятіямъ („дерево

¹⁾ См. *Wundt*. *Logik* 3, 1, 30 слл.

²⁾ См. *Feßföding*. *Философскія проблемы* (1904 г.), 11. *Höfding*. *Der menschliche Gedanke* (1911), 76 слл.

вообще“); объемъ этихъ понятій дѣлается шире, чѣмъ объемъ нашихъ непосредственныхъ представлений, такъ какъ под каждое изъ нихъ подходят многія представленія, но содержание ихъ суживается, такъ какъ въ немъ остаются только признаки, общіе многимъ представленіямъ. Такъ совершается важная операція *обобщенія*, вырабатываются *общія понятія* въ отличіе отъ индивидуальныхъ. Общимъ понятіямъ отвѣчаютъ и *общія сужденія*. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ весьма важное обстоятельство, что мышленію присуща склонность придавать своимъ продуктамъ—понятіямъ и сужденіямъ—по возможности *всеобщее* и *необходимое значеніе*: всякая связь понятій замѣченная въ опытѣ, имѣетъ тенденцію обратиться въ нашей мысли въ связь необходимую, повторенія которой мы склонны постоянно ожидать въ опытѣ. Наша мысль склонна къ обобщеніямъ и къ упрощенію дѣйствительности, такъ какъ вышколенному научному мышленію приходится принимать мѣры противъ слишкомъ поспѣшныхъ и неправомѣрныхъ обобщеній. Особую заслугу Канта составляетъ то обстоятельство, что онъ, въ своей полемикѣ съ Юмомъ, впервые открыто выдвинулъ эту тенденцію мышленія къ приданію своимъ продуктамъ характера всеобщности и необходимости; этимъ свойствомъ мышленія и полагается основа обобщающаго знанію.

Въ каждомъ понятіи апперцепція выдѣляетъ извѣстные элементы, наиболѣе остановившіе на себѣ вниманіе мысли, и эти господствующіе элементы, выдѣленные изъ всего богатства содержанія понятія, и даютъ характеристику понятію. Эти выдѣленные изъ понятія элементы могутъ быть далѣе комбинируемы между собою. Если путемъ этого комбинирования получаютъ въ мысли такія понятія, которыя не могутъ быть адекватно замѣщены никакимъ нагляднымъ представленіемъ, то они называются *абстрактными* понятіями, въ отличіе отъ *конкретныхъ*¹⁾. Такъ, вполне конкретнымъ понятіемъ будетъ понятіе „этого опредѣленнаго стола желтаго цвѣта“. Но, если я начинаю говорить о „желтизнѣ даннаго стола“, взятой въ качествѣ самостоятельнаго понятія, то

¹⁾ Ср. *Wundt. Logik* 3, I, 106. *Линнсъ. Основы логики*, § 251. *Meumann. Intelligenz und Wille*, 153 слл. *Schopenhauer. Die Welt als Wille* (Grisebach), 79 слл.

уже абстрагирую, такъ какъ въ опытѣ „желтизна“ самостоятельно не встрѣчается, но воспринимается только въ связи съ какимъ-нибудь предметомъ; еще абстрактнѣе будетъ понятіе „цвѣта вообще“, такъ какъ въ опытѣ „цвѣтъ вообще“ совсѣмъ не можетъ быть воспринятъ: мы воспринимаемъ только предметы, окрашенные въ разные опредѣленные цвѣта; „цвѣтъ вообще“ не можетъ быть наглядно представленъ никакимъ образомъ: мы всегда вынуждены будемъ представлять себѣ предметы, окрашенные въ разные цвѣта, но такія представленія не будутъ адекватными замѣстителями нашего абстрактнаго понятія цвѣта. Еще болѣе абстрактный характеръ получаетъ понятіе предмета вообще, свойства предмета или такія понятія, какъ отношеніе, законъ, истина, справедливость. При помощи словъ мы сравнительно легко оперируемъ и съ такими абстрактными понятіями, которымъ трудно подобрать какіе бы то ни было наглядные символы. Этимъ умѣніемъ оперировать съ абстракціями и восходить весьма высоко въ процессѣ абстрагирования челоѣческое мышленіе и отличается принципиально отъ мышленія животныхъ, среди которыхъ самыя высшія не идутъ въ процессѣ образованія понятій выше непосредственно ими воспринимаемой наглядной дѣйствительности (см. ниже, § 16, II). Наиболѣе абстрактными понятіями, которыя лежатъ въ основѣ всей систематической обработки опыта, являются такъ называемыя формы воззрѣнія и категоріи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Въ сужденіи выражается связь понятій, которой, какъ мы сказали, мысль всегда склонна придавать характеръ всеобщности. Процессъ сужденія расширяется *умозаключеніемъ*. Умозаключеніе состоитъ въ томъ, что изъ самостоятельныхъ сужденій при условіи, что они объединены какимъ-нибудь общимъ имъ понятіемъ, получается новое сужденіе. Процессъ умозаключенія основанъ на томъ, что если различныя сужденія поставлены во взаимное соотношеніе понятіями, которыя принадлежатъ имъ всѣмъ, то и отдѣльныя понятія такихъ сужденій должны стоять во взаимномъ соотношеніи, которое и выражается новымъ сужденіемъ. Главное значеніе въ процессѣ умозаключенія получаютъ посылки, ибо онѣ составляютъ самостоятельныя сужденія. Заключение же формулируетъ посредствомъ элиминаціи средняго понятія ту связь, которая уже заключается въ посылкахъ.

II. При всей этой работѣ мышленіе стремится привести къ *единству* матеріалъ опыта. Всѣ опытные сужденія должны быть настолько согласованы между собою, чтобы каждое изъ нихъ опиралось на предыдущее и чтобы между ними не было противорѣчій. Самое стремленіе къ единству присуще нашей мысли, и мы придаемъ единству такое значеніе, что считаемъ его критеріемъ научной истины. *Истиннымъ* мы считаемъ такое сужденіе, которое согласно съ данными опыта и не стоитъ въ противорѣчій съ остальными опытными сужденіями. Идеаломъ законченнаго знанія намъ представляется *логическое единство опыта*, и съ точки зрѣнія этого идеала мы производимъ научную оцѣнку сужденій, выдѣляемъ истину отъ заблужденія¹⁾.

Хотя такое стремленіе къ единству присуще мышленію по самой его природѣ, но нельзя сказать, чтобы мысль не встрѣчалась съ затрудненіями въ этомъ пути къ единству. Безконечное разнообразіе матеріала опыта, подлежащаго обработкѣ мысли, постоянно сбиваетъ мысль съ надлежащаго пути и заставляетъ ее путаться. Поэтому строго-научное мышленіе должно происходить по извѣстнымъ правиламъ, которыя формулируютъ собой тѣ изъ психологическихъ возможностей мышленія, коимъ должно быть отдаваемо предпочтеніе передъ всѣми остальными, если мы желаемъ достигнуть дѣйствительно логическаго единства опыта. Эти правила составляютъ поэтому *нормы правильного мышленія*, являются основными *логическими законами*. Когда эти законы нарушаются фактическимъ процессомъ мышленія, то происходитъ то, что называется логическими ошибками.

Мы можемъ указать три основныхъ логическихъ закона, или основныхъ нормъ правильного мышленія. 1. *Законъ тождества*. Въ этомъ законѣ выражается расчленяющая роль мышленія, которое изъ слитнаго матеріала опыта выбираетъ то, что въ немъ сходно и что несходно. Законъ тождества требуетъ, чтобы всякое понятіе, взятое въ одной и той же связи, мыслилось и прилагалось всегда одинаково, чтобы все согласное повсюду признавалось себѣ равнымъ. 2. *Законъ противорѣчія* и *исключеннаго третьяго*. Этотъ законъ требуетъ, чтобы все несходное было отдѣляемо и чтобы различающая

¹⁾ Ср. *Höffding*. *Der menschliche Gedanke* (1911), § 108.

дѣятельность мысли не приводила къ противорѣчивымъ признакамъ. Нельзя одному и тому же понятію приписывать предикаты, исключаютъ другъ друга. Утвержденіе и отрицаніе не должны быть совмѣщаемы. Одно понятіе можетъ стоять къ другому или въ утвердительномъ или въ отрицательномъ отношеніи, но нѣтъ такого третьяго отношенія, которое бы ихъ замѣняло. 3. *Законъ основанія*. Въ силу этого принципа между всѣми сужденіями должна быть очевидная логическая связь. Каждое послѣдующее сужденіе должно имѣть свое основаніе въ предыдущемъ, опираться на него; каждое предыдущее сужденіе должно насъ принуждать согласиться съ послѣдующимъ. Только при этомъ условіи наши сужденія могутъ быть приведены къ законченному единству и необходимой связности.

III. Выше уже было указано, что наиболѣе абстрактными понятіями, которыя лежатъ въ основѣ всей логической обработки опыта, являются такъ называемыя формы воззрѣнія и категоріи.

*Формами воззрѣнія*¹⁾ мы называемъ тотъ постоянный порядокъ, въ которомъ мы воспринимаемъ явленія, данныя въ опытѣ. Эти формы остаются неизмѣнными при всякой перемѣнѣ содержанія, такъ что внѣ ихъ невозможно никакое воззрѣніе. Онѣ отличаются характеромъ непрерывности. Такихъ формъ въ нашемъ опытѣ двѣ: *пространство и время*. Изъ нихъ время является болѣе общей формой, такъ какъ мы можемъ представить себѣ теченіе времени, не сопровождаемое никакими измѣненіями въ пространствѣ, но не можемъ представить себѣ пространственныхъ измѣненій иначе, какъ во времени. Изъ сочетанія пространства и времени получается понятіе *движенія*. Это понятіе и заставляетъ насъ придавать объективное значеніе времени: такъ называемый внѣшній міръ, о построеніи котораго еще придется говорить ниже, слагается изъ пространственно-временныхъ отношеній. Кантъ училъ, что пространство и время имѣютъ чисто априорное происхожденіе; они не навязаны намъ свойствами опыта, но, напротивъ, исходятъ исключительно изъ свойствъ познающаго интеллекта, который навязываетъ эти формы матеріалу опыта. Едва ли съ этимъ можно согласиться. Конеч-

¹⁾ *Wundt*. „*Logik*“, I, 468 слл. *Sigwart*. „*Logik*“, II, §§ 67 слл.

но, апіорныя элементы въ пространствѣ и времени имѣются. На нихъ указываетъ хотя бы прямолинейный и прямоугольный характеръ нашихъ пространственныхъ представлений. Этотъ характеръ не есть результатъ отвлеченія отъ данныхъ опыта, ибо въ объектахъ природы и чистыя прямыя линіи, и прямые углы встрѣчаются рѣдко. Напротивъ, такія линіи, и такіе углы преобладаютъ въ произведеніяхъ человѣческаго искусства. Но нельзя здѣсь все сводить къ апіорнымъ даннымъ. Въ томъ же пространствѣ, въ частности, есть такія свойства, которыя можно объяснить удовлетворительно только путемъ вывода ихъ изъ данныхъ опыта. Мы воспринимаемъ пространство *трехъ измѣреній* и не можемъ себѣ наглядно представить какое-либо иное пространство, располагающее большимъ числомъ измѣреній. Между тѣмъ мыслить такое пространство мы можемъ и даже мысленно—въ понятіяхъ, а не въ воззрѣніяхъ—опредѣлять свойства пространства и измѣреній. Если же наглядно существуетъ для насъ именно пространство трехъ измѣреній, то, очевидно, по той причинѣ, что такое пространство болѣе всего соотвѣтствуетъ даннымъ опыта. Если бы на дѣлѣ существовало въ мірѣ пространство не трехъ, а четырехъ измѣреній, то мы съ нашимъ пространствомъ трехъ измѣреній не могли бы уловить въ опытѣ ни малѣйшей связности, ибо всѣ предметы опыта постоянно исчезали бы въ четвертое измѣреніе, намъ недоступное, и затѣмъ внезапно изъ него вновь появлялись. Мы чувствовали бы себя, такъ, какъ чувствовали бы себя въ нашемъ мірѣ трехъ измѣреній существа, которыя могли бы воспринимать явленія только въ двухъ измѣреніяхъ, т.-е. не выходя за предѣлы плоскости: для этихъ существъ постоянно исчезали бы предметы, перемѣщающіеся въ третьемъ измѣреніи, т.-е. выходящіе за предѣлы данной плоскости. Для такихъ существъ были бы не познаваемы всѣ міры, расположенные въ третьемъ измѣреніи и выходящіе за предѣлы доступной имъ плоскости, и такихъ міровъ было бы безчисленное множество. Такое же безчисленное количество невѣдомыхъ для насъ міровъ заключалось бы и въ четвертомъ измѣреніи, если бы таковое существовало. Что же касается времени, то его тѣснѣйшая связь съ опытомъ не подлежитъ сомнѣнію. Мы не встрѣчаемся съ временемъ только въ чистыхъ построеніяхъ нашего мышленія, напр., въ математическихъ. Но вездѣ, гдѣ есть

опытъ безъ различія внутренняго и внѣшняго, тамъ есть и время съ его полной необратимостью. Время есть самый опытъ, взятый со стороны его измѣнчивости, и потому служитъ главнымъ критеріемъ для различенія реальнаго, даннаго намъ, отъ того, что нами только мыслится или воображается.

Такимъ образомъ, я полагаю, что пространство и время создаются у насъ, благодаря взаимодействию работы мысли и матеріала опыта и что въ ихъ свойствахъ отражаются не только свойства, присущія нашему мышленію, но и опыту.

Пространство и время по Канту суть формы нагляднаго воззрѣнія. Многія свойства пространства и времени не могутъ быть переданы въ понятіяхъ, но только наглядно восприняты. Таково, по Канту, напримѣръ, различіе праваго и лѣваго, верха и низа, передней и задней стороны¹⁾. Напротивъ, *категоріями* мы называемъ основныя формы самихъ понятій, т.-е. наиболѣе общія для насъ понятія, подъ которыми подводятся постоянно всѣ вообще понятія. Вслѣдъ за Кантомъ²⁾ мы различаемъ три основныя категоріи.

1. *Категорія предмета*. Предметами мы называемъ постоянныя связи элементовъ опыта, мыслимыя какъ единства. Единства бывають самыя различныя, смотря по характеру связи, которой элементы объединяются въ нашей мысли. Поэтому понятіе предмета отличается большой условностью. То, что мы мыслимъ единымъ предметомъ, можетъ быть другой разъ считаемо только за часть другого предмета, смотря по точкѣ зрѣнія³⁾. Иногда элементы опредѣляются въ нашей мысли въ одинъ предметъ единствомъ вещества: мы считаемъ связь элементовъ въ сходствѣ ихъ свойствъ металлъ, дерево, известь). Въ другихъ случаяхъ мы придаемъ значеніе единству формы, т.-е. принимаемъ во вниманіе характеръ взаимнаго соотношенія элементовъ. Иногда мы при построеніи предмета придаемъ значеніе каузальному элементу, т.-е. выводимъ связь элементовъ изъ разсмотрѣнія причинъ, создающихъ ихъ объединеніе. Иногда же предметъ

¹⁾ Иные взгляды на этотъ предметъ излагаются въ статьѣ Габриловича въ „Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 119 (1913 г.), стр. 473.

²⁾ Wundt., Logik³, I, 448 fgg. См. также Sigwart. „Logik³“, I, § 6. Ср. о категоріяхъ Eisler. Wörterbuch der Philosophischen Begriffe, s. v. Kategorie. Höffding. Der menschliche Gedanke (1911), 147 слл.

³⁾ См. къ послѣдующему Sigwart. „Logik³“, II, § 78.

объединяется въ нашей мысли телеологическимъ моментомъ, мы выдѣляемъ въ единство совокупность элементовъ, разбивая ихъ какъ средство для опредѣленной цѣли. Во всякомъ случаѣ, единство предмета всегда условно, ибо создано актомъ нашей мысли, расчленяющей матеріалъ опыта, все слитно, на такія обособленныя единства.

2. *Категорія свойства.* Свойствомъ предмета мы называемъ каждый отдѣльный элементъ, изъ которыхъ слагается предметное единство. Эти элементы могутъ мѣняться, а предметъ остается тѣмъ же самымъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, если остается то постоянство связи, которое заставляетъ насъ образовать данное единство. Между свойствами слѣдуетъ различать *качества и количества*. Различіе состоитъ въ томъ, что количество можетъ быть составлено изъ меньшій или однородныхъ количествъ. Качества же, хотя и различаются по степени интенсивности, но не могутъ быть такъ составлены, слагая качества разной интенсивности, никакъ нельзя считать качество болѣе сильной интенсивности. Физикъ Дюгеръ поясняетъ это такими примѣрами: изъ нѣсколькихъ кусочковъ розовой матеріи мы не получимъ ярко-краснаго цвѣта; изъ нѣсколькихъ посредственныхъ геометровъ, мы не сообразимъ изъ нихъ Архимеда. Каждая степень качества есть нѣчто гетерогенное по отношенію къ высшимъ и низшимъ степенямъ того же качества. Вотъ почему въ области качествъ и невозможны точныя измѣренія.

3. *Категорія состоянія.* Этимъ именемъ называется постоянная измѣнчивость элементовъ, составляющихъ предметъ, и ихъ устойчивость.

Основнымъ свойствомъ категорій является то обстоятельство, что онѣ могутъ быть *обращаемы* одна въ другую. Въ частности категорія свойства и состоянія могутъ быть математически обращаемы въ предметную форму. Состоянія „идеи“ или „мысли“ могутъ быть выражены предметными обозначеніями „хождение“ и „мышленіе“; свойство „красный“ можетъ быть выражено въ формѣ „краснота“. Это весьма важно для развитія абстрактнаго мышленія, такъ какъ необходимое для него сравненіе понятій возможно лишь при наличности понятій одной и той же категоріи, при чемъ легче всего мышленіе справляется съ категоріей предмета.

¹⁾ *Duhem.* „La théorie physique“ (1906 г.), стр. 177 слл.

Понятія находятся между собою въ *соотношеніяхъ*, опредѣляющихся логическимъ закономъ основанія. При этомъ они могутъ сохранять свою самостоятельность, или же, вступая въ сочетанія, образовывать новыя понятія. Такъ, на примѣръ, когда мы устанавливаемъ соотношеніе понятій: рыба, птица, леопитающее къ понятію „животное“, то всѣ эти понятія становятся самостоятельными; когда же мы устанавливаемъ комбинацію: „рыба въ водѣ“, то мы создаемъ изъ двухъ понятій новое, третье. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что соотношеніе никогда не можетъ перейти въ какую-либо изъ категорій и наоборотъ. Вотъ почему Вундтъ ¹⁾ не включаетъ соотношеніе въ составъ категорій, но предлагаетъ разсматривать его особо: между категоріями и отношеніями не существуетъ обратимости. По классификаціи *Сигварта* ²⁾, отношенія дѣлятся на: 1) извѣстныя уже намъ отношенія по времени и мѣсту (здѣсь и отношеніе цѣлаго къ частямъ); 2) отношенія логическія (различіе, сходство, тождество); 3) отношенія причинныя (воздѣйствіе одного предмета на другой); 4) отношенія модальныя (отношенія объекта къ воспринимающему, мыслящему, хотящему и оцѣнивающему субъекту).

Счисленіе ³⁾ получается тѣмъ путемъ, что мы дѣлаемъ предметомъ разсмотрѣнія самыя акты нашего мышленія, взятыя въ абстракціи, т.-е. независимо отъ ихъ содержанія. Единство есть абстракція единичнаго акта мысли. Сложеніе, вычитаніе—основныя операціи счисленія—суть абстракціи основныя формъ дискурсивнаго мышленія: соединенія и разложенія, анализа и синтеза.

IV. Исходя изъ всѣхъ этихъ положеній, мы можемъ опредѣлить, въ чемъ заключается существо такъ называемаго *научнаго метода*. Онъ состоитъ въ сложномъ сочетаніи всѣхъ этихъ основныхъ процессовъ логическаго познания.

Наука создается взаимодействіемъ мышленія и опыта. Опытныя данныя имѣютъ за собой непосредственную достовѣрность. Но, чтобы стать достояніемъ науки, они должны подвергнуться обработкѣ мысли, должны быть приведены къ

¹⁾ *Wundt.* Logik³, I, 115 слл.

²⁾ *Sigwart.* Logik³, I, § 6, 3.

³⁾ *Wundt.* Logik³, I, 150 слл. *Sigwart.* Logik³, II, § 66. *Höffding,* Der menschliche Gedanke, 207 слл.

логическому единству. Какъ уже было отмѣчено выше, мы считаемъ научной истиной только тѣ положенія, въ которыхъ данныя опыта приведены въ систему, не допускающую пробѣловъ и противорѣчій. Мы полагаемъ, что именно такое логическое единство опыта соответствуетъ объективному порядку природы; эта наша увѣренность поддерживаетъ насъ въ тѣмъ, что опытъ дѣйствительно допускаетъ такую логическую обработку. Хотя наукѣ и не удалось до сихъ поръ свести весь матеріалъ опыта къ логически обозримой системѣ, но мы вѣримъ, что, чѣмъ дальше она будетъ прогрессировать, тѣмъ меньше въ опытѣ будетъ оставаться элементовъ, которые не укладываются въ систему научныхъ сужденій, остаются необъясненными и въ этомъ смыслѣ случайными, иррациональными. Логически правильное мышленіе должно отвѣчать требованіямъ извѣстныхъ намъ основныхъ принциповъ закона тождества, противорѣчія и основанія. Работая надъ данными опыта и строя изъ нихъ картину міра, членами котораго мы являемся, мы склонны придавать этимъ логическимъ принципамъ онтологическое значеніе, т. е. мы рассматриваемъ весь міръ такъ, какъ-будто онъ проникнутъ тѣми же началами. Намъ кажется, что въ изучаемомъ нами мірѣ не можетъ быть логическихъ противорѣчій, и мы приступаемъ къ его изученію, руководясь именно такимъ убѣжденіемъ.

Такъ какъ, однако, матеріалъ опыта, которымъ располагаетъ наука въ каждый данный моментъ, не полонъ и сведеніе его къ логическому единству не закончено, то въ связи научныхъ положеній имѣются постоянно пробѣлы, нарушающія логическое единство научной системы. Для восполненія этихъ пробѣловъ приходится прибѣгать къ гипотезамъ, т. е. оперировать при объясненіи явленій съ предположительными построеніями, имѣющими цѣлью включить необъясненные еще окончательно наукой факты въ общій составъ научныхъ положеній. Гипотеза есть положеніе, созданное научной фантазіей

1) Конечно, фантазія, которая требуется при научной работѣ, не совсемъ то же самое, что требуется отъ художника. Художникъ работаетъ въ области образовъ; тогда какъ ученому приходится имѣть дѣло съ абстрактными идеями. Но извѣстное родство между тѣмъ и другимъ видомъ фантазіи все же имѣется. Это проявляется въ томъ, что фантазія ученаго можетъ быть болѣе или менѣе близко къ фантазіи художника, такъ что между ними и другой можно найти промежуточные степени. Это наблюденіе дало поводъ извѣстному физику Дюгему провести разграниченіе между двумя

примѣняющееся въ научной работѣ до тѣхъ поръ, пока оно или будетъ окончательно подтверждено данными опыта и, такимъ образомъ, обратится само въ научную истину, или же, напротивъ, окажется несогласнымъ съ фактами и будетъ отброшено. Такія рабочія гипотезы имѣютъ огромное значеніе во всѣхъ наукахъ, и нѣтъ такихъ научныхъ дисциплинъ, которыя могли бы обходиться безъ нихъ. Созданіе рабочихъ гипотезъ и провѣрка этихъ гипотезъ данными опыта составляетъ весь ходъ научнаго развитія. Не всякій ученый обладаетъ достаточнымъ творчествомъ для изобрѣтенія пригодныхъ гипотезъ, въ которыхъ какъ бы предвосхищаются дальнѣйшіе результаты научнаго изслѣдованія; поэтому-то недостаточно однихъ только серьезныхъ познаній въ наукѣ, чтобы быть продуктивнымъ ученымъ; требуется для этого еще особая творческая способность, граничащая съ даромъ художественнаго творчества ¹⁾.

видами научныхъ умовъ; одну категорію онъ характеризуетъ, какъ „умы такіе, но сильныя“, другіе—какъ „умы широкіе, но слабыя“. Къ этой классификаціи присоединяется *Абель Рей*, который считаетъ даже возможнымъ утверждать, что теоретическія разногласія въ физикѣ имѣютъ своимъ источникомъ эти двѣ особенныя формы воображенія. Каждый ученый, по его мнѣнію, тяготеетъ къ методу, лучше всего подходящему къ его умственному типу. Самое различіе умовъ ученыхъ *Абель Рей* резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „одни съ трудомъ представляютъ себѣ образы, но зато они легко двигаются въ сферѣ общихъ идей; у нихъ поэтому стремленіе абстрагировать, сводить все къ отвлеченнымъ понятіямъ и къ логическому сдѣленію... Другіе, наоборотъ, не могутъ представить себѣ отчетливо столь абстрактныя формулы; они должны всегда заимствовать у конкретной интуиціи образные элементы, напоминая имъ предметы такими, какими они ихъ воспринимаютъ; они не способны ни мыслить безъ образа, ни связывать идей, не ассоциируя между собой образовъ“. Дѣломъ первыхъ умовъ являются энергетическія теоріи въ физикѣ; дѣломъ вторыхъ—механистическія. См. *Duhem. La théorie physique* (1906), 86 сл. Статья *Рей* и *Мило* въ сборникѣ „Новыя идеи въ философіи“. № 2 (1912).—О значеніи фантазіи въ научной работѣ см. еще *Meumann, Intelligenz und Wille*, 149 слл., 169 слл. *Иерусалемъ*. Учебникъ психологіи, § 34. *Пирсонъ*. Грамматика науки, гл. I, § 11. Ср. также *Lacombe. Introduction à l'histoire littéraire* (1898), кн. II, гл. II. *Ribot. Essai sur l'imagination créatrice* (есть рус. пер.). *Paulhan. Psychologie de l'invention* (1911). *Вундтъ*. Фантазія какъ основа искусства (рус. пер. 1914 г.). *Colozza, l'immaginazione nella scienza* (1900). *Пэко*, Элементы философіи наукъ (1916).

1) Какъ отмѣчаетъ *Рей* въ цит. статьѣ, роль гипотезъ въ наукѣ совпадаетъ тѣмъ отчетливѣе, чѣмъ больше рупится рационалистическая увѣренность въ простотѣ и логичности бытія (см. ниже, § 7, III).

При созданіи и провѣркѣ научныхъ гипотезъ одинаково важное значеніе имѣетъ какъ тотъ методъ, который принято называть *индуктивнымъ*, такъ и тотъ, который называется *дедуктивнымъ*¹⁾. Индукція и дедукція выступаютъ въ науку обыкновенно рука объ руку и другъ другу помогаютъ. Научное значеніе *подводящаго силлогизма* состоитъ въ томъ, что при его помощи подъ гипотетическія общія посылки подводятся новые факты, т.-е. такіе, изъ которыхъ эти посылки не были выведены. Такимъ образомъ, и самыя посылки подвергаются провѣркѣ. Значеніе *индукціи* состоитъ въ томъ, что на основаніи подмѣченного въ опытѣ факта одновременнаго или послѣдствительнаго существованія явленій или же принадлежности различныхъ свойствъ одному и тому же объекту она создаетъ заключеніе, что между этими явленіями или свойствами должно быть правильное соотношеніе. Самый характеръ этого соотношенія устанавливается на первыхъ порахъ въ гипотетической формѣ. Дѣло въ томъ, что индукція никогда не бываетъ *полной*, ибо мы, обыкновенно, лишены возможности собрать всѣ однородные факты, а, если бы и собрали, то они относились бы только къ прошлому; между тѣмъ какъ заключеніе индукціи распространяется и на факты будущаго, которые въ опытѣ намъ еще не даны. Предположительное заключеніе, добытое индуктивнымъ путемъ, подвергается затѣмъ провѣркѣ съ помощью дедукціи, которая пытается подвести подъ это заключеніе такіе факты, которые не лежали въ основѣ самой индукціи. При этой дедуктивной провѣркѣ индуктивное заключеніе можетъ подтвердиться новыми фактами и выясняется самый характеръ того соотношенія явленій или свойствъ, которое предположительно намѣчено было въ индуктивномъ процессѣ. Индукція создаетъ, такимъ образомъ, общія посылки, провѣряемая затѣмъ дедукціей.

Сведеніе опыта къ логическому единству достигается путемъ проведенія по всему матеріалу опыта принципа *закономерности* или *причинности*. Всякое явленіе въ опытѣ должно имѣть свою причину, и наука состоитъ въ выясненіи тѣхъ причинныхъ связей, которыя имѣютъ мѣсто въ мірѣ опыта. Самый принципъ причинности есть не что иное, какъ призмѣненіе логическаго закона основанія къ матеріалу опыта.

¹⁾ См. къ послѣдующему *Wundt. Logik* 3, II, 20 слл.

привнесеніемъ въ опытъ этого закона логической мысли связи опыта, которыя сами по себѣ имѣютъ характеръ случайный, принимаютъ характеръ необходимости и обязательности. Задача науки состоитъ только въ томъ, чтобы избѣжать здѣсь слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній, къ которымъ склонна наша мысль, имѣющая тенденцію по возможности сводить къ общимъ и простымъ формуламъ. Такъ какъ опытъ воспринимается нами въ неизбѣжной воззрительной формѣ времени, то и принципъ причинности включаетъ въ себя этотъ элементъ времени, чѣмъ и отличается отъ логическаго закона основанія въ его чистомъ видѣ. *Причина* получаетъ характеръ событія во времени, которое происходитъ раньше другого событія — *слѣдствія*, съ которымъ оно связано причинной связью, или же имѣетъ мѣсто одновременно съ нимъ. Слѣдуетъ замѣтить, что понятіе причинности требуетъ такимъ образомъ, чтобы всякое событіе имѣло свою причину, но не требуетъ непременно, чтобы слѣдствіе цѣлится для насъ важнымъ при разсмотрѣніи въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія о различіи причинности физической и механической и психической (§ 8).

При изслѣдованіи очень сложныхъ процессовъ, какими обыкновенно оказываются процессы социальныя, часто бываетъ очень трудно опредѣлить, какое изъ несомнѣнно стоящихъ въ тѣсной и постоянной связи между собой явленій должно быть считаемо причиной и какое слѣдствіемъ. Такъ, современные экономисты указываютъ на то, что формула классической политической экономіи, по которой цѣна опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, не можетъ считаться верной, потому что не въ меньшей степени правильно и обратное положеніе, что спросъ опредѣляется цѣной. Въ такихъ случаяхъ приходится ограничиваться установленіемъ простого *функциональной зависимости* двухъ явленій, т.-е. констатированіемъ того, что измѣненіямъ одного явленія соответствуютъ измѣненія въ другомъ, и попытаться выяс-

¹⁾ Какъ указываетъ *Höffding. Der menschliche Gedanke*, §§ 87—92, это вытекаетъ уже изъ самого включенія въ причинность элемента *времени*: въ время всегда вноситъ съ собою въ событія, въ остальномъ сходныя съ нимъ, что новое, оно само по себѣ отличаетъ ихъ другъ отъ друга, какъ разновременныя.

нить правильный порядок этих сопутствующих друг другу изменений, если возможно, даже выразить его математической формулой, не вдаваясь въ определение того, где слѣдуетъ видѣть причину и гдѣ слѣдствие ¹⁾.

Эмпирическимъ закономъ въ наукѣ называется простое обобщеніе фактовъ. Такой характеръ имѣетъ, напримѣръ, статистическое наблюденіе, что на 100 дѣвочекъ рождается обыкновенно 106 мальчиковъ. Эмпирической законъ обращается въ *каузальный*, когда въ такое обобщеніе вносится принципъ причинности въ той его специализированной формѣ, которая требуется обстоятельствами даннаго случая. Такъ, эмпирическіе законы Кеплера, согласно которымъ планеты движутся по эллипсамъ, обращены были Ньютономъ въ каузальные путемъ введенія понятія о силѣ тяготѣніи исходящей отъ солнца и дѣйствующей обратно пропорционально квадратамъ разстоянія ²⁾. Всѣ подобныя „силы“ приводятъ въ естествознаніи къ единству понятіемъ *субстанціи*, какъ общаго носителя силъ (ср. о понятіяхъ субстанціи и матеріи ниже, § 7, I; § 9, I; § 23, II). Такъ какъ причинныя объясненія привносятся въ эмпирическія обобщенія мышленіемъ, то они носятъ гипотетическій характеръ и всегда нуждаются въ дальнѣйшей дедуктивной провѣркѣ новыми фактами и соображеніями.

Иногда въ научномъ изслѣдованіи приходится перемѣнчивать причинные ряды и разсматривать ихъ въ обратномъ порядкѣ, т. е. не отправляясь отъ причинъ къ слѣдствіямъ, но, наоборотъ, восходя отъ интересующихъ насъ слѣдствій къ вызвавшимъ ихъ причинамъ. При такомъ разсмотрѣніи интересующее ученаго слѣдствие часто принимается за характеръ *цѣли*, для которой совершается изучаемый процессъ, а породившія его причины—*средствъ*, необходимыхъ для достиженія этой цѣли. Какъ указалъ еще Кантъ во второй части своей „Критики способности сужденія“, къ этому приему вынуждено прибѣгать естествознаніе при изученіи живыхъ организмовъ. Здѣсь явленіе *жизни*, привлекающее къ себѣ вниманіе изслѣдователя, фигурируетъ въ видѣ той цѣли, ради которой существуетъ весь живой организмъ.

¹⁾ См. III. Жидъ. „Исторія экономическихъ ученій“ (рус. пер. 1915 г.).

²⁾ Wundt. „Logik“ 3^a, II, 28.

отъ же Кантъ предостерегаетъ ученыхъ отъ злоупотребленія этой *телеологіей* въ научныхъ работахъ. Наука должна пользоваться такимъ разсмотрѣніемъ съ точки зрѣнія цѣлесообразности, только какъ методологическимъ приемомъ. Но она никоимъ образомъ не должна гипостазировать эти цѣли въ особыя сущности съ тѣмъ, чтобы дѣйствіемъ этихъ сущностей замѣнять каузальное изслѣдованіе и объясненіе явленій природы. Не будетъ стоять на научной почвѣ тотъ биологъ, который вздумаетъ объяснять явленія жизни „цѣлями природы“, какъ и тотъ историкъ, который для объясненія историческихъ процессовъ прибѣгаетъ къ „цѣлямъ Провидѣнія“. Телеологическое разсмотрѣніе въ наукѣ есть только особый методологическій приемъ, при помощи котораго иногда удобнѣе изслѣдовать причинную связь въ обратномъ порядкѣ, но не есть введеніе въ науку какого-либо иного способа объясненія явленій, кромѣ причиннаго. Наука всегда должна оставаться каузальной, и цѣлевой моментъ въ ней имѣетъ значеніе лишь особаго методологическаго приема. Только въ одной области телеологія получаетъ объективное значеніе: тамъ, гдѣ предметомъ разсмотрѣнія являются психическія данныя, въ особенности же *человѣческія дѣйствія*; при разсмотрѣніи людскихъ поступковъ въ составъ причинной цѣпи неизбѣжно должны быть включаемы тѣ цѣли, которыя ставили себѣ люди при совершеніи этихъ дѣйствій. Эти цѣли здѣсь участвуютъ въ самомъ причинномъ ряду, какъ одинъ изъ элементовъ изучаемаго причиннаго процесса. Употребленіе принципа цѣли въ наукѣ, нарушающее эти границы, привело бы къ сліянью науки съ метафизикой. Метафизика, какъ мы увидимъ, безъ телеологіи обойтись не можетъ, но это обстоятельство и заставляетъ ее уступать наукѣ въ точности и доказательности.

Въ чемъ же, спрашивается, заключается опасность, сопряженная съ примѣненіемъ телеологическаго метода и заставляющая предостерегать отъ злоупотребленія имъ въ наукѣ? Эта опасность состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что причины уже даны намъ въ прошломъ и потому сравнительно легко обозримы, тогда какъ цѣли часто лежатъ только въ будущемъ и потому гадательны; во-вторыхъ, въ томъ, что понятіе цѣли слишкомъ приближаетъ насъ именно къ области сознательныхъ *человѣческихъ дѣйствій*. Ученый, который начинаетъ рассу-

ждать о цѣляхъ природы, неизбежно представляетъ себя эту природу, какъ какое-то сознательное существо, которое къ чему-то стремится, выбираетъ средства и рассуждаетъ подобіе человѣка. Такое представленіе о природѣ, несомнѣнно метафизично и антропоморфично. Напротивъ, понятіемъ природы можно оперировать несравненно увѣреннѣе, такъ какъ оно не включаетъ въ себя въ такой степени антропоморфичныхъ элементовъ ¹⁾.

V. Заканчивая этотъ отдѣлъ, мы еще разъ повторимъ, что наука создается взаимодействіемъ опыта и мышленія. Националистическая система. Вѣдь и Когенъ, и Наторпъ мышленіе безъ опыта, ни опытъ внѣ условій мышленія невозможны. Такъ называемые „чистый опытъ“ и „чистое мышленіе“ въ дѣйствительности невозможны, и съ ними мы оперируемъ, лишь оставаясь въ предѣлахъ абстракціи. Принятая нами точка зрѣнія можетъ быть названа *эмпирически критическимъ критицизмомъ* (Вундтъ) ²⁾.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и тѣ философы, которые наше время являются представителями раціонализма, каковы напримѣръ, Когенъ, опубликовавшій „*Логику чистаго познания*“, Наторпъ и др. представители такъ называемой Марбургской школы, вынуждены признать извѣстную роль за ощущеніями и воспріятіемъ. Такъ, Когенъ говоритъ, что „ощущеніе есть не что иное, какъ знакъ вопроса“ ³⁾, или, что „ощущеніе означаетъ темное стремленіе: куда оно направлено, это можетъ освѣтить только мышленіе; мышленіе только даетъ этому стремленію направленіе къ цѣли“ ⁴⁾. У Наторпа читаемъ: „воспріятіе во всякомъ случаѣ только даетъ отвѣтъ на вопросы, которые познаніе сперва поставило и какъ бы напередъ формулировало въ своихъ собственныхъ понятіяхъ“ ⁵⁾. Какъ бы то ни было, ощущеніе и воспріятіе имѣютъ значеніе въ глазахъ этихъ философовъ, хотя они неодинаково формулируютъ ихъ отношеніе къ мышленію. Я склоненъ думать, что это отношеніе и на самомъ дѣлѣ бываетъ различно: иногда

¹⁾ Ср. къ изложенному *L. Stein*. „*Der Sinn des Daseins*“ (1904), 42—62. *Eisler*. „*Der Zweck. Seine Bedeutung für Natur und Geist*“ (1914).

²⁾ Ср. хорошее изложеніе этой точки зрѣнія у *P. Рихтера*. „*Скептицизмъ въ философіи*“, т. I (1910 г.), 221—243.

³⁾ *Cohen*. „*Logik der reinen Erkenntniss*“ 1^a, 389.

⁴⁾ Тамъ же, 404.

⁵⁾ *Natorp*. „*Socialpädagogik*“ 2^a, 27.

работа мышленія вскрываетъ новыя проблемы, которыя разрѣшаются данными опыта; иногда же, наоборотъ, опытъ выдвигаетъ непонятныя явленія, которыя должны быть приведены въ связь съ общими принципами знанія ¹⁾. Если такъ, то, очевидно, что, излагая систему міровоззрѣнія, ведущаго на согласіе съ наукой, нельзя давать одни только дедукціи мысли, опуская данныя опыта, т.-е. одни отвѣты, или одни вопросы съ опущеніемъ вопросовъ, а къ этому свелась бы всякая исключительно рационалистическая система. Вѣдь и Когенъ, и Наторпъ знаютъ, каждый по своему, что и опытъ принимаетъ процессъ научнаго познания. Если мы, излагая систему познания, ограничимся лишь отвѣтами, опуская вызвавшіе ихъ вопросы, то не будетъ никакой возможности провѣрить, только вопросы покрываются отвѣтами и какова связь между отдельными отвѣтами. Чистымъ раціоналистамъ приходится постоянно прибѣгать къ натяжкамъ, чтобы замѣнить фактическую связь понятій апріорными выкладками; иногда они въ угоду излюбленной дедукціи стараются просто замѣнить несогласныя съ нею данныя опыта. „Ощущеніе только ставитъ вопросы, но и рѣшаетъ, истиненъ ли отвѣтъ“ ²⁾.

Субъектъ и объектъ. Имманентная и трансцендентная реальность.

I. Въ результатъ обработки мышленіемъ содержанія опыта получается прежде всего *раздѣленіе самаго опыта на внутренній и внѣшній*. Изъ всего матеріала сознанія строится миръ *физическій* и миръ *внутренній* или *духовный*. Получается противопоставленіе познающего и чувствующаго субъекта и познаваемыхъ имъ, ока-

¹⁾ См. для примѣра рассужденія о значеніи математики для успѣховъ познания и обратно у *Пуанкаре*. „*Цѣнность науки*“, 98—100.

²⁾ *Мессеръ*. „*Введеніе въ теорію познания*“, стр. 112. Ср. во всему изложено у *Cohn*. „*Voraussetzungen und Ziele des Erkennens*“ (1908), который въ этой теоріи познания полагаетъ понятіе „утраквизма“ (стр. 118).

зывающихъ ему сопротивленіе внѣшнихъ объектовъ. Съ сознание обращается въ *сознание опредѣленнаго субъекта*.

Уже въ самомъ началѣ нашихъ гносеологическихъ сужденій мы вынуждены были провести различіе между двумя составными частями сознанія: активнымъ элементомъ мышленія и пассивнымъ элементомъ опыта. Дальнѣйшій анализъ показываетъ, что, помимо мышленія и въ тѣснѣйшей с нимъ связи, въ составѣ сознанія имѣются другіе столь активные элементы, которыми въ извѣстной степени является порядокъ нѣкоторыхъ элементовъ опыта. Эти элементы какъ бы вызываются къ появленію въ сознаніи активной частью сознанія. Съ другой стороны, въ опытѣ существуютъ и такіе элементы, появленіе которыхъ не только не управляется активной частью сознанія, но и противорѣчитъ ей тенденціямъ. Мы называемъ активную часть сознанія, со включеніемъ въ нее и процесса анализирующаго и синтезирующаго мышленія, *волевымъ процессомъ*. Вокругъ этого процесса группируется извѣстная часть элементовъ опыта, которая вызывается и подавляется волею. Остальные элементы опыта появляются въ сознаніи помимо воли и даже вопреки ей. Все эти элементы сознанія своимъ воздѣйствіемъ на волю вообще своимъ отношеніемъ къ волевому процессу вызываютъ *чувства*, которыя могутъ быть классифицированы на чувства пріятнаго или наслажденія и на чувства непріятнаго страданія.

Въ результатъ получается возможность смотрѣть на опытъ съ двухъ точекъ зрѣнія. 1) Мы можемъ анализировать опытъ съ той точки зрѣнія, поскольку онъ не зависитъ отъ воли и не окрашивается чувствомъ. 2) Мы можемъ анализировать опытъ съ противоположномъ направленіи, именно съ точки зрѣнія проявленія въ немъ воли и чувствъ. Опытъ, взятый подъ первымъ угломъ зрѣнія, есть то, что мы называемъ опытомъ внѣшнимъ, объективнымъ. Изъ элементовъ, относящихся къ этой области опыта, мы сооружаемъ картину такъ называемого физическаго внѣшняго міра, т.-е. предметовъ, не зависящихъ отъ нашей воли и даже оказывающихъ ей сопротивленіе. Взятый подъ другимъ угломъ зрѣнія, опытъ даетъ намъ картину міра духовнаго или психическаго, т.-е. процессовъ, состоящихъ изъ единенныхъ своимъ отношеніемъ къ волѣ, направляющихъ ихъ теченіе или испытывающей ихъ сопротивленіе, и об-

раженныхъ чувствами пріятнаго и непріятнаго, удовольствія и страданія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ элементы опыта укладываются въ болѣе или менѣе связанное построеніе. Въ внѣшней представляется въ видѣ отдѣльныхъ тѣлъ, которыя стоятъ между собою и къ нашему тѣлу въ извѣстныхъ соотношеніяхъ. Соотношенія эти болѣе или менѣе укладываются въ логическую систему, поддаются логическому рядоченію. Но и міръ внутренній представляетъ собою единый процессъ. Хотя сознаніе временами—во снѣ или въ возбужденномъ состояніи—прерывается, но эти перерывы не мешаютъ субъекту объединять процессъ своего сознательнаго существованія въ единое цѣлое, мыслить его, какъ единый процессъ существованія. Только душевная болѣзнь вноситъ когда разстройство въ это положеніе дѣла, препятствуетъ субъекту мыслить себя, какъ единство, и создаетъ состояніе двоенія личности. Въ обычныхъ же условіяхъ память обуславливаетъ *единство сознанія* и способствуетъ цѣльности личности. Личность при всѣхъ измѣненіяхъ своего роста и развитія не утрачиваетъ сознанія своего тождества и единства. Такъ возникаетъ основное противоположеніе между *субъектомъ и объектомъ*. И то и другое понятіе созданы изъ элементовъ сознанія, но эти элементы въ каждомъ случаѣ видны подъ разными углами зрѣнія. Противоположеніе исходитъ отъ анализирующаго опыта мышленія, но само мышленіе, какъ элементъ сознанія, входитъ въ понятіе субъекта и связывается съ тѣми элементами опыта, которые стоятъ въ видѣ зависимости отъ волевого процесса и связаны съ чувствами.

Есть одинъ предметъ, занимающій срединное положеніе между субъектомъ и объектомъ. Это—*тѣло субъекта*. Съ одной стороны, по всѣмъ своимъ свойствамъ, оно принадлежитъ къ міру внѣшнихъ объектовъ и находится съ ними въ соотношеніяхъ обычной законмѣрности внѣшняго міра, получаетъ отъ нихъ толчки по законамъ физической природы и само сообщаетъ такіе же толчки внѣшнему міру. Но тѣло находится въ то же время въ тѣснѣйшей связи и съ внутреннимъ міромъ субъекта. Его внѣшнимъ движеніямъ корреспондируютъ акты воли и состоянія чувства. Поэтому субъектъ смотритъ на него, какъ на такой объектъ, который составляетъ часть самого субъекта и связываетъ его съ міромъ

внѣшнихъ объектовъ. Этотъ послѣдній міръ размѣщенъ въ *пространствѣ*. Между тѣмъ въ психической, духовной жизни пространства нѣтъ. Мысль, волевой актъ, чувство не имѣютъ протяженности. Въ духовномъ процессѣ мы считаемся только съ формой *времени*. Міръ же внѣшнихъ объектовъ состоитъ во временно-пространственныхъ отношеніяхъ. Черезъ посредство тѣла субъектъ принимаетъ участіе и въ этомъ мірѣ пространственныхъ явленій ¹⁾.

Тѣло является и тѣмъ посредникомъ, черезъ котораго субъектъ сообщается съ міромъ внѣшнихъ объектовъ. Таковы называемые *органы внѣшнихъ чувствъ* служатъ такими посредствующими звеньями между познающимъ субъектомъ и познаваемыми явленіями внѣшняго міра. При посредствѣ этихъ органовъ у субъекта получаютъ ощущенія, изъ которыхъ онъ строитъ картину внѣшняго міра. Но въ этихъ ощущеніяхъ не все можетъ быть прямо отнесено на долю этого внѣшняго міра. Путемъ анализа ощущеній мы предполагаемъ, что въ нихъ есть такіе элементы, которые принадлежатъ самимъ органами воспріятія и которые должны быть элиминированы при построеніи системы міра внѣшнихъ объектовъ. Такъ, цвѣтъ предмета оказывается различнымъ при разномъ освѣщеніи предмета и стоитъ также въ зависимости отъ состоянія нашего зрѣнія. Палка, опущенная въ воду, для органа зрѣнія представляется сломанной, а органъ осязательности ощущаетъ ее прямой; четырехугольная башня издали представляется намъ круглой; вертикально стоящіе высокіе дома на улицѣ кажутся намъ наклоненными впередъ. Такимъ образомъ, показанія органовъ воспріятія должны быть сопоставлены между собою, чтобы этимъ путемъ можно было выдѣлить изъ ощущеній то, что вносится въ нихъ органами чувствъ и что принадлежитъ внѣшнимъ объектамъ. Въ результатѣ такой элиминаціи чисто субъективныхъ элементовъ изъ ощущеній міръ внѣшнихъ объектовъ постепенно теряетъ рядъ своихъ мнимыхъ свойствъ, онъ постепенно обезцвѣчивается, лишается звуковыхъ тоновъ и т. п. Оказывается, что ощущенія свѣта, звука, цвѣта и т. п. сами

¹⁾ Впрочемъ, есть авторы, какъ *Пирсонъ*. Грамматика науки, гл. V, § 1, которые склонны думать, что можно открыть пространственныя отношенія и для духовныхъ переживаній.

относятся исключительно къ духовному міру субъекта, а міръ внѣшнихъ явленій имъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя движенія въ пространствѣ и времени: звуковыя волны воздуха, свѣтотыя волны эѳира, разнообразныя колебанія частицъ матеріи, молекулъ и атомовъ. Всѣ внѣшніе объекты имѣютъ ихъ измѣненія оказываются проявленіемъ въ нашихъ воспріятіяхъ колебаній какого-то основного вещества внѣшняго міра, которое мы называемъ именемъ физической матеріи. Такъ получается то представленіе внѣшняго міра, которое намъ внушаетъ современная физика. Этотъ міръ построенъ нами изъ содержаній сознанія, но такъ, что изъ него элиминированы чисто субъективные элементы сознанія, и оставлены наиболѣе объективные, которые сводятся къ предположенію *пространственно-временныхъ движеній нѣкоего гетерогеннаго субстрата* — физической матеріи ¹⁾. Этотъ внѣшній міръ въ воспріятіи субъекта, въ которомъ участвуютъ органы внѣшнихъ чувствъ, обращается въ непосредствѣннѣе намъ извѣстный міръ красокъ, тоновъ и свѣта, при воспріятіи эти окрашиваются также присущими субъекту чувствами пріятнаго и непріятнаго, а воля принимаетъ во внѣшнему міру то или иное отношеніе, такъ или иначе дѣйствуетъ на міръ внѣшнихъ объектовъ при посредствѣ органовъ тѣла ²⁾.

Но на почвѣ этихъ разсужденій возникаютъ весьма серьезные затрудненія. Оказалось, что предметомъ нашего воспріятія и знанія являются только *содержанія сознанія*. Это тотъ міръ, о которомъ учитъ насъ физика, является не чѣмъ инымъ, какъ только опредѣленной переработкой содержаній сознанія. Весь этотъ міръ опознанъ субъектомъ путемъ извѣстнаго анализа сознанія, анализа, исходящаго изъ субъективнаго элемента самаго же сознанія. Не противорѣчивъ ли эти выводы той картинѣ міра, которая, однако, су-

¹⁾ О логическихъ затрудненіяхъ, связанныхъ съ понятіями „матеріи“ и „мира“, см. *Пирсонъ*. Грамматика науки, гл. VII.

²⁾ Въ послѣднее время, впрочемъ, стали колебаться самыя основы физическаго ученія о матеріи. Ученіе объ относительности пространства и времени приводитъ нѣкоторыхъ физиковъ даже къ отрицанію мірового пространства и къ представленіямъ о матеріи, какъ объ одной только энергіи. См. *Хвольсонъ*. Принципъ относительности (изд. 2-е, 1914 г.). *Лежерь*. Эвклидова картина міра (рус. пер. 1913 г.). *Ла Роза*. Эѳиръ.

пеществуетъ у каждаго изъ насъ и которая сводится къ то
 что мы вполне увѣрены въ существованіи міра, неза
 симаго отъ нашего сознанія? Мы всё убѣждены, что
 не съ нами начался и не съ нами кончится, что вообще
 пеществуетъ *бытіе, независимое отъ нашего сознанія*, и
 это бытіе и является основаніемъ тѣхъ содержаній наш
 сознанія, которыя мы считаемъ ощущеніями отъ внѣшн
 міра. Между тѣмъ только-что сдѣланный анализъ позн
 какъ-будто бы приводитъ къ тому выводу, что все доступ
 намъ бытіе составляютъ только содержанія нашего сознан
 разсматриваемыя съ двойкой точки зрѣнія: зависимость
 независимости отъ заключающагося въ сознаніи же процес
 воли и чувствъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что міръ су
 ствуетъ лишь постольку, поскольку онъ данъ въ сознан
 субъекта, и что онъ начался съ появленіемъ этого сознан
 и съ нимъ кончится? Не впадаемъ ли мы такимъ обра
 въ полнѣйшій *соллипсизмъ*, т.-е. въ представленіе, что
 пеществую только я одинъ съ разнообразными и измѣнчив
 содержаніями сознанія, тогда какъ бытіе независимаго
 сознанія міра въ сознаніи не дано, такъ что и существован
 его весьма проблематично? Или же у насъ есть достаточ
 основанія, чтобы утверждать существованіе бытія, незав
 маго отъ сознанія?

Основатель критицизма Кантъ совершенно спокойно
 пускалъ существованіе такъ называемыхъ „*вещей въ сам
 себѣ*“, т.-е. бытія, независимаго отъ сознанія. Онъ прот
 валъ противъ упрековъ въ томъ, что онъ называлъ „*гр
 щимъ идеализмомъ*“, во имя своего реализма. Но Кантъ
 далъ отчетливаго обоснованія этого понятія вещи въ
 которое и вызвало впоследствии большія разногласія въ
 лософіи. Въ настоящее время распространеннымъ въ ге
 ологіи является то направленіе, которое именуется *имман
 тизмомъ*, и основную черту котораго составляетъ стрем
 свести все наше знаніе къ содержаніямъ сознанія, обхо
 безъ принятія какихъ бы то ни было элементовъ, не со
 жащихся въ воспріятіяхъ и на этомъ основаніи приз
 емыхъ *трансцендентными* сознанію. Я считаю, однако,
 имманентизмъ въ этой формѣ послѣдовательно прове
 быть не можетъ.

ь точки зрѣнія имманентизма должно быть откинута
 ое представленіе о бытіи, независимомъ отъ сознанія,
 того, чтобы мы могли базировать все наше знаніе на
 той основѣ опыта, содержащагося въ воспріятіяхъ. Су
 ствуютъ только состоянія сознанія, только сознательныя
 пріятія, которыя постоянно чередуются въ сознаніи въ
 дкѣ извѣстной закономерности. Этой закономерностью
 снняется, что самъ субъектъ сознанія не можетъ освобод
 ся отъ этихъ воспріятій, даже когда они ему неприятны.
 нельзя ссылаться на этотъ фактъ въ доказательство того,
 эти воспріятія, слѣдовательно, имѣютъ свою причину
 либо внѣ сознанія. Въдь и мысли, которыя несомнѣнно
 аются сознаніемъ, часто бываютъ неприятны, но мы отъ
 ь избавиться не всегда можемъ.

та теорія на первый взглядъ подкупаетъ тѣмъ, что какъ-
 то кладетъ въ основу знанія исключительно твердые факты
 ередственнаго воспріятія. Но если вдуматься, то ока
 ся, что на самомъ дѣлѣ имманентизмъ постоянно выну
 нтъ выходить за предѣлы непосредственно даннаго въ
 тѣ и дополнять эти данныя построеніями мышленія ¹⁾.
 точки зрѣнія имманентизма каждый фактъ только тогда
 овится реальностью, когда онъ воспринимается. До тѣхъ
 е поръ онъ существуетъ только, какъ закономерная *возмож
 ность воспріятія*. Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что и
 процессы въ мозгу, которые считаются необходимыми
 тниками и условіями всякаго воспріятія, существуютъ
 ко какъ возможности, пока они сами никѣмъ не воспри
 ы. Между тѣмъ самыя воспріятія, которыя ими обусло
 вы, существуютъ для имманентиста, какъ несомнѣнная
 ьность, и тогда, когда онъ не созерцаетъ процессовъ,
 исходящихъ въ его собственномъ мозгу. Слѣдовательно,
 или долженъ признать за этими процессами полную
 ьность, даже въ томъ случаѣ, когда онъ никогда не
 ьт своего собственнаго мозга, или же обязанъ согла
 ься, что простыя только мыслимыя возможности, каковыми
 аются его мозговые процессы, никѣмъ не наблюдаемые,

См. къ послѣдующему Dürr. Grundzüge einer realistischen Weltanschauung (1907), стр. 28 слл. *Физте*. Назначеніе челоѣка, конецъ II книги стр. 65—71, рус. пер. 1906 г.)

должны быть включены въ составъ реальности. Разъ то сдѣланъ этотъ послѣдній шагъ, основной принципъ имманентизма нарушенъ; въ составъ реальности вводится не такое, что только мыслится, но никѣмъ не воспринимаемое, что несомнѣнно не содержится въ сознаниі въ качествѣ воспріятія, что въ этомъ смыслѣ трансцендентно наличному содержанию воспріятій, находящихся въ сознаниі. Всѣ тѣ *возможныя воспріятія*, съ которыми оперируютъ имманентисты на самомъ дѣлѣ въ сознаниі въ качествѣ воспріятій не держатся. Они *примышляютъ* къ тому содержанию воспріятій, которое имманентно сознанию въ данный моментъ. Следовательно, получаютъ путемъ распространения категоріи причинности за предѣлы воспріятій, содержащихся въ личномъ сознаниі: возможныя въ будущемъ воспріятія *примышляются* къ наличному содержанию сознаниа, чтобы ввести законѣрность въ это содержаніе; но это есть не что иное, какъ примѣненіе категоріи причинности за предѣлами личного опыта. Да и не только къ будущему относятся необходимыя примышленія къ содержанию сознаниа. Въ все наше прошлое въ сознаниі даннаго момента такъ же содержится непосредственно, ибо наличное содержаніе знанія всегда очень ограничено. Наше прошлое примышляется къ сознанию въ качествѣ возможныхъ о немъ воспоминаній. Въ основѣ этого примышленія лежитъ только одно непосредственное переживаніе, именно, постоянно присутствующее въ нормальномъ сознаниі *чувство своего „я“, единства знанія*. Это чувство „я“, перерабатываемое сознаниемъ въ отчетливую идею „я“, собственной самости субъекта, основана прежде всего, на ощущеніи непрерывной связи актовъ единства нашихъ хотѣній, которое представляетъ собою что постоянное въ безконечномъ разнообразіи представлений и чувствованій. Такимъ образомъ, только это общее чувство своего „я“ составляетъ непосредственное данное сознаниа въ каждый моментъ; вся же минувшая жизнь субъекта въ сознаниі не присутствуетъ иначе, какъ въ качествѣ возможныхъ только воспроизведеній въ воспоминаніяхъ, при чемъ считается съ тѣмъ, что на дѣлѣ и сила воспоминаній не безгранична. Такимъ образомъ, ясно, что въ предѣлахъ непосредственно данныхъ ощущеній нельзя построить никакой теоріи знанія, и каждый имманентистъ къ эт-

ощущеніямъ прибавляетъ массу только примышленныхъ возможностей.

Но это не единственный слабый пунктъ имманентизма. Представителямъ этого направленія приходится считаться съ безразной опасностью солипсизма. Они обыкновенно освобождаются отъ подозрѣній въ солипсизмѣ тѣмъ, что увѣряютъ, говоря о сознаниі, они имѣютъ въ виду вовсе не субъективное психологическое сознаніе извѣстнаго даннаго человека, но особое гносеологическое понятіе „*сознаниа вообще*“, которое не свойственна та субъективность, которая приводитъ насъ къ солипсизму. Въ то же время имманентисты предостерегаютъ насъ отъ приданія этому „сознанию вообще“ какого-нибудь метафизическаго значенія. Они подчеркиваютъ, что „сознаніе вообще“ не есть онтологическое понятіе, какаго-нибудь сущность. Это—только *методологическій приемъ*, при помощи котораго въ теорію познаниа вводится понятіе о знааніи, независящемъ отъ свойствъ познающаго субъекта, взятаго въ смыслѣ эмпирически даннаго, психологической личности. Но не слѣдуетъ съ этимъ основнымъ понятіемъ имманентизма соединять представленія о какомъ-либо міровомъ началѣ, какъ основѣ бытія, или о чемъ-либо подобномъ, имѣющемъ явно метафизическій характеръ.

Я совершенно отказываюсь понять, какъ методологическій приемъ можетъ дать опору нашему знанію. Выше уже было сказано (§ 5. П. 3), что если „сознаніе вообще“ не есть что-либо реальное, то съ его помощью и невозможно обосновать какой-либо реальности. Методологическій приемъ есть только вспомогательное средство, эвристическая идея, которая должна вести насъ къ настоящему познанию и, выполнивши свое назначеніе, давъ намъ какое-нибудь реальное знаніе, должна быть оставлена. Въ данномъ же случаѣ все держится на одномъ методологическомъ приемѣ. Получается результатъ, что насъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ никакого объективнаго знанія, а мы только ведемъ себя съ помощью методологической фикции „сознаниа вообще“ такъ, „какъ-будто“ бы оно у насъ имѣлось.

Если же придавать „сознанию вообще“ какое-либо реальное значеніе и не смотрѣть на него въ то же время, какъ на онтологическую сущность, то остается только понимать подъ нимъ содержаніе сознаниа, *общее для всѣхъ людей*. Та-

кое содержаніе сознанія, конечно, имѣетъ значеніе для науки какъ идеаль законченнаго научнаго знанія: мы только тогда будемъ удовлетворены состояніемъ нашего знанія, когда оно получитъ такую форму, что неизбежно должно быть принятымъ всякимъ человѣкомъ съ нормальнымъ мышленіемъ и нормальными органами чувственнаго воспріятія. Такое знаніе, конечно, не имѣло бы субъективнаго характера, не держалось бы въ переживаніяхъ одного какого-нибудь психологическаго состоянія и не имѣло бы ничего общаго съ солипсизмомъ. Но въ затрудненіе состоитъ въ томъ, что понятіе „сознанія вообще“ употребляемое въ этомъ смыслѣ, не можетъ быть сдѣлано отправнымъ для теоріи познанія. До него еще необходимо дойти въ гносеологическихъ построеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что непосредственно намъ дано только наше собственное сознаніе, которое, послѣ его анализа заключающимся въ немъ самомъ мышленіемъ, оказывается „моимъ сознаніемъ“, т. е. сознаніемъ извѣстнаго эмпирическаго я, извѣстной психологической личности. Чтобы отъ этого сознанія дойти до „сознанія вообще“ въ смыслѣ сознанія, общаго разумнымъ существамъ вообще, необходимо признать существованіе такихъ разумныхъ личностей помимо меня. Такими личностями могутъ быть только *другіе люди*. Слѣдовательно, „сознаніе вообще“ предполагаетъ принятіе нами другихъ мыслящихъ разумныхъ людей. Но самое это принятіе есть уже шагъ за пределы сознанія, ибо чужая психика, какъ непосредственное воспріятіе, въ моемъ сознаніи, несомнѣнно, не содержится¹⁾. Если бы я самъ могъ переживать чужую психику въ качествѣ собственнаго воспріятія, то она перестала бы быть чужой психикой и стала бы моей психикой. Ясно, что „чужая психика“ не можетъ быть содержаніемъ моего сознанія въ качествѣ воспріятія. Въ составъ нашихъ воспріятій входятъ только тѣла другихъ людей и совершаемые ими внѣш-

¹⁾ См. къ этому *Вл. Соловьевъ*, собр. соч., т. III, стр. 29—30. *Лопатинъ*. „Положительныя задачи философіи“ I (2-е изд. 1911 г.), 92 слл. Ср. *Лопатинъ*. „Проблема чужого „я“ въ новейшей философіи“ (1910 г., отпечатано изъ Журн. М. Н. П. 1909 г.). Впрочемъ, *Дирсонъ*. „Грамматика науки“, т. II, § 5 допускаетъ теоретически возможность найти способъ воспринимать чужое сознаніе; такимъ допущеніемъ, которое, однако, самъ авторъ признаетъ „маловѣроятнымъ“, позиція имманентистовъ, конечно, очень ослабляется.

движенія. Что же касается психической жизни, соответствующей этимъ движеніямъ, то ея наличность мы уже только примышляемъ къ воспринимаемымъ нами тѣламъ и дѣламъ это примышленіе, исходя изъ того, что по опыту знаемъ, что такимъ же движеніямъ нашего тѣла соответствуютъ извѣстные наши психическія состоянія, которыя мы относительно себя самихъ знаемъ по непосредственному переживанію, по внутреннему опыту. Такимъ образомъ, чужая психика непосредственно нами не воспринимается. Ея бытіе, повидимому, основано, не на опытѣ, но на мысленномъ построеніи, на умозаключеніи по аналогіи. Поэтому-то и всѣ наши сужденія о внутреннемъ мірѣ другихъ людей имѣютъ въ своемъ основѣ всегда аналогіи съ нашей собственной психической жизнью. „Чужая душа“, въ сущности, всегда „потемки“, и мы всегда судимъ о другихъ по аналогіи съ самими собою.

Если стать на точку зрѣнія послѣдовательнаго имманентизма и придавать реальность лишь тому, что можетъ быть непосредственно воспринято, то мы никоимъ образомъ не должны считать чужую психику реальностью; она навсегда останется въ пределахъ только предположеній и не будетъ реальностью. Чужое одушевленіе окажется только весьма вѣроятной гипотезой, не больше того. Такой выводъ иногда и дѣлается въ теоріи правовѣрныхъ имманентистами, но, конечно, его нельзя принять. Тотъ же самый имманентистъ въ *практической жизни* нисколько не сомнѣвается, что его окружаютъ такія чувствующія и мыслящія существа, какъ онъ самъ, и принимаетъ весьма серьезно практическое отношеніе къ ихъ сужденіямъ и поступкамъ. Если кто-нибудь изъ окружающихъ его людей будетъ громко осуждать его писанія, то онъ не успокоитъ себя просто тѣмъ разсужденіемъ, что вѣдь вся эта критика исходитъ просто отъ „гипотезы“, отъ существа, реальность котораго въ смыслѣ психической организациі далеко еще не доказана. Мнѣ кажется, что разъ это такъ, то теорія познанія не можетъ останавливаться на признаніи чужой психики только умозаключеніемъ по аналогіи, которое, какъ и всякое умозаключеніе по аналогіи, есть только предположеніе. Теорія познанія должна объяснить, какъ создается наше знаніе, а не перестраивать самый характеръ знанія вопреки всякой очевидности.

Думаю, что выходъ изъ этого можетъ быть только одинъ. Мы должны признавать реальностью не только то, что содержится въ нашихъ воспріятіяхъ даннаго момента, но и то, что къ нимъ съ необходимостью примышляется нами. Это какъ мы видѣли, дѣлаютъ и сами имманентисты, которые постоянно оперируютъ не только съ наличными въ сознаниіи каждого даннаго момента воспріятіями, но и съ примышляемыми къ нимъ возможностями будущихъ воспріятій, которыя уже по самому своему понятію не даны въ составѣ воспріятій, наличныхъ въ сознаниіи даннаго момента. Но имманентисты на дѣлѣ идутъ и дальше: они, конечно, никогда не сомнѣваются сколько-нибудь серьезно въ наличности „того сознания“, сознания другого человѣка. Но вѣдь такъ сознание есть уже нѣчто большее, чѣмъ даже возможность будущаго воспріятія; оно на самомъ дѣлѣ *никогда мною не принято быть не можетъ*, никогда не сдѣлается содержанием моего опыта: психики отдѣльныхъ людей, до извѣстной степени, напоминаютъ монады Лейбница, у которыхъ нѣтъ отверстій и которыя непосредственно другъ съ другомъ сообщаться не могутъ, не могутъ быть другъ другомъ воспринимаемы. И тѣмъ не менѣе эти психики признаются вѣждымъ изъ насъ. Слѣдовательно, мы считаемъ несомнѣнно реальностью то, что можетъ быть для насъ только предметомъ мысли, но никакъ не содержаніемъ непосредственнаго воспріятія, что въ этомъ смыслѣ не имманентно нашему опыту, но, несомнѣнно, ему трансцендентно. Порукой въ реальности такого необходимаго примышленія къ опыту, какова чуждая психика, намъ служить наша практическая дѣятельность. Въ этой дѣятельности мы, какъ это уже указано было выше, несколько не сомнѣваемся въ одушевленности окружающихъ насъ человѣческихъ тѣлъ. Не сомнѣваются въ этомъ и имманентисты, для которыхъ чужое одушевленіе на практикѣ является чѣмъ-то гораздо большимъ, чѣмъ умозаключеніе по аналогіи. Мы не только теоретически принимаемъ чужую психику, но мы становимся въ опредѣленные практическія отношенія къ другимъ лицамъ, ведемъ борьбу съ тѣмъ зломъ, которое въ нихъ находимъ, и получаемъ поддержку отъ заключающагося въ нихъ элемента добра. Въ этомъ и состоитъ непосредственное практическое знаніе о трансцендентномъ нашему индивидуальному сознаниію мірѣ, которое можно бы

назвать *знаніемъ моральнымъ*, въ противоположность теоретическому, т.-е. логическому. Такое именно знаніе имѣлъ въ виду Кантъ, когда онъ развивалъ свое ученіе о приматѣ практическаго разума надъ теоретическимъ. И дѣйствительно, именно это моральное знаніе, ручаясь намъ въ реальности трансцендентнаго міра и выводя насъ за предѣлы индивидуальнаго сознанія, составляетъ, въ концѣ-концовъ, необходимую базу для самаго теоретическаго знанія, окончательно избавляетъ насъ отъ субъективнаго иллюзионизма или солицизма. Аналогичнымъ образомъ и Мюнстербергъ въ своей „Философіи цѣнностей“ обосновываетъ чужое одушевленіе, управляясь отъ котораго, строить свою дальнѣйшую систему¹⁾. Чужое одушевленіе, такимъ образомъ, есть для насъ несомнѣнный фактъ, хотя и не составляющій содержанія имманентнаго опыта въ обычномъ смыслѣ этого слова, но съ полнѣйшей достовѣрностью гарантируемый практическимъ разумомъ, т.-е. всѣмъ нашимъ живымъ и дѣятельнымъ существомъ, всѣмъ нашимъ нравственнымъ сознаниемъ. Безъ полной увѣренности въ этомъ фактѣ нельзя было бы серьезно говорить ни о нашемъ долгѣ относительно другихъ людей, ни объ обязанностяхъ другихъ людей передъ нами. Хорошо развиваетъ эти мысли Фихте. Онъ указываетъ, что, если въ человѣкѣ не возникаетъ вѣра въ реальность міра, черезъ понятіе его обязанностей, то она, несомнѣнно, существуетъ черезъ понятіе его правъ. „Стоитъ только затронуть,—говоритъ Фихте²⁾,—того, кто отрицаетъ собственное нравственное назначеніе, твое существованіе и существованіе міра тѣл (если онъ дѣлаетъ это не для того только, чтобы испытать, что въ состояніи сдѣлать умозрѣніе),—стоитъ только затронуть его на дѣлѣ, примѣнить его положенія къ жизни и дѣйствовать такъ, какъ-будто онъ или не существовалъ вовсе, или былъ кускомъ грубой массы,—онъ сейчасъ же оставитъ шутки и серьезно разсердится на тебя; онъ серьезно упрекнетъ тебя за то, что ты такъ обращаешься съ нимъ, и будетъ утверждать, что ты не долженъ и не смѣешь такъ поступать съ нимъ, т.-е. онъ признаетъ, что ты во всякомъ случаѣ въ состояніи воздѣйствовать на него,—значитъ, что

1) Münsterberg. „Philosophie der Werte“ (1908), 103 слл..

2) Фихте. „Назначеніе человѣка“ (рус. пер. 1906 г.), стр. 84.

существует *онъ*, существуешь *ты* и существует *среда* твоего *воздѣйствія* на него, и что ты, по крайней мѣрѣ, имѣешь обязанности по отношенію къ нему“.

Если такъ обстоитъ дѣло съ самимъ *фактомъ* чужого одушевленія, то совсѣмъ иное приходится сказать о *содержаніи чужой психики*. О немъ мы, дѣйствительно, можемъ только догадываться, строя умозаключенія по аналогіи, въ основѣ которыхъ лежатъ, съ одной стороны, внѣшнія дѣянія чужихъ физическихъ тѣлъ, съ другой стороны, духовныя явленія, непосредственно извѣстныя намъ лишь по собственнымъ переживаніямъ. Нисколько не сомнѣваясь въ одушевленности другихъ людей, мы, однако, толкуемъ чужія мысли и чужія чувствованія только на основаніи подаваемыхъ намъ окружающими людьми внѣшнихъ знаковъ по аналогіи съ своими собственными. Это положеніе, какъ мы увидимъ ниже (§§ 24 и 25), имѣетъ принципиальное значеніе для методологіи исторіи ¹⁾.

Но разъ мы признаніемъ чужого одушевленія сдѣлали шагъ за предѣлы даннаго въ опытѣ, то почему же не сдѣлать и другого? Почему не признать, что не только явленіямъ въ опытѣ того, что мы называемъ чужими тѣлами, отвѣчаетъ не входящая въ составъ опыта чужая психика, но что и явленіямъ другихъ тѣлъ въ опытѣ отвѣчаютъ также реальности, не входящія въ составъ нашихъ воспріятій, но оказывающіяся трансцендентной основой самихъ воспріятій, т.-е. именно то, что Кантъ называлъ „*вещами въ самихъ себѣ*“, что составляетъ бытіе, независимое ни отъ какого сознанія? Конечно, такая „вещь въ себѣ“ не можетъ быть наглядно представлена, такъ какъ всѣ наши представленія предметовъ основаны на субъективныхъ воспріятіяхъ, входящихъ въ составъ нашего сознанія, а „вещь въ себѣ“ есть именно причина этихъ воспріятій или ихъ логическое основаніе, но не сами эти воспріятія. Но дѣло въ томъ, что хотя мы не можемъ себѣ наглядно представить „вещь въ себѣ“, но мы можемъ ее помыслить и даже *необходимо ее мыслимъ*, если не хотимъ принять солипсизма. „Точно такъ же, какъ мы можемъ мыс-

¹⁾ Отсюда возможность всякаго рода неискренности и лжи между людьми. См. объ этомъ интересныя изслѣдованія Dromard. „Les mensonges de la vie intérieure“ (1910) и „Essai sur la sincérité“ (1911).

лѣть недѣйствительное, которое не можетъ быть самостоятельно представлено, такъ мы можемъ мыслить и реальность, которой не отвѣчаетъ вообще никакое представленіе. Только транцендентное теперь окончательно въ психологіи отождествленіе мышленія и представленія могло здѣсь усматривать заудненія, которыхъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ“ ¹⁾.

Но не значить ли это, что мы съ помощью присущей нашему же мышленію категоріи причинности вышли за предѣлы всякаго опыта и сознанія, принявъ бытіе, независимое отъ сознанія? Имѣемъ ли мы право придавать категоріи причинности такое *трансцендентное значеніе* и съ ея помощью не только изслѣдовать опытъ, но отыскивать основаніе самаго опыта? Не утверждалъ ли самъ Кантъ, и притомъ весьма вѣстойчиво, что категоріи могутъ быть правомѣрно употребляемы только въ границахъ опыта? Я думаю, что мы поступили вполне правильно. Вѣдь и Канту пришлось принять вѣличность вещей въ себѣ, какъ основъ всѣхъ нашихъ воспріятій, міра ноуменовъ, какъ логически необходимой основы міра феноменовъ. Какъ правильно указываетъ Паульсенъ ²⁾, Кантъ при этомъ примѣнялъ собственно не категорію причинности, потому что онъ не смотрѣлъ на вещи въ себѣ, какъ на такія событія, которыя во времени предшествуютъ феноменамъ, ими вызываемымъ. Но онъ на самомъ дѣлѣ примѣнялъ въ чистомъ видѣ основную *логическій законъ основанія*. Онъ утверждалъ, что вещи въ себѣ необходимы, какъ основаніе нашихъ воспріятій. Онъ не составляетъ опытной причины этихъ воспріятій, дѣйствующей во времени, такъ какъ онѣ именно ни въ какомъ опытѣ не содержатся. Но онѣ необходимо примышляются нами къ опыту, ибо иначе самый опытъ окажется лишеннымъ основанія. Необходимость такихъ примышленій, какъ мы видѣли, — не столько логическая, сколько практическая, они составляютъ дѣло, выражаясь словами Канта, не столько спекулятивнаго, сколько практическаго разума.

Въ этомъ смыслѣ вещи въ себѣ оказываются трансцендентными сознанію только въ томъ отношеніи, что онѣ не даны въ той его части, которая именуется опытомъ. Но онѣ

²⁾ Dürer. „Grundzüge einer realistischen Weltanschauung“, 39, 40.

¹⁾ Paulsen. Kant⁴, 165.

съ необходимостью даны въ мышленіи. Обойтись без примышленія мы не можемъ. Въ то же время въ опытѣ содержится рѣшительно никакихъ данныхъ для того, чтобы отвергнуть это необходимое примышленіе. Напротивъ, если мы его отвергнемъ, то мы впадемъ въ весьма странное сопряженное съ массой логическихъ затрудненій состояніе, именуемое солипсизмомъ, или, въ лучшемъ случаѣ, имманентизмомъ, и вступимъ въ противорѣчіе съ голосомъ нашего нравственного сознанія. Вундтъ ²⁾ подчеркиваетъ, что ученныя никогда не отвергаетъ тѣхъ общепринятыхъ положеній, въ достовѣрности которыхъ нѣтъ основаній сомнѣваться. Такимъ положеніемъ является бытіе, независимое отъ сознанія. Принятіе такого бытія есть идея, съ необходимостью порождаемая нашею мыслью, и для ея отверженія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній въ нашемъ опытѣ. Такъ по какой причинѣ мы будемъ ее отвергать?

Такимъ образомъ, реальность для насъ составляютъ только непосредственныя содержанія опыта, но и тѣ идеи, которыя подъ влияніемъ практическаго разума неизбѣжно примышляются къ опыту и противъ принятія которыхъ въ опытѣ нѣтъ никакихъ противопоказаній. Такова идея міра, независимаго отъ сознанія, *міра умопостижимаго*, какъ называлъ его Кантъ, или міра ноуменовъ, вещей въ себѣ, какъ логической основы воспринимаемыхъ нами въ опытѣ феноменовъ.

III. Но вѣдь вещи въ себѣ, которыя, какъ утверждаетъ наше мышленіе, составляютъ истинную основу міра, непознаваемы. Въ такомъ случаѣ, какую же цѣнность имѣетъ наше знаніе, основанное только на изученіи феноменовъ, субъективныхъ воспріятій? Не есть ли это знаніе лишенная всякой цѣны иллюзія?

Мы не имѣемъ никакихъ основаній дѣлать такія утвержденія. Для этого мы должны допустить, что наши воспріятія вводятъ насъ въ совершенное заблужденіе относительно настоящей природы міра и что наши логическія способности также не имѣютъ ничего соответствующаго себѣ въ существѣ міра. Правда, мы видѣли, что наши чувства сплошь рядомъ вводятъ насъ въ обманъ относительно свойствъ окружа-

ющихъ предметовъ и что, отправляясь отъ этого факта, современная физика пришла къ ученію о полной субъективности свойствъ и построила теорію внѣшняго міра, какъ только количественныхъ отношеній гипотетическаго субстрата — материали. Но есть серьезныя основанія предполагать, что физическая теорія является только научной абстракціей, которая вовсе не охватываетъ всей полноты и многообразія физическаго міра и что не все въ мірѣ качествъ такъ субъективно, какъ думаютъ физики. Должно быть въ этомъ мірѣ нѣчто такое, что въ большей или меньшей мѣрѣ соответствуетъ тенденціямъ нашихъ органовъ чувствъ, что возбуждаетъ энергію именно того, а не иного органа, въ томъ, а не иномъ направленіи ¹⁾. Такимъ образомъ, весьма возможно, что наши воспріятія значительно ближе къ характеру трансцендентной реальности, чѣмъ это выходитъ съ точки зрѣнія физическо-материальныхъ ученій современности. — Точно такъ же обстоитъ дѣло съ логическимъ мышленіемъ. Возможно, что оно не вполне экватно міру, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ мірѣ нѣтъ рѣшительно ничего логическаго. Конечно, мы не можемъ доказать, что міръ самъ по себѣ дѣйствительно такъ логиченъ, какъ логично наше мышленіе, которымъ мы познаемъ его феномены, что основные принципы логическаго мышленія дѣйствительно для всего міра имѣютъ то онтологическое значеніе, которое мы имъ придаемъ. Въ составѣ явлений природы всегда остается много такихъ элементовъ, которые наукой до сихъ поръ не объяснены и не укладываются въ логическую картину міра. Мы остаемся въ увѣренности, что эти такъ называемые случайные элементы въ опытѣ только потому носятъ характеръ *ирраціональнаго* случая, что мы еще не умѣемъ ихъ логически объяснить, и что съ прогрессомъ науки и они будутъ сведены въ логическую систему. Но, конечно, доказать правильность такой вѣры мы не можемъ. Всегда остается почва для сомнѣній: а можетъ быть эти явленія указываютъ на ирраціональность бытія, на то, что міръ вовсе не сполен логиченъ, и что онъ поэтому до конца не познаванъ средствами нашей логики быть не можетъ?

²⁾ Wundt. „System der Philosophie“ 3^a, 1, 87—98.

¹⁾ См. къ этому ст. Фришгейзенъ-Келера въ сборникъ „Новыя идеи въ философіи“ № 6 (1913).

Логически опровергнуть эти сомнѣнія мы не можемъ. Правомѣрность логики, какъ познавательнаго средства, можетъ быть обоснована средствами самой же логики. Мы можемъ рассуждать слѣдующимъ образомъ: иначе, какъ съ помощью логическаго мышленія, мы познавать міръ не можемъ; если бы міръ на самомъ дѣлѣ былъ вполне алогиченъ, то онъ былъ бы для насъ непознаваемъ. На этомъ помириться не можемъ, тѣмъ болѣе, что и въ пользу вполнѣ отрицательнаго рѣшенія вопроса о правомѣрности логики воспріятій никакихъ безусловныхъ доказательствъ привести быть не можетъ. Въ такомъ случаѣ намъ ничего не остается, какъ принять логическое знаніе въ качествѣ единственнаго доступнаго намъ средства анализировать міръ, и смотрѣть на него, какъ на средство, болѣе или менѣе пригодное для этой цѣли. Хотя мы познаемъ только феномены и обрабатываемъ ихъ дискурсивными путями логическаго мышленія, которые не даютъ намъ ничего абсолютнаго, но мы вѣримъ, что и это познаніе постепенно ведетъ насъ къ постиженію міра, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, независимо отъ нашихъ чувственныхъ воспріятій, и что если бы знаніе наше было закончено, то оно было бы адекватно существу міра. Вещь въ себѣ, такимъ образомъ, дѣлается идеаломъ законченнаго познанія, который будетъ достигнутъ, когда анализъ доступныхъ намъ феноменовъ совпадетъ съ истиннымъ существомъ феноменовъ. Въ этомъ смыслѣ понятіе вещи въ себѣ, умопостижаемаго міра дѣлается *регулятивной* идеей, идеаломъ законченнаго логическаго знанія ¹⁾. И, если даже міръ, какъ онъ есть, не вполне логиченъ въ своемъ цѣломъ, то все же логическая обработка данныхъ сознанія позволяетъ намъ успѣшно овладѣть *нѣкоторыми его сторонами въ отдѣльности*; слѣдовательно, въ известной степени логическій порядокъ и порядокъ бытія гармонируются.

Слѣдуетъ замѣтить, что съ принятіемъ реальности вещей другими людьми самое познаніе наше мѣняетъ свой характеръ. Сдѣлавъ этотъ шагъ, мы можемъ пользоваться для построенія науки, какъ знанія о мірѣ явленій, не только соб-

¹⁾ Ср. къ этому Fouillée. „L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience“. Ср. также Вундельбандъ. „Принципы логики“ (рус. пер. въ изданіи „Энциклопедіи филос. наукъ“, ред. Руге, вып. I „Логика“ 1913.)

ственнымъ опытомъ и собственными размышленіями, но и *знаніями другихъ людей* объ ихъ опытѣ и размышленіяхъ. Не остальныхъ предметовъ, независимо отъ моего личнаго знанія, дѣлается для меня теперь несомнѣннымъ фактомъ потому, что эти вещи воспринимаются другими людьми то время, какъ не воспринимаются мною. Идеаломъ зна- является теперь не согласованность между собою моихъ логическихъ сужденій, но *логическое объединеніе сужденій вещей*. Наука пріобрѣтаетъ характеръ дѣятельности *соціальной*. Наука пріобрѣтаетъ характеръ дѣятельности *соціальной*, а научное знаніе получаетъ характеръ сверхъиндивидуальнаго, общеобязательнаго для всѣхъ людей. Теперь мы можемъ говорить и о *сознаніи вообще*, какъ о нѣкоторой реальности: знаніе вообще составляютъ тѣ сужденія о мірѣ, которыя выжили логическую провѣрку и должны быть приняты всѣми, признаетъ опытъ и логику. Они составляютъ обязательную истину всѣхъ логически мыслящихъ людей истину. Но для принятія такого „сознанія вообще“ мы должны были совершить трудный и длинный путь. Оно не есть отправный пунктъ познанія, но, напротивъ, ея завершеніе. Покойтесь оно въ составъ реальности, сверхъ воспріятій, составляющихъ содержаніе опыта каждаго человѣка, еще такъ необходимыхъ примышленій къ опыту, какъ чужое знаніе. Эти элементы сознанія даны въ немъ не въ видѣ опыта, но въ видѣ необходимо строяемыхъ мышленіемъ вещей. Безъ признанія реальности за такими мыслимыми только средствами, но не входящими въ составъ опыта, построеніе науки невозможно. Въ этомъ и состоитъ точка зрѣнія *критическаго реализма*, различающаго ноуменальный и феноменальный опытъ и противопоставляющаго себя точкѣ зрѣнія имманентизма, желающаго выходить за предѣлы данныхъ въ опытѣ воспріятій.

IV. Построяя систему общаго міровоззрѣнія, выходящаго за предѣлы научно-доказуемаго знанія, мы не ограничиваемся необходимой для самой науки вѣрой въ логичность или разумность бытія. Намъ присуща также вѣра въ наличность въ мірѣ *нравственнаго добра*, и эта вѣра ложится въ основу нашихъ этическихъ построеній. Эта вѣра не болѣе доказуема, чѣмъ вѣра въ разумность и познаваемость міра, и тѣмъ не менѣе она должна быть нами принята, такъ какъ иначе наше существованіе утратитъ нравственную цѣнность. Эта вѣра

составляетъ главное содержаніе того знанія, которое со-
 менъ Канта противопоставляется знанію научному и логи-
 скому въ качествѣ непосредственно присущаго чело-
 вѣку знанія моральнаго. Но оно въ полномъ своемъ объемѣ со-
 ставляетъ предпосылку уже не каузальной науки, а эти-
 ческой. Что же касается ученаго, то въ своей познавательной ра-
 ботѣ онъ ограничивается одной только необходимой для него пре-
 дпосылкой: вѣрой въ трансцендентное бытіе, въ разумно-
 сть міра и въ его познаваемость средствами логики. Эта вѣра
 составляетъ *металогическое основаніе самого логическаго за-
 нанія*. *Метафизикъ* же, принимая во вниманіе, помимо на-
 учнаго знанія, также и все знаніе моральное, не входящее въ
 полномъ своемъ объемѣ въ составъ науки¹⁾, на этой по-
 сылкѣ сооружаетъ намъ предположительную картину міра не толь-
 ко какъ разумаго бытія, но и какъ процесса, идущаго къ бо-
 готворности²⁾. Такія системы метафизики, конечно, не долж-
 ны строиться иначе, какъ при условіи непротиворѣчія научно-
 му знанію. Но ученые должны остерегаться вводить ихъ въ со-
 ставъ научныхъ изысканій. Такъ какъ метафизика базируется
 только на логическомъ знаніи, но и на моральномъ во всемъ
 своемъ объемѣ, предполагаетъ не только разумность міра, но и
 его благость, то вводитъ метафизическія построенія въ науку
 было бы равносильно излишнему расширенію въ наукѣ
 доказуемыхъ предпосылокъ, въ чемъ нѣтъ никакой нужды.
 Эти дальнѣйшія предпосылки лежатъ уже въ основѣ
 теоретическаго знанія—каузальной науки, но практическаго
 нормативной этики. Съ точки зрѣнія этого этического и
 моральнаго знанія самая истина представляется только
 однимъ изъ видовъ добра.

Въ этомъ и состоитъ значеніе недоказуемой логичес-
 кой предпосылки для вопросовъ логическаго знанія. Вѣра лежитъ
 въ основѣ самой логики, составляетъ металогическое основаніе
 науки. Однако, въ предѣлахъ самой научной работы
 должны руководиться исключительно логическими критері-
 ями. Не слѣдуетъ смѣшивать вопросовъ объ основаніи сам-

¹⁾ Въ составъ научнаго познанія, какъ мнѣ кажется, необходимо
 вводить моральное знаніе лишь въ качествѣ обоснованія чужого оду-
 шевленія и вообще трансцендентной реальности, какъ это и сдѣлано выше.

²⁾ См. объ этомъ мою статью, указанную на стр. 13.

ки съ вопросами о сущности науки и научнаго метода.
 Къ такой ошибкѣ дѣлаетъ то направленіе современной гносео-
 логической мысли, которое именуется себя *прагматизмомъ*.
 Представители прагматизма, исходя изъ правильной мысли,
 въ основѣ признанія науки лежатъ металогическія пред-
 посылки о ея цѣнности для людей, какъ одного изъ видовъ
 бытія, затѣмъ непослѣдовательно объявляютъ принципъ цѣн-
 ности или полезности критеріемъ самаго научнаго знанія,
 а въ концѣ концовъ и вообще истинности тѣхъ или иныхъ положеній науки. Это
 приводитъ къ тому, что въ предѣлахъ науки критеріемъ истины остается
 исключительно логическое единство опыта. Но вѣра въ самую
 истину не есть уже научно доказуемая истина¹⁾.

§ 8. Причинность міра физическаго и міра духовнаго.

I. Возвратимся теперь къ вопросу о различіи міра внѣш-
 няго и міра внутренняго, построеннаго изъ тѣхъ элементовъ
 опыта, которые представляются намъ независимыми отъ воли
 субъекта, потому получаютъ объективное значеніе, и міра внутрен-
 няго, который составляетъ жизнь духовную, которая включаетъ въ себя пережи-
 мые нами непосредственно процессы мышленія и всѣ
 элементы опыта, взятые въ связи съ чувствами и волевымъ
 процессомъ. Мы знаемъ, что оба эти міра сооружены мышле-
 ниемъ изъ одного и того же матеріала сознанія, но взятаго
 въ различныя углы зрѣнія. Посмотримъ поближе, ка-
 кая разница замѣчается въ картинѣ того и другого міра въ
 предѣлахъ строго эмпирическаго знанія.

Какъ уже было сказано, *міръ явленій физическихъ* сооружа-
 ется нами при помощи элиминаціи изъ опыта всего того,
 что стоитъ въ связи съ волей и чувствами и что мы всецѣло
 приписываемъ самому воспринимающему субъекту. По устра-
 ненію такого рода элементовъ на долю физическаго міра
 остаются, въ концѣ концовъ, съ точки зрѣнія современной
 науки только пространственно-временныя отношенія частицъ

¹⁾ Ср. Cohn. „Voraussetzungen und Ziele des Erkennens“ (1908), 483 слл.
 Вольсонъ. „Знаніе и вѣра въ физикѣ“ (1916). Geny. „Science et technique
 et droit privé positif“ (1914), I, 128. О методѣ этики см. мою „Исторію
 философскихъ ученій“ (изд. 2-е 1913 г.). § 1 и 22. О моральномъ знаніи у
 Канта см. тамъ же, § 13 въ концѣ.

гипотетического субстрата, который получает название физической субстанции, материи, энергии¹⁾. Въ этомъ мірѣ физическихъ явленій все подлежитъ однозначной причинности. Всѣ отношенія между явлениями поддаются точному количественному опредѣленію и измѣренію, и наука стремится развить ихъ въ точныхъ математическихъ формулахъ. Звукъ, нѣтъ звука, какъ ощущенія, но есть только воздушныя волны различной формы и длины; нѣтъ свѣта, какъ ощущенія, есть только колебанія ээира и т. д. Качества здѣсь отчуждены²⁾, за исключеніемъ лишь качествъ пространства, которыя познаются воззрительно и изучаются геометрически цѣлью и имъ придать по возможности количественное выраженіе. Поэтому слѣдствіе здѣсь всегда цѣликомъ заключается въ своихъ причинахъ; причинность міра физическаго всегда выражается въ количественныхъ уравненіяхъ. Если физикъ хорошо знаетъ свойства тѣхъ элементовъ, съ которыми онъ собирается оперировать, то онъ безошибочно предскажетъ результатъ своего эксперимента, заключающаго въ комбинированіи этихъ элементовъ. Зная причины, мы можемъ безошибочно предсказывать слѣдствія, поскольку имѣемъ дѣло съ явлениями міра физическаго.

Количество энергии, составляющей основу физическаго міра, по представленію физической науки дано разъ навсегда и не подлежитъ ни увеличенію, ни уменьшенію. Всѣ измѣненія въ этомъ мірѣ сводятся только къ перераспредѣленію этого запаса энергии въ разныхъ формахъ, къ трансформации энергии. Энергія химическая переходитъ въ электрическую, электрическая—въ кинетическую, кинетическая—въ тепловую и т. п. Въ этомъ состоитъ первый основной принципъ естествознанія, такъ называемый законъ сохраненія энергии. Вторымъ принципомъ, называемый принципомъ энтропіи, или обобщенія энтропіи, нѣсколько ограничиваетъ область примѣненія принципа трансформации энергии. Запасъ свободной энергии, т.-е. такой, которая способна къ превращеніямъ въ другія формы, подлежитъ постоянному уменьшенію, ибо свободная

1) Ср. къ этому Липпсъ. „Философія природы“ (рус. пер. 1914 г.).
 2) Противъ такого положенія дѣла, впрочемъ, начинаютъ раздаваться протесты со стороны нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ, напр., Дюгема. См. его статью „Физика качества“ въ сборникѣ „Новыя идеи въ философіи“ № 2 (1912 г.).

энергія переходитъ постепенно въ такое состояніе, въ которомъ она уже не способна къ перераспредѣленію. Количество энергии остается прежнимъ, но цѣнность ея для насъ исчезаетъ, такъ какъ она не можетъ выполнять никакой работы. Это происходитъ потому, что всякая энергія склонна переходить въ тепловую, а теплота можетъ распредѣляться только въ одномъ направленіи: отъ болѣе теплаго тѣла къ болѣе холодному, но не обратно. Когда вся міровая энергія перейдетъ въ теплоту, а послѣдняя повсюду равномерно распредѣлится, то міръ прекратится всякое измѣненіе, исчезнетъ всякое упорное воспріятію движеніе, всякая физически выражающаяся жизнь. Матерія, согласно принципу энтропіи, стремится къ вѣчному успокоенію¹⁾.

Къ этому очерку слѣдуетъ прибавить, что всѣ наши разсужденія о физическихъ и химическихъ процессахъ не могутъ быть выражены ни въ какихъ наглядныхъ образахъ. Построенію современной наукой физическому міру вѣдь не соответствуютъ наши ощущенія и представленія въ ихъ подлинномъ видѣ, ибо въ нихъ масса чисто-субъективныхъ элементовъ, которые по возможности элиминированы изъ наукъ о физическомъ мірѣ. Картина міра, рисуемая естествознаніемъ, сводится къ системѣ абстрактныхъ понятій, изъ которыхъ выдѣлены почти всѣ воззрительные элементы, и которыя по существу не могутъ быть адекватно замѣщены никакими образами. Единственный образъ является здѣсь только символомъ абстрактнаго понятія, которое имъ воплоти не покрывается. Въ этомъ смыслѣ физическія науки даютъ намъ только символическія понятія о мірѣ.

III. *Міръ духовнаго опыта* представляетъ полную противоположность міру физическихъ явленій. На долю духовнаго міра остаются всѣ качественные элементы ощущеній. Точному количественному измѣренію, напротивъ, явленія духовныя

1) Въ послѣднее время, впрочемъ, возможность такого безусловнаго распространенія принципа энтропіи на весь міръ взята подъ сомнѣніе. Явленія, подобныя радиоактивности, заставляютъ думать, что въ природѣ происходятъ процессы и въ направленіи, противоположномъ энтропіи; будущее взять въ цѣломъ, поэтому міръ, быть можетъ, представляетъ собой совокупность противоположныхъ процессовъ, эволюцій и диссолюцій, родъ регрессивнаго mobile. См. Аррениусъ. „Представленія о строеніи вселенной въ разныя времена“ (рус. пер. 1914 г.).

совершенно не поддаются. Вѣдь измѣрять можно только ношенія длины, т.-е. пространственныя; психическія же явленія не пространственны. Если въ современной экспериментальной психологіи производятся измѣренія подобнаго рода, напримѣръ, опредѣляющія скорость разныхъ психическихъ процессовъ, то на самомъ дѣлѣ эти измѣренія имѣютъ дѣло не съ самими душевными переживаниями, а съ сопутствующими имъ физиологическими процессами. Самая же психическая жизнь есть во всякомъ случаѣ міръ качествъ и процессовъ, проводящихъ ихъ качественныхъ оцѣнокъ¹⁾. Основнымъ закономъ психической жизни является не законъ сохранения энергіи, опредѣляющій характеръ наукъ о мірѣ физическомъ, но формулированный Вундтомъ противоположный *принципъ нарастанія психической энергіи*²⁾. Слѣдуетъ только помнить, что рѣчь идетъ не столько о количественномъ увеличеніи энергіи, ибо количества не имѣютъ большого значенія въ опредѣленіи психическихъ процессовъ, сколько о качественномъ ея измѣненіи, которое состоитъ въ томъ, что при условіи своей непрерывности, психическій процессъ приводитъ къ углубленію и увеличенію въ интенсивности психической энергіи какъ отдѣльнаго индивида, такъ и цѣлыхъ обществъ.

Характеръ психической жизни опредѣляется указаннымъ тѣмъ же Вундтомъ явленіемъ *творческаго синтеза*. Это явленіе состоитъ въ томъ, что въ психической причинности *результатъ никогда цѣликомъ не содержится въ своихъ причинахъ*, но всегда представляетъ собою качественно-новый синтезъ, въ которомъ содержится нѣчто такое, что не содержалось въ вызвавшихъ его причинахъ. Такимъ образомъ, причинно дѣйствуетъ и въ психической жизни; здѣсь не можетъ быть явленія, которое бы не было обусловлено предшествующимъ состояніемъ. Но въ этой психической причинности заключенъ элементъ *творчества*, котораго нѣтъ въ причинности физической, и который приводитъ къ тому, что по причинности здѣсь нельзя безусловно предсказать характера слѣдствія.

¹⁾ Ср. къ этому Höfding, der menschliche Gedanke (1911), §§ 116—117.

²⁾ Вундтъ. Очеркъ психологіи § 23. Logik 3, III, 243 слл. System der Philosophie 3, II, 168 слл. Обзоръ различныхъ взглядовъ на психическую причинность см. у Зильковскаго. „Проблема психической причинности“ (1914 г.), 157—202.

ка оно не наступило. Только по наступленіи слѣдствія, репрессивнымъ путемъ, восходя къ породившимъ его причинамъ, можно установить въ точности содержаніе всего причиннаго ряда¹⁾.

Слѣдствіе къ психической жизни всегда представляетъ собою качественно-новый синтезъ. Изъ мускульныхъ ощущеній и реакцій глазной сѣтчатки на внѣшнія раздраженія рождается у насъ представленіе пространства трехъ измѣреній, которое, какъ таковое, въ этихъ отдѣльныхъ элементахъ не содержится и которое нельзя познать, не переживши его непосредственно. Изъ опущеній отдѣльныхъ музыкальныхъ тоновъ, взятыхъ вмѣстѣ, рождается качественно-новое ощущеніе аккорда, которое также нужно пережить, но нельзя вывести изъ опущенія отдѣльныхъ тоновъ. Напротивъ, физическому ничему не стоитъ впередъ начертать кривую тѣхъ колебаній звуковыхъ волнъ, которая будетъ адекватна музыкальному аккорду, взятому съ физической стороны, разъ онъ даетъ кривыя отдѣльныхъ тоновъ. Изъ всѣмъ намъ извѣстныхъ элементовъ представленій художникъ создаетъ картину, которая производитъ на насъ новое неотразимое впечатлѣніе, не содержащееся въ элементахъ картины, взятыхъ въ отдѣльности.

Благодаря этому явленію творческаго синтеза, мы и можемъ утверждать, что психическая энергія при непрерывности духовнаго процесса качественно нарастаетъ. Ея содержаніе углубляется тѣми новыми синтезами, которые создаются въ творческомъ процессѣ духовной жизни. Здѣсь мы постоянно встречаемся съ новыми продуктами этого творчества, которымъ чувство придаетъ положительное или отрицательное значеніе, и которые поэтому получаютъ для насъ значеніе *цѣнностей*. Такъ какъ при наличности этого постоянного творчества мы никогда не можемъ въ духовной сферѣ предсказать заранее съ совершенной точностью, въ чемъ именно будутъ состоять новые продукты духовной жизни, то мы можемъ говорить о некоторомъ элементѣ *свободы*, свойственномъ психической при-

¹⁾ См. примѣры такого анализа историческихъ событій у Ланно-Даннелескаго. „Методологія исторіи“, вып. I (1910 г.), 267 слл.

чинности¹⁾. Миръ физическій есть цѣликомъ миръ *необходимости* такъ какъ въ немъ все безусловно предопредѣлено: слѣдствіе здѣсь цѣликомъ заключается въ своихъ причинахъ, ничего не творится вновь, все сводится къ постоянному перераспредѣленію одного и того же запаса энергіи. Въ духовной жизни также все послѣдующее обусловлено предыдущимъ, но не всецѣло: и здѣсь ничто не происходитъ безъ причинъ, но самый процессъ духовной жизни постоянно привноситъ нѣчто новое, что не содержится въ предыдущемъ. Поэтому, даже зная хорошо характеръ извѣстнаго человѣка, мы можемъ предсказывать его поступки лишь съ извѣстной вѣроятностью, но не съ безусловной точностью. Человѣку необходимо въ каждый данный моментъ долженъ поступить такъ, какъ это слѣдуетъ изъ общаго его характера, какъ онъ сложился къ данному моменту, и изъ окружающей его обстановки. Но въ теченіе самаго дѣйствіи духовнаго процесса не перестаетъ творить, и потому самый характеръ нашъ постоянно мѣняется. Когда человѣкъ, совершивъ какой-нибудь важный актъ, говоритъ подъ вліяніемъ пережитаго потрясенія: „я могъ бы поступить иначе“, то онъ ошибается лишь на половину: когда онъ совершалъ извѣстное дѣйствіе, то онъ не могъ поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ; но теперь, совершивъ это дѣйствіе, онъ настолько измѣнился подъ вліяніемъ самаго дѣйствія, получилъ на столько новые синтезы и духовныя цѣнности, что онъ поступилъ бы иначе²⁾. Этотъ моментъ новаго и непредвидимаго творчества, характерный для духовной причинности и затрудняющій точныя предсказанія въ мирѣ духовныхъ явленій, и позволяетъ намъ говорить объ извѣстномъ элементѣ свободы въ духовномъ мирѣ, отличающемъ духовную причинность отъ причинности физической или механической.

¹⁾ См. статью „Психическая причинность и свобода воли“ въ *моей* книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1911 г.). Очень любопытное доказательство научной возможности сочетать свободу и необходимость, вытекающую изъ детерминизма, даетъ *E. Borel, Le hazard* (1914), 290 стр.; онъ утверждаетъ, что все научныя законы имѣютъ значеніе только приближительныхъ статистическихъ обобщеній, а такія обобщенія не устраняютъ принципиально свободу, но только, по закону большихъ чиселъ, элиминируютъ ея отклоняющее вліяніе на общее теченіе событій.

²⁾ См. *Bergson, Essai sur les données immédiates de la conscience* (рус. пер.: *Бергсонъ, Время и свобода воли*, 1911 г.).

Процессу нарастанія энергіи въ мирѣ духовномъ на сто-
нѣ міра физическаго соотвѣтствуетъ только непрерывность
физиологическихъ процессовъ, сопровождающихъ духовную
жизнь. *Качественныхъ же оцѣнокъ въ мирѣ физическомъ нѣтъ*.
Поэтому не можетъ здѣсь быть ничего подобнаго принципу
нарастанія духовной энергіи. Съ точки зрѣнія физической
или механической, въ окружающемъ насъ мирѣ физическихъ
явленій и въ собственномъ нашемъ тѣлѣ происходитъ только
постоянное перераспредѣленіе одного и того же запаса энергіи,
при чемъ, повидимому, количество свободной энергіи, способ-
ной къ трансформации, согласно принципу энтропіи, все
уменьшается. Но, взятый съ точки зрѣнія духовныхъ ощу-
щеній и оцѣнокъ, этотъ физическій миръ въ разныхъ своихъ
формахъ имѣетъ для насъ неодинаковую цѣнность. Его цѣн-
ность возрастаетъ, когда процессъ трансформации энергіи
происходитъ въ томъ направленіи, которое намъ желательно.
Воздѣйствіе человека на миръ сводится не къ тому, что чело-
вѣкъ вноситъ въ физическій миръ какую-нибудь новую
энергію, но въ томъ, что онъ *направляетъ* процессы пере-
распредѣленія энергіи въ сторону, желательную съ точки
зрѣнія качественныхъ, духовныхъ оцѣнокъ, дѣлаемыхъ чело-
вѣкомъ, какъ мыслящимъ и чувствующимъ существомъ.
Такимъ образомъ, принятіе принципа нарастанія духовной
энергіи, если помнить, что дѣло идетъ о качественной сто-
нѣ міра, нисколько не мѣшаетъ естествознанію, изучаю-
щему количественную сторону явленій опыта, оставаться
вѣрнымъ принципу сохраненія энергіи. Аналогичныя воз-
зрѣнія на отношеніе жизни и матеріи развиваетъ извѣстный
англійскій физикъ *Оливеръ Лоджъ* въ своемъ трудѣ „Жизнь
и матерія“ (русск. пер. 1908 г.). По мнѣнію Лоджа, жизнь
есть нѣчто независимое отъ матеріи, но вступающее съ ней
въ соединеніе, когда матерія получаетъ пригодныя для того
формы. Затѣмъ жизнь, ничего не мѣняя въ запасѣ физи-
ческой энергіи, руководитъ ею, направляя ея перераспре-
дѣленія въ качественно-цѣнную для духа сторону. Амери-
канскій біологъ *Ч. С. Майнотъ* (см. его „Современныя про-
блемы біологіи“, рус. пер. 1913 г.), останавливаясь на во-
просѣ о взаимоотношеніи жизни и матеріи, также приходитъ
къ выводу, что въ явленіяхъ жизни огромное значеніе имѣетъ
сознаніе, которое онъ отказывается разсматривать просто,

как эпифеноменъ, т.-е. какъ нѣчто, сопровождающее только физиологическіе процессы, но не оказывающее на нихъ вліянія, и не считаетъ возможнымъ также сводить къ энергіи физической, такъ какъ ни въ опытѣ, ни въ наблюденіяхъ не видитъ и намека на то, чтобы физическая энергія могла быть обращена въ сознание. Поэтому онъ заключаетъ, что „сознание можетъ вызывать превращенія энергіи, но само по себѣ не есть энергія“ (въ смыслѣ, конечно, пространственной физической энергіи).

Такимъ образомъ, можно въ указанномъ выше смыслѣ говорить и о *свободѣ воли*, не впадая въ противорѣчіе съ принципомъ причинности и не касаясь физической причинности. Необходимо только ясно представлять себѣ коренное отличіе причинности духовной съ ея творческимъ характеромъ отъ причинности механической съ ея безусловной необходимостью ¹⁾.

III. Люди находятся между собою въ процессѣ постоянного духовнаго общенія. Человѣкъ есть существо социальное по самой своей природѣ и внѣ общенія представлено можетъ быть только временно. Общеніе людей приводит къ тому, что ими создаются такія идеи и такія чувства, которые оказываются достояніемъ большого количества индивидовъ, связанныхъ между собою какими-нибудь узами, составляютъ то, что называется *общественнымъ сознаниемъ* ²⁾. Въ составѣ общественнаго сознания, захватывающаго болѣе или менѣе широкіе слои людей, иногда объединяющаго собою, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ даже все мыслящее человѣчество, входятъ такіе элементы, какъ наука, религія, нравственныя воззрѣнія, произведенія искусства. Все это — тѣ духовныя синтезы, которые созданы, конечно, при участіи отдѣльныхъ людей, но на почвѣ общенія, и которые въ процессѣ общенія людей получили общее признаніе, стали достояніемъ

¹⁾ Какъ показываетъ *Lepp*, das Problem der Theodicee in der Phil. und Lit. d. 18. Jahrhundert. (1910), 290, 387, именно отсутствіе правильнаго представленія объ отличіи психической причинности отъ физической составило для Канта главное затрудненіе при рѣшеніи моральной проблемы въ частности, вопроса о свободѣ воли.

²⁾ См. объ этомъ статью „Социальный организмъ“ въ *моей* книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1911 г.). См. также статью „Социальная связь“ въ „Вопр. фил. и псих.“, кн. 141 (1918 г.).

общественнаго сознания. Такъ какъ эти синтезы встрѣчаютъ въ себѣ въ то же время положительное отношеніе со стороны словѣческихъ массъ, то они являются цѣнностями. Такъ мы подошли къ понятію такъ называемыхъ *культурныхъ ценностей*, составляющихъ наиболѣе дорогое достояніе мыслящаго человѣчества.

Процессъ духовнаго общенія людей имѣетъ свою закономерность. Есть извѣстныя общія условія, которымъ подчиняется это общеніе и измѣнить которыхъ внѣ власти людей. Наука, которая изучаетъ законы междуиндивидуальной психической жизни, называется *соціальной* или *коллективной психологіей* и, по моему убѣжденію, является важнѣйшей составной частью такъ называемой социологіи ¹⁾. Соціальныя законы суть общія схемы о порядкѣ, въ которомъ протекаетъ процессъ междуиндивидуальнаго духовнаго общенія. Это — законы социальной психики. Мы имѣемъ полное право говорить о социальной психикѣ, не впадая ни въ какую метафизику, если только станемъ на точку зрѣнія актуальнаго ученія о душѣ, которое отрѣшается отъ всякаго представленія объ особой духовной субстанціи, какъ носительницѣ духовныхъ процессовъ, и видитъ единство духовной жизни просто въ закономерной связности духовныхъ процессовъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ, говорить Вундтъ ²⁾, непригодное для эмпирическаго изслѣдованія метафизическое понятіе о душѣ и связанную съ нимъ фикцію о „законахъ“, и будемъ понимать подъ „душою“ лишь совокупное содержаніе душевныхъ переживаній, а подъ психическими законами — замѣчаемую въ этихъ переживаніяхъ закономерность, то „душа народа“ будетъ столь же приемлемымъ и даже необходимымъ объектомъ психологическаго изслѣдованія, какъ и индивидуальная душа“.

Социальная психика, получаясь изъ закономернаго взаимодѣйствія психикъ отдѣльныхъ людей, обнаруживаетъ свойства, аналогичныя со свойствами психики индивидуальной. Лежащая въ ея основѣ причинность есть все та же самая психическая причинность. Поэтому и въ жизни об-

¹⁾ См. *мою* статью „Предметъ и методъ социологіи“ въ указ. книгѣ. См. также статью „Классификація наукъ“ въ Вопр. фил. и псих.“ кн. 139 (1917 г.). Ср. Вундтъ „Проблемы психологіи народовъ“ (рус. пер. 1912 г.), 9 сл., 56 сл.

²⁾ Вундтъ. „Проблемы психологіи народовъ“ (рус. пер. 1912 г.), 21.

щества мы наблюдаемъ дѣйствіе того же самаго закона творческаго синтеза, который составляетъ основной принципъ психической жизни индивида. Соціальная психика въ процессахъ общественнаго сознанія также постоянно творитъ качественно новые синтезы, которымъ общественное чувство придаетъ положительную цѣнность. Содержаніе общественнаго сознанія въ этомъ творческомъ процессѣ постоянно расширяется и углубляется. Законъ творческаго синтеза въ процессѣ мѣненіи къ общественно-психической жизни порождаетъ явление, которое обычно называется *творчествомъ культурныхъ цѣнностей*. Такъ какъ человѣчество въ лицѣ его культурной части считаетъ эти цѣнности самымъ дорогимъ своимъ достояніемъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что оно испытываетъ интересъ ко всякому шагу, произведенному людьми въ этомъ процессѣ культурнаго творчества. Этимъ объясняется тотъ интересъ, который проявляютъ люди къ изученію своей исторіи. *Исторія* есть наука о тѣхъ шагахъ, которые совершало культурное человѣчество на своемъ пути къ созданію всякаго рода культурныхъ цѣнностей, логическихъ, этическихъ и эстетическихъ (объ этомъ подробнѣе см. § 10).

Указанныя особенности соціального процесса естественно приводятъ къ тому явленію, которое выдвинулъ на первый планъ Вундтъ ¹⁾ подъ именемъ своего извѣстнаго закона *гетерогоніи цѣлей*. Такъ какъ въ жизни общества постоянно происходитъ творчество, такъ какъ она вырабатываетъ постоянно новые синтезы, которыхъ не заключалось въ элементахъ, ихъ породившихъ, то мы никогда не можемъ здѣсь дѣлать вполнѣ точныхъ расчетовъ и предсказаній. Политическіе дѣятели могутъ составлять самые обдуманые планы своихъ шаговъ въ общественной жизни и тѣхъ реформъ, которыя они желаютъ здѣсь провести. Но они никогда не могутъ вполнѣ безошибочно предсказать результаты сдѣланныхъ ими шаговъ или проведенныхъ реформъ, хотя бы при своихъ расчетахъ руководились самыми тщательными наблюденіями надъ окружающею ихъ дѣйствительностью и основа-

¹⁾ Wundt. System ³, I, 326 слл., 329 слл., 336. Logik ³, III, 274 слл. Ethik ³, I, 108 слл., 159, 274 слл., II, 52, 95 слл. *Ego esse*. „Очеркъ психологии“, 378 слл. Ср. Eisler. „Grundlagen der Philosophie des Geisteslebens“, 1908.

тельными знаніями о законахъ соціальной жизни ¹⁾. Дѣло въ томъ, что общественная жизнь при самомъ процессѣ производства задуманныхъ реформъ мѣняется. Каждую реформу приходится поэтому осуществлять въ обстановкѣ, уже измененной ея проведеніемъ въ жизнь, т. е. отличной отъ той, при которой реформа была задумана. Совершенно естественно, что реформа непременно вызоветъ не совсѣмъ тѣ результаты, которые отъ нея ожидалось. Иногда бываетъ и такъ, что извѣстный политическій шагъ вызываетъ результаты, въ конечномъ счетѣ прямо противоположные ожиданіямъ тѣхъ людей, которые его совершили.

„Замѣчательно, — говоритъ профессоръ Бузескулъ въ своей „Исторіи Афинской демократіи“ (стр. 116—117), — что Кимонъ невольно, вопреки даже своему желанію, содѣйствовалъ развитію такихъ явленій и усиленію такихъ элементовъ, въ подавленіи которыхъ, казалось, должна была состоять его задача въ качествѣ вождя партіи аристократической, на примѣръ, усиленію элемента демократическаго. Сподсобствовалъ онъ этому уже самыми своими морскими побѣдами, одерживаемыми имъ во главѣ того флота, гдѣ такую роль играли граждане четвертаго класса; сподсобствовалъ онъ усиленію демократическаго духа до нѣкоторой степени и своимъ обращеніемъ, своею мудростью, своими чисто-демагогическими приѣмами и т. д.“ — Введеніе денежной подати союзниковъ въ пользу Афинъ на содержаніе флота, рассказываетъ тотъ же историкъ, было вызвано просьбами самихъ же союзниковъ, которые желали обезпечить себѣ наиболѣе выгодныя условія. Но на дѣлѣ подать эта привела къ тому, что союзники мало-по-малу отвыкали отъ военнаго дѣла, ихъ силы уменьшались, а силы Афинъ увеличивались на ихъ счетъ“ (стр. 145). — Когда Марій, представитель демократической партіи въ Римѣ, въ цѣляхъ приспособленія римскаго войска къ новымъ условіямъ политической и общественной жизни, проводилъ свою извѣст-

¹⁾ Ср. Вундтъ. „Проблемы психологии народовъ“ (рус. пер. 1912 г.), стр. 19. „Всѣ духовныя явленія втянуты въ тотъ потокъ исторической эволюціи, въ которомъ прошлое, хотя и содержитъ въ себѣ зачатки развитія законовъ, пригодныхъ для будущаго, однако, эти законы никогда не могутъ быть исчерпывающимъ образомъ предопредѣлены прошлымъ. Поэтому въ каждый данный моментъ можно въ крайнемъ случаѣ предсказать *направленіе* будущаго развитія, но никогда не самое развитие“.

ную военную реформу, которая обратила римские легионы из прежней гражданской милиции в наемные отряды, то он конечно, не предвидѣлъ, что создастъ этимъ одно изъ главныхъ условий для установленія въ Римѣ монархическаго начала и для гибели республики. — По выраженію нашего виднаго историка В. О. Ключевского ¹⁾, въ исторіи постоянно приходится считаться съ особой внутренней закономерностью не поддающейся умотрѣнію людей, которые дѣлаютъ людскія дѣла, и обыкновенно называемой *силою вещей* („Курсъ русской исторіи“, III, 164). Эта сила вещей постоянно вызываетъ послѣдствія, непредвидимыя историческими дѣятелями. С одной стороны, жизнь иногда „дѣлесообразно перерабатываетъ самыя рискованныя мѣропріятія законодателя“ (IV, 139). Такъ введенная Петромъ I подушная подать неожиданно привела къ расширенію площади крестьянской запашки. Но тотъ же процессъ приводитъ и къ возникновенію послѣдствій, прямо противоположныхъ желаніямъ реформатора. Петръ, создавая регулярную армію и особенно гвардію, не подозрѣвалъ, какое употребленіе сдѣлаютъ изъ нихъ его преемники и преемницы и какое употребленіе онѣ сдѣлаютъ изъ его преемниковъ и преемницъ (IV, 111). Непредвидѣннымъ слѣдствіемъ помѣстной системы, по мнѣнію Ключевского, явился медленный яблѣый ростъ нашихъ городовъ и городской промышленности; дѣло въ томъ, что эта система увлекла изъ города въ деревню массу служилыхъ людей и лишила городскихъ ремесленниковъ цѣлаго класса заказчиковъ и потребителей (II, 303). Успѣхи Богдана Хмѣльницкаго, по словамъ Ключевского, „превозмогли его помышленія: онъ вовсе не думалъ разрывать съ Рѣчью Посполитою, хотѣлъ только припугнуть зазнавшихся пановъ, а тутъ послѣ трехъ побѣдъ почти вся Малороссія очутилась въ его рукахъ. Онъ самъ признавался, что ему удалось сдѣлать то, о чемъ онъ и не помышлялъ“ (III, 143). Часто при этихъ условіяхъ люди дѣлаютъ великія дѣла, которыя, въ сущности, не входили въ ихъ планы, но сами собою навязывались имъ ходомъ исторической жизни. Такъ, В. О. Ключевскій характеризуетъ реформу Петра I: „Мы склонны думать, что Петръ I и родился съ мыслью о реформѣ, считалъ ее своимъ провиденціальнымъ призваніемъ, своимъ

историческимъ назначеніемъ. Между тѣмъ, у самого Петра замѣтно долго такого взгляда на себя. Его не воспитали мысли, что ему предстоитъ править государствомъ никуда не годнымъ, подлежащимъ полному преобразованію... Онъ просто дѣлалъ то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя предварительными соображеніями и отдаленными планами, и все, что онъ дѣлалъ, онъ какъ-будто считалъ своимъ текущимъ очереднымъ дѣломъ, а не реформой: онъ и самъ не замѣчалъ, какъ этими текущими дѣлами онъ все мѣнялъ вокругъ себя, — и людей, и порядки“ (IV, 272—273).

Мы убѣдились въ томъ, что какъ индивидуальная, такъ и социальная психика въ своемъ процессѣ являются закономерными: ничего здѣсь не происходитъ безпричинно, и каждое событіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что ему предшествовало. Но въ то же время эта закономерность отличается творческимъ характеромъ, который полагаетъ принципиальную грань между нею и закономерностью физическаго міра. Исходя изъ этихъ соображеній, мы и должны при изученіи эмпирической дѣйствительности дѣлать различіе между двумя группами наукъ: *науками о природѣ* и *науками о духѣ*. Предметы ихъ изученія настолько различны, методы изслѣдованія настолько разнородны, что мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что при классификаціи наукъ это раздѣленіе должно занимать одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Мы считаемъ неправильной всякую такую классификацію наукъ, въ которой отличіе міра физическаго и духовнаго будетъ выдвинуто не съ надлежащей силою.

§ 9. Метафизика и наука.

I. Кантъ опредѣляетъ *метафизику*, какъ познаніе a priori, познаніе не изъ опыта, а только изъ понятій, проистекающее изъ чистаго разсудка или чистаго разума. Считая единственной доступной намъ реальностью ту, которую открываетъ намъ опытъ, Кантъ выражалъ сомнѣніе въ возможности знанія, выходящаго за предѣлы опытныхъ данныхъ, и въ этомъ заключался смыслъ его знаменитаго вопроса: возможна ли метафизика въ смыслѣ науки? Поставивъ этотъ вопросъ,

¹⁾ См. мою статью, указанную на стр. 5, прим. 2.

Кантъ тѣмъ самымъ покончилъ съ метафизическимъ догматизмомъ, который сооружалъ самыя смѣлыя умозрительныя системы, не подвергнувъ достаточному обсужденію предварительнаго вопроса о сущности метафизики и объ ея методѣ.

Построеніе метафизическихъ системъ вызывается неустранимой для мыслящаго человѣка потребностью найти завершеніе своему логическому знанію и получить отвѣты на вопросы, которые не находятъ своего разрѣшенія въ наукѣ. Мы только-что убѣдились, что анализъ эмпирической дѣятельности не приводитъ насъ къ цѣльному міровоззрѣнію. Мы видѣли, напримѣръ, что для науки остается неустранимымъ фактомъ дуализмъ міра физическаго и психическаго съ разнохарактерной причинностью того и другого порядка явленій. Нетрудно убѣдиться и въ томъ, что наука вообще на цѣлый рядъ вопросовъ намъ не даетъ отвѣта, а, съ правильной точки зрѣнія, и дать на нихъ не можетъ. Разсуждая о дискурсивномъ характерѣ научнаго знанія, я указалъ на то, что самая правомѣрность логики основывается на метафизическихъ недоказуемыхъ утверженіяхъ; точно такъ же въ предѣлахъ научнаго знанія лежатъ вопросы о красотѣ, добротѣ и вообще всѣхъ тѣхъ основныхъ цѣнностяхъ, которыми живутъ люди. У человѣка мыслящаго есть неискоренимая потребность логически разобраться въ этихъ вопросахъ и найти какой-нибудь рациональный путь къ ихъ разрѣшенію, если точная наука ихъ не рѣшаетъ и, въ сущности, даже не ставитъ.

Этой потребности и отвѣчаютъ *раціоналистическія системы метафизики*. Въ ихъ основѣ лежитъ такое соображеніе: если въ опытѣ не содержится никакихъ данныхъ для рѣшенія подобныхъ конечныхъ проблемъ, то не можемъ ли мы обратиться до ихъ разрѣшенія средствами одного мышленія? Опытное знаніе оставляетъ насъ передъ незаконченной и дуалистической картиной міра, распадающагося на міръ физическій и міръ духовный. Между тѣмъ, въ насъ живетъ потребность въ цѣльной и сведенной къ единству картинѣ міра. Потребность эта создается въ насъ характеромъ самого же логическаго мышленія, которое неудержимо стремится къ единству. Мы видѣли, что критеріемъ логической истинности является именно единство нашихъ сужденій о мірѣ. Если это единство не можетъ быть достигнуто въ предѣлахъ опыта,

нельзя ли его достигнуть силами одного чистаго разума за предѣлами? И это стремленіе тѣмъ болѣе понятно, что чистая наука вынуждена пополнять данныя опыта такими помыслами, которыя подъ дѣйствіемъ практической необходимости примышляются нами къ опыту, какъ его логическія обоснованія. Таковы знакомыя намъ понятія вещи въ себѣ, принятія чужого одушевленія. Нельзя ли по этому пути пойти дальше и силою мышленія привести картину міра къ полному единству, преодолѣть тотъ плюрализмъ, въ предѣлахъ котораго вынуждено работать эмпирическое знаніе?

Раціоналистическая метафизика, такимъ образомъ, *монистична* по самому своему принципу. „Гдѣ начинается дуализмъ, тамъ кончается раціоналистическое познаніе. Чѣмъ рациональнѣе философскія системы, тѣмъ менѣе онѣ дуалистичны“¹⁾. Удовлетворяя интеллектуальной потребности въ единствѣ, раціоналистическая метафизика хочетъ представить намъ міръ въ видѣ логическаго единства, въ видѣ раскрытія какого-нибудь единаго начала, къ которому мышленіе приводитъ все многообразіе эмпирической дѣятельности. Разница между системами раціоналистическаго монизма заключается, главнымъ образомъ, къ тому, какое именно начало полагается философомъ въ основу міра. Соответственно съ этимъ можно различать три основныхъ вида раціоналистическаго монизма: 1) *материализмъ*, который кладетъ въ основу міра понятіе матеріи; 2) *трансцендентный монизмъ*, или *пантеистическій монизмъ*, который выводитъ міръ изъ неизвѣстной по существу субстанціи, отдѣльными проявленіями коей является міръ физическихъ и духовныхъ феноменовъ; 3) *идеализмъ* или *спиритуализмъ*, который въ основу міра полагаетъ духовное начало. Посмотримъ, на чемъ держатся эти виды метафизическаго монизма.

По моему мнѣнію, если уже придерживаться монистической точки зрѣнія, то изъ всѣхъ видовъ монизма гносеологически наиболѣе обоснованнымъ является монизмъ идеалистическій. Остальные два вида не выдерживаютъ серьезной критики. Этимъ я не хочу сказать, однако, что считаю идеалистическую метафизику вполне обоснованнымъ ученіемъ. Можно сомнѣваться въ томъ, мыслимо ли вообще мо-

¹⁾ К. Fischer. „Geschichte d. neuer. Philosophie“ 4, II, 549.

нистическое объяснение мира. Дѣло въ томъ, что и съ точки зрѣнія идеалистическаго монизма многое въ мірѣ удивительно пока не объяснено, а, можетъ быть, и никогда не будетъ объяснено. Прежде чѣмъ перейти къ этому вопросу о законѣрности самого монизма, бросимъ бѣглый взглядъ на указанныя три системы метафизическаго монизма.

Что касается *материализма*, то эта метафизическая система окончательно рушится на почвѣ чисто гносеологическихъ соображеній. Мы видѣли, что матерія является одной изъ основныхъ понятій физическаго міра. Вся научная картина этого міра построена нашимъ мышленіемъ изъ матеріи опыта, подвергнутого радикальной очисткѣ: изъ опыта устранены по возможности всѣ чисто субъективные элементы. Въ концѣ концовъ на долю естествоиспытателя остаются только абстракціи, одни символы; наглядно содержаніе понятій естествознанія представлено быть не можетъ. Физическій міръ слагается изъ пространственно-временныхъ отношеній, присущихъ матеріи. Это понятіе матеріи указываетъ гипотетическую основу міра физическаго, матерія является субстратомъ всѣхъ физическихъ явленій. Но въ самомъ опыте матерія не содержится. Эта абстракція, какъ объясняетъ Вундтъ ¹⁾, сложилась изъ сочетанія пространства съ причинностью. Всѣ основныя свойства физической матеріи — постоянный порядокъ соотношеній, простота, неизмѣнность — свойства пространства; матерія, надѣленная этими свойствами является носителницей физическихъ силъ, т.-е. начала физической причинности, принимающей разныя формы въ положеніи къ разнымъ физическимъ явленіямъ.

Если путемъ отвлеченнаго мышленія создано это основное понятіе естествознанія, то, спрашивается, какимъ образомъ можетъ быть это же понятіе объявлено метафизической основой всего міра, такъ что всѣ духовныя явленія утратятъ свою самостоятельность и обратятся въ проявленіе этого матеріальнаго начала? Тогда мы и мысль должны будемъ выводить изъ матеріи, объявлять ее чѣмъ-то въ функции мозга, какъ обыкновенно и поступаютъ материалисты. Но какъ можетъ матерія, понятіе, созданное мыслью, быть основой самой мысли, ее породившей? Какъ можетъ проду-

¹⁾ Wundt. Logik ³, I, 532—536.

дить образовавшую его причину? Нелѣпость такого понятія вполне очевидна ¹⁾.

Другими словами, изъ той опосредствованной мышленіемъ причины, которая составляетъ нашъ физическій міръ, мы не можемъ выводить процессовъ, гораздо ближе и непосредственнѣе намъ извѣстныхъ, какими являются наши духовныя процессы со включеніемъ самого мышленія. Мы вѣдь ничего не знаемъ о самой сущности такъ называемыхъ физическихъ процессовъ и явленій, ничего въ этой области не можемъ представить себѣ наглядно, оперируемъ здѣсь исключительно абстрактными понятіями, выражаемыми въ символической формѣ. Было бы совершенно неосновательно именно мало извѣстную намъ сторону міра класть въ основу философской системы, которая имѣетъ задачей объясненіе всего міра со включеніемъ гораздо болѣе непосредственно намъ извѣстныхъ по личному переживанію процессовъ духовной жизни. Это значило бы болѣе извѣстное объяснять съ помощью менѣе извѣстнаго. Дѣло не измѣнится отъ того, что по примѣру Оствальда, вмѣсто матеріи станемъ говорить о энергіи. Всегда останется то различіе физической энергіи и психической, что первая — протяженна, а вторая — непространственна ²⁾. Сверхъ того, физическая энергія есть такъ же абстрактное понятіе, какъ матерія, и одинаково не годится для объясненія всего міра, а ставитъ на одну линію понятіе физической энергіи и психической при ихъ различіихъ свойствахъ — значитъ выходитъ за границы эмпиризма создавать такое отвлеченное понятіе энергіи, объединяющей извѣстный намъ въ опытѣ физическій и духовный міръ, для этого понятія въ опытѣ не окажется даже никакихъ аналогій. Это составитъ уже переходъ къ агностицизму или трансцендентному монизму.

Слово „*трансцендентный*“ мы употребляемъ въ примѣненіи къ этому второму виду рационалистическаго монизма не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляли, говоря о трансцендентномъ бытіи или о трансцендентности чужого сознания.

¹⁾ О материализмѣ см. Челпановъ. „Мозгъ и душа“. См. также Лопатинъ. „Полож. зад. фил.“, 2, I, 121 слл. В. Эрбманнъ. „Научныя гипотезы души и тѣла“ (1910 г.).

²⁾ Höffding. „Der menschliche Gedanke“, 34.

нія (выше, § 7). Тогда мы разумѣли понятія, выходящія предѣлы даннаго въ сознаниі опыта, нашихъ непосредственныхъ ощущеній. Теперь мы говоримъ о трансцендентномъ новаго порядка: о такой метафизикѣ, которая пользуется понятіями, для которыхъ въ опытѣ *нѣтъ даже никакой аналогіи* ¹⁾. Такого рода монистическая система предлагаетъ намъ положить въ основу міра не физическое и не психическое начало, но *невѣдомую и непознаваемую субстанцію*, проявленіемъ которой служатъ физическія и психическія явленія. Но эти проявленія, доступныя нашему воспріятію, не исчерпываютъ этой субстанціи, которая можетъ имѣть массу иныхъ атрибутовъ, намъ невѣдомыхъ.

Въ основѣ такой метафизики лежитъ правильная мысль о томъ, что наше человѣческое познание слишкомъ ограничено, чтобы познать истинную сущность міра. Но эта мысль выражена въ такой рѣзкой формѣ, что она содержитъ въ себѣ въ сущности, отказъ отъ всякой метафизики, отъ всякихъ попытокъ хотя бы путемъ предположеній проникнуть въ существо міра. Дѣйствительно, лучше открыто отказаться отъ всякой метафизики и оставить безъ удовлетворенія присущую человѣку метафизическую потребность, чѣмъ преподносить этотъ отказъ въ замаскированной формѣ агностическаго монизма.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь агностическій или трансцендентный монизмъ намъ ничего не объясняетъ. Если философъ на вопросъ о томъ, что такое міръ въ самомъ своемъ существѣ, отвѣчаетъ что міръ есть непознаваемая субстанція, это равносильно тому, что онъ ничего не отвѣчаетъ; онъ только въ другой формѣ повторяетъ поставленный ему вопросъ. Такая отрицательная оцѣнка агностическаго монизма вполне подтверждается тѣмъ, что, когда философъ этого типа, становясь въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, начинаетъ излагаетъ намъ свои предположенія о сущности этой непознаваемой субстанціи, то онъ незамѣтно впадаетъ въ термины матеріализма или идеализма, т.-е. старается рассуждать по аналогіи съ тѣмъ міромъ, который онъ знаетъ по эмпирическимъ даннымъ ²⁾.

¹⁾ Ср. къ этому *Eisler*. „Wörterbuch d. Philos. Begriffe“, s. v, Transcendent

²⁾ См. для примѣра *Риль*. „Введение въ современную философію“, гл. V

Въ виду всего изложеннаго, изъ всѣхъ системъ метафизическаго монизма рѣшительное предпочтеніе приходится отдать *панпсихизму* или *спиритуализму*. Эта метафизика предлагаетъ сматривать весь міръ по аналогіи съ извѣстнымъ каждому намъ по непосредственному переживанію психическимъ процессомъ. Хотя ученіе о духовной жизни въ эмпирической действительности такъ же, какъ и ученіе о мірѣ физическомъ, создается изъ элементовъ опыта, обработанныхъ мышленіемъ, но тѣмъ не менѣе міръ психической извѣстенъ намъ гораздо ближе и гораздо болѣе непосредственно, чѣмъ міръ физическій. Во-первыхъ, для его построенія не было произведено такой очистки ощущеній отъ всѣхъ качественныхъ, чисто субъективныхъ элементовъ, которая потребовалась для разрушенія физическаго міра; слѣдовательно, самый опытъ тѣмъ здѣсь въ болѣе полномъ видѣ. Во-вторыхъ, хотя, конечно, субъектъ, носитель психической жизни, создается нами въ противоположеніи къ объекту, тѣмъ не менѣе въ составѣ субъекта входитъ и тотъ активный элементъ сознания, отъ котораго исходить всякое соотношеніе и противоположеніе и который самъ данъ намъ совершенно безотносительно, т.-е. само анализирующее мышленіе. Принимая это во вниманіе, мы можемъ сказать, что внутренній міръ, міръ духовной жизни, данъ намъ гораздо *болѣе непосредственно, чѣмъ міръ психическій*. Если мы можемъ дѣлать какія-либо догадки о вещахъ въ себѣ, то именно отъ непосредственному ея переживанію.

Если мы ступимъ на путь такой аналогіи и будемъ стремиться создать монистическую картину міра, то получится гипотеза всеобщаго одушевленія, или такъ называемый *панпсихизмъ* ³⁾. Все въ мірѣ окажется по своему существу психическимъ, начиная съ человѣка и кончая не только растительнымъ, но и минеральнымъ царствомъ. Вездѣ мы имѣемъ передъ собою психики, но только надѣленные разными степенями сознания, отъ высшаго сознания человѣка вплоть до

³⁾ См. очеркъ у *Паульсена*. „Введение въ философію“ ³⁾, 91 слл. *В. Эрдманнъ*. „Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ“, гл. XV. *Eisler*. „Leib und Seele“ (1906).

Его же. „Einführung in die Erkenntnistheorie“ (1907).

безконечно малаго, или, по выраженію Вундта ¹⁾, *ментального сознанія*, присущаго неодушевленной, съ точки зрѣнія эмпиризма, природѣ. Въ такомъ случаѣ физическій міръ окажется не имѣющимъ самостоятельнаго значенія: онъ есть лишь проявленіе при извѣстныхъ условіяхъ духовнаго міра, составляющаго единственную реальность. Психические процессы, изъ которыхъ состоитъ міръ, протекаютъ раздѣльно и не могутъ сливаться въ одно. Они только находятся въ взаимодѣйствіи между собою и производятъ другъ на друга въ этомъ взаимодѣйствіи впечатлѣніе физическаго. Физическое тѣло есть не что иное, какъ чужая психика, какъ она воспринимается моею психикой; и моя собственная психика, посколькy она мной самимъ воспринимается въ отношеніи къ чужимъ психикамъ, получаетъ видъ моего тѣла. Пространство есть та форма, въ которой отдѣльныя психики воспринимаютъ свою раздѣльность. Время же есть форма воззрѣнія въ которой психика воспринимаетъ самое себя.

Картина міра получаетъ такой видъ. Рядомъ протекаютъ массы психическихъ процессовъ различной степени сознательности. Въ каждомъ изъ нихъ происходитъ въ той или иной степени процессъ качественного творчества, характерный для духовной жизни. Процессы эти воздѣйствуютъ другъ на друга, но не сливаясь вмѣстѣ, а оставаясь раздѣльными, и каждое изъ нихъ это взаимодѣйствіе представляется въ видѣ міра физическаго въ пространствѣ, гдѣ происходитъ постоянное перераспредѣленіе одного и того же запаса физической энергіи. Формы этого перераспредѣленія, однако, различно осуществляются психиками, и наиболее интенсивныя духовныя процессы воздѣйствуютъ на наименѣе интенсивныя въ томъ же направленіи, чтобы устроить соотношеніе элементовъ, представляющееся въ видѣ физическаго міра, въ направленіи, наиболее желательномъ для духа. Такимъ образомъ, проблема соотношенія физическаго и психическаго метафизически упрощается: нѣтъ ничего, кромѣ психическаго начала, и мы имѣемъ только воздѣйствіе психикъ другъ на друга, воспринимаемое ими въ видѣ представленія соотношенія физическихъ тѣлъ въ пространствѣ. Въ эмпирической наукѣ, которая ограничивается анализомъ ощущеній и не проникаетъ въ глубь вещей, этотъ монизмъ превращается въ дуализмъ

¹⁾ Wundt. „System d. Phil.“ 3, II, 145.

хическаго и физическаго міра, и возникаетъ проблема соотношенія физическаго и психическаго начала. Понятно, въ эмпирическомъ мірѣ процессы тѣлесной жизни идутъ параллельно съ процессами духовной жизни: съ точки зрѣнія материалистическаго монизма тѣло есть тотъ же духъ, взятый въ его обращеніи къ другимъ психикамъ. Вотъ почему и процессу творчества культурныхъ цѣнностей на сторонѣ физической отвѣчаетъ непрерывность физическихъ процессовъ, въ которыхъ проявляется самый фактъ взаимодѣйствія отдѣльных психикъ.

Физическій принципъ энтропіи съ точки зрѣнія подобнаго метафизики ¹⁾ можетъ имѣть слѣдующее объясненіе. Онъ означаетъ, что когда-то въ отдаленномъ будущемъ прекратится всякій физическій міръ, который бы былъ доступенъ нашему воспріятію. Въ самомъ дѣлѣ: если въ мірѣ матеріи прекратится всякое движеніе въ смыслѣ перераспредѣленія энергіи, то этотъ міръ не будетъ уже раздражать наши высшія чувства и не будетъ нами восприниматься. Но изъ этого прекращения міра физическаго не слѣдуетъ, что прекратится и духовная жизнь. Хотя въ предѣлахъ эмпиризма духъ извѣстенъ намъ лишь въ соединеніи съ тѣломъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ существовать и безъ физическаго проявленія. Со смертію прекращается только сознательная жизнь, но мы ничего не можемъ сказать о судьбѣ подсознательной сферы, о которой намъ вообще ничего неизвѣстно именно потому, что она находится ниже порога сознанія, но наличность которой намъ необходимо приходится примышлять къ опыту даже въ предѣлахъ эмпирической психологіи, такъ какъ иначе намъ ничего не удастся связно объяснить въ сознательной психической жизни ²⁾. Признать существова-

¹⁾ Такое метафизическое значеніе принципъ энтропіи можетъ получить лишь въ томъ случаѣ, если имъ всецѣло опредѣляется міровой процессъ, что далеко не всеми учеными допускается.

²⁾ См. о подсознательной психикѣ мою статью „Соціальная связь“ въ Вѣстн. фил. и псих., 1918 г., кн. 141—2. Dwellshauwers, L'inconscient. 1916 г. H. H. Strow. „La subconscience“ (1908 г., пер. съ англ.). П. П. Соколовъ, въ „Философскомъ сборникѣ Л. М. Лопатину“ (1911 г.). Ribot, „Essai sur l'imitation creative, appendice“. В. Баррэтъ, „Загадочныя явленія челоѣвеческой психики“ (рус. пер. 1914 г.). Мистическую философію строить на почвѣ ученія о подсознательной жизни Дю-Прель: „Философія мистики“ (рус. пер., 2 изд. 1911 г.).

ніе недоступной сознанию психики послѣ смерти, послѣ разрушенія тѣла, не противорѣчитъ, такимъ образомъ, опытнымъ даннымъ. Можно допустить поэтому, что психическая жизнь независима отъ тѣла, сохранится и по исчезновеніи физическаго міра вообще. Такъ какъ физическій міръ былъ результатомъ раздѣльности психикъ, находившихся въ процесѣ взаимодѣйствія, то его исчезновение будетъ означать, прекратилось раздѣльное состояніе психикъ, и онѣ слились въ единый міровой духъ, или же наступило окончательное расхождение психикъ и прекращеніе ихъ взаимодѣйствія. Духу монизма, конечно, болѣе отвѣчаетъ первое предложеніе ¹⁾.

Съ точки зрѣнія идеалистической метафизики весь міръ легко можетъ быть представленъ, какъ вполне *цѣлесообразный процессъ творчества*, ведущій къ созданію цѣнностей. Самое положеніе людей въ этомъ процессѣ опредѣляется ихъ отношеніемъ къ творчеству цѣнностей. Въ этомъ и состоитъ главная привлекательность метафизическаго идеализма для людей: съ принятой имъ позиціи легче, чѣмъ съ позиціи матеріализма, получить объясненіе и оправданіе человеческихъ цѣнностей, построить картину міра, которая удовлетворяла бы и нашимъ этическимъ запросамъ.

II. Есть, впрочемъ, слабыя стороны и въ наиболѣе сильной системѣ метафизическаго монизма, въ идеализмъ. Именно трудно принять гипотезу *одухотворенности неорганической природы*, которая, однако, необходима, если мы хотимъ придать дѣйствительно къ монистическому построенію. Далѣе, трудно объяснить наличность въ монистически истолкованномъ мірѣ тѣхъ *противорѣчій*, на которыя насъ наталкиваетъ изученіе эмпирической дѣйствительности. Почему въ этомъ единомъ мірѣ рядомъ со стремленіемъ къ счастью, къ жизни и развитію дѣйствуетъ столько разрушительныхъ силъ? Почему столько жизней и жизненныхъ зародышей растрачивается даромъ? Почему самая жизнь высшаго животнаго всегда

¹⁾ Объ идеѣ личнаго безсмертія см. А. Сабатье. „О безсмертіи души“ (1898 г.). Джемсъ. „О человеческомъ безсмертіи“ (1901 г.). Буркхардтъ. „Вопросъ о смерти и ея различныхъ рѣшенія“ (1911 г.). Платон. „La destination de l'homme“ (2 éd. 1912 г.). Маестерлинск. „La mort“ (1913 г.). — Критику принципа энтропіи съ точки зрѣнія ея всеобщности см. у Воге-Борель. „Le pluralisme“ (1909 г.), гл. III.

рассчитана на уничтоженіи жизней другихъ животныхъ и растений? Почему рядомъ со свойственнымъ человѣку стремленіемъ къ добру существуетъ несомнѣнное реальное моральное зло, вызывающее къ борьбѣ? Почему исходъ этой борьбы въ эмпирическомъ мірѣ далеко не всегда оставляетъ насъ удовлетворенными и подчасъ заставляетъ насъ сомнѣваться въ окончательной побѣдѣ добра? Да и зачѣмъ понадобилось самое зло? Какъ можетъ оно исходить отъ того самаго благого начала, которое создало весь міръ?

Конечно, представители монистической метафизики пытаются разрѣшить и эти вопросы, но слѣдуетъ сознаться, что это имъ не вполне удастся. Остается весьма много неяснаго и трудно объяснимаго съ точки зрѣнія монизма. Вотъ почему всегда существовали *дуалистическія и плюралистическія системы объясненія міра*. Всякая политеистическая религіозная система включаетъ въ себя такую плюралистическую метафизику. Міръ представляется взаимодействіемъ различныхъ самостоятельныхъ началъ. Въ персидской религіи дуализмъ Ормузда и Аримана, благого и злого начала, имѣетъ тотъ же характеръ. Съ точки зрѣнія подобныхъ системъ самое бытіе, получающееся изъ борьбы двухъ или нѣсколькихъ началъ, получаетъ характеръ *незаконченности*. Назначеніе человѣка въ мірѣ сводится къ тому, чтобы своимъ содѣйствіемъ оказать помощь доброму началу въ его борьбѣ со зломъ. Мірозданіе не направлено къ точно установленной цѣли: развязка процесса будетъ зависѣть отъ того, какъ разрѣшится борьба міровыхъ противоположностей.

На этой точкѣ зрѣнія стоятъ и нѣкоторые изъ современныхъ философовъ. Если вы возьмете „Творческую эволюцію“ Анри Бергсона, то найдете тамъ изображеніе міра въ видѣ борьбы жизненнаго порыва съ матеріей, о сопротивленіе которой разбивается первоначальное единство порыва. Все бытіе представляется Бергсону не какъ законченная система цѣлей, но какъ развивающійся процессъ мірового становленія въ борьбѣ противоположныхъ началъ, исходъ котораго заранее опредѣленъ быть не можетъ. Точно такъ же и Уильямъ Джемсъ въ своей книгѣ „Многообразіе религіознаго опыта“ склоняется къ плюрализму и даже политеизму въ религіи ¹⁾.

¹⁾ См. также Джемсъ. „Вселенная съ плюралистической точки зрѣнія“ (русск. пер. 1911 г.). Воге-Борель, „Le pluralisme“ (1909 г.).

Конечно, съ точки зрѣнія дуализма гораздо легче, чѣмъ съ точки зрѣнія монизма, разрѣшается вопросъ о злѣ физическомъ и моральномъ. Этическая система получаетъ характеръ ученія объ обязанности человѣка во имя непредрѣшенной окончательно побѣды добра вести дѣятельную борьбу со зломъ. Но есть извѣстные затрудненія и на этомъ пути. Именно, чтобы остановиться на дуализмѣ, слѣдуетъ *отказаться отъ свойственнаго намъ стремленія къ логическому единству*. Мы должны признать, что логическое требованіе единства въ нашихъ представленіяхъ для насъ не безусловно обязательно, что міръ не вполне укладывается въ логическія схемы. Самый фактъ взаимодѣйствія противорѣчивыхъ началъ въ мірѣ непонятенъ, если признать ихъ независимость другъ отъ друга; взаимодѣйствіе необъяснимо логически, если въ основу міра не удастся положить какого-нибудь единого начала. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, что міръ алогиченъ или даже антилогиченъ, но приходится признать, что онъ не сполна логиченъ, что логическое мышленіе въ состояніи справиться *лишь съ некоторыми его сторонами*, а не охватить его вполне. Міръ не вполне рационаленъ, и потому ученіе о существѣ міра не можетъ быть рационалистическимъ монизмомъ ¹⁾. И дѣйствительно, и Бергсонъ и Джемсъ выступаютъ съ рѣшительной *критикой интеллекта*, лежащаго въ основѣ научныхъ построеній и рационалистической метафизики. Бергсонъ объявляетъ, что интеллектъ пригоденъ лишь для овладѣнія матеріальнымъ міромъ, но неспособенъ проникнуть въ тайну жизненнаго процесса и охватить его полностью и во всей цѣлостности. Онъ возлагаетъ надежды на непосредственную интуицію, какъ на источникъ метафизическаго познанія, и утверждаетъ, что и до сихъ поръ въ основѣ каждой философской системы лежала *какая-нибудь интуиція, которую философъ всю жизнь пытался выразить въ словахъ и формулахъ* ²⁾. Джемсъ также въ своемъ „Прагматизмъ“ выступаетъ съ рѣшительной критикой

¹⁾ Ср. къ этому *Höfding*. „Der menschliche Gedanke“, §§ 130, 136.

²⁾ *Höfding*, op. cit § 133. Прекрасное изложеніе философіи Бергсона содержится въ книжкѣ: *Уильдонъ Карръ*. „Философія Бергсона“, М. 1913 г. См. также статью самого Бергсона. „Философская интуиція“ въ сборникѣ „Новыя идеи въ философіи“, № 1 (1912 г.). *Гранжанъ*. Революція въ философіи. Ученіе Анри Бергсона“ (1914.)

интеллектуальнаго познанія, выдвигая на первый планъ его относительность и недостаточность. Зато онъ подчеркиваетъ положительное значеніе религіознаго опыта, который, по его ученію, сводится къ непосредственному воспріятію, черезъ подсознательную сферу, реальности высшаго потусторонняго, сверхчувственнаго міра. Интуиція, мистическое откровеніе,— вотъ тѣ способности, которыми пополняетъ человѣкъ недостаточныя въ сферѣ сверхопытнаго знанія силы разсудка и разума. Здѣсь можно слышать отзвуки Кантовскаго ученія о существованіи рядомъ съ истиной разумной истины моральной, о томъ, что онъ называлъ приматомъ практическаго разума надъ теоретическимъ ¹⁾.

Въ конечномъ счетѣ, мнѣ кажется, приходится признать, что все философскія направленія съ метафизической точки зрѣнія ²⁾ имѣютъ свои выгоды и невыгоды и можно прикнудить къ тому заключенію, которое дѣлаетъ по этому поводу одинъ современный авторъ ³⁾. „При современномъ состояніи человѣческаго духа,— пишетъ онъ,— монизмъ является энергическимъ стимулянтномъ для отыскиванія сходствъ; дуализмъ сохраняетъ всю свою цѣнность для проблемы сознанія, которую ярые монисты склонны рѣшать слишкомъ просто, если не пытаются просто устранить ее; наконецъ, плюрализмъ поддерживаетъ въ насъ стремленіе преодолѣвать кажущіяся объединенія, которыя постоянно побуждаютъ ученыхъ кристаллизовать факты въ застывшія теоріи.— Удовлетворится ли когда-нибудь человечество одной системой и будетъ ли эта система плюрализмомъ? Это—загадка. Ограничимся увѣрен-

¹⁾ Самъ Кантъ говорилъ о практическомъ *разумѣ*, но, конечно, этого рода разумъ есть нечто совсемъ иное, чѣмъ разумъ теоретическій, и въ этомъ смыслѣ въ нашемъ текстѣ знаніе моральное, основанное на практическомъ разумѣ, противопоставлено знанію разумному, продукту теоретическаго разума. Ко всему изложенному ср. статью *Радлова* въ сборн. „Новыя идеи въ философіи“, № 5.

²⁾ Въ этическомъ отношеніи я отдаю рѣшительное предпочтеніе плюрализму. См. мои книги. „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (1913 г.) и „Этика человѣческаго достоинства“ (1912 г.).

³⁾ *Boex-Borel*, „Le pluralisme“ (1909), стр. 266. Ср. также *Höfding*, „Der menschliche Gedanke“, § 137.

ностью, что плюрализм заслуживает систематическаго и настойчиваго развитія, что результаты опыта всегда были ему благоприятны и что замѣчательныя практическія и теоретическія работы современной науки обязываютъ насъ болѣе, чѣмъ когда-либо, обратить вниманіе на всеобщую разнородность и прерывность“.

Глава III. Исторія, какъ индивидуализирующая генетическая наука о духѣ.

§ 10. Науки объ общемъ и науки объ индивидуальномъ ¹⁾.

I. Въ новѣйшихъ классификаціяхъ наукъ, начиная съ О. Конта, обыкновенно проводится та мысль, что вся сущность научнаго знанія состоитъ въ установленіи *общихъ формулъ и положеній*.

По Конту задачей науки является открытіе законовъ явленій, т.-е. неизмѣнныхъ отношеній послѣдовательности и сходства явленій. „Для положительной системы высшая степень совершенства, къ которой она безпрестанно стремится, хотя, быть можетъ, никогда не достигнетъ, заключалась бы въ возможности представлять себѣ всѣ наблюдаемыя явленія, какъ частныя случаи одного общаго явленія, такого, напримеръ, какъ тяготѣніе“. Только такимъ путемъ, думаетъ Контъ, можно получить знаніе, изъ котораго вытекаетъ предвидѣніе, обезпечивающее вліяніе. Хотя Контъ знаетъ не однѣ только науки абстрактныя, которыя составляютъ его линейный рядъ наукъ, но и науки конкретныя, которыя примѣняютъ общіе законы къ дѣйствительному состоянію различныхъ существъ, однако, подъ конкретнымъ въ его системѣ разумѣется общее, а не индивидуальное ²⁾. Конкретными науками оказываются

¹⁾ Этотъ параграфъ былъ напечатанъ въ видѣ отдѣльной статьи въ „Вопр. фил. и псих“. 1910 г., кн. 103.

²⁾ Слѣдуетъ различать противоположеніе абстрактнаго и конкретнаго, и противоположеніе общаго и индивидуальнаго, или единичнаго. Всякое абстрактное понятіе есть общее, но не все конкретное — индивидуально. См. *Wundt. Logik* ³, I, стр. 100—110. *Линнеусъ*. „Основы логики“ (пер. Лоссекаго), §§ 250—251. *Schopenhauer*. „Die Welt als Wille“ (Grisebach), I, 79 слл.

зоологія и ботаника въ отношеніи къ физиологіи, минералогіи въ отношеніи къ химіи и т. п. Исторія, какъ таковая, совершенно не находитъ себѣ мѣста въ Конттовской схемѣ. Конттъ говоритъ объ исторіи, какъ наукѣ, поставляющей матеріалъ для соціологическихъ обобщеній. Онъ упоминаетъ также объ историческомъ методѣ изложенія наукъ; подѣ этимъ методомъ, въ отличіе отъ догматическаго, онъ разумѣетъ такой порядокъ изложенія еще неустановившейся науки, при которомъ знанія передаются въ той самой послѣдовательности въ которой они исторически были приобрѣтены человѣчествомъ, а не въ видѣ логически развиваемой системы общихъ положеній.

Спенсеръ предлагаетъ взамѣнъ Конттовскаго ряда науки свою классификацію, въ которой онъ различаетъ науки абстрактныя, имѣющія дѣло лишь съ формами явленій (логика и математика), науки абстрактно-конкретныя, изучающія самыя явленія въ ихъ элементахъ (механика, физика, химія), и науки конкретныя, изучающія явленія въ ихъ цѣломъ (астрономія, геологія, біологія и т. п.). Но всѣ эти науки въ одинаковой степени являются общими; всѣ онѣ изучаютъ законы: законы формъ, законы факторовъ и законы продуктовъ (см. выше, § 4, VI).

Точно такъ же *Милль* знаетъ только науки объ общемъ. Относительно такой науки, какъ исторія, онъ нашелъ нужнымъ сказать только слѣдующее: „Исторія, при разумномъ ея изученіи, даетъ эмпирическіе законы общества. Задача же общей соціологіи заключается въ томъ, чтобы провѣрить эти законы и связать ихъ съ законами человѣческой природы посредствомъ дедукцій, показывающихъ, что такихъ именно производныхъ законовъ и надѣ было ожидать въ качествѣ слѣдствій тѣхъ основныхъ законовъ“ („Логика“, пер. Ивановскаго, стр. 740; по 2-му изд. стр. 834). Такимъ образомъ, вся цѣнность исторіи состоитъ, какъ и у Контта, въ томъ, что она даетъ матеріалъ для соціологическихъ обобщеній.

Чрезвычайно рѣзко выражалъ этотъ взглядъ на науку *Шопенгауэръ*¹⁾, когда онъ выступалъ съ извѣстнымъ заявленіемъ, что исторія, въ которой не проведенъ принципъ

подчиненія, и не есть наука, а только дѣло памяти, простое знаніе, не заслуживающее имени науки¹⁾.

Въ наше время возникли, однако, весьма существенныя возраженія противъ такого пониманія научнаго знанія. Съ разныхъ сторонъ указываютъ на то, что достойнымъ изученія слѣдуетъ почитать не одно только общее, будь оно абстрактно или конкретно, но и вполне индивидуальное, т.-е. такія явленія, которыя точно опредѣлены данными пространства и времени и которыя поэтому не могутъ повторяться со всѣми своими признаками. „Индивидуумъ,—говоритъ *Риккертъ*,— есть нѣчто такое, что встрѣчается лишь одинъ разъ въ данномъ опредѣленномъ пунктѣ пространства и времени и отличается отъ всякаго иного тѣлеснаго и духовнаго бытія, что, слѣдовательно, никогда не повторяется и, коль скоро оно разрушается, оказывается навсегда утраченнымъ“ („Границы естественно-научнаго образованія понятій“, пер. Водена, стр. 208). Вотъ это-то индивидуальное и должно быть принято наукой во вниманіе, если она хочетъ дать намъ надлежащее представленіе о мірѣ явленій. Знаніе, состоящее въ однихъ только общихъ понятіяхъ и сужденіяхъ, будетъ неполнымъ знаніемъ. Въ этомъ нетрудно убѣдиться при помощи самыхъ простыхъ соображеній.

¹⁾ Очень хорошимъ образчикомъ приведеннаго односторонняго воззрѣнія на задачи научнаго знанія являются мысли, проводимыя *Оствальдомъ* въ его извѣстной книгѣ „Великіе люди“ (рус. пер. 1910 г.). Здѣсь мы читаемъ слѣдующее: „Для науки важно не то, чѣмъ единичный объектъ отличается отъ другихъ, а, наоборотъ, то, что общее ему съ возможно большимъ числомъ другихъ объектовъ“. Поэтому, думаетъ *Оствальдъ*, если люди оспрашиваютъ дорожку каждой картиной Рафаэля, то это только результатъ „субверсивной переоцѣнки единичныхъ явленій“. „Если пропадетъ одно какое-нибудь произведеніе художника, то это не исключаетъ, вѣдь, возможности признать и установить ту роль, которую онъ сыгралъ въ развитіи искусства. Его вкладъ уже давно приведенъ въ извѣстность современными и сталъ ходячей монетой общаго художественнаго сознанія... Откуда слѣдуетъ, что историкъ искусства можетъ легче всего обойтись безъ тѣхъ именно произведеній искусства прошлаго, которыя признаны величайшими... Совершенно индивидуальное является какъ-разъ наименѣе важнымъ, наиболеѣ случайнымъ“ (стр. 17—18). Я очень сомнѣваюсь, чтобы историки искусства и вообще цѣнители искусства могли согласиться съ подобнымъ разсужденіемъ.—У насъ въ Россіи подобное воззрѣніе, что цѣнность какъ утилитарную, такъ и философскую, имѣетъ только знаніе общаго, а не единичнаго,—проводитъ *Введенскій*. „Логика, какъ часть теоріи познанія“ (изд. 2-е, 1912 г.), стр. 88—91.

¹⁾ *Schopenhauer*. „Die Welt als Wille“ (Grisebach), I, 106. См. выше, § 3, II.

Обобщенія создаются путемъ обработки матеріала опыта мышленіемъ. Мышленіе расчленяетъ опытъ, выдѣляетъ изъ представленій отдѣльные элементы, комбинируетъ эти элементы въ абстрактныя или конкретныя общія понятія, под которыми затѣмъ и подводитъ тѣ представленія, въ коихъ на лицо оказываются вошедшіе въ понятіе элементы. Такъ получается масса общихъ понятій, которыя затѣмъ приводятъ къ логическому единству между собою и составляютъ систему общаго знанія. Но при такомъ сооруженіи обобщеній постоянно остается неиспользованный элементъ чисто индивидуальных особенностей обобщаемыхъ явленій ¹⁾. Этотъ остатокъ съ точки зрѣнія обобщающихъ наукъ представляется иррациональнымъ, не укладывающимся въ общія формулы знанія, но онъ тѣмъ не менѣе существуетъ, и съ нимъ нельзя не считаться. Если мы хотимъ имѣть полное представленіе міра, то мы должны такъ или иначе попытаться ввести эти неподдающіеся обобщенію индивидуальные элементы опыта въ наши научныя сужденія. Въ противномъ случаѣ создаваемая нами картина міра окажется слишкомъ упрощенной, болѣе рациональной, чѣмъ подлежащая описанію и объясненію дѣйствительность. Общее знаніе должно быть восполнено знаніемъ индивидуальнаго.

Даже въ обыкновенной практической дѣятельности мы не можемъ удовольствоваться знаніемъ только тѣхъ общихъ законовъ, съ которыми приходится считаться въ этой дѣятельности. А. А. Чупровъ въ своихъ „Очеркахъ по теоріи статистики“ иллюстрируетъ эту мысль на цѣломъ рядѣ примѣровъ (стр. 16 слл.). Сельскому хозяину слѣдуетъ знать не только вѣчные законы природы, но и индивидуальные свойства его земельного участка, а также точное мѣсто нахождения на земномъ шарѣ тѣхъ веществъ, которыя нужны для удобренія этого участка, цѣны этихъ предметовъ на данномъ рынкѣ и т. п.; чтобы работать паровыми машинами, слѣдуетъ знать не только естественно-научныя законы, на которыхъ покоится устройство этихъ машинъ, но также и то, гдѣ именно находится необходимая для сооруженія машинъ желѣзная руда и необходимый для топки каменный уголь. Всѣ эти свѣдѣнія даютъ намъ науки, занимающіяся

¹⁾ Wundt. Logik ³, I, 443 слл.

инвентаризированіемъ того, что насъ въ каждый данный моментъ окружаетъ, каковы: географія, статистика. Но и для этого естествознанія необходимы знанія объ индивидуальномъ. Нельзя построить астрономію съ однимъ только знаніемъ общихъ формулъ тяготѣнія; необходимо знать, какія именно существуютъ небесныя тѣла и какъ расположены они бы въ какой-нибудь опредѣленный моментъ времени; для этого, можно уже съ помощью общихъ законовъ рассчитать положеніе этихъ тѣлъ для любого момента (см. тамъ же, стр. 11 слл.). Какъ совершенно правильно указываетъ А. С. Ланно-Данилевскій, знаніе индивидуальнаго необходимо не только въ области теоретическихъ и прикладныхъ наукъ, но и въ такихъ дисциплинахъ, какъ этика. „Въ самомъ дѣлѣ, при работкѣ этики... нельзя довольствоваться формальными свойствами долженствованія вообще; она должна опредѣлять важное въ отношеніи его къ человѣку, какъ индивидуальности въ ея соціально-историческомъ значеніи. Сказать: поступи такъ, какъ должно, — слишкомъ мало; надо еще доавить: „если ты хочешь поступать хорошо, ты долженъ исполнять то, что въ силу твоей индивидуальности и условій времени и мѣста, т.-е. того опредѣленнаго положенія, которое ты занимаешь въ дѣйствительности, ты одинъ только въ состояніи исполнить“ ¹⁾.

Наиболѣе важное значеніе получаетъ знаніе индивидуальнаго въ той группѣ наукъ, которая называется именемъ наукъ историческихъ. Индивидуальное составляетъ исключительный предметъ изученія этихъ наукъ и притомъ не въ смыслѣ инвентаризированія индивидуальнаго, наличнаго въ каждый данный моментъ, а въ смыслѣ изученія послѣдовательной смѣны индивидуальных и неповторяющихся событій въ соціальной жизни людей. Такъ опредѣляютъ исторію Бернгеймъ, Эдуардъ Мейеръ и другіе видные представители исторической науки въ наше время, и я думаю, что это опредѣленіе правильно. Слѣдуетъ только отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую важность имѣетъ для насъ именно такое изученіе индивидуальнаго въ исторіи, и тогда должны прекратить всѣ попытки превратить исторію въ науку объ общемъ, — попытки, которыхъ дѣлается немало и которыя, въ

¹⁾ Ланно-Данилевскій. „Методологія исторіи“, I (1910 г.), 223.

сущности, стирають всякую грань между исторіей и со-
логіей, или, вѣрнѣе, уничтожаютъ исторію, какъ таковую,
замѣняютъ ее соціологіей или статистикой ¹⁾.

Разсуждая объ исторіи, *Виндельбандъ* въ своей извѣ-
стной рѣчи „Исторія и естествознаніе“ (см. Виндельбандъ,
„Прелюдія“, пер. Франка, стр. 313 слл.) предложилъ раз-
дѣлить науки о законахъ и науки о событіяхъ, а по отноше-
нію къ научному мышленію различать мышленіе номотетическое
и мышленіе идиографическое. Въ дальнѣйшемъ онъ сводитъ
эти различія къ противоположности наукъ естественныхъ
историческихъ. Полнѣе и глубже аналогичныя идеи раз-
работаны были затѣмъ *Генрихомъ Риккертомъ* въ его труде
„Границы естественно-научнаго образованія понятій“ (русск.
пер. Водена, 1904 г.) и потомъ еще разъ изложены въ бо-
льшѣ сокращенномъ видѣ въ его „Философіи исторіи“ (русск.
пер. Гессена, 1908 г.). На возрѣніяхъ Риккерта мы и остано-
вимся спеціально въ дальнѣйшемъ изложеніи, такъ какъ
они даютъ много весьма цѣннаго для выясненія мѣста ист-
оріи во всей системѣ научнаго знанія, но, на мой взглядъ,
нуждаются и въ существенныхъ поправкахъ ²⁾.

II. Основная идея Риккерта состоитъ въ томъ, что класси-
фикація наукъ должна имѣть въ основѣ не различіе пред-
метовъ, подлежащихъ изученію, а различіе тѣхъ точекъ зрѣ-
нія, съ которыхъ отдѣльныя науки рассматриваютъ дѣйстви-
тельность. Эмпирическая дѣйствительность есть безконечно
многообразіе явленій, экстенсивное и интенсивное. Съ экстен-
сивнымъ многообразіемъ мы встрѣчаемся, когда хотимъ раз-
сматривать міръ, какъ цѣлое, съ интенсивнымъ, — когда на-
мѣреваемся изучить отдѣльное явленіе во всей полнотѣ его
свойствъ. И тамъ, и здѣсь задача оказывается для насъ
неразрѣшимой, если мы не прибѣгнемъ къ извѣстному
упрощенію дѣйствительности. Дѣйствительность, какъ она

¹⁾ *Тардъ*, напр., сводитъ всю исторію къ археологіи и статистикѣ („Законы
ны подражанія“, гл. IV). См. также *L. Bourdeau*. „L'histoire et les historiens“
1888 (см. ниже, § 11, VII).—О постепенномъ развитіи идиографической точки
зрѣнія въ исторіи см. *Латто-Данилевскій*, op. cit., 179 слл. Въ частно-
сти о значеніи Фихте въ этомъ отношеніи см. *Lask*. „Fichtes Idealismus und
die Geschichte“ (1902).

²⁾ Въ русской литературѣ развитіе этой точки зрѣнія на историче-
скую науку см. у *Латто-Данилевскаго*, op. cit 221 слл. См. также *Кларъ*
евъ. Теорія историческаго знанія (1913 г.), стр. 53 слл.

ь.—ирраціональна въ томъ смыслѣ, что не поддается на-
му логическому познанію во всей своей полнотѣ. „Конечно,
во „ирраціональное“ не можетъ означать то же самое, что
тираціональное“, но лишь выражаетъ индифферентность
такого по отношенію къ понятію“ („Границы“, 544; ср. 431).
естествознаніе (въ широкомъ смыслѣ слова) ставитъ себѣ
ачей изучить эмпирическую дѣйствительность такъ, чтобы
возможности свести ее къ системѣ общихъ понятій и тѣмъ
одолѣть какъ экстенсивное, такъ и интенсивное много-
образіе. Въ результатѣ идеаломъ естественныхъ наукъ ока-
зывается удаленіе изъ опыта всякой воззрительности и сведеніе
къ системѣ общихъ отношеній между простыми вещами.
этомъ и состоитъ механическая картина міра, сводящая
къ количественнымъ отношеніямъ „последнихъ, про-
хъ вещей“ и устраняющая всякіе качественные элементы.
психологія и соціологія также принадлежатъ къ области
естествознанія. Ихъ задача состоитъ также въ сведеніи пси-
ческихъ процессовъ къ отношеніямъ простѣйшихъ элемен-
товъ. Правда, въ психологіи невозможна квантификація: здѣсь
мѣста чисто количественному методу, ибо, если мы по-
отношенію къ психическому, не наполняющему пространства,
вечемся отъ качествъ, то въ немъ ничего не останется
„Границы“, 182). Но квантификація, въ качествѣ простого
ь средства, служащаго для упрощенія, можетъ обосно-
ь между естествознаніемъ и психологіей различіе лишь
степеней (183). Въ общемъ же, нѣтъ основаній выдѣлять
области естествознанія психологію и соціологію, которыя
ке путемъ общихъ понятій стремятся къ преодолѣнію
рическаго многообразія, къ упрощенію дѣйствительности.
единственную противоположность естествознанію, по мнѣ-
Риккерта, составляютъ историческія науки, которыя смо-
тъ на дѣйствительность съ совершенно иной точки зрѣ-
и работаютъ иными методами. Въ то время, какъ есте-
нныя науки работаютъ методомъ *генерализирующимъ*, т.-е.
ересуются только общимъ и лишь общее, какъ таковое,
итаютъ существеннымъ, науки историческія, напротивъ,
щаютъ все свое вниманіе на индивидуальное. Эти науки
таютъ методомъ *индивидуализирующимъ*. Однако, и онѣ
даются въ извѣстномъ принципѣ отбора фактовъ. Вѣдь
нелимо изучить рѣшительно всѣ факты дѣйствительности

во всей их индивидуальности. Такимъ принципомъ отбѣ для индивидуализирующихъ наукъ является *методъ отнесенія къ цѣнности*. Въ то время, какъ генерализирующія науки въ своей работѣ принципиально отвлекаются отъ всѣхъ цѣнностей, кромѣ логическихъ, науки историческаго характера обращаютъ вниманіе только на тѣ явленія, которыя стоятъ въ прямомъ отношеніи къ признаваемымъ людьми цѣностямъ. Онѣ изучаютъ только существенныя историческія факты индивидуальное можетъ стать существеннымъ только по отношению къ какой-нибудь цѣнности. Путемъ примѣненія метода отнесенія къ цѣностямъ историческое пониманіе преодолеваетъ какъ интенсивное, такъ и экстенсивное необозримое многообразіе эмпирической дѣйствительности („Границы“, 306).

Методъ отнесенія къ цѣностямъ не означаетъ того, будто историкъ самъ долженъ подвергать изучаемыя имъ событія этическимъ или эстетическимъ оцѣнкамъ. Напротивъ, по мнѣнію Риккерта, историкъ можетъ и долженъ оставаться объективнымъ. Люди самыхъ различныхъ возрѣній могутъ интересоваться одними и тѣми же событіями, такъ какъ несомнѣнно имѣютъ отношеніе къ цѣностямъ, и потому одинаково сдѣлаютъ эти именно событія предметомъ историческаго изученія. Это не помѣшаетъ одному изъ нихъ относиться сочувственно какъ разъ къ элементамъ событій, которые другимъ возбуждаютъ негодованіе. Вотъ эти-то субъективныя оцѣнки и не должны быть вносимы учеными въ историческое изложеніе и изслѣдованіе. Отнесеніе къ цѣностямъ должно имѣть значеніе только для отбора существеннаго и подлежащаго изученію матеріала, но не болѣе того. Непосредственной же задачей историческаго изслѣдованія должно служить обнаруженіе той причинной связи, въ которой стоятъ между собою историческія событія. Эта историческая причинность не совпадаетъ съ той причинностью, которая изучается естественнымъ знаніемъ. Въ естественныхъ наукахъ дѣло идетъ о установленіи общихъ законовъ явленій. Въ исторіи вслѣдствіе является историческая причинность, въ которой нѣтъ ничего общаго; она столь же индивидуальна, какъ индивидуальныя событія, изучаемыя историкомъ. Историческая причинность никогда не повторяется, и ея особенностью является то, что результатъ здѣсь никогда цѣликомъ не содержится въ сво-

причинахъ. „Во всякомъ непосредственно наблюдаемомъ индивидуальномъ причинномъ процессѣ причина отличается отъ эффекта, т.-е. вызываетъ отнюдь не самое себя, а всегда что-либо новое, до того еще не оказывавшееся налицо“. Естественное знаніе устанавливаетъ безусловно общія положенія относительно связи между причиной и эффектомъ... оно допускаетъ, что „та же самая“ причина всякій разъ вызываетъ то же самое дѣйствіе“. Напротивъ, „исторія, образуемая не общія, но индивидуальныя понятія, не имѣетъ рѣшительно никакой возможности примѣнять принципъ равенства причинъ и эффекта или хотя бы даже мыслить свои причинныя связи по аналогіи съ этимъ принципомъ“. „Исторіи вообще невѣдомое понятіе о причинномъ равенствѣ, но, если должна быть выражена причинная связь двухъ индивидуальныхъ историческихъ процессовъ, это можетъ происходить лишь въ причинныхъ неравенствахъ“ („Границы“, 357—359).

„Полная индивидуальная причинная связь, какъ и всякая полная дѣйствительность, можетъ быть лишь переживаема или воспроизводима въ воспоминаніи, но никогда не можетъ быть прямо выражена научно“ („Границы“, 365). Если даже разложить индивидуальную историческую причинную связь на ея общіе элементы и затѣмъ свести эти элементы къ синтезу, то весьма рѣдко можетъ исчезнуть тотъ ирраціональный остатокъ, который не поддается каузальному выведенію. „Въ такихъ случаяхъ говорятъ часто о свободѣ, подразумѣвая подъ этимъ невозможность исчерпывающаго проникновенія въ причинную необходимость“ („Философія исторіи“, 42).

Система общепризнанныхъ цѣнностей составляетъ содержание такъ называемой культуры. Поэтому науки, работающія методомъ отнесенія къ цѣностямъ, могутъ быть названы *науками о культурѣ*, въ противоположность генерализирующимъ *наукамъ о природѣ*, въ составъ которыхъ, какъ мы видѣли, одинаково входятъ какъ науки о мірѣ физическомъ, такъ и общія науки о духѣ. Установленіе самой системы цѣнностей не есть уже дѣло исторіи. Это—задача общей философіи и философіи исторіи.

Такъ какъ объекты тѣснѣе всего связаны съ цѣностями въ области духовной жизни людей, то нѣтъ ничего удивительнаго, если индивидуализирующій методъ, методъ историческихъ наукъ по преимуществу примѣняется именно

къ событіямъ духовной жизни людей. Но это не даетъ основанія, по мнѣнію Риккерта, причислять исторію къ наукамъ о духѣ. Духовныя явленія составляютъ все-таки лишь одну сторону историческаго процесса, правда, наиболѣе важную, но не единственную. Исторія не упускаетъ изъ виду и тѣлесныхъ процессовъ, имѣющихъ отношеніе къ цѣнностямъ. Съ другой стороны, и не вся духовная жизнь людей даетъ матеріаль для исторіи, но лишь исторически существенная часть ея. „Понятіе о духѣ, какъ о психическомъ, въ томъ видѣ, какъ его должны построить естествознание и естественно-научная психологія, совершенно непригодно для того, чтобы вывести изъ него что-либо для логической сущности исторической науки“ („Границы“, 466).

Такимъ образомъ, Риккертъ не склоненъ придавать принципиальное значеніе въ классификаціи наукъ раздѣленію послѣднихъ по предметамъ изученія на науки о природѣ и о духѣ, но думаетъ, что въ основѣ этой классификаціи должно лежать различіе оперирующихъ съ общими понятіями наукъ о природѣ и оперирующихъ съ индивидуальными понятіями наукъ о культурѣ („Границы“, 493). Эти положенія Риккерта стоятъ въ тѣсной связи съ защищаемой имъ теоріей знанія, которой, помимо указанныхъ уже произведеній, посвящено специальное сочиненіе о предметѣ познанія (русск. пер. Шпетта подъ названіемъ „Введеніе въ трансцендентальную философію“, 1905 г.) и позднѣе написанная статья „Zwei Wege der Erkenntnistheorie“ (въ Kant-Studien 1909) ¹⁾. Риккертъ, опираясь на эту теорію, утверждаетъ, что не существуетъ принципиальныхъ различій между познаніемъ міра физическаго и психическаго въ томъ смыслѣ, будто психическій міръ данъ намъ болѣе непосредственно, чѣмъ физическій. Напротивъ, онъ увѣренъ, что передъ познаніемъ одинаково непосредственно даны какъ физическій, такъ и психическій міръ. А затѣмъ, онъ не усматриваетъ никакихъ коренныхъ различій между причинностью міра физическаго и психическаго, хотя и согласенъ съ тѣмъ, что количественный принципъ неприменимъ къ психическому міру. Такъ онъ и приходитъ къ изложенной теоріи причинности истори-

¹⁾ Русскій переводъ этой статьи см. въ сборникъ „Новыя идеи въ философіи“, № 7 (1913 г.).

ческой и общей, согласно которой причинность историческая отличается отъ общей тѣмъ, что она индивидуальна. Именно въ этихъ положеніяхъ Риккерта я усматриваю слабыя стороны его построенія. Поэтому изложеніе его теоріи исторической науки мы дополнимъ краткимъ очеркомъ его гносеологіи, съ тѣмъ, чтобы уже послѣ этого перейти къ критической оцѣнкѣ положеній Риккерта о классификаціи наукъ.

III. Въ своей теоріи познанія Риккертъ заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы по возможности освободить ее отъ всякаго психологизма. Правда, онъ признаетъ, что познаніе есть „родъ мышленія“, а именно: „истинное мышленіе“ („Zwei Wege“, 170). Но самую истину онъ считаетъ не принадлежащей къ сферѣ психическаго: всякій психическій процессъ протекаетъ во времени, начинается въ опредѣленный моментъ времени и прекращается въ другой, позднѣйшій моментъ. Въ этомъ смыслѣ содержаніе мысли не есть нѣчто психическое и вообще не принадлежитъ къ области реальностей. „Мы предполагаемъ, что мысль—истинна, и это значить, что она всегда истинна, или, точнѣе, что понятіе теченія времени совершенно не можетъ быть съ этимъ связано. Отсюда слѣдуетъ не только то, что мысль, которая истинна, не есть актъ мышленія, но что она вообще не есть нѣчто психическое... Только акты мышленія реальны, истинныя же мысли не принадлежатъ къ эмпирической дѣйствительности, ни къ психической, ни къ физической“ (тамъ же, 197). Истина принадлежитъ не къ бытію, а къ цѣнностямъ. Это послѣднее слово означаетъ такое понятіе, которое точно такъ же, какъ и бытіе, не поддается болѣе точному опредѣленію, но означаетъ то, что не есть, и въ то же время есть нѣчто, а не ничто (203). Предметомъ познанія и является истина, какъ трансцендентная цѣнность. По отношенію къ признающему эту цѣнность психологическому субъекту она принимаетъ форму теоретическаго долженствованія, аналогичнаго долженствованію моральному. Самая логика, обратившись къ познающему субъекту, принимаетъ характеръ ученія о нормахъ, которымъ долженъ слѣдовать этотъ субъектъ, если онъ хочетъ истины, характеръ нормативной науки (тамъ же, 210—211). Къ трансцендентной и трансубъективной цѣнности познающей субъектъ подходитъ, конечно,

при помощи известнаго психическаго акта, чувства логической необходимости или очевидности, которое является психологическимъ критеріемъ распознаванія истины. Такъ дѣлается возможнымъ познание предмета. Въ этомъ состоитъ необходимая уступка со стороны теоріи познанія психологическому элементу. Но отъ этого самый предметъ познанія не обращается въ психическій фактъ: онъ остается трансцендентной цѣнностью, а не видомъ бытія, хотя бы даже метафизическаго (217—228).

Такъ излагается теорія познанія Риккертомъ въ статьѣ написанной въ 1909 году. Близкій къ этому смыслъ имѣетъ развиваемое Риккертомъ въ другихъ его трудахъ учение о гносеологическомъ субъектѣ и о сознаниіи вообще. Риккертъ настаиваетъ на томъ, что въ теоріи познанія субъектомъ не можетъ быть не только психофизическій субъектъ, но даже и психологическій. Здѣсь подъ именемъ познающаго субъекта слѣдуетъ разумѣть лишь то активное начало сознания, которое останется по устраненіи изъ сознания всякаго содержанія, какъ относящагося къ міру физическому, такъ и міру психическому. Для гносеологическаго субъекта все становится объектомъ, кромѣ него самого: ему одинаково непосредственно данъ какъ міръ физическій, такъ и міръ психическій. Самъ же онъ не входитъ ни въ одинъ изъ этихъ міровъ, составляющихъ содержаніе сознания. Гносеологическій субъектъ не есть мое сознание или чье-нибудь вообще сознание: онъ есть сознание сверхиндивидуальное, сознание вообще. Гносеологическій субъектъ есть субъектъ сверхиндивидуальный („Границы“, 554, 556). При этомъ подчеркивается, что такое выдѣленіе гносеологическаго субъекта мыслимо лишь въ понятіяхъ, что „объективированіе всей душевной жизни никогда не можетъ быть произведено такимъ образомъ, чтобы гносеологическій субъектъ оставался въ качествѣ эмпирической реальности, противостоящей психологическому, какъ точно такой же реальности, какъ это возможно было при отдѣленіи психофизическаго субъекта отъ психологическаго субъекта“. „Напротивъ того, съ гносеологическимъ субъектомъ всегда остается, такъ сказать, связанной нѣкоторая часть психологическаго субъекта, или гносеологическій субъектъ никогда не выступаетъ изолированно“ („Границы“, 156). Гносеологическому субъекту или сознанию

вообще придается далѣе то значеніе, что это понятіе спасаетъ наше познание отъ субъективности, безъ необходимости признавать какое-либо трансцендентное бытіе, вещь въ себѣ: такъ какъ гносеологическій субъектъ сверхиндивидуаленъ, то и опредѣляемое имъ познание есть познание объективное, а не субъективное. „Всякое познание основывается не только на „сознаниіи вообще“, но на сознаниіи вообще, производящемъ акты сужденія, а слѣдовательно, и на сверхиндивидуальномъ гносеологическомъ субъектѣ, производящемъ оцѣнку истинности“. „Именно потому, что содержаніе познанія должно принимать опредѣленныя формы познающаго субъекта, эти формальныя составныя части получаютъ обязательность, простирающуюся далѣе единичнаго случая, коль скоро доказано, что онѣ принадлежатъ не только индивидуальному психологическому, но и сверхиндивидуальному гносеологическому субъекту“ („Границы“, 557, 556).

IV. Краткій смыслъ всѣхъ этихъ довольно длинныхъ и не всегда ясныхъ рѣчей, по моему мнѣнію, сводится къ слѣдующимъ довольно простымъ мыслямъ. Истина, конечно, не есть какой-либо физическій предметъ или какое-либо психическое ощущеніе. Истина есть понятіе, которое создается нашимъ мышленіемъ. Я полагаю притомъ, что человѣческая мысль знаетъ не одно только понятіе истины, а по меньшей мѣрѣ два. Здѣсь я долженъ, впрочемъ, сдѣлать необходимую оговорку во избѣжаніе недоразумѣній. Указывая на двоякое понятіе истины, я разумѣю открывающіеся для людей два пути проникновенія въ сущность міроваго процесса, членами котораго они являются. Имѣя въ виду эту двойственность доступнаго намъ познаванія міра, мы и можемъ говорить о двоякомъ понятіи истины. Во-первыхъ, истиной мы считаемъ все то, что непосредственно переживается; въ этомъ смыслѣ мы говоримъ какъ объ истинности чувственнаго опыта, такъ и объ истинности опыта религіознаго, который, по моему мнѣнію, Джемсъ съ весьма большими основаніями сопоставляетъ съ опытомъ (чувственнымъ, какъ непосредственное воспріятіе міра сверхчувственнаго во всей его реальности. Объ этого рода истинѣ говоритъ и Бергсонъ съ его теоріей философской интуиціи, которая должна намъ дать не логически расчлененное, а цѣлостное и непосредственное знаніе существа жизни (см. выше § 9, II). Нѣкоторую аналогію

этому составляют и мысли Канта, когда онъ въ своей критической философіи видное мѣсто отводилъ, на ряду съ теоретическимъ разумомъ, разуму практическому. Кантъ принималъ во вниманіе особаго рода знаніе, не теоретическое, но моральное, состоящее въ непосредственной данности намъ моральнаго закона и моральнаго долга. И въ этомъ моральномъ знаніи онъ усматривалъ гарантію реальности того міра, который для теоретическаго разума оказывается только мыслимымъ, умопостижимымъ. Всѣ идеи теоретическаго разума по Канту находятъ свою опору въ разумѣ практическомъ, т.-е. знаніе теоретическое, логическое имѣетъ свою базу въ знаніи моральномъ (см. выше § 7, II; 9, II). Поэтому, по Канту, въ области философіи въ ея цѣломъ „умозрительное употребленіе разума въ метафизикѣ необходимо соединяется съ практическимъ въ морали“ (Пролегомены, § 60).

Риккертъ и родственные ему по направленію гносеологи стараются элиминировать изъ области философіи этого рода истину, заключающуюся въ непосредственномъ воспріятіи реальности какъ чувственнаго, такъ и сверхчувственнаго міра, и это создаетъ имъ большія затрудненія, съ которыми едва ли имъ удастся справиться при помощи ученія о гносеологическомъ субъектѣ или о трансцендентныхъ цѣнностяхъ. Риккертъ принимаетъ во вниманіе при построеніи философской системы только второй видъ истины, извѣстный людямъ, а именно: истину, логически доказуемую, получающуюся при посредствѣ приведенія нашихъ дискурсивныхъ сужденій въ состояніе, лишенное противорѣчій. Такое состояніе сужденій, конечно, можетъ быть названо бытіемъ только въ смыслѣ усвоеннаго нами идеала, логически правильнаго мышленія, идеала, противъ котораго на дѣлѣ наше психологическое мышленіе постоянно погрѣшаетъ. Въ этомъ именно смыслѣ логическіе законы, какъ правильно формулировалъ Виндельбандъ ¹⁾, отличаются отъ законовъ природы: они не законы, дѣйствующіе съ необходимостью, но лишь нормы, представляющія собою отборъ психологически возможныхъ путей мышленія, отборъ, при которомъ мы руководимся идеаломъ приведеннаго къ полному отсутствію противорѣчій состоянія сужденій. Такое состояніе мы называемъ логически доказанной истиной.

¹⁾ Виндельбандъ. Прелюдіи (руск. пер. 1904 г.), стр. 195 слл.

Такимъ образомъ, логическая истина если и есть видъ бытія, то только въ качествѣ руководящаго нашимъ мышленіемъ и имъ же созданнаго идеала. Поэтому-то она нуждается въ какомъ-либо иномъ обоснованіи, которое ручалось бы за то, что она имѣетъ прямое отношеніе ко всему остальному бытію. И самъ Риккертъ признаетъ, что логика нуждается въ сверхлогической базѣ („Границы“, 579). Однако, вмѣсто того, чтобы искать эту базу въ истинѣ перваго рода, въ непосредственномъ воспріятіи сверхчувственной реальности, которое содержится въ моральномъ знаніи Канта, мистическомъ или религіозномъ опытѣ Джемса или въ непосредственной интуиціи, на которую обращаетъ вниманіе философъ Бергсонъ, Риккертъ прибѣгаетъ къ понятію трансцендентныхъ цѣнностей, чтобы въ немъ получить недостающую ему базу. Съ такимъ приѣмомъ невозможно согласиться. Какую базу для логики можетъ создать трансцендентная цѣнность, о которой говорится, что она не есть бытіе, но не есть и ничто, а есть какое-то „нѣчто“? Признаюсь, я такъ мало понимаю, чтó это значитъ, что никакой базы ни для чего въ подобномъ понятіи не могу найти. Я не могу понять, какъ подобное неопредѣленное нѣчто, которое не есть бытіе, можетъ быть для меня порукой въ существованіи независимой отъ сознанія реальности, какъ оно можетъ меня вывести изъ субъективизма или даже изъ полнаго солипсизма и иллюзионизма, опасностью котораго грозитъ всякая теорія познанія, которая становится на точку зрѣнія имманентизма (см. выше § 7, II). Между тѣмъ Риккертъ неоднократно увѣряетъ насъ, что его „гносеологическій субъектъ“ спасаетъ насъ отъ солипсизма и субъективизма, гарантируетъ объективность познанія („Границы“, 157, 554 слл.). Противъ этого приѣма Риккерта можно выдвинуть всѣ тѣ аргументы, которые кн. Е. Н. Трубецкой приводитъ противъ „панметодизма“ Г. Когена ¹⁾. Какъ можетъ метода что-либо намъ гарантировать? Въдѣ трансцендентная цѣнность Риккерта, которая ни въ какомъ смыслѣ не есть бытіе, равно какъ и созданный имъ гносеологическій субъектъ, который не есть психическая реальность, сводятся въ концѣ-концовъ къ методологическому приѣму, и только.

¹⁾ См. Вопросы Фил. и Психол., 1909 г., кн. 97, Ср. Вундтъ. О наивномъ и критическомъ реализмѣ (пер. Водена, 1910 г.), стр. 90.

Всѣ разсужденія Риккерта на меня производятъ такое впечатлѣніе, что онъ, отвергнувъ сперва всякій элементъ бытія въ своемъ „сознаніи вообще“, передъ которымъ одинаково непосредственно даны всѣ содержанія сознанія, со включеніемъ полностью міра физическаго и психическаго, потомъ на самомъ дѣлѣ гипостазируетъ это понятіе, получаетъ такимъ путемъ понятіе гносеологическаго субъекта, который даже окрещенъ такъ, что въ немъ, несмотря на всѣ оговорки автора, трудно не видѣть какой-то реальности, и, наконецъ, опираясь на эти гипостазированныя абстракціи, получаетъ необходимую сверхлогическую базу для логики. Во всѣхъ этихъ построеніяхъ я вижу только замаскированную метафизику или мистику ¹⁾. Я не понимаю, какъ можетъ быть не реальнымъ гносеологическій субъектъ, который, однако, активно познаетъ содержаніе сознанія. Какъ будто можно быть активнымъ и не быть реальнымъ? Между тѣмъ, гносеологическій субъектъ объявляется тутъ же только понятіемъ, и этимъ достигается тотъ результатъ, что логически правильное мышленіе выдѣляется изъ области психической жизни, объявляется чѣмъ-то отъ нея независимымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь гносеологическій субъектъ или сознаніе вообще Риккерта есть, въ сущности, мышленіе, но лишь постольку, поскольку оно идетъ логически правильно. Передъ такимъ мышленіемъ и развертывается, какъ предметъ обработки, все содержаніе сознанія одинаково непосредственно, въ томъ числѣ, очевидно, и анализируемый логически правильной мыслью процессъ мышленія психологическаго во всей своей реальности, т.-е. заключающій въ себѣ и возможныя уклоненія отъ логическихъ нормъ. Такимъ образомъ, оказывается, что пока я правильно мыслю, я не реальность, но только понятіе гносеологическаго субъекта; это, собственно, даже не я, не мое сознаніе такъ мыслить, но сверхиндивидуальное сознаніе вообще ²⁾. Поскольку же я мыслю неправильно, я нахожусь уже въ области полной психологической реальности. Если Декартъ разсуждалъ:

¹⁾ Ср. Вундтъ, цитир. соч., стр. 66—78.

²⁾ См., какъ любопытную иллюстрацію къ этимъ замѣчаніямъ, разсужденія г. Ланца въ Вопр. фил. и псих., кн. 100, стр. 795—799.

cogito, ergo sum, то не допли ли современные гносеологи то положенія: cogito, ergo non sum?

Я думаю, что хотя мышленіе можетъ создавать понятія, имѣющія идеальное значеніе, каково понятіе о логически законченномъ знаніи, но оно само всегда остается психологической реальностью, т.-е. какъ тогда, когда оно дѣлаетъ логическія ошибки, такъ и тогда, когда оно протекаетъ логически правильно. Вѣдь и самъ Риккертъ, въ концѣ-концовъ, не можетъ опредѣлить познаніе иначе, какъ истинное мышленіе. А разъ познаніе есть мышленіе, то тѣмъ самымъ оно есть психическій процессъ. Никакой абстракціей невозможно выдѣлить познаніе изъ психическаго міра. Оно всегда остается дѣятельностью психики, получающей опредѣленное направленіе подъ вліяніемъ поставленныхъ имъ самому себѣ въ руководство логическихъ нормъ. И эти нормы, какъ руководящія нами идеалы, также составляютъ психическую реальность, ибо онѣ, будучи нами созданы, затѣмъ сами же на насъ дѣйствуютъ; вѣдь не можетъ быть не реальнымъ то, что дѣйствуетъ ¹⁾. Если же это такъ, то вмѣстѣ съ гносеологическимъ субъектомъ и съ „сознаніемъ вообще“ рушится и утвержденіе Риккерта, что міръ психическій данъ намъ совершенно такъ же непосредственно, или такъ же опосредствованно, какъ міръ физическій. Вся критика гносеологическихъ построеній Риккерта мнѣ была нужна исключительно для того, чтобы имѣть почву для опроверженія его ошибочнаго воззрѣнія на положеніе міра духовнаго и физическаго въ отношеніи къ познанію,—воззрѣнія, которое привело его къ неправильной оцѣнкѣ раздѣленія наукъ на науки о духѣ и науки о природѣ, а также къ неправильнымъ представленіямъ о характерѣ исторической причинности.

Если мы признаемъ, что мышленіе, со включеніемъ сюда и логически правильнаго, есть психическій процессъ, то окажется, вопреки мнѣнію Риккерта, что духовная жизнь не есть только объектъ познанія, подобно міру физическихъ явленій, но что въ нее входитъ и тотъ активный элементъ сознанія, отъ котораго исходитъ всякое познаніе. Если опытное знаніе со включеніемъ въ него и того, которое полу-

¹⁾ „So viel Actualität, soviel Realität“, W undt, System ³, II, 221. Logik ³, III, 632.

чается въ результатѣ изслѣдованія такъ называемаго внутреннего опыта, есть знаніе опосредствованное интеллектомъ, который производитъ анализъ опыта, то въ составъ духовнаго міра входитъ не одно только содержаніе внутреннего опыта, но и самый интеллектъ; объ интеллектѣ же мы знаемъ не путемъ логической работы надъ содержаніемъ сознанія, но совершенно непосредственно, ибо мы переживаемъ его, какъ активную дѣятельность сознанія, которая сама для себя создаетъ и нормы въ видѣ логическихъ законовъ. А въ такомъ случаѣ уже это обстоятельство даетъ намъ возможность говорить о томъ, что духовный міръ данъ намъ въ гораздо большей степени непосредственно, нежели міръ физическій; духовный міръ слагается не только изъ внутреннего опыта, опосредствованнаго работой интеллекта, но и изъ самаго интеллекта, отъ котораго исходятъ всякія расчлененія и противопоставленія, который является активнымъ элементомъ сознанія (ср. выше § 9, I).

Нетрудно убѣдиться, далѣе, и въ томъ, что для построения изъ содержаній сознанія міра физическаго требуется гораздо болѣе энергичная обработка этихъ содержаній интеллектомъ, чѣмъ для построения міра духовной жизни. Въдѣ интеллекту приходится для построения физическаго міра произвести очистку содержаній сознанія отъ всѣхъ качественныхъ элементовъ, которые относятся къ духовному міру, и пытаться сводить физическія явленія къ однимъ только количественнымъ отношеніямъ. На долю же духовнаго міра остаются содержанія сознанія въ ихъ непосредственной данности.

Вотъ почему, вопреки убѣжденіямъ Риккерта, я продолжаю держаться того взгляда, что міръ духовный данъ намъ болѣе непосредственно, чѣмъ міръ физическій. Затѣмъ я особенно подчеркиваю тотъ фактъ, что въ духовный міръ входятъ всѣ непосредственно нами переживаемые *активные* элементы сознанія, каково прежде всего само мышленіе, а затѣмъ и всѣ, несомнѣнно, стоящіе съ нимъ въ родствѣ (по признанію самаго Риккерта см. „Zwei Wege“, 182) волевые процессы. Этотъ фактъ имѣетъ для насъ огромное значеніе. Учитывая его, мы приходимъ къ пониманію того, чѣмъ причинность міра физическаго отличается отъ причинности міра психическаго.

Отличіе это состоитъ, какъ я доказывалъ выше (§ 8), въ томъ, что въ психической причинности, проникнутой активнымъ волевымъ характеромъ, заключается моментъ свободного творчества, котораго нѣтъ въ причинности физической. Міръ физическихъ явленій, какъ онъ строится эмпирической наукой, есть міръ количествъ, и въ немъ всякая причинная связь выражается количественнымъ уравненіемъ: въ слѣдствіи всегда содержится то, что дано въ причинахъ. Въ этомъ и состоитъ значеніе основного принципа естествознанія, принципа сохраненія энергіи. Напротивъ, міръ духовный есть міръ качествъ. Здѣсь слѣдствіе не содержится въ своихъ причинахъ; хотя оно не можетъ наступить безъ своихъ причинъ, но оно содержитъ въ себѣ качественно новый синтезъ, котораго не было въ причинахъ. Здѣсь основнымъ принципомъ оказывается формулированный Вундтомъ законъ нарастанія духовной энергіи, который въ специально исторической дѣйствительности выражается въ процессѣ творчества культурныхъ цѣнностей.

Ясно, какое значеніе имѣютъ всѣ эти положенія для выясненія той особой причинности, о которой Риккертъ говоритъ подъ именемъ причинности исторической. Я не буду останавливаться на развитіи этихъ положеній о характерѣ духовной причинности, такъ какъ я достаточно разъяснял это понятіе выше, но прямо перейду къ изложенію тѣхъ выводовъ изъ него, которые получаются въ примѣненіи къ исторической наукѣ и исторической причинности.

V. Я утверждаю, что та особая историческая причинность, о которой разсуждаетъ Риккертъ, есть не что иное, какъ именно причинность психическая ¹⁾. Отсюда и то отличитель-

¹⁾ Въ статьѣ „Психофизическая причинность и психофизическій параллелизмъ“ (см. сборникъ „Новыя идеи въ философіи“, № 8, 1913 г.) самъ Риккертъ очень близко подходитъ къ этому положенію, но принять его здѣсь ему мѣшаютъ его гносеологическія воззрѣнія. Понятіе *индивидуальной причины* принимаетъ Згньковскій, Проблема психической причинности (1914 г.) стр. 24. 68, полагая, повидимому, что безъ него нельзя говорить и объ индивидуализирующемъ методѣ въ наукѣ. Я думаю, что это разсужденіе неправильно; понятіе причинности утратитъ всякое научное значеніе, если изъ него будетъ исключенъ моментъ правильности, повторяемости причинныхъ связей; при всемъ томъ, индивидуализирующий методъ науки имѣетъ свой смыслъ. Значеніе этого метода состоитъ въ томъ, что ученый, изучая явленіе, не ограничивается тѣми его элемен-

ное свойство исторической причинности, на котором так настаивает Риккертъ: что при ея наличности результатъ не содержится въ своихъ причинахъ и всегда представляетъ собою нѣчто новое. Этимъ именно свойствомъ отличается духовный процессъ, какъ его рисуетъ Вундтъ. Въ новѣйшее время эти особенности духовной жизни изображаетъ Бергсонъ въ своей книгѣ о непосредственныхъ данныхъ сознания, гдѣ онъ разрабатываетъ вопросъ о свободѣ воли, а также и въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи о творческой эволюціи, гдѣ онъ на этой почвѣ строитъ метафизическую картину мірового творчества. Въ творческомъ процессѣ время не есть то абстрактное *t*, какимъ оно является въ естествознаніи, но реальный процессъ, въ которомъ на основахъ даннаго уже прошедшаго создается неизвѣстное заранее и качественно новое будущее.

Но, возразятъ мнѣ, если историческая причинность есть причинность психическая, если только духовной причинности свойственно производить то, чего не было прежде, что не содержится въ причинахъ, то тогда, повидимому, и понятіе индивидуума, какъ чего-то отличнаго по своимъ свойствамъ отъ всего другого и потому именно привлекающаго наше вниманіе, также должно быть достояніемъ только наукъ о духѣ. Между тѣмъ, мы знаемъ, что и въ физическомъ мірѣ нѣтъ предмета, который былъ бы безусловно тождественъ съ какимъ-либо другимъ, что и физическій міръ представляетъ собою безконечное многообразіе индивидуальных явленій. Нетрудно показать, что эти индивидуумы міра физическаго представляютъ для насъ интересъ: Риккертъ приводитъ въ качествѣ примѣра алмазь Кохинуръ. Этотъ алмазь, представляющій собою единственный въ своемъ родѣ предметъ, который никакимъ другимъ замѣненъ быть не можетъ, конечно, есть индивидуумъ міра физическаго, который нельзя поставить на одну линію, напримѣръ, съ большимъ кускомъ угля. Для насъ безразлично, если будетъ разбитъ кусокъ

тами, которые укладываются въ рамки общей причинности, но обращаетъ вниманіе, и притомъ преимущественное, на тотъ ирраціональный остатокъ, который не допускаетъ сведенія къ правильнымъ причиннымъ рядамъ См. объ этомъ ниже въ § 22, II. Творческій же характеръ психической причинности не исключаетъ правильной закономерности, ибо таковая можетъ быть и въ творествѣ качественно-новыхъ синтезовъ.

угля, который всегда можетъ быть замѣненъ другимъ, но далеко не безразлично, если будетъ разбитъ Кохинуръ („Графины“, стр., 301). И не только отдѣльные предметы міра физическаго привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе. Предметомъ нашего изученія служатъ и нѣкоторые индивидуальныя процессы міра физическаго, а также единичныя системы физическихъ тѣлъ. Такая наука, какъ астрономія, имѣетъ дѣло съ совершенно индивидуальными небесными тѣлами, изучаетъ ихъ свойства, движенія и расположеніе другъ относительно друга. Геологія также изучаетъ вполне индивидуальный, единичный процессъ образованія земной коры. Изученіе объ эволюціи животныхъ видовъ есть также отрасль естествознанія, имѣющая дѣло съ единичнымъ неповторяющимся процессомъ. Слѣдовательно, и въ наукахъ о мірѣ физическомъ мы встрѣчаемся съ изученіемъ индивидуальнаго. Духовная причинность и духовное творчество, повидимому, здѣсь не при чемъ.

Признавая всѣ эти факты, я тѣмъ не менѣе буду настаивать на томъ, что, главнымъ образомъ, психическая причинность съ ея особенностями вызываетъ въ насъ интересъ къ индивидуальному. Для наукъ о мірѣ физическомъ, по общему правилу, все индивидуальное безразлично, такъ какъ эти науки покоятся на томъ основномъ тезисѣ, что въ физическомъ мірѣ нѣтъ никакого творчества и происходитъ процессъ постоянного перераспределенія одного и того же запаса энергіи по однимъ и тѣмъ же законамъ, допускающимъ количественное выраженіе въ видѣ уравненій. При такомъ положеніи дѣлъ для естествоиспытателя обыкновенно совершенно безразличны тѣ индивидуальныя сочетанія, въ которыя вступаетъ физическая энергія. Его интересуютъ только общія формулы, въ которыхъ выражаются законы ея распределенія. Алмазь Кохинуръ для химика представляетъ не большій интересъ, чѣмъ кусокъ угля. Если этотъ алмазь будетъ разбитъ, то химикъ, какъ таковой, огорченъ не будетъ. У него даже, именно какъ у химика, можетъ явиться соблазнъ для пользы науки подвергнуть этотъ алмазь химическому разложенію, и если что его остановитъ, то только мысль о слишкомъ крупныхъ денежныхъ издержкахъ или же не химическій интересъ къ алмазу, а чисто эстетическій. Химикъ, какъ человѣкъ съ чувствомъ изящ-

наго и прекраснаго, можетъ пожалѣть алмазь, какъ эстетическую цѣнность. Но изъ всего сказаннаго совершенно ясно тотъ выводъ, что алмазь является интереснымъ для насъ индивидомъ не въ смыслѣ физическаго тѣла, съ которымъ имѣютъ дѣло естественныя науки, а въ смыслѣ предмета, возбуждающаго наше эстетическое чувство. Кохинуръ фигурируетъ въ роли индивида не въ физическомъ мірѣ, но въ мірѣ нашихъ оцѣнокъ, т.-е. въ мірѣ психическихъ переживаній, гдѣ большую роль играютъ основанныя на чувствѣ качественныя оцѣнки. Красивый камень индивидуаленъ не самъ по себѣ, какъ предметъ физическаго міра, со стороны своего объективнаго существованія, но лишь какъ наше психическое ощущение, т.-е. будучи взяты по отношенію къ нашей психикѣ.

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы въ естественныхъ наукахъ никогда и ни при какихъ условіяхъ единичное не становилось предметомъ спеціальнаго изученія. Любознательность человѣка безгранична, и такія науки о мірѣ физическомъ, какъ астрономія, геологія, ученіе о происхожденіи животныхъ видовъ, географія будутъ, конечно, отнесены къ наукамъ о единичномъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что астрономія находится въ особомъ положеніи. Вселенная, взятая въ цѣломъ, есть, конечно, единичное явленіе и только въ качествѣ такового можетъ быть изучаема. Астрономія подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія беретъ именно весь доступный опыту міръ, какъ предметъ спеціальнаго изученія, и потому можетъ изучать только единичное. Что же касается остальныхъ упомянутыхъ наукъ, то едва ли я ошибусь, если буду настаивать на томъ, что спеціальное изученіе исторіи земной коры во всѣхъ ея единичныхъ подробностяхъ интересно для насъ, главнымъ образомъ, потому, что именно земля сдѣлалась въ послѣдствіи той сценой, на которой выступило человѣчество съ своимъ процессомъ культурнаго творчества. Каждая особенность земли, какъ физическаго тѣла, важна для уясненія дальнѣйшихъ судебъ человѣчества. Такой же характеръ имѣетъ и тотъ интересъ, который побуждаетъ насъ къ детальнымъ занятіямъ географіей. Отъ тѣсной связи географіи съ исторіей человѣчества много распространяться не приходится (см. ниже, § 15). Наконецъ, и ученіе объ эволюціи животныхъ видовъ въ значительной степени привлекаетъ къ себѣ наше вниманіе также въ каче-

ствѣ той генетической науки, которая естественно предшествуетъ исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Для насъ интересно каждое звено того процесса, который привелъ въ результатъ къ появленію на землѣ мыслящаго и чувствующаго человѣчества (ниже, § 16).

Но какъ бы ни смотрѣть на эти естественныя науки, совершенно очевидно, что при изученіи самой исторіи факторы міра физическаго останавливаютъ наше вниманіе на себѣ лишь постольку, поскольку они имѣли значеніе для психики людей, создавшихъ своими дѣйствіями историческій процессъ. Внѣшняя природа имѣетъ значеніе въ исторіи только со стороны ея воздѣйствія на психику отдѣльныхъ людей и цѣльныхъ народныхъ массъ, дѣйствія которыхъ въ процессѣ культурнаго творчества составляютъ спеціальныя предметы интереса историка ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ исторіи человѣчества интересъ къ индивидуальному особенно усиливается у насъ именно потому, что историческій процессъ есть процессъ духовной жизни, въ которомъ проявляется отличительное свойство духовной причинности—создавать качественно-новые синтезы, то,

¹⁾ Противъ предлагаемаго сведенія историческихъ и вообще социальныхъ явленій на чисто психическія часто дѣлается слѣдующее возраженіе: *говорить, что жизнь общества не можетъ быть определена, какъ чисто психическій процессъ, такъ какъ въ ней играютъ большую роль физическіе факты*, и притомъ не только внѣшняя природа, а и то обстоятельство, что самыя сношенія людей между собою не могутъ происходить иначе, какъ черезъ посредство физическаго міра. Однако, такое возраженіе совершенно не основательно. Не слѣдуетъ забывать, что и психическіе процессы каждаго отдѣльнаго человѣка протекаютъ въ постоянной связи съ процессами физиологическими и физическими; это не мешаетъ намъ говорить о духовной жизни человѣка и дѣлать ее предметомъ спеціальнаго научнаго изученія. „Когда мы приписываемъ психологическимъ законамъ своеобразное, отличное отъ физическихъ законовъ содержаніе, мы отнюдь не думаемъ при этомъ, что законы эти когда-либо могутъ быть осуществлены безъ физическихъ промежуточныхъ процессовъ. Связь состояній и процессовъ въ индивидуальной душѣ“ на дѣлѣ, такимъ образомъ, столь же опосредствована физически, какъ и связь между индивидуумами въ человѣческомъ обществѣ. Конечно, связь эта иная въ томъ въ другомъ случаѣ. Но, вѣдь, никто и не утверждаетъ, что она одинакова“. *Вундтъ*. „Проблемы психологіи народовъ“. 71. См. также мою книгу: „Нравственная личность и общество“ (1911 г.), стр. 169, примѣч. и мою статью „Соціальная связь“ въ *Вопр. фил. и псих.*, 1918 г., кн. 141—2.

чего не было раньше. Опираясь на эти соображения, можно утверждать также, что то индивидуальное, с которым имѣетъ дѣло исторія людей, отличается по своимъ свойствамъ отъ того единичнаго, съ изученіемъ котораго мы иногда встречаемся и въ области наукъ о мірѣ физическомъ. Индивидуальныя событія въ исторіи и индивидуальные дѣятели историческаго процесса, будь то отдѣльные люди или цѣлыя народы, привлекаютъ наше вниманіе со стороны того, что мы въ нихъ находимъ качественно-новаго, такого, чего раньше не было. Единичныя же явленія міра физическаго ничемъ качественно-новаго въ себѣ не содержатъ и отличаются отъ общихъ типическихъ процессовъ этого міра лишь своей сложностью, которая состоитъ въ сплетеніи въ нихъ цѣлыя ряда общихъ причинныхъ процессовъ, сплетеніи, дающаго въ конкретной дѣйствительности только запутанные по своей сложности, но не качественно-новые синтезы. Каждый такой синтезъ, какъ это показываетъ любой лабораторный опытъ, можетъ быть безъ остатка сведенъ къ отдѣльнымъ простымъ элементамъ, изъ которыхъ онъ получился, чего нельзя сдѣлать въ области качественно-новыхъ духовныхъ синтезовъ.

Я настаиваю, слѣдовательно, на томъ, что исторія не по самому своему существу наука о духѣ, и что раздѣленіе наукъ на науки о природѣ и о духѣ въ виду принципиальнаго различія въ характерѣ причинности психической и физической имѣетъ огромное значеніе въ классификаціи наукъ. Только съ точки зрѣнія такого дѣленія становится понятнымъ и тотъ интересъ къ познанію чисто индивидуальныхъ причинныхъ рядовъ, который проявляется съ особенной силой въ историческихъ наукахъ. Основная ошибка Риккерта состоитъ въ томъ, что онъ, увлекаясь своею мыслью о гносеологическомъ субъектѣ, передъ которымъ одинаково непосредственно даны какъ физическій, такъ и психическій міръ, просмотрѣлъ это коренное различіе въ характерѣ физической и психической причинности и такъ создалъ неправильное ученіе о будто бы особомъ видѣ исторической причинности.

Въ остальномъ же я присоединяюсь къ Риккертю. Именно я думаю, что Риккертъ правъ, утверждая, что руководящимъ методомъ при отборѣ исторически существенныхъ фактовъ отъ несущественныхъ является *методъ отнесенія къ цѣлямъ*. Вѣдь именно интересъ нашъ къ культурнымъ

дѣятелямъ приводитъ къ тому, что мы начинаемъ внимательно изучать неповторяющіяся событія въ социальной жизни людей во всей ихъ индивидуальности. Намъ желательно знать каждый шагъ, пройденный людьми въ процессѣ созданія культурныхъ цѣнностей. Но если такъ, то совершенно ясно, что исторически существенными оказываются именно тѣ событія, которыя стояли въ той или иной связи съ этимъ процессомъ. Согласенъ я съ Риккертомъ и въ томъ, что для историка важно исключительно признаніе того факта, что существуютъ цѣнности, которымъ люди придаютъ значеніе. Никакой оцѣнки событій съ точки зрѣнія своихъ личныхъ взглядовъ на содержаніе этихъ цѣнностей историкъ производить не долженъ. Дѣло въ томъ, что разъ процессъ созданія цѣнностей еще не законченъ, и мы всю исторію именно сводимъ къ нему и сводимъ, то при научной работѣ нельзя исходить изъ того представленія о содержаніи цѣнностей, которое въ данный моментъ существуетъ у даннаго историка. Это было бы равносильно привнесенію въ научную работу чуждыхъ чуждой наукѣ элементовъ. Дѣло общей философіи заниматься становленіемъ содержанія цѣнностей и приведеніемъ ихъ въ систему. Философъ при этомъ прибѣгаетъ и къ такимъ приемамъ, которые чужды точному знанію, и имѣетъ на это полное право, такъ какъ при построеніи полной системы мировоззрѣнія, отвѣчающей не только теоретическимъ, но и историческимъ запросамъ, мы не можемъ ограничиваться однимъ научнымъ знаніемъ, но должны использовать всѣ тѣ стороны человѣческаго существа, которыя такъ или иначе раскрываютъ намъ связь чловѣка съ міромъ (выше, § 7, IV). Я не могу согласиться съ Риккертомъ въ его стремленіи отождествить методы философіи и науки. Но въ области строго эмпирической науки, каковой является исторія, мы должны ограничиваться исключительно примѣненіемъ логическихъ критеріевъ, установившимися взглядами на содержаніе логическихъ нормъ. Всѣ же остальные нормы—этические, эстетические—могутъ быть лишь предметомъ изученія историка въ ихъ генезисѣ, но не могутъ опредѣлять методовъ историческаго изслѣдованія. Методъ историка состоитъ въ каузальномъ изученіи исторической дѣйствительности при помощи строго логическаго ея анализа. При этомъ тѣ факты считаются существенными и подвергаются изученію, которые стоятъ въ

томъ или иномъ отношеніи къ признаваемымъ людьми культурнымъ цѣнностямъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить еще одну необходимую оговорку. Конечно, говоря о культурныхъ цѣнностяхъ, остаюсь на почвѣ тѣхъ представленій, которыя самъ Риккертъ называлъ бы „вреднымъ психологизмомъ“. Подъ этими цѣнностями я разумѣю тѣ содержанія мысли, чувства и воли, которыя создаются людьми въ процессѣ ихъ социальнопсихического дѣйствования¹⁾. Хотя люди надѣются найти общезначительное содержаніе этихъ цѣнностей, какъ окончательный итогъ своего культурнаго развитія, но это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, не даетъ основанія выдѣлять понятіе цѣнности изъ области бытія, какъ это дѣлаетъ Риккертъ, въ время противопологающій понятія бытія и цѣнности. Это противоположеніе, впрочемъ, приводитъ лишь къ тому, что въ концѣ-концовъ Риккертъ съ величайшими усиліями и трудненіями вынужденъ отыскивать тотъ способъ, при помощи котораго ему бы удалось вновь объединить эти разорванные имъ самимъ понятія въ одинъ общій синтезъ. По моему разумѣнію, идеаль общезначительныхъ цѣнностей, который приносится людямъ и является психологическимъ факторомъ, опредѣляющимъ направленіе ихъ работы въ области культуры, не можетъ быть оторванъ отъ остальной породившей ее психической дѣйствительности. Для такого разрыва бытія и цѣнности я не вижу никакихъ основаній и полагаю, что осуществить его даже въ абстракціи нѣтъ никакой возможности. Стремящіеся къ этому мыслители поэтому только тѣмъ и занимаются, что упрекаютъ другъ друга въ недопустимомъ психологизмѣ. Этотъ психологизмъ, который они гонятъ за дверь, неизбежно врывается въ окно. Это и понятно: въ области свободы отъ психологизма была бы освобожденіемъ отъ всего человеческого²⁾. Это совершенно послѣдовательно и утвѣ-

¹⁾ Ср. о понятіи цѣнности съ психологической точки зрѣнія *Dürer. Einführung in die Pädagogik* (1908), 36 слл. *Höffding, der menschliche Gedanke* (1911), § 152.

²⁾ См. *Rickert. Zwei Wege*, 211. „Если мы исходимъ изъ дѣйствительнаго познанія, то мы нѣкоторымъ образомъ остаемся опутанными этимъ психическимъ процессомъ. Предметъ, смыслъ, цѣнность не дѣлаются свободными. Они остаются простыми нормами для человѣка, и все представляется въ антропоморфной окраскѣ“. Это—совершенно вѣрно, но вѣрно и для человѣка и невозможно разсуждать о какихъ-нибудь цѣнностяхъ,

давать, напр., г. Яковенко въ первой книжкѣ журнала „Логосъ“ (стр. 224). Думаю, что можно вполне основательно сомнѣться въ томъ, можемъ ли мы, оставаясь людьми, создавать философію, свободную отъ „человѣческаго“ вообще, отъ „человѣческаго въ какомъ бы то ни было отношеніи“, какъ того желаетъ названный авторъ. Не убѣдила меня въ правильности Риккертской точки зрѣнія на цѣнности и другая статья самого Риккерта: „О понятіи философіи“, помѣщенная въ той же книжкѣ журнала „Логосъ“.

Въ такомъ свѣтѣ мнѣ представляется исторія; я опредѣляю ее, какъ индивидуализирующую науку о духѣ, а историческую причинность считаю проявленіемъ причинности общепсихической.

§ 11. Эволюція исторической науки.

I. Мы установили мѣсто исторіи въ системѣ человѣческаго знанія. Исторія относится, во-первыхъ, къ категоріи наукъ о духѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ употребляетъ это выраженіе Вундтъ. Исторіи приходится имѣть дѣло съ фактами, относящимися, главнымъ образомъ, къ области психическихъ явленій: духовныя переживанія людей, участвовавшихъ въ историческихъ событіяхъ, должны быть вскрыты историкомъ на основаніи тѣхъ внѣшнихъ поступковъ, свѣдѣнія о которыхъ дошли до него. Конечно, историкъ обращаетъ вниманіе и на физическую среду, въ которой развертывались историческія событія, но его интересуетъ эта среда не сама по себѣ, а лишь постольку, поскольку она отрази-

торія имѣли бы нечеловѣческое значеніе; несмотря на всѣ старанія Риккерта и его единомышленниковъ, абсолютная истина остается для человѣка непостижимой, и всѣ разсужденія о „самодовлѣющихъ цѣнностяхъ“, не имѣющихъ отношенія къ человѣку, лишены всякаго содержанія. О реальности идеаловъ см. мою книгу: „Нравственная личность и общество“, стр. 152. Ср. статью П. П. Соколова: „Проблема вѣры съ точки зрѣнія психологіи и теоріи познанія“ („Богословскій Вѣстникъ“, 1906 г., № 6). *Heumanns. Einführung in die Ethik* (1914), § 7. *Зиньковский*. „Проблема психической причинности“ (1914), ч. II, гл. 3.

лась на человеческой психикѣ, такъ или иначе повліяла въ характерѣ человеческихъ дѣяній и состояній. Интересъ историка обращается лишь на такіе *поступки отдѣльных людей*, слѣдствія которыхъ выходили за предѣлы ихъ личной жизни, стояли въ связи съ творчествомъ культурныхъ цѣнностей, общихъ для всего человечества; только такіе поступки, какъ мы убѣдились, являются существенными для историка. Сверхъ того, вниманіе историка привлекаютъ къ себѣ и *массовые процессы*; здѣсь онъ долженъ преслѣживать какъ эволюцію болѣе или менѣе устойчивыхъ *стояній* массовой жизни, каковы: право, нравы, вѣрованія, хозяйство, знанія и убѣжденія, такъ и ходъ тѣхъ кратковременныхъ процессовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе массы и которые называются *событіями*. Такимъ образомъ въ основѣ исторической работы лежитъ какъ индивидуальна психологическій анализъ, такъ и разслѣдованіе коллективной психологіи массъ. Вся исторія представляетъ собой результатъ психологическаго закона, общаго какъ для индивидуальной, такъ и для коллективной психологіи: закона творческой психической причинности, постоянно приводящей при достаточной интенсивности и непрерывности процесса къ появленію качественно-новыхъ синтезовъ мысли и чувства. Дѣйствіе этого закона лежитъ въ основѣ исторической причинности.

Во-вторыхъ, исторія опредѣлилась для насъ, какъ *наука индивидуализирующая* въ смыслѣ Риккерта. Ея задача состоитъ не въ выведеніи какихъ-либо общихъ законовъ и не въ созданіи широкихъ схемъ, въ которыя укладывалась бы жизнь, протекающая въ разныхъ мѣстахъ земного шара въ различные моменты времени, но въ изслѣдованіи отдѣльных неповторяющихся событій и состояній въ ихъ индивидуальномъ видѣ, со всѣми тѣми чертами и особенностями, которыя отличаютъ ихъ отъ другихъ фактовъ, какъ бы они сходились въ остальномъ ни были между собою. Для разрѣшенія этой задачи историка должны примѣнять совершенно особые методы изслѣдованія, которые ничего общаго не имѣютъ съ методами, напримѣръ, статистика или социолога. Притомъ работа историка цѣнна не только потому, что она даетъ прѣвѣренный матеріалъ фактовъ для послѣдующихъ выводовъ социологовъ, экономистовъ и другихъ представителей обоб-

щающаго знанія, но и сама по себѣ. Исторія, вмѣстѣ съ другими индивидуализирующими науками, составляетъ совершенно особую область знанія, которая намъ не менѣе необходима для полнаго теоретическаго представленія о мірѣ, практическаго имъ овладѣнія, чѣмъ науки генерализирующія.

Уже изъ предыдущихъ очерковъ совершенно ясно, что исторія начала окончательно опредѣлять себя въ этомъ видѣ лишь въ сравнительно очень недавнее время, такъ какъ еще такихъ видныхъ представителей современной методологіи, какъ Джонъ Стюартъ Милль, мы не находимъ указаній на подобную роль исторіи и цѣнность историческаго знанія, какъ правового. То представленіе о характерѣ исторической науки, которое защищается въ настоящей книгѣ, и въ наше время не далеко не является господствующимъ, хотя я твердо убѣжденъ, что ему принадлежитъ будущее. Число его сторонниковъ постоянно растетъ. Конечно, установленіе правильного взгляда на мѣсто исторіи среди другихъ наукъ имѣетъ первостепенное значеніе и для уясненія особенностей исторической методологіи. Много ошибокъ методологическаго характера дѣлалось до сихъ поръ и дѣлается въ наше время, слѣдствіе неправильнаго представленія историковъ о своихъ задачахъ. Немало вреда приноситъ работамъ нѣкоторыхъ историковъ, напримѣръ, то обстоятельство, что они все еще продолжаютъ смотрѣть на свои труды, какъ на нѣчто обобщающее и, занимаясь изслѣдованіями въ области совершенно опредѣленной исторической эпохи, изучая хотя бы исторію римской республики или имперіи, воображаютъ, что создаютъ трудъ обще-соціологическаго характера.

Исторія прошла длинный путь развитія, прежде чѣмъ сформировалось представленіе о ней, какъ о самостоятельной индивидуализирующей генетической наукѣ о духѣ, которое нами защищается. Наше знакомство съ исторической наукой не идетъ полнымъ въ достаточной степени, если мы не бросимъ взглядъ на *историческія судьбы исторической науки*. Это намъ болѣе необходимо, что, какъ было уже указано, старая возрѣнія на историческую науку до сихъ поръ еще не вполне устранены и во многомъ вліяютъ на характеръ работъ современныхъ историковъ. Въ послѣдующемъ мы постараемся дать сжатый очеркъ основныхъ фазисовъ, черезъ которые

прошла историческая наука въ своей послѣдовательной эволюціи ¹⁾.

II. Въ *античной древности* мы еще не встрѣчаемся исторіей, какъ съ строгой генетической наукой. Исторія въ эту эпоху занимаетъ до самаго конца положеніе среднее между строгой наукой и чистымъ искусствомъ. Не было выработано яснаго представленія о естественной законмѣрности историческаго процесса, о средствахъ познанія исторической истины и о самодовлѣющихъ задачахъ исторической науки. Исторія служила или для чисто практическихъ цѣлей, имѣя прикладной, несамостоятельный характеръ, или же прославляла для развлеченія людей, привлекала къ себѣ вниманіе только захватывающимъ драматизмомъ историческихъ событій.

Практическимъ цѣлямъ служатъ всякаго рода официальные и неофициальные записи о выдающихся событіяхъ, составляемыя для сохраненія ихъ въ памяти потомства; таковы надписи, посвященныя перечню великихъ дѣяній того или иного правителя, или списки побѣдителей на публичныхъ играхъ; въ эту же категорію относятся записи, дѣлаемыя для увѣковѣченія событій, имѣющихъ религіозное или политическое значеніе, какъ, на примѣръ, тексты международныхъ договоровъ, списки должностныхъ лицъ, генеалогическія таблицы знатныхъ семействъ, записи посылаемыхъ богамъ знаменій и т. п. ²⁾. Ко второй категоріи относятся рассказы о славныхъ дѣяніяхъ, преимущественно военнаго характера, создаваемые для развлеченія и возбужденія слушателей, часто облачаемые въ поэтическую, стихотворную форму, причемъ, конечно, историческій матеріалъ иногда до неузнаваемости разукрашивается вымысломъ. Сюда входитъ вся эпическая поэзія, имѣющая часто коллективное происхожденіе. Таковы поэмы Гомера и нѣкоторыя изъ римскихъ легендъ. Такого характера произведенія встрѣчаются, конечно, не только

¹⁾ Ср. А. Дживелеговъ. „Исторія“, въ Энцикл. Словарѣ Гранатъ изд. 7-е, т. 22-й; въ „Приложеніи“ дана обстоятельная библіографія вопроса. Болѣе подробное изложеніе многихъ теорій философіи исторіи дано въ *моей* книгѣ „Соціологія. Введеніе. Часть I. Историческій очеркъ ученія объ обществахъ“. 1917 г.

²⁾ Первой точной датой всемірной исторіи является 19 іюля 4241 г., когда въ Египтѣ былъ введенъ календарь въ 365 дней. Ed. Meyer. Gesch. d. Alt. I, 2 (2-е изд. 1909) §197.

античныхъ народовъ; сюда относятся нѣкоторыя русскія былины и историческія пѣсни, скандинавскія саги, германскія пѣсни о Нибелунгахъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не имѣемъ никакого подобія исторіи, какъ науки; мы встрѣчаемся здѣсь только съ тѣми недифференцированными еще произведеніями человѣческаго духа, изъ которыхъ впоследствии, между прочимъ, разовьется и исторія.

Историческій рассказъ начинаетъ дифференцироваться отъ практическихъ записей и чисто поэтическихъ произведеній лишь тогда, когда историческій матеріалъ становится предметомъ *литературной обработки*, предпринимаемой съ исключительной цѣлью *установить истину о событіяхъ*, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили, независимо отъ какихъ-либо прикладныхъ тенденцій или эстетическихъ цѣлей. Конечно, процессъ такой дифференціаціи происходитъ не сразу. Въ первыхъ, извѣстныхъ намъ, попыткахъ литературной обработки историческихъ данныхъ мы не встрѣчаемъ еще сколько-нибудь ясно выраженныхъ представленій объ исторической наукѣ, какъ о самодовлѣющей дисциплинѣ строго научнаго характера.

Отцомъ литературно-обработанной исторіи обыкновенно считается греческій историкъ *Геродотъ*, который около 440 г. до Р. X. написалъ связную исторію грекоперсидскихъ войнъ ¹⁾. Геродотъ былъ непосредственнымъ продолжателемъ такъ называемыхъ *логографовъ*, которые и до него въ довольно большомъ количествѣ существовали въ греческихъ колоніяхъ по берегамъ малоазійскаго побережья и острововъ Архипелага; отсюда произошелъ и Геродотъ. Но Геродотъ существенно отличается отъ логографовъ. Въ то время, какъ логографы занимались по преимуществу мифическимъ періодомъ и, хотя очень заботились объ устраненіи изъ мифовъ всего чудеснаго, очень ихъ рационализировали, но все же не выработали сколько-нибудь точныхъ приемовъ исторической критики, Геродотъ, хотя также не свободенъ отъ экскурсовъ въ область мифическаго, все же главной темой своего рассказа беретъ

¹⁾ См. *Бузескулъ*, Введеніе въ исторію Греціи (1903 г., 51 сл. *Gomperz*, Griechische Denker, 2 I, 208 сл. *M Wundt*, Geschichte d. Griech. Ethik, I, 201 сл. О зачаткахъ исторической литературы у евреевъ см. *Ed. Meyer*, Geschichte d. Altertums, I, 1 (3-е изд. 1910), § 131. О Египтѣ и Индіи см. *тамъ же* I, 2 (2-е изд. 1909), § 157.

чисто исторический сюжет — борьбу грековъ съ персами и притомъ близкій по времени къ самому историку, и в значительной мѣрѣ стремится къ восстановленію исторической правды. Цѣль Геродота, конечно, не могла еще заключаться въ изслѣдованіи исторической причинности, о которой онъ не имѣлъ опредѣленныхъ представлений. Онъ ставитъ своей задачей исключительно повѣствованіе, предназначенное къ тому „дабы отъ времени не изгладились изъ памяти дѣла и деянія людей и не преданы были забвенію великіе и достойные удивленія подвиги, совершенные какъ эллинами, такъ и варварами, къ особенности же причина, по которой они вступили въ войну между собой“. Въ упоминаніи о причинности войны не слѣдуетъ видѣть указанія на предносившую Геродоту картину законмѣрнаго теченія событій. Геродотъ здѣсь не выходитъ за предѣлы изслѣдованія тѣхъ цѣлей, которыя ставили себѣ люди, участвующіе въ рассказываемыхъ имъ событіяхъ, и разсужденія о причинности, понимаемой въ этомъ смыслѣ, переплетаются у него съ размышленіями о вмѣшательствѣ боговъ или судьбы въ человѣческія дѣла. Особенно большую роль играетъ Немезида, которая мститъ людямъ за чрезмѣрную заносчивость или самонадѣянность. Геродотъ до извѣстной степени старается въ своемъ рассказѣ отдѣлать достовѣрное отъ недостовѣрнаго, провѣряетъ рассказы другихъ лицъ собственными наблюденіями и соображеніями, но, конечно, систематической критики источниковъ отъ него ожидать еще нельзя и часто невозможно точно установить источниковъ того или иного изъ его утвержденій.

Исторія такого типа получила въ современной наукѣ названіе *повѣствовательной*. Она занимается только констатированіемъ историческихъ фактовъ для памяти, не стремясь сдѣлать изъ нихъ какіе-либо практическіе выводы или же привести ихъ въ строго генетическую связь между собой. Въ болѣе сухомъ видѣ, чѣмъ у Геродота, такая исторія представлена намъ римскими анналистами и многими средневековыми хрониками.

Но античная древность не остановилась на этомъ типѣ историческаго разсказа. Черезъ 25—30 лѣтъ послѣ Геродота писалъ *Фукидидъ*, испытавшій уже на себѣ вліяніе критическаго и даже скептическаго духа софистики. Онъ является авторомъ знаменитой исторіи Пелопонесской войны, которая

начинается началомъ новаго вида историческаго повѣствованія, какъ называемой, *прагматической исторіи* ¹⁾. Отличіе прагматической исторіи отъ повѣствовательной состоитъ въ томъ, что историкъ пишетъ свое изслѣдованіе для того, чтобы увлечь изъ него назиданіе для читателей. Назиданіе это можетъ имѣть и чисто моральный характеръ — люди видятъ въ исторіи поучительные примѣры пороковъ и добродѣтелей — политической — люди могутъ изъ исторіи учиться политическимъ дѣламъ, и, пользуясь опытомъ прошлаго, избѣгать политическихъ ошибокъ въ настоящемъ. Преслѣдуя подобныя цѣли, историкъ конечно, въ большей степени, чѣмъ простой излагатель интересныхъ фактовъ, въ родѣ Геродота, вынужденъ заботиться какъ о достовѣрности своего матеріала, такъ и объ установленіи причинной связи событій. Но причинность, изслѣдуемая этого типа исторіей, при ея поучающемъ характерѣ, опять-таки *не идетъ дальше человѣческихъ плановъ и расчетовъ*; историки не замѣчаютъ еще законмѣрности тѣхъ процессовъ въ исторіи, которые выходятъ за предѣлы сознательнаго воздѣйствія людей на событія и не укладываются въ ихъ планы, и весь этотъ элементъ причинности покрываютъ понятіемъ „судьбы“. Законмѣрность этихъ сторонъ исторіи вполнѣ выяснилась только для науки, созданной близкими къ намъ эпохами, въ которыя исторія приобрѣла значеніе самодовлѣющей научной дисциплины, изслѣдующей свой матеріалъ независимо отъ какихъ бы то ни было практическихъ цѣлей. Только такая генетическая исторія создала и систематическую критику матеріала. Исторія прагматическая все еще не вполнѣ дифференцировалась отъ политическаго трактата, съ одной стороны, отъ моральной проповѣди, съ другой, что и нарушало строгость и чистоту научнаго изслѣдованія.

Отъ всѣхъ этихъ недостатковъ не свободна, конечно, и исторія Фукидида. Цѣль, поставленная авторомъ, достигнута, будетъ, по его словамъ, если его „трудъ найдутъ полезнымъ“, кто пожелаетъ имѣть ясное и вѣрное представленіе о прошломъ, въ виду того, что, по свойствамъ человѣческой природы, *и въ будущемъ когда-нибудь можетъ произойти*

¹⁾ *Бузескулъ*, цит. соч., 78 сл. Ср. о терминѣ „прагматическая исторія“ *Куртзевъ*, Теорія историч. знанія (1913), 142 пр. 2.

ничто подобное". В этих словах довольно ясно намечаются указанные выше задачи прагматического историка. С технической стороны труд Фукидида представляет значительный шаг вперед, сравнительно с работой Геродота. Фукидид пишет о событиях, которых он был очевидцем, стремится к точному разграничению истины от небылицы, пользуется документами и надписями, прибегает к сравнительному методу и вполне устраняет элемент чудесного. Вмешательство богов в историю Фукидиду не известно. Но большую роль он придает „судьбам“, т. е. фатальному, непредусмотримому фактору событий, с которыми зачастую человек борется. Действие судьбы не поддается плановому исследованию. Что же касается уловимой для историка причинности, то она понимается Фукидидом главным образом в смысле *психологической обоснованности человеческих поступков*. Предметом преимущественного внимания со стороны историка служат не длительные состояния, но события и притом в особенности события военной истории. Длительных состояний Фукидид касается только мимоходом. Для выяснения исторической обстановки и мотивов человеческих решений и поступков Фукидид часто пользуется приемом, который нашел себя многих подражателей не в одной только античной древности: именно, не стесняясь нарушением исторической точности, он влагает в уста исторических деятелей *речи* по разным поводам, обыкновенно измышленные самим историком и написанные им по всем правилам ораторского искусства.

Самый термин „прагматической“ истории создан греческим историком II века *Полибием* ¹⁾, который пишет первую всеобщую или всемирную историю, так как ставит задачей своего труда показать, каким образом подготовилось и установилось господство римского народа над окружающими странами. Прагматическая история, по конструкции Полибия, имеет своей задачей политическую дѣла— „прагмата“, но их изучением преследует „аподиктические“ дѣла политического и морального характера. Для политической дѣятельности нет лучшей школы, как изучение

¹⁾ *Вузескулъ*, 226 сл.

истории, говорит Полибий в начале своего труда; история же лучше всего выучить нас мужественно переносить претности судьбы. Полибий проникнут убеждением в закономерности судьбы. Полибий проникнут убеждением в закономерности, по крайней мере, некоторых сторон исторического процесса; например, он предлагает (кн. VI) предѣленный „порядок природы“, как *схему смѣны правления*; в основу этой схемы лежит нередко встречающаяся у античных писателей идея круговорота человеческих судеб (см. ниже, § 21, I). Но во многих случаях он говорит о той роли, которую в истории играет судьба, направляющая события иногда разумно и целесообразно, иногда же совершенно капризно и несправедливо, вопреки всем расчетам людей. Большое внимание Полибий обращает на роль природных условий.

В очерк античной историографии я не считаю возможным пройти молчаньем одного мыслителя, который, хотя и не был историком, но занимался вопросами весьма важными для исторической науки, а именно: *Аристотеля*. Этого философа IV в. можно считать одним из самых главных предшественников современной социологии. Он много занимался вопросами о *природе человеческого общества* и в своей „Политикѣ“ высказал не мало ценных мыслей по этому вопросу, которые затѣм слишком надолго были забыты людьми, чтобы возродиться к жизни уже в новое время. Аристотель впервые установил положение, что человеческое общество не есть искусственное изобрѣтение людей, но вполне естественное явление, так как человек по природе своей есть животное „политическое“ и притом наделенное даром речи и способностью отличать добро и зло. Соответственно с этим и дальнейшее развитие общества представляется Аристотелю процессом закономерным и не вполне поддающимся человеческому воздействию. Правда, у Аристотеля мѣстами встречается упоминание о „судьбам“, но она не играет у него такой большой роли, как у извѣстных нам уже писателей, так как значительная часть этой независимой от людей судьбы перешла у него в формулы уловимой для науки закономерности. Правда, самое представление Аристотеля о закономерности довольно своеобразно. Весь мир, по его схемѣ, оказывается дѣлом, стремящимся к определенной дѣли; в понятие о законо-

мѣрности поэтому *входитъ не только причинная связь, но и цельсообразность*. Основнымъ закономъ міра, которому подчиняется и жизнь общества, является положеніе, что частное всегда опредѣляется своимъ отношеніемъ къ цѣлому; положеніе это звучитъ въ духѣ полного финализма. Такъ какъ достиженіе цѣлей не всегда удается не только человѣку, но и природѣ, то на ряду съ законченными и совершенными формами мы встрѣчаемъ постоянно и неудачныя. Такъ Аристотель дѣлитъ государство на правильныя и извращенныя или, разсуждая о рабствѣ, различаетъ справедливое и естественное подчиненіе отъ искусственнаго и несправедливаго. Такимъ образомъ, законмѣрность не всегда дѣйствуетъ правильно и *не представляется ненарушимой*. На почвѣ этики общихъ принциповъ Аристотель даетъ много наблюденій надъ разными проявленіями законмѣрности общественной жизни. Онъ выводитъ государство путемъ естественной эволюціи изъ семьи и селенія, пытается прослѣдить причины смѣны различныхъ формъ государственнаго устройства и опредѣлить, какія формы болѣе подходятъ къ различнымъ историческимъ условіямъ. При этомъ онъ придаетъ большое значеніе природнымъ неравенствамъ людей въ зависимости отъ пола, возраста, національности, считая однихъ людей по природѣ предназначенными къ господству, другихъ—къ подчиненію. Онъ знаетъ роль исторической традиціи, вліяніе на людей старины всякаго рода, и подвергаетъ разсмотрѣнію вопросъ о дѣйствіи внѣшней природы на жизнь общества ¹⁾.

Римскіе историки своими трудами не подвинули впередъ исторической науки. Римляне вообще не были сильны въ области чистаго знанія. Поэтому исторія въ ихъ рукахъ еще болѣе обнаруживаетъ черты прикладной дисциплины, преслѣдующей практическія цѣли. Римляне пользуются историческимъ рассказомъ, прежде всего, какъ средствомъ возвысить себя и свои дѣянія; затѣмъ онъ и у нихъ получаетъ значеніе политическаго или моральнаго трактата. Цицеронъ прямо называетъ исторію именемъ „произведенія по преимуществу *ораторскаго характера*“. (De oratore II, 62;

¹⁾ Въ духѣ этихъ общихъ возрѣній составленъ Аристотелемъ и очеркъ развитія Аѳинской демократіи, заключающійся въ недавно найденной его „Аѳинской политикѣ“.

De legibus I, 2). Историческая критика источниковъ даже у наиболѣе выдающихся римскихъ историковъ стоитъ много ниже, чѣмъ у Фукидида и Полибія. Даже знаменитый трудъ *Тацита* ¹⁾ не представляетъ собой ничего особенно значительнаго, какъ историческое изслѣдованіе, и его значеніе лежитъ больше въ области морально-политической мысли. Къ источникамъ Тацитъ относится настолько невнимательно, что, будучи самъ сенаторомъ, даже не использовалъ для своей исторіи цезарей подлинныхъ сенатскихъ протоколовъ, но бралъ этотъ матеріалъ изъ вторыхъ рукъ. Рассказывая же о древнѣйшей исторіи Рима, историки безъ всякой критики соединили въ одно цѣлое массу легендъ и мифовъ, не имѣющихъ ни малѣйшей исторической достовѣрности. Обычнымъ приемомъ являлась модернизация историческихъ событій. Напримеръ, рассказами о полумифической борьбѣ патриціевъ и плебеевъ въ древномъ Римѣ историки конца республики сплошь и рядомъ пользуются, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ разыгрывавшимся на ихъ глазахъ смутамъ, погубившимъ Римскую республику. Такой характеръ, въ особенности, имѣютъ рѣчи, въ изобиліи влагаемыя ими въ уста историческихъ персонажей и содержащая въ себѣ цѣлыя политическія и социальныя программы позднѣйшихъ римскихъ партій. Для заполнения пробѣловъ въ древнѣйшей исторіи римскіе авторы не останавливаются прямо передъ замышленіемъ не существовавшихъ никогда событій и обыкновенно достигаютъ этого путемъ удвоенія историческихъ событій, производя въ нихъ нѣкоторыя варіаціи.

Особенность античной исторіи составляетъ то обстоятельство, что она носитъ по существу мѣстный характеръ: несмотря на извѣстный космополитизмъ, который проявляется въ литературѣ, начиная съ эллинистической эпохи, интересы историковъ не выходятъ все же за предѣлы сравнительно узкаго круга народовъ и событій, при чемъ совершенно *отсутствуетъ идея объ единствѣ всего человѣческаго рода* въ смыслѣ его историческихъ судебъ. ²⁾ При такихъ условіяхъ не могла создаться теорія общечеловѣческаго прогресса. На

¹⁾ Wachsmuth. Einleitung in das Studium d. alten Geschichte (1895), 677 сл.

²⁾ См. Kärst, Studien zur Entwicklung und theoretischen Begründung der Monarchie im Altertum (1898) 75, 103.

мѣсто ея въ древности нерѣдко встрѣчается идея *вѣчнаго круговращенія* событій или же даже идея *историческаго прогресса*, согласно которой золотой вѣкъ лежитъ уже далеко позади современнаго человѣчества (см. ниже, § 22).

III. Важное измѣненіе въ характеръ историческихъ трудовъ вноситъ *распространеніе христіанства*. Христіанство есть религія общечеловѣческая, передъ лицомъ которой не имѣютъ значенія различія національныя, культурныя и политическія. Поэтому въ *средніе вѣка*, когда все міровоззрѣніе проникается христіанскимъ характеромъ, и исторія усваиваетъ себѣ представленіе о *человѣчествѣ, какъ о единомъ цѣломъ*¹⁾. Навстрѣчу этому обстоятельству шель и общій характеръ средневѣковой политической дѣйствительности. Національное самосознаніе формирующихся новыхъ народовъ долго еще не могло сложиться; большое значеніе въ политической жизни имѣли такіе космополитическіе институты, какъ священная Римская имперія и папство, такія общенародныя предпріятія, какъ крестовые походы; языкомъ науки былъ мертвый латинскій языкъ, а самое содержаніе научныхъ, философскихъ и политическихъ трудовъ слагалось подъ вліяніемъ космополитическихъ католическихъ тенденцій. Исторіографія среднихъ вѣковъ, какъ и вся средневѣковая наука, находится также *подъ теологической опекой*. Какъ философія въ средніе вѣка считалась за простую прислужницу богословія, такъ и исторія имѣла своей задачей исключительно служеніе богословскимъ цѣлямъ. Основаніемъ средневѣковой философіи исторіи служила литература отцовъ церкви. Въ IV вѣкѣ *Лактанцій* въ своемъ сочиненіи „Семь книгъ о божественномъ устроеніи“ ставитъ исторію въ зависимость отъ идеи Божественнаго искупленія и, по аналогіи съ шестью днями творенія, полагаетъ для всей исторіи человѣчества періодъ въ 6000 лѣтъ. Окончательно теологическая философія исторіи была установлена въ зна-

менитомъ трудѣ *бл. Августина*: „О государствѣ Божіемъ“, написанномъ между 412 и 426 гг. Августинъ усматриваетъ во всемірной исторіи постепенно устанавливающуюся противоположность съ одной стороны *государства Божія*, съ другой стороны — *мірскаго государства*. Историческимъ результатомъ этой противоположности явилась католическая церковь и всемірная римская имперія. Мірское государство ведетъ свое начало отъ братоубійцы Каина; оно представляется результатомъ грѣхопаденія людей, которое укрѣпило на землѣ царство дьявола, тогда какъ католическая церковь является учрежденіемъ, подготовляющимъ вѣрующихся къ окончательному спасенію, будучи хранительницей благодати. Вся исторія получаетъ характеръ провиденціально руководимой борьбы царства благодати съ царствомъ зла, при чемъ ея завершеніемъ должна быть полная побѣда благодати надъ зломъ. Наслѣдственный грѣхъ людей, представляющей собой результатъ злоупотребленія свободой, побѣждается божественной любовью, сказывающейся въ обновляющемъ дѣйствіи благодати. Исторія есть постепенный процессъ очищенія достойныхъ, предопредѣленныхъ Богомъ къ спасенію душъ, ихъ шествія отъ грѣха, раздробленія и муки къ праведности, единству и блаженству. Въ этомъ состоитъ основной законъ историческаго процесса, который въ то же время представляется и предопредѣленнымъ Самимъ Богомъ прогрессомъ. Руководящей цѣлью историческаго разсказа у Августина, какъ и во всей послѣдующей средневѣковой литературѣ, является прославленіе Бога и Его истинной церкви.

Въ то время какъ по отношенію къ свѣтскому владычеству въ исторіи постоянно происходила смѣна первенствующихъ народовъ, преемство Божественной истины всегда покоилось на одномъ *избранномъ народѣ еврейскомъ*. Поэтому, хотя исторія человѣчества теперь представляется, какъ одно связанное цѣлое, но центръ тяжести переносится на исторію еврейскаго народа и въ нее уже вплетается исторія другихъ народовъ. Такъ получается своеобразная *периодизація всемірной исторіи*, основанная на библейской традиціи и обыкновенно сводящаяся къ шести періодамъ по аналогіи съ шестью днями творенія или съ послѣдовательными возрастами каждаго человѣка. Схема такой периодизаціи имѣется уже у Августина. Первый изложилъ всемірную исторію съ такой

¹⁾ См. къ послѣдующему *Эйкенъ*. „Исторія и система средневѣкового міросозерцанія“. (1907), 568 сл. *Герье*. „Философія исторіи отъ Августина до Гегеля“ (1915). Кн. *Е. Н. Трубецкой*. „Религіозно-общественный идеалъ Западнаго христіанства въ V в. Міросозерцаніе бл. Августина“ (1892). *Его же*. „Религіозно-общественный идеалъ Западнаго христіанства въ XI. в. Идея Божескаго Царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ его современниковъ“ (1897).

точки зрѣнія *Исидоръ Севильскій* въ своей книгѣ „De discre-
tione temporum“ (начало VII вѣка). Эти періоды идутъ въ
слѣдующемъ порядкѣ: 1) отъ Адама до Ноя, 2) отъ Ноя до
Авраама, 3) отъ Авраама до Давида, 4) отъ Давида до Ва-
вилонскаго плѣненія, 5) отъ Вавилонскаго плѣненія до Ро-
ждества Христова, 6) отъ Рождества Христова до Страшнаго
Суда. Съ этой периодизаціей перекрещивается основанное на
двухъ мѣстахъ писаній пророка Даниила (II, 37 слл., VII, 3 слл.)
ученіе о *четырехъ мировыхъ монархіяхъ*, которыя послѣдо-
вательно смѣняются въ исторіи другъ друга, а именно:
1) Ассиро-Вавилонской, 2) Мидо-Персидской, 3) Греко-Маке-
донской и 4) Римской. *Тома Аквинскій* прибавилъ сюда пя-
тую монархію, которой было уже царство Христово. Оно
должно было распространяться на весь міръ и существовать
до самаго его конца.

При такой общей концепціи исторіи своеобразный харак-
теръ должно было получить и ученіе объ исторической при-
чинности. Историки имѣли въ виду не столько естественную
связь событій и ихъ зависимость другъ отъ друга въ порядкѣ
причинныхъ рядовъ, сколько *окончательную цѣль исторіи,*
намѣченную Самимъ Богомъ, которая и вносила единство и
связность въ историческій процессъ. Августину вся исторія
представлялась сплошнымъ чудомъ, которое совершается Бо-
жескимъ всемогуществомъ надъ человѣческимъ естествомъ.
Всѣ историческія событія получаютъ *аллегорическое значеніе*
и истолковываются въ связи съ идеей человѣческаго спасенія
отъ власти грѣха. Такъ, древней исторіи обыкновенно при-
дается значеніе прообраза будущаго христіанскаго періода.
Событія изъ исторіи еврейскаго народа истолковываются,
какъ указанія на будущія событія христіанской эпохи. При-
несеніе въ жертву Исаака есть прообразъ распятія Христа,
убіеніе Голіафа Давидомъ — прообразъ побѣды Христа надъ
адамомъ, сонъ царя Астіага — прообразъ откровенія, бывшаго
Дѣвѣ Маріи, и т. п. У правовѣрно-католическихъ писателей
всѣ событія исторіи и всѣ историческія дѣятели получаютъ
положительную или отрицательную оцѣнку въ зависимости
отъ ихъ *отношенія къ католической церкви*. Нѣсколько умѣ-
реннѣе и безпристрастнѣе въ своихъ сужденіяхъ писатели,
стоявшіе на сторонѣ императоровъ въ ихъ борьбѣ съ папами;
дѣло въ томъ, что эти писатели также очень высоко ставили

интересы церкви, но только не соглашались вполне подчи-
нить имъ интересы государства; поэтому, будучи далеки отъ
отрицанія заслугъ поборниковъ церкви, они только старались
реабилитировать тѣхъ дѣятелей, вся вина которыхъ заклю-
чалась въ отстаиваніи самостоятельности государства. Нечего
и говорить о томъ, что вся исторіографія была проникнута
сверхъ въ чудесное. Это приводило къ смѣшенію легендарныхъ
разказовъ съ исторической истиной. Идея измѣнчивости
всѣхъ условій человѣческой жизни въ исторической эволю-
ціи совершенно отсутствовала. Поэтому средневѣковые исто-
рики отличаются большой склонностью *модернизировать* исто-
рическія событія, приписывать дѣятелямъ прошлаго времени
такіе мотивы, которые свойственны только эпохѣ самого
историка и вообще представлять себѣ событія отдаленныхъ
эпохъ въ средневѣковой обстановкѣ. Эти воззрѣнія долго
продолжали отражаться въ церковной живописи, которая
изображала библейскія событія въ обстановкѣ и костюмахъ,
современныхъ художнику ¹⁾.

Главную цѣлью исторіи считается *прославленіе великихъ*
и достойныхъ памяти событій и морально-религіозное поуче-
ніе; въ этомъ отношеніи исторіи христіанскихъ временъ от-
давалось предпочтеніе передъ исторіей языческихъ. Иногда,
впрочемъ, отмѣчалась и та польза, которая получается отъ
изученія исторіи, даже языческой, для чисто практической
дѣятельности и для предвидѣнія будущаго.

Само собой разумѣется, что при указанномъ характерѣ
историческихъ трудовъ *никакой правильной критики источ-*
никовъ быть не могло. Какъ сказано, эпоха отличается въ-
ррой въ чудеса и потому уже не можетъ проявлять большого
историческаго скептицизма ²⁾. Сверхъ того, вся средневѣко-
вая наука проникнута духомъ *уваженія къ авторитету*,
воспитаннымъ теократическимъ характеромъ культуры: зада-
чей науки въдь вообще считалось истолкованіе непреложныхъ

¹⁾ О поучительно-церковномъ характерѣ нашей начальной лѣтописи см. *Ключевскій*. Курсъ, I, 111 сл. О системахъ философіи исторіи, которыя создавались на теологическихъ основахъ въ позднѣйшее время (Боссюэтъ, Лейбницъ, Лессингъ) см. *Герье*, цит. соч., 13—23.

²⁾ О зачаткахъ исторической критики въ этомъ отношеніи см. *Lefranc* въ *Etudes d'histoire du Moyen Age dédiées à G. Monod* (1896), 285—306 (о трактатѣ Guibert de Nogent. „De pignoribus sanctorum“ начала XII вѣка).

истинъ, заключающихся въ Божественныхъ книгахъ открывенія. Поэтому и въ исторіи всегда больше были склонны принимать на вѣру, чѣмъ провѣрять. Нерѣдко историческое изложеніе облекалось въ стихотворную форму, что также могло способствовать его точности. Длительный успѣхъ въ средніе вѣка многихъ *поддѣлокъ важныхъ документовъ*, изъ которыхъ нѣкоторыя сыграли очень видную роль въ ходѣ событій, также свидѣтельствуетъ о невысокомъ состояніи исторической критики. Напомню такія общеизвѣстныя поддѣлки, какъ „Константиново дареніе“, на которомъ опирались притязанія папъ на свѣтское господство въ Римѣ и Италіи и „Лже-Исидоровы декреталии“, которыми папы поддерживали свои права на верховенство во всей христіанской церкви.

Это не значитъ, конечно, что средневѣковые историки не проводили никакого различія между исторіей и поэтическимъ вымысломъ. Напротивъ, они постоянно повторяютъ, что *задача историка состоитъ въ передачѣ истины*, такъ какъ всякая наука стремится къ правдѣ, а всякая ложь—отъ діавола. Лучше умолчать о томъ, чего не знаешь, чѣмъ сообщить ложное. Поэтому историки дѣлаютъ различіе между своими источниками: выше всего они ставятъ непосредственное воспріятіе событій самимъ историкомъ; далѣе идутъ письменные рассказы очевидцевъ; затѣмъ устные рассказы достовѣрныхъ свидѣтелей и на послѣднемъ мѣстѣ простыя слухи. Отъ историка требуется: объективность, безстрашіе и непристрастіе. Высоко цѣнятся простота, общепонятность и краткость изложенія. Но дальше этого историки не идутъ и часто прямо предоставляютъ читателю разбираться самому въ томъ противорѣчивомъ и сомнительномъ матеріалѣ, который они ему предлагаютъ изъ вторыхъ рукъ ¹⁾.

IV. Въ средніе вѣка, какъ видно изъ сдѣланнаго очерка состояніе исторической науки, въ общемъ, понизилось сравнительно съ тѣмъ, что было сдѣлано античнымъ міромъ, но и античный міръ не дошелъ еще до концепціи исторіи какъ генетической науки съ самостоятельнымъ интересомъ и своими собственными приемами изслѣдованія. Созданіе такой

¹⁾ См. объ этомъ М. Schulz. Die Lehre v. d. historischen Methode bei den Geschichtschreibern des M. A. (1909).

науки было уже дѣломъ *новаго времени*, начиная съ эпохи итальянскаго Возрожденія ¹⁾.

Эпоха Возрожденія характеризуется тѣмъ, что представители науки и литературы сперва въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ рѣшаются сбросить съ себя иго внѣшняго авторитета. Начинается усиленное *изученіе образцовъ античной литературы*, забытыхъ въ средніе вѣка, и стремленіе изобрести приемы изслѣдованія и изложенія, выработанные писателями древняго міра. Это движеніе отразилось и на историографіи. Историки эпохи Возрожденія въ Италіи начали переносить въ свои произведенія какъ достоинства, такъ и недостатки греческой и римской историографіи. Ихъ труды, прежде всего, отличаются *секуляризацией историческаго изложенія*. Они устраняютъ представленіе объ историческомъ процессѣ, какъ о предопредѣленномъ заранѣе въ духѣ потупоронняго спасенія человѣческаго рода и руководимомъ самимъ Богомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ изъ построенія историковъ знаменитая теорія четырехъ монархій и обычная въ средніе вѣка періодизація, основанная на исторіи евреевъ. Далѣе замѣчается гораздо *меньшее довѣріе къ чудесному элементу* въ историческихъ разсказахъ, хотя, конечно, далеко не сразу историческая критика развилась въ такой степени, чтобы была въ состояніи вполне отдѣлать отъ достовѣрныхъ свѣдѣній тѣ легендарные элементы, которые съ ними перемѣшивались въ традиціонныхъ изложеніяхъ не только событій среднихъ вѣковъ, но и разныхъ эпохъ античной исторіи. И вообще вполне твердую опору подъ собой эта тенденція къ устраненію чудеснаго элемента получила только тогда, когда на почвѣ успѣховъ естествознанія укрѣпилась мысль о безусловной причинной необходимости всего, что совершается. Но въ то же время гуманисты усвоили себѣ изъ античныхъ образцовъ, особенно римской литературы,

¹⁾ Ср. ко всему послѣдующему Wegele. Geschichte der Deutschen Historiographie seit dem Auftreten des Humanismus (1885). Goldfriedrich. Die historische Ideenlehre in Deutschland (1902). Fütter. Geschichte der neueren Historiographie (1911). Bernheim. Lehrbuch d. hist. Methode, тл. I, § 2, тл. II, § 3, тл. V, § 5. Бернгеймъ. „Философія исторіи“ (пер. Рождественскаго). Терье, цит. соч. Ланно-Данилевскій. „Методологія исторіи“, вып. 1 (1910). Flint. History of the Philosophy of History (1893). Шпетъ. „Исторія, какъ проблема логики“, т. I (1916).

возрѣніе на исторію не столько, какъ на самостоятельную науку, сколько какъ на *родъ политическаго и моральнаго памфлета*. Поэтому въ историческое изложеніе не стѣсняются вносить добавленія публицистическаго или морализирующаго характера и часто для этого пользуются излюбленнымъ приемомъ классиковъ, т.-е. вкладываніемъ въ уста историческихъ персонажей вымышленныхъ рѣчей. Самое изложеніе историческихъ событій получаетъ тенденціозный характеръ, такъ какъ съ его помощью стремятся обосновать тѣ или иные положенія политическаго или моральнаго содержанія. Отношеніе къ источникамъ также не отличается большой критичностью; часто авторъ просто излагаетъ то, что онъ находитъ у кого-либо изъ своихъ предшественниковъ, при чемъ не стѣняется и въ буквальныхъ позаимствованіяхъ изъ чужого текста. Что еще хуже, историки этой эпохи иногда просто *искажаютъ историческіе факты* въ погонѣ за обоснованіемъ какого-либо политическаго или моральнаго вывода. Въ отношеніи къ событіямъ и дѣятелямъ античнаго міра обыкновенно проявляется неумѣренная *идеализація*. Все представляется въ этомъ мірѣ свѣтлымъ и великимъ. Всѣмъ этими недостатками отличаются произведенія даже такого выдающагося писателя, какъ знаменитый политикъ *Николла Макиавелли* (1469 — 1527). Главное достоинство этого автора состоитъ въ томъ, что въ своихъ сочиненіяхъ („Флорентинская исторія“, „Разсужденія о первой декадѣ Тита Ливія“, „О государствѣ“) Макиавелли держится строго *реалистической точки зрѣнія*, вездѣ ищетъ соотношенія жизненныхъ силъ, при чемъ главными факторами историческаго процесса считаетъ наклонности и страсти людей. А такъ какъ природа человѣческая представляется ему неизмѣнной, то онъ глубоко убежденъ въ полной возможности извлекать политическія поученія изъ исторіи. Его труды поэтому часто больше приближаются къ типу соціологическихъ трактатовъ, чѣмъ чисто историческихъ изслѣдованій; онъ не столько заботится о передачѣ намъ историческихъ фактовъ, какъ объ освѣщеніи ихъ историческими параллелями и выведеніи изъ нихъ практическихъ поученій. Историческая причинность не опредѣляется всецѣло волею людей; въ исторіи большую роль играетъ судьба. Но мудрый и хитрый политикъ многого можетъ добиться, искусно играя человѣческими страстями и слабостями.

Итальянское Возрожденіе и слѣдующая за нимъ реформаціонная эпоха тѣмъ не менѣе дали кое-что существенное и въ области исторической *критики источниковъ*. Не говоря о томъ, что открытія новыхъ классическихъ произведеній, забытыхъ въ средніе вѣка, значительно расширяютъ кругъ историческихъ источниковъ, усилившаяся борьба съ папствомъ приводитъ къ обнаруженію нѣсколькихъ подлоговъ въ документахъ, на которые опирались защитники папскаго верховенства, что составляетъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ критики текстовъ. Такъ *Лоренцо Валла* (1407—1457) доказалъ подложность извѣстнаго намъ „даренія Константина“.

Въ связи съ лучшимъ знакомствомъ съ культурой античнаго міра, развивается представленіе объ *измѣнчивости вѣковыхъ культурныхъ явленій въ историческомъ процессѣ*. Ясно замѣчаютъ разницу между античнымъ міромъ и „темными“ средними вѣками, а, съ другой стороны, и свое время, какъ основанное на возрожденіи античной культуры, также начинаютъ противопоставлять средневѣковой. Съ теченіемъ времени на почвѣ такихъ представленій вырастаетъ *новое раздѣленіе человѣческой исторіи на обширные періоды*. Окончательно оно оформилось, впрочемъ, только къ XVII вѣку; впервые профессоръ въ Галле *Christoph Cellarius* (1634—1707) предложилъ дѣлить исторію на три основныхъ эпохи: *древнюю исторію*, которую онъ доводилъ до Константина Великаго, исторію *среднихъ вѣковъ*, продолжающуюся по его конструкціи до взятія Константинополя турками (1453 г.), и *новую исторію*. Это дѣленіе вошло во всеобщее употребленіе, хотя границы періодовъ намѣчаются не всегда одинаково и въ соотвѣтствіи со схемой Целларіуса.

Возрѣнія итальянскаго Возрожденія, однако, на первыхъ порахъ не оказали особенно прочнаго вліянія на состояніе историографіи. Вскорѣ началась *реформаціонная эпоха*, когда человѣческая мысль съ новымъ интересомъ обратилась опять къ религіознымъ вопросамъ. Уже нѣмецкіе гуманисты въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ не слѣдуютъ идеямъ итальянскаго ренессанса. У нихъ въ значительной степени удерживается средневѣковое теологическое истолкованіе исторіи. Исторія германскаго народа въ связи съ основной идеей Германской имперіи, какъ продолженія Римской, трактуется по образцу средневѣковыхъ всемірныхъ хроникъ. Только

мѣстная исторія проявляетъ болѣе свѣтскія и свободныя тенденціи. На почвѣ реформаціи и связанной съ нею католической реакціи особенно усиливается интересъ къ исторіи церкви, который продолжаетъ содѣйствовать поддержанію теологическаго характера историческихъ изложеній.

Неблагопріятно отражается на судьбахъ исторической науки и все укрѣпляющійся *раціонализмъ*, который постепенно приводитъ къ торжеству представленія о государствѣ и обществѣ, какъ обь искусственныхъ продуктахъ человѣческаго творчества. Соціальныя образованія истолковываются не какъ закономѣрный продуктъ соціологическихъ фактовъ, часто не поддающихся человѣческому контролю, но какъ созданія самихъ людей, опредѣляемые ихъ сознательными расчетами. Въ основу политическихъ ученій полагается *теорія общественнаго договора*, какъ фундамента, на которомъ держится государство и общество, и неизмѣннаго *естественнаго права*, которое представляется идеаломъ общественнаго порядка и можетъ быть открыто силами человѣческаго разума на почвѣ размышленія о человѣческой природѣ, ея исконныхъ и вѣчныхъ свойствахъ. Съ точки зрѣнія подобныхъ представленій, вѣрой въ которыя все болѣе проникались руководящіе умы, все исторически сложившееся оказывалось не имѣющимъ положительной цѣнности, разсматривалось обыкновенно, какъ болѣе или менѣе безобразное уклоненіе отъ идеала, происшедшее вслѣдствіе неразумія людей и произвола властителей, преслѣдовавшихъ свои эгоистическія цѣли. Соціальное зло считали возможнымъ устранить радикальными реформами, основанными на изученіи вѣчной и неизмѣнной человѣческой природы. Очень характерны въ этомъ отношеніи тѣ методологическія объясненія, которыя мы находимъ у одного изъ основателей доктрины естественнаго права въ новое время — *Гуго Гроція* (1583 — 1645). Этотъ авторъ очень часто пользуется въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „О правѣ войны и міра“ историческимъ матеріаломъ; но онъ прямо заявляетъ, что исторія цѣнна лишь тѣми примѣрами, которые изъ нея можно извлечь и которые тѣмъ пригоднѣе, чѣмъ лучше народъ и эпоха, откуда они почерпаются. Вообще же при написаніи своего сочиненія онъ старался отвлечься отъ фактовъ и слѣдовалъ методу математиковъ, которые разсуждаютъ о фигурахъ, отвлекаясь отъ тѣлесной природы предметовъ, данныхъ въ опытѣ („Введ.“. 46, 58).

При такихъ условіяхъ историческія изслѣдованія, конечно, не могли получить особой цѣны въ глазахъ ученаго міра ¹⁾ и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что историческая методологія сравнительно мало двигается впередъ. Слѣдуетъ отмѣтить, впрочемъ, нѣсколько исключительныхъ явленій, которыя своей исключительностью только подтверждаютъ общее положеніе дѣла.

Такимъ явленіемъ, прежде всего, оказывается книга французскаго публициста, основателя теоріи государственнаго суверенитета, *Жана Бодена*, озаглавленная „Methodus ad facilem historiaram cognitionem“ (1566). Въ этой книгѣ содержится весьма глубокая для того времени *разработка методологіи исторіи*. Бодень различаетъ три вида исторіи: человѣческую, естественную и Божественную. Первая учитъ насъ отличать честное отъ постыднаго, вторая — истинное отъ ложнаго, третья — благочестіе отъ нечестія. Наименѣе устойчивой и потому наименѣе точной является человѣческая исторія, гдѣ большое значеніе имѣетъ свободная воля людей и потому постоянно позникаютъ новые законы, новые нравы, новыя установленія, новые обряды. Методы познанія этой исторіи авторъ и подвергаетъ разсмотрѣнію. Онъ останавливается на самыхъ приѣмахъ историка съ цѣлью указать на тѣ опасности, съ которыми ему приходится считаться, если онъ хочетъ рассказать своимъ читателямъ то, что было на самомъ дѣлѣ. Бодень отмѣчаетъ, что источники часто бываютъ тенденціозны, вслѣдствіе той позиціи, которую авторъ занимаетъ по отношенію къ излагаемымъ событіямъ; рекомен-

1) Декартъ удивляется тѣмъ, которые считали серьезнымъ занятіемъ изученіе исторіи германской имперіи. „Зачѣмъ, писалъ онъ, отдавать столько времени на древніе языки и на старыя книги съ ихъ исторіями и баснями? Вѣдь бесѣда съ людьми прежнихъ временъ — это все равно, что путешествія. Хорошо поѣздить и посравнить, чтобы пріобрѣсти здравое мнѣніе о своихъ обычаяхъ и порядкахъ и не находить смѣшнымъ и глупымъ того, что непохоже на наше. Но если много ѣздить, то подь конецъ станешь чужимъ въ своемъ отечествѣ; и если очень увлекаться тѣмъ, что было въ прошлые вѣка, то останешься по большей части невѣждою относительно современности. Кромѣ того, басни настаиваютъ на многомъ, что невозможно; да и самыя надежныя историческія писатели измѣняютъ и преувеличиваютъ значеніе обстоятельствъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе интересными для чтенія“. *Спекторскій*, Проблема соціальной физики въ XVII столѣтіи, т. II, (1917), 595—6.

дуются поэтому по возможности сравнивать различные изложения и проверять, насколько они между собой согласуются; указывается на предпочтительность тѣхъ данныхъ, которыя почерпаются изъ официальныхъ актовъ и собственного наблюденія, надъ тѣми, которыя собираются по наслышкѣ. Но Боденъ далекъ еще отъ строгаго разграниченія первоначальныхъ источниковъ и позднѣйшей ихъ передачи; онъ считаетъ возможнымъ довольствоваться при составленіи историческаго труда позднѣйшими авторами, если они представляются заслуживающими довѣрія, но не добираться непременно до первоисточниковъ. Не высказываясь рѣшительно противъ астрологіи, т. е. противъ мысли, что движеніе небесныхъ тѣлъ вліяетъ на ходъ земныхъ событій, Боденъ также придаетъ таинственное значеніе числамъ и, напримѣръ, число 496 считаетъ роковымъ въ жизни государствъ. 496 лѣтъ прошли отъ Августа до Августула, отъ изгнанія царей до диктатуры Цезаря, отъ Константина Великаго до имперіи Карла В., отъ основанія Альбы до ея разрушенія, отъ Саула до плѣненія и т. д. (гл. VI). Важную заслугу Бодена составляетъ то обстоятельство, что онъ обращаетъ серьезное вниманіе на зависимость хода историческихъ событій отъ различія въ народныхъ характерахъ, а самое это различіе ставитъ въ связь съ условіями окружающей природы. Соответственно съ этимъ онъ предлагаетъ новую періодизацію исторіи: первую эпоху составляетъ господство южныхъ народовъ съ ихъ религіозно-философскимъ духомъ, вторую—господство государственнаго духа, отличающаго народы средней полосы, третью—появленіе техническихъ усовершенствованій и искусствъ и возникновеніе военныхъ предпріятій сѣверныхъ народовъ. При этомъ Боденъ вовсе не выступаетъ проповѣдникомъ односторонней зависимости человѣка отъ природы; онъ убѣжденъ, что характеръ народа можетъ мѣняться въ связи съ измѣненіемъ пищи, нравовъ и законовъ. Боденъ отвергаетъ средневѣковую теорію четырехъ монархій и считаетъ порожденіемъ стариковскаго настроенія, видящаго все хорошее позади, ученіе о безвозвратно минувшемъ золотомъ вѣкѣ. Напротивъ, онъ самъ вѣритъ въ прогрессъ, считаетъ, что его собственное время въ культурномъ отношеніи выше античной эпохи; въ доказательство этого онъ приводитъ изобрѣтеніе компаса и развитіе въ связи съ этимъ путешествій

географическихъ открытій, изобрѣтеніе лучшихъ способовъ измѣренія времени, изобрѣтеніе новаго оружія и такого важнаго искусства, какъ типографское.

Вѣру въ прогрессъ раздѣляетъ съ Боденомъ и англичанинъ *Бэконъ Веруламскій* (1561—1626), методологическіе труды котораго относятся къ началу XVII вѣка. Бэконъ влеченъ идеей *изобрѣтенія*, которое приноситъ человѣческому роду гораздо больше пользы, чѣмъ всякаго рода героическія дѣянія. Онъ занятъ мыслью о такомъ методѣ, который помогъ бы замѣнить въ дѣлѣ изобрѣтенія роль случая особымъ искусствомъ—*ars inveniendi*. Государство онъ считаетъ также особымъ изобрѣтеніемъ людей, способнымъ къ усовершенствованію, и придаетъ исторіи большое значеніе, какъ наукѣ, которая можетъ указать путь къ такому усовершенствованію. Хотя Бэконъ считаетъ исторію, въ отличіе отъ философіи, дѣломъ памяти, а не разсудка, тѣмъ не менѣе онъ требуетъ отъ историка, чтобы онъ вскрывалъ причинную связь событій. Для исторической критики имѣетъ большое значеніе его ученіе объ „идолахъ“, т. е. привычныхъ заблужденіяхъ и предрасудкахъ, которые затрудняютъ людямъ путь къ открытію истины. Исторію Бэконъ дѣлитъ не только на церковную и гражданскую, но включаетъ, какъ пожеланіе, еще *исторію litterarum et artium*, которая должна содержать въ себѣ обзоръ всѣхъ успѣховъ, сдѣланныхъ людьми въ области наукъ и искусствъ. Способность человѣка къ изобрѣтеніямъ представляется Бэкону безграничной и только обязанъ невозможнаго составляетъ въ его глазахъ препятствіе къ прогрессу наукъ.

Въ XVII же столѣтіи слѣдуетъ отмѣтить важное методологическое открытіе, сдѣланное бенедиктинскимъ монахомъ *Мабильономъ*. Желая доказать подлинность нѣкоторыхъ спорныхъ документовъ своего ордена, Мабильонъ занялся изслѣдованіемъ характера старинныхъ писемъ и вообще внѣшнихъ признаковъ документовъ и въ результатъ своимъ сочиненіемъ *De re diplomatica libri VI* (1681) положилъ начало цѣлой вспомогательной наукѣ: *палеографіи и дипломатикѣ*, которая теперь играетъ очень видную роль. Для практическихъ цѣлей начинается въ ту же эпоху массовое *собираніе и изданіе разнаго рода историческихъ документовъ* въ главныхъ стра-

нахъ Европы. Между прочимъ въ XVII вѣкѣ іезуитомъ *Болландомъ* положено начало огромному изданію *Acta Sanctorum*, въ которое должны войти критически провѣренныя житія католическихъ святыхъ. Болландъ и его продолжатели (т. наз. Болландисты) много сдѣлали для выработки приѣмовъ исторической критики. Въ томъ же столѣтіи возникаетъ въ Франціи *Académie des inscriptions et belles lettres*. Концомъ этого столѣтія и начало XVIII ознаменованы появленіемъ въ Франціи цѣлаго ряда сочиненій, авторы которыхъ подвергаютъ суровой критикѣ *традиціонную исторію древнейшаго Рима* и стараются доказать ея малую достовѣрность. Въ этомъ направленіи работаютъ аббатъ *de Pouilly* и *Louis de Beaufort*, издавшіе въ началѣ XVIII вѣка работы о недостаткѣ вѣрности первыхъ столѣтій римской исторіи; ихъ предшественникомъ въ XVII вѣкѣ былъ извѣстный скептикъ *Пьеръ Бейль*, проводившій въ своемъ „Историческомъ словарѣ“ общій взглядъ на исторію, какъ на басню. *N. Lenglet du Fresnoy* издалъ въ 1713 г. выдающійся трудъ по методологіи исторіи съ дополненіемъ къ нему 1740 г.; въ этомъ трудѣ содержатся цѣнныя указанія о различныхъ причинахъ недостатковъ исторической традиціи и методахъ для ея критики. Въ Германіи собираніемъ историческихъ документовъ много занимается извѣстный философъ *Лейбницъ*, который оставилъ цѣнныя замѣчанія о значеніи для историка критическаго изученія и изданія источниковъ. Въ своей философской системѣ Лейбницъ устанавливаетъ важное для теоріи историческаго познанія различіе между вѣчными истинами *разума* и случайными истинами *факта* и настаиваетъ на реальности индивидуальнаго. Самый міръ представляется ему *однимъ* только изъ возможныхъ случаевъ для Божественнаго творчества. Появляется въ Германіи и еще рядъ методологическихъ трактатовъ по исторіи. Но въ общемъ исторія все еще не занимаетъ позиціи науки, преслѣдующей вполне самостоятельныя цѣли; на нее продолжаютъ смотрѣть, какъ на дисциплину, поставляющую матеріалъ для политическихъ или моральныхъ разсужденій. При такихъ условіяхъ исторія не могла сформировать окончательно своего метода и достаточно широко и интенсивно поставить свои проблемы. Значительный поворотъ въ этомъ отношеніи происходитъ уже въ XVIII столѣтіи.

V. XVIII вѣкъ продолжаетъ быть эпохой рационализма. Законы міра разсматриваются какъ законы самаго разума, а потому и въ исторіи ищутъ осуществленія рационалистическихъ схемъ. Вся литература проникнута большимъ *оптимизмомъ*, такъ какъ въ разумно устроенномъ мірѣ все должно совершаться къ лучшему. На рубежѣ XVII и XVIII вѣка стоитъ оптимистическая метафизика Лейбница и оптимизму остается вѣренъ весь XVIII вѣкъ. Но въ философіи вѣка просвѣщенія тѣмъ не менѣе намѣчаются нѣкоторыя новыя черты, отличающія ее отъ системъ XVII столѣтія и имѣющія важное значеніе какъ разъ для общественныхъ и историческихъ наукъ. Во-первыхъ, на первый планъ выдвигается *идея прогресса*, главнымъ образомъ интеллектуальнаго, и міръ разсматривается не въ статическомъ разрѣзѣ, какъ это дѣлаетъ философія XVII вѣка, но въ динамическомъ. Затѣмъ, несмотря на преобладаніе дедуктивнаго метода, ученые и философы XVIII вѣка начинаютъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ прежнее время, привлекать къ разсмотрѣнію эмпирическія данныя, въ томъ числѣ и историческія, и тѣмъ значительно *расширяютъ область историческихъ изслѣдованій*. Наконецъ мыслители XVIII вѣка въ гораздо большей степени освобождаются въ своихъ научныхъ изысканіяхъ *отъ гнета религіозной догматики*, что приводитъ къ болѣе свободному обсужденію соціологическихъ и историческихъ проблемъ.

Въ 1725 году появилась въ Италіи книга *Джамбаттисты Вико* ¹⁾ подъ названіемъ „*Prinzipi di una scienza nuova d'intorno alla natura commune delle nazioni*“. Эта книга замѣчательна тѣми возрѣніями, которыя въ ней развиваются относительно *строгой закономерности всѣхъ общественныхъ процессовъ*. Въ основѣ Вико продолжаетъ оставаться рационалистомъ: онъ убѣжденъ въ томъ, что міръ устроенъ разумно и его исторія находится подъ руководствомъ Божественнаго Провидѣнія. Провидѣніе неустанно преслѣдуетъ цѣль установленія совершенной республики между людьми, но, благодаря челоуѣческой слабости, эта задача не удается. Законы развитія міра и каждаго народа, хотя и вытекаютъ изъ разумнаго порядка міра, должны быть однако открыты путемъ

¹⁾ Ср. *Klemm*. Vico als Geschichtsphilosoph und Völkerpsycholog (1906).

изученія данныхъ опыта. Поэтому Вико привлекаетъ въ широкихъ размѣрахъ историческій матеріалъ и даже создаетъ *критику историческихъ источниковъ*. Онъ не сомнѣвается въ достовѣрности текстовъ источниковъ, но подвергаетъ ихъ сообщенія внутренней, имманентной критикѣ. Именно онъ убѣжденъ, что все то, что рассказываютъ сами древніе о своей исторіи, должно быть толкуемо съ точки зрѣнія народной психологіи того времени, когда каждый рассказъ появился. Такимъ путемъ онъ приходитъ къ отрицанію исторической достовѣрности такихъ лицъ, какъ Гомеръ, Пифагоръ, Солонъ, римскіе цари. Всѣ подобные персонажи являются для него *caratteri poetici*, коллективно-типическими персонажами, въ рассказахъ о которыхъ слѣдуетъ видѣть воспоминанія о длительныхъ состояніяхъ и учрежденіяхъ, выработанныхъ народными массами. — Каждый народъ въ своей исторіи проходитъ опредѣленные циклы развитія, которые были подмѣнены еще древними Египтянами и сведены ими къ тремъ эпохамъ: *эпоха боговъ, эпоха героев и эпоха людей*. Въ первую эпоху воображеніе людей, болѣе сильное, чѣмъ разумъ, обращаетъ всѣ вещи въ субстанціи, оживленныя богами; во вторую эпоху правятъ людьми герои, считающіе себя дѣтьми боговъ; въ третью эпоху проявляется человѣческая природа, повинующаяся закону совѣсти, разума и долга (кн. IV, гл. 2). Эти эпохи соответствуютъ возрастнымъ періодамъ въ развитіи индивидовъ. Существуетъ опредѣленная закономерность и въ развитіи формъ государственнаго устройства, при чемъ аристократія смѣняется демократіей, которая для народовъ выродившихся и неумѣющихъ достичь идеала смѣняется успокоеніемъ въ лонѣ монархіи и деспотизма. При этомъ исторія отдѣльныхъ народовъ отличается своеобразными чертами въ зависимости отъ хорографическихъ и климатическихъ условій. Когда циклъ развитія народа закончился, Провидѣніе вмѣшивается и извѣстнымъ переворотомъ вновь начинаетъ процессъ развитія. Такой переворотъ произведенъ христіанскимъ откровеніемъ; послѣ него новые народы вновь проходятъ черезъ эпохи боговъ, героев и людей. Такимъ образомъ, несмотря на постоянное стремленіе къ окончательной идеальной цѣли всякаго прогресса, въ человѣческой исторіи проявляетъ свое дѣйствіе и *законъ круговращенія*, т.-е. повторенія однихъ и тѣхъ же цикловъ

развитія. Самъ Вико слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе этихъ своихъ идей (кн. 5 гл. 3): „Если мы поразмыслимъ надъ параллелью, которую мы провели между древними и новыми временами, то мы увидимъ, что можемъ похвалиться открытіемъ не частной исторіи Грековъ и Римлянъ, но идеальной исторіи вѣчныхъ законовъ, которыми управляются всѣ народы въ ихъ прогрессѣ, въ ихъ статическомъ положеніи, въ ихъ упадкѣ и концѣ... Вотъ почему мы осмѣлились дать этой книгѣ претенціозное названіе „Новой науки“, не находя въ себѣ смѣлости отнять у нея права, которыя она приобрѣла надъ столь всеобщимъ сюжетомъ, какъ общая природа народовъ“.

Большое значеніе для превращенія исторіи въ генетическую науку имѣла философія исторіи, созданная *французскими мыслителями вѣка просвѣщенія*. Правда, исторія, какъ наука съ самостоятельными цѣлями, и имъ остается еще неизвѣстной. Исторія привлекаетъ ихъ вниманіе попрежнему, главнымъ образомъ, какъ средство для постороннихъ цѣлей; они пользуются ею, какъ полемическимъ орудіемъ въ борьбѣ съ традиціями ненавистнаго стараго порядка и какъ хорошимъ способомъ *распространять и доказывать просвѣтительныя идеи*. Но самыя эти цѣли заставляютъ ихъ подходить къ исторіи съ нѣсколькими иными приемами, чѣмъ это дѣлалось раньше: писатели вѣка просвѣщенія стараются *продумать историческій процессъ*, представить его, какъ связанное цѣлое, проникнутое опредѣленными идеями; въ связи съ этимъ на первый планъ выдвигаются такія проблемы, какъ вопросъ объ эволюціи общественной жизни, правда, понимаемой болѣе въ смыслѣ только интеллектуальнаго прогресса. При этомъ установленіе фактовъ не отдѣляется отъ ихъ оцѣнки. Область историческаго матеріала расширяется; впервые начинаютъ обращать вниманіе *на исторію торговли и экономическаго быта и на исторію культуры*; предметомъ историческаго интереса становятся не только выдающіеся дѣятели, но и народныя массы. Конечно, представленія эпохи просвѣщенія объ исторической причинности еще очень неполны и не совсѣмъ правильны; историки этой эпохи слишкомъ еще рационализируютъ историческій процессъ; чересчуръ большую роль отводятъ въ немъ сознательнымъ планамъ людей; далѣе, они въ значительной степени модернизируютъ

исторію, представляя себѣ міровоззрѣніе прошедшихъ эпохъ по аналогіи со своимъ собственнымъ. Очень несовершенно приемы ихъ исторической критики: они любятъ строить слишкомъ широкіе синтезы, недостаточно углубляясь въ предварительную провѣрку фактовъ. Тѣмъ не менѣе, они уже различаютъ народы культурные и некультурные; они ставятъ вопросы, томъ, не дѣйствуютъ ли въ исторіи какія-то несознаваемые людьми силы, въ родѣ „духа времени“; они обращаютъ вниманіе на такіе факторы исторіи, какъ географическій. Самымъ же главное, своими попытками осмыслить исторію, разсматривать ее философски, они содѣйствуютъ укрѣпленію представленія объ историческомъ процессѣ, какъ о связанной, законмѣрной эволюціи.

Прежде всего, назовемъ здѣсь *Вольтера*. Въ исторіи исторической науки видное мѣсто занимаютъ два его сочиненія „Вѣкъ Людовика XIV“ (1751) и „Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ“ (1754). Ко второму изданію послѣдняго сочиненія былъ прибавленъ въ качествѣ введенія очеркъ, посвященный древней исторіи и носившій раньше заглавіе: „Философическая исторія“ (1765). Такимъ образомъ, Вольтеръ впервые ввелъ въ употребленіе этотъ новый терминъ. Вольтеръ представляется въ этихъ сочиненіяхъ довольно типичнымъ выразителемъ тенденцій вѣка просвѣщенія, особенно въ „Опытѣ о нравахъ“. Историческій матеріалъ въ его рукахъ служилъ средствомъ популяризаціи просвѣтительныхъ идей. Своими историческими изысканіями авторъ хочетъ, прежде всего, показать, что просвѣщенный абсолютизмъ является наилучшимъ состояніемъ для народа. Но характеръ народнаго благосостоянія онъ понимаетъ довольно широко. Онъ знаетъ, что мощь государства зависитъ отъ состоянія его финансовъ; потому удѣляетъ много вниманія исторіи торговли и промышленности; онъ придаетъ большое значеніе наукамъ, литературѣ и искусству и потому останавливается на развитіи этихъ сторонъ общественной жизни; онъ убѣжденъ, что внутренній миръ въ государствѣ можетъ быть достигнутъ только при наличности религіозной терпимости и съ этой стороны также интересуется характеромъ внутренней политики. Такимъ содержаніемъ историческихъ интересовъ Вольтера заставляетъ его въ своемъ изложеніи отступить отъ общепринятаго прежде время исключительно хронологическаго порядка

располагать свой матеріалъ систематически, такъ что предметомъ особаго изученія въ каждую эпоху являются: внѣшняя политика, финансы, религія, искусство и т. п., выдѣляясь въ особые отдѣлы. Такимъ образомъ, *вся жизнь государства впервые становится предметомъ историческаго изысканія*. Правда, съ этой задачей Вольтеру не удалось справиться вполне; связь отдѣльныхъ областей общественной жизни между собой и ихъ взаимодѣйствіе выяснены у него довольно слабо. Въ своихъ трудахъ, посвященныхъ всемірной исторіи, Вольтеръ энергично борется съ представленіемъ, что исторія управляется Провидѣніемъ, ведущимъ всѣ событія къ благому результату; онъ старается показать, какое большое значеніе имѣетъ въ исторіи безсмысленный съ нашей точки зрѣнія лишенный всякой справедливости случай. Далѣе, Вольтеръ разстается здѣсь съ обычнымъ раньше концентрированіемъ историческаго интереса исключительно на Европѣ; онъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію внѣвропейскія страны и иногда ихъ культурѣ даже отдаетъ предпочтеніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ надъ европейской. Вольтеръ не всегда хорошо знаетъ свой историческій матеріалъ и далеко не во всѣхъ отношеніяхъ обнаруживаетъ основательную подготовленность къ рѣшенію поставленныхъ задачъ. Но его труды имѣютъ значеніе и для критики источниковъ, такъ какъ его скептической умъ обнаруживалъ сомнительный характеръ многихъ авторовъ, показаніямъ которыхъ привыкли давать вѣру. Въ особенности часто обнаруживалась тенденціозность источниковъ. Онъ старается устранить изъ исторіи всѣ элементы чудеснаго, все неправдоподобное съ точки зрѣнія законовъ природы. Саги и миѣы онъ не считалъ нужнымъ изучать, какъ выраженія цѣлаго міровоззрѣнія минувшихъ эпохъ, но просто ихъ отбрасываетъ, какъ произвольныя измышленія людей, какъ басни, порожденныя фантазіей. Въ области *философіи исторіи* Вольтеръ сдѣлалъ не особенно много. Правда, какъ указано, ему принадлежатъ самый терминъ „философія исторіи“; но подъ нимъ онъ разумѣлъ не какую-нибудь особую дисциплину, а только особую точку зрѣнія на философскій матеріалъ: онъ стремился считать исторію по-философски, т.-е. продумывать историческія событія, искать въ нихъ руководящей нити. Однако, самъ Вольтеръ не имѣлъ вполне опредѣленныхъ представле-

ній о факторах историческаго процесса. Онъ послѣдовательно проводилъ лишь ту идею, что въ основѣ исторіи не лежатъ Божественный планъ. Въ остальномъ же онъ часто довольствовался неопредѣленными ссылками на такіе факторы, какъ духъ времени или духъ (*génie*) народа; человѣческіе планы играютъ въ его историческихъ очеркахъ преувеличенную роль, хотя рядомъ съ ними Вольтеръ говоритъ и о случаяхъ. Вольтеръ вообще убѣжденъ, что „великія событія порождаются ничтожными причинами“ и по его изложенію Петръ-пустынникъ былъ причиной крестовыхъ походовъ, а реформація и религіозныя войны вызваны ничтожными интересами монаховъ одного саксонскаго заводу.

Огромный успѣхъ имѣло появившееся въ 1748 году сочиненіе *Монтескье* „Духъ законовъ“. Этотъ авторъ является больше социологомъ, чѣмъ историкомъ. ¹⁾ Его главная задача состоитъ въ томъ, что показать, что *жизнь людей определяется не ихъ фантазіями, а разнообразными законами* между которыми, существуетъ тѣсная связь. Міръ разумно устроенъ Богомъ и потому во всѣхъ своихъ проявленіяхъ законмѣренъ. Однако, самое понятіе закона у Монтескье отличается большой расплывчатостью. Подъ него онъ одинаково подводитъ и законы природы, и правила откровенной религіи, и законы юридическіе. За людьми онъ признаетъ свободу, которая приводитъ къ тому, что въ своихъ поступкахъ они постоянно нарушаютъ законы, установленные Богомъ, предписанія естественнаго права и законы, самими людьми созданные. Тѣмъ не менѣе, даже положительные законы, устанавливаемые людьми, не представляютъ собой результаты ихъ произвола; ихъ содержаніе опредѣляется условіями, не зависящими отъ воли людей. Разнообразіе законовъ вызывается различіями географическаго устройства отдѣльных странъ, климата, качества почвы, положенія территории, величины, образа жизни населенія, степени свободы, представляемой народу конституціей, религіи, нравовъ, наклонностей населенія, богатства, численности, развитія торговли

¹⁾ Ему принадлежит, впрочемъ, и историческій трудъ: „*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*“ (1734 г.) гдѣ содержится весьма видная для своего времени попытка представить всю политическую исторію Рима, какъ процессъ связанной эволюціи.

происхожденія народовъ и т. п. Всѣ эти отношенія въ совокупности и составляютъ „*духъ законовъ*“. Въ особенности внимательно Монтескье изслѣдуетъ „*вліяніе климата*“ на законодательство и нравы. Для обоснованія своихъ общихъ положеній Монтескье группируетъ въ своемъ трудѣ обширный матеріалъ историческихъ фактовъ, при чемъ, подобно Вольтеру, далеко не ограничивается европейскими странами. Но въ исторической критикѣ онъ слабъ и безъ особаго разбора пользуется различными пособиями и текстами источниковъ, не подвергая ихъ строгой провѣркѣ. Отъ какой-либо *всемирно-исторической схемы* Монтескье очень далеко; у него мы не встрѣтимъ разсужденій объ общечеловѣческомъ прогрессѣ. Онъ изучаетъ исключительно законы жизни отдѣльнаго государства, при чемъ индивидуализируетъ государственные союзы по формамъ ихъ устройства и утверждаетъ, что каждая форма (монархія, аристократія, демократія, деспотія) имѣетъ свою природу и свой принципъ и соотвѣтственно этому ведетъ свое существованіе въ порядкѣ ей только одной присущей законмѣрности.

Идеи Монтескье нашли себѣ продолжателя и критика въ лицѣ знаменитаго экономиста и политическаго дѣятеля *Тюрго* (1727—1781). Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ разработать своихъ чрезвычайно интересныхъ мыслей о причинахъ прогресса и онѣ извѣстны намъ лишь изъ небольшихъ и незаконченныхъ набросковъ. Тюрго находить, что Монтескье слишкомъ упростилъ исторію, стараясь ея законмѣрность свести, главнымъ образомъ, къ климатическимъ условіямъ. На самомъ дѣлѣ историческая причинность много сложнѣе. Тюрго указываетъ, что исторію нельзя объяснить примѣненіемъ физической причинности; въ мірѣ физическомъ все повторяется, тогда какъ исторія представляетъ собою постоянное творчество, являющееся результатомъ сложныхъ *моральныхъ причинъ*. Въ соображеніяхъ Тюрго объ этихъ причинахъ мы находимъ зачатки идеи гетерогоніи цѣлей, развитой въ наше время Вундтомъ; онъ удѣляетъ много вниманія дѣйствию случая, который приводитъ къ перерывамъ и даже къ попятному движенію въ развитіи человѣчества; онъ прослѣживаетъ условія, приводящія къ появленію геніевъ; у него мы можемъ найти зачатки исторической психологіи и намеки на ту смѣну опредѣленныхъ эпохъ въ

состояніи человѣческой мысли, которая впоследствии легла въ основу знаменитаго Контовскаго закона „трехъ фазисовъ“.

Принципіальнымъ противникомъ многихъ излюбленныхъ идей вѣка просвѣщенія является *Жанъ-Жакъ Руссо*. Какъ извѣстно, Руссо не только не былъ поклонникомъ просвѣщенія, но проводилъ ту мысль, что *цивилизация испортила человѣка*, лишила его той нравственной чистоты, которой онъ отличался въ естественномъ состояніи. Поэтому идеаломъ воспитанія у Руссо является, по возможности, возвратъ человѣка къ первобытной невинности, который можетъ быть достигнутъ, если воспитатель сумѣетъ обезпечить должную свободу развитія природныхъ инстинктовъ. Въ противоположность Вольтеру, который проповѣдывалъ теорію просвѣщеннаго абсолютизма, Руссо выступилъ защитникомъ демократическаго республиканскаго строя; въ противоположность общему поклоненію силамъ разума, Руссо на первый планъ выдвигалъ значеніе чувства. Въ своемъ разсужденіи на тему: „Каково происхожденіе неравенства между людьми и установлено ли оно естественнымъ закономъ“ (1753), Руссо даетъ намъ цѣлую философію исторіи. Онъ показываетъ здѣсь всѣ прелести естественнаго состоянія дикаря, когда люди жили только инстинктами, были сильны и здоровы и не заботились о будущемъ. У нихъ не было никакой собственности, не было брака и постояннаго общенія другъ съ другомъ даже въ формѣ семьи. Половые сношенія носили характеръ случайный, а уходъ матери за дѣтьми продолжался лишь до тѣхъ поръ, пока дѣти не научались сами себѣ доставать пищу. Въ такомъ состояніи естественнаго неравенства между людьми, выражающіяся въ различіяхъ пола, возраста, физической и моральной силы, не имѣли большого значенія. Все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ люди, научившіеся изготовлять орудія труда и оружіе и обрабатывать землю, установили частную собственность. При этомъ режимъ сразу сказались въ сильной степени значеніе естественныхъ различій между людьми, появились богатые и бѣдные. Богатые добились заключенія общественнаго договора и установленія власти, заботясь объ обезпеченіи, прежде всего, своихъ богатствъ, а общественная власть мало-по-малу выродилась въ тиранію, задавившую всякую свободу. При этихъ условіяхъ и получило роковое значеніе для людей ихъ естествен-

ное неравенство, на почвѣ котораго выросло неравенство политическое и социальное. Разумъ оказался для людей источникомъ великихъ бѣдствій: люди были бы гораздо счастливѣе, если бы продолжали жить подъ господствомъ инстинкта. Въ первобытномъ дообщественномъ состояніи отсутствовали поводы къ серьезнымъ раздорамъ, а по природѣ своей человѣкъ отличался сострадательностью, которая не позволяла ему дѣлать зло себѣ подобнымъ безъ особой въ томъ необходимости. Слѣдуетъ замѣтить, что въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, напримѣръ, въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо очень смягчилъ это свое отрицательное отношеніе къ переходу изъ естественнаго состоянія въ гражданское посредствомъ заключенія договора и установленія власти и законовъ. Здѣсь онъ указываетъ, что этотъ переходъ поставилъ въ человѣческомъ поведеніи на мѣсто инстинкта справедливость и придалъ дѣйствіямъ людей первоначально отсутствовавшую въ нихъ моральность.

Литература французскаго просвѣщенія завершается трудомъ *Кондорсэ*: „Очеркъ исторической картины прогресса человѣческаго ума“ (появилось въ 1795 г. уже послѣ смерти автора). Основная идея Кондорсэ состоитъ въ томъ, что на исторію слѣдуетъ распространить *принципы естествознанія* и обратить ее въ точную науку. Онъ полагаетъ, что если для всѣхъ вообще явленій вселенной удалось обнаружить дѣйствіе общихъ и постоянныхъ законовъ, то, несомнѣнно, тотъ же результатъ можетъ быть достигнутъ и для выясненія законовъ развитія интеллектуальныхъ и моральныхъ качествъ людей. Въ этомъ смыслѣ Кондорсэ является прямымъ предшественникомъ позднѣйшаго позитивизма, представленнаго Сень-Симономъ и Контомъ. Въ основу историческаго изслѣдованія Кондорсэ полагаетъ массовые процессы, такъ какъ въ нихъ замѣчается больше постоянства и правильности и изъ нихъ скорѣе можно вывести заключеніе о содержаніи законовъ, которыми управляется исторія. Содержаніе же исторіи сводится къ постепенному прогрессу, выражающемуся съ одной стороны, въ увеличеніи и углубленіи знаній, съ другой стороны,—въ усиленіи равенства въ общественныхъ отношеніяхъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ своихъ построеніяхъ Кондорсэ, вопли въ духѣ своей эпохи, является *самымъ крайнимъ рационалистомъ*. Онъ вѣритъ въ то, что весь міръ

устроенъ разумно и что всякій случай изъ него исчезнетъ, если только мы вполне изучимъ его законы. Вся исторія представляется ему результатомъ сознательнаго строительства людей: онъ ее рисуетъ, какъ процессъ *борьбы человѣческихъ открытій съ тѣми заблужденіями и суевѣріями*, которыя сознательно распространялись между людьми политическими властителями и ихъ союзниками, представителями религіи, для того, чтобы держать въ повиновеніи народныя массы. Ирраціональные факторы исторіи ему неизвѣстны. Религію онъ сводитъ цѣликомъ къ заблужденію человѣческаго ума и основой всѣхъ пороковъ и политическихъ неудачъ считаетъ исключительно незнаніе или неполное знаніе. Между личностью и обществомъ онъ, конечно, также не усматриваетъ принципиальнаго антагонизма и вѣритъ въ торжество соціальной гармоніи, которая наступитъ, какъ только люди станутъ свободно управляться однимъ только разумомъ на основахъ точнаго знанія.

Обращаясь теперь къ *Германіи XVIII вѣка*, мы остановимся, прежде всего, на главныхъ *системахъ философіи исторіи*, созданныхъ въ этой странѣ. Таковыми являются построения Гердера и Канта. Принадлежатъ въ общемъ къ вѣку просвѣщенія, эти писатели, однако, во многомъ примыкаютъ къ идеямъ Руссо и значительно усиливаютъ морализующій элементъ въ философско-историческихъ построенияхъ.

Гердеръ посвятилъ развитію своихъ идей пространное сочиненіе, не доведенное имъ до конца, подъ заглавіемъ: „Идеи къ философіи исторіи человѣчества“ (1784 — 1791). Конструкція Гердера, который находился подъ сильнымъ вліяніемъ системъ Спинозы и Лейбница, представляетъ собой сочетание натурализма съ телеологической метафизикой. Исторія природы и исторія людей, по концепціи Гердера, составляютъ одно связанное цѣлое, единый процессъ развитія, въ которомъ Богъ проявляетъ Свою мудрость и благость. Человѣчество есть естественный продуктъ развитія не только животнаго міра, но и неорганической природы. Вся вселенная устроена цѣлесообразно. Ея задача состоитъ въ томъ, чтобы создать надлежащую обстановку для появленія человѣка, который затѣмъ въ теченіе историческаго процесса постепенно идетъ къ раскрытію гуманности, т.-е. къ гармоническому развитію всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя возвышаютъ человѣка надъ

міромъ животныхъ, дѣлаютъ природу людей „человѣческой“. Исторія для Гердера является теодицеей: она намъ раскрываетъ во всемъ присутствіе Бога и Его блакости. „Если есть Богъ въ природѣ,—говоритъ Гердеръ,—то Онъ есть и въ исторіи; человѣкъ подчиненъ законамъ не менѣе превосходнымъ, чѣмъ тѣ, по которымъ движутся небесныя тѣла. Наша исторія есть школа для достиженія прекраснаго вѣнка человечности и человѣческаго достоинства“. „Моря, горныя цѣпи и потоки являются естественными дѣленіями какъ странъ, такъ и народовъ, образовъ жизни, языковъ и царствъ; даже въ величайшихъ революціяхъ человѣческихъ вещей они были направляющими линіями или границами міровой исторіи. Если бы горы расположены были иначе, если бы рѣки текли по другому и берега моря находились въ иныхъ мѣстахъ, то насколько иные событія происходили бы на этихъ аренахъ націй?“. „Сила, которая дѣйствуетъ и мыслитъ во мнѣ, по природѣ своей есть такая же вѣчная сила, какъ та, которая удерживаетъ солнце и звѣзды... Все бытіе равно себѣ, является недѣлимымъ понятіемъ“. Такимъ образомъ, конечнымъ идеаломъ для Гердера является торжество космополитической человѣчности. Но съ этимъ космополитизмомъ онъ примиряетъ идею *отдѣльной народности и личности*. Всѣ народы, начиная съ самыхъ низшихъ, и всѣ отдѣльные люди принимаютъ участіе въ процессѣ раскрытія конечнаго идеала и каждый изъ нихъ по-своему выявляетъ общую для человечества гуманность. Этотъ тезисъ подтверждается дѣлаемымъ Гердеромъ очеркомъ хода всемірной исторіи. Гердеръ много занимался происхожденіемъ языка и изученіемъ народной поэзіи. Онъ называлъ поэзію первобытныхъ народовъ архивомъ народной жизни, сокровищницей науки и религіи, теогоніи и космогоніи, дѣяній отцовъ и событій исторіи, отпечаткомъ сердца и картиной домашней жизни. Въ своихъ пѣсняхъ народы изображаютъ самихъ себя. На основаніи сходства этихъ пѣсенъ въ языкѣ, содержаніи, въ идеяхъ космогоніи, можно сдѣлать, по мнѣнію Гердера, много вѣрныхъ заключеній о происхожденіи, расселеніи и смѣшеніи народовъ.

Кантъ ¹⁾ подвергъ суровой критикѣ попытку Гердера и

¹⁾ *Medicus*, Kants Philosophie der Geschichte (1902).

самъ выступилъ съ другой схемой философіи исторіи, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ противоположность построеніямъ Гердера. Взгляды Канта изложены, главнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ небольшихъ статьяхъ: „Идея ко всеобщей исторіи съ точки зрѣнія всемірнаго гражданства“ (1784), „Предположительное начало исторіи человѣка“ (1786), „Къ вѣчному міру“ (1795). По мнѣнію Канта, Гердеръ не правъ въ томъ отношеніи, что считаетъ человѣческую исторію продолженіемъ исторіи природы. На самомъ же дѣлѣ человѣческая исторія тѣмъ и интересна для насъ, что въ ней мы наблюдаемъ *столкновенія присущей людямъ свободы съ проникающей природою необходимостью*. Человѣкъ начинаетъ свое существованіе съ проявленія чисто-животной природы. Его дѣйствія первоначально насквозь обусловлены инстинктомъ. Но человѣкъ надѣленъ также и разумомъ; отсюда вытекаетъ его способность къ свободному самопредѣленію. Правда, въ своихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ практическому разуму, Кантъ относитъ свободу человѣка въ умопостижимый міръ, признавая человѣка, какъ явленіе въ пространствѣ и времени, существомъ, подчиненнымъ природной необходимости. Этимъ Кантъ очень запутываетъ свое ученіе. Не смущаясь получающимся противорѣчіемъ и несогласованностью съ мыслями о ноуменальномъ характерѣ человѣческой свободы, Кантъ придаетъ свободѣ человѣка принципиальное значеніе и въ своей философіи исторіи. Вся исторія представляетъ борьбу человѣческой свободы съ природою. Если у Гердера выпрямленное положеніе человѣческаго тѣла создается въ результатѣ естественныхъ причинъ и затѣмъ служитъ само причиной развитія разума, то у Канта, напротивъ, разумъ заставляетъ человѣка принять такое вертикальное положеніе тѣла, совершенно не подходящее къ природной организаціи и сопряженное съ рядомъ физиологическихъ неудобствъ. Разумъ производитъ способность рѣчи и вызываетъ различныя проявленія человѣческой свободы: свободный выборъ образа жизни, свободную склонность къ собратьямъ, продуманное отношеніе къ будущему времени. Природа только косвеннымъ путемъ влияетъ на исторію человѣчества, создавая для людей такія условія, которыя толкаютъ ихъ на путь свободы и разума. Въ общемъ же, человѣкъ, руководимый разумомъ, освобождается отъ власти инстинкта, вступаетъ въ борьбу съ

природными склонностями, стремится подчинить себѣ природу и такимъ образомъ преобразовать міръ въ духѣ свободы. Не слѣдуетъ думать, однако, что борьба свободы съ необходимостью ведетъ человѣка къ счастью. Напротивъ, съ проявленіемъ свободы возникаетъ рознь и вражда между людьми; ихъ интересы приходятъ въ коллизію и между ними начинается борьба. Среди людей водворяется характерный антагонизмъ, который Кантъ передаетъ выраженіемъ „*ungesellige Geselligkeit*“: съ одной стороны люди живутъ обществами, съ другой же стороны — ихъ индивидуалистическія наклонности постоянно приводятъ ихъ въ коллизію съ обществомъ. Но вся эта борьба является средствомъ для высшей цѣли, достигаемой усиліями всего человѣческаго рода. Именно, исторія человѣчества, слагающаяся въ этой борьбѣ, должна представлять изъ себя прогрессивное движеніе къ выработкѣ *правового государства*, которое обезпечило бы своимъ справедливымъ строемъ свободу личности въ мирно-организованномъ обществѣ, и системы *вѣчнаго мира* между народами, которая является необходимымъ дополненіемъ къ идеальному юридическому порядку внутри каждаго государства. Притомъ вѣчный миръ по Канту долженъ покоиться не на подчиненіи отдѣльныхъ народовъ какому-нибудь сильнѣйшему, но на федералистическихъ началахъ, на принципѣ уваженія ко всѣмъ національностямъ. Этой идеальной цѣлью всего человѣчества, но не принципомъ счастья отдѣльныхъ людей, направляется и объединяется всемірная исторія.

Чтобы правильно понять всѣ эти разсужденія Канта, слѣдуетъ помнить, что идеальная цѣль человѣческаго прогресса, содержаніе которой мы только-что передали, не представляется Канту чѣмъ-то безусловно гарантированнымъ и предопредѣленнымъ. Если сопоставить его сочиненія по философіи исторіи съ общимъ духомъ его моральной философіи, то эту цѣль человѣчества приходится разсматривать скорѣе, какъ *задачу, возложенную на человѣчскій родъ*, выполнение которой безусловно желательно, до известной степениощрается и природою, но стоитъ все же въ зависимости отъ того, насколько люди сумѣютъ и захотятъ съ этой задачей справиться. Политическое ученіе Канта является изложеніемъ содержанія долга, лежащаго на всемъ человѣческомъ родѣ; тогда какъ его этика изслѣдуетъ моральное назначеніе индивида.

Помимо этих системъ германской философіи исторіи, отмѣтимъ крупный вкладъ въ *методологію исторіи*, сдѣланный профессоромъ Хладеніусомъ¹⁾, въ его книгѣ „Allgemeine Geschichtswissenschaft“ (1752). Въ этой книгѣ впервые обращено вниманіе на совершенно особое положеніе исторіи, какъ *науки объ индивидуальномъ*, среди другихъ наукъ, т.-е. высказана та мысль, которая еще и въ наше время далеко не всѣми признается и служитъ предметомъ защиты со стороны Риккертта. Въ связи съ этимъ Хладеніусъ разрабатываетъ трудный вопросъ объ особомъ характерѣ причиннаго объясненія въ исторіи. Сверхъ того, Хладеніусъ даетъ довольно обстоятельную теорію источниковъ историческаго познанія. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что огромная разница существуетъ между самими историческими событіями и тѣмъ, что мы о нихъ узнаемъ отъ наблюдателей, и затѣмъ изслѣдуетъ способы установить историческую истину и даетъ классификацію историческихъ источниковъ.

Нельзя обойти молчаніемъ въ нашемъ очеркѣ и *Англию XVIII столѣтія*. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду не столько специально-историческіе труды, которые появились въ Англии, сколько работы англійскихъ ученыхъ въ области моральной философіи, политической экономіи и социологіи. Среди *историковъ* этой эпохи выдѣляются: Юмъ, написавшій „Исторію Англій отъ вторженія Юлія Цезаря до революціи 1688 г.“, Робертсонъ—авторъ нѣсколькихъ трудовъ по исторіи Европы и Америки, Гиббонъ, составившій себѣ имя своей „Исторіей паденія Римской имперіи“. Эти историки останавливаются, главнымъ образомъ, на политическихъ событіяхъ, въ пониманіи которыхъ проявляютъ много реализма. Въ методологическомъ отношеніи всѣ эти писатели находились въ большей или меньшей степени подъ вліяніемъ Вольтера. Что же касается трудовъ *англійскихъ моралистовъ* эмпирическаго направленія, каковы: Шефтсбери, тотъ же Юмъ, Адамъ Смитъ, Фергюсонъ, то они много способствовали раскрытію того психологическаго механизма, которымъ опредѣляется поведеніе человѣка въ обществѣ и порождается моральная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій. Для будущей науки объ обществѣ большое значеніе получили ихъ изслѣдованія

¹⁾ См. Г. Шпетъ, цит. соч., гл. III.

о присущихъ человѣку эгоистическихъ и альтруистическихъ чувствахъ, въ особенности о чувствѣ симпатіи, которое лежитъ въ основѣ всей общественности. Юмъ хорошо отгѣнилъ то значеніе, которое имѣетъ привычка въ жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ народовъ. Фергюсонъ рѣзко подчеркнулъ значеніе свойственной человѣку отъ природы активности, которая заставляетъ его находить свое счастье не въ покоѣ, но въ дѣятельности, и выступилъ съ утвержденіемъ, что общественныя явленія въ значительной степени *не зависятъ отъ человѣческихъ плановъ*, но слагаются какъ непредвидѣнныя послѣдствія такихъ дѣйствій отдѣльныхъ людей, которыя предпринимаются исключительно ради частныхъ интересовъ и, совершая которыя, люди вовсе не предполагаютъ произвести какія-нибудь общественныя перемѣны. Для того времени должно было весьма оригинально звучать положеніе Фергюсона въ его „Опытѣ исторіи человѣческаго общества“ (1767 г.), что „ни одно государственное устройство не опирается на договоръ и ни одно правительство не организуется по плану“, или утвержденіе, что государства претерпѣваютъ наибольшіе перевороты именно тогда, когда никто не думаетъ о перемѣнахъ. Проповѣдуя подобныя воззрѣнія, Фергюсонъ шелъ нѣсколько дальше ученій *англійскихъ экономистовъ* своего времени, имѣвшихъ во главѣ его земляка и друга Адама Смита. Для политической экономіи этой эпохи характернымъ является то, что она рѣшительно выступила противъ господствовавшаго прежде меркантилизма, который въ своихъ представленіяхъ о способахъ расширенія и увеличенія народнаго богатства опирался на старыя теоріи, представлявшія государство продуктомъ искусственнаго строительства людей. Въ противоположность этому физиократы, а затѣмъ школа Адама Смита выступила въ защиту *естественной закономѣрности экономической жизни общества* и, раздѣляя общій оптимизмъ вѣка просвѣщенія, настаивала на томъ, что наилучшей экономической политикой является политика полного невмѣшательства государства въ естественный ходъ вещей. Смитъ и его послѣдователи вѣрили въ то, что свободная конкуренція людей, при которой каждый руководится своимъ хозяйственнымъ расчетомъ, сама собой вызоветъ наступленіе наилучшихъ для всего общества хозяйственныхъ результатовъ. Эта школа также много содѣйство-

вала укрѣпленію мысли о законмѣрности общественныхъ процессовъ.

VI. Въ *первыя десятилѣтія XIX вѣка* въ историографіи, особенно нѣмецкой, происходитъ довольно рѣшительная перемѣна, которая сказывается въ развитіи тенденцій, во многомъ представляющихъ собой полный контрастъ съ вѣкомъ просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что европейскій міръ къ этому времени успѣлъ очень *разочароваться въ некоторыхъ принципахъ просвѣтительной философіи* подъ вліяніемъ пережитаго историческаго опыта, а на смѣну этимъ принципамъ силою историческихъ событій выдвинулись новые, которые также на время заняли односторонне преобладающее положеніе въ историческихъ теоріяхъ.

Разочарованіе вызвано было *исходомъ французской революціи*. Здѣсь человѣчество столкнулось съ рѣзко-проведенной попыткой сразу, энергичнымъ натискомъ измѣнить общественный укладъ въ духѣ радикально-построенныхъ теорій, выработанныхъ тѣмъ самымъ разумомъ, которому эпоха просвѣщенія оказывала такое довѣріе. И попытка эта въ общемъ оказалась очень неудачной. Въ самой Франціи еще кое-что изъ революціонныхъ идей привилось къ жизни и укрѣпилось. Но до полного осуществленія революціонныхъ программъ и здѣсь было еще очень далеко. Напротивъ, эпоха реставраціи показала, какъ много сохранилось и во французской жизни старинныхъ началъ, осужденныхъ просвѣщеніемъ, но лишь временно устраненныхъ силой революціи. Ихъ возрожденіе наглядно показало значеніе *исторической традиціи* и внушило недовѣріе къ попыткамъ перестраивать жизнь, не считаясь съ часто совершенно ирраціональнымъ ея дѣйствіемъ. Что же касается другихъ странъ Европы, то въ нихъ принципы революціи еще менѣе принесли практическихъ плодовъ, несмотря на всѣ попытки насадить ихъ и тамъ. Здѣсь они натолкнулись, помимо дѣйствія традиціи, еще на сопротивленіе другого фактора, съ которымъ эпоха просвѣщенія также мало считалась: именно съ *національными различіями*. Вѣкъ просвѣщенія выработалъ міровоззрѣніе, по существу космополитическое. Хотя писатели этой эпохи упоминали о народномъ духѣ, но на дѣлѣ они мало съ нимъ считались и, увлекаясь логическимъ элементомъ въ исторіи, общимъ для всѣхъ людей по самому своему существу, не

представляли себѣ въ достаточной степени, насколько ирраціональную величину, часто опрокидывающую всѣ логически выработанные расчеты, представляетъ собой этотъ народный духъ, и какія большія различія между отдѣльными странами онъ создаетъ. Войны Наполеона I очень содѣйствовали подъ ему національнаго чувства въ странахъ, испытавшихъ на себѣ гнетъ иноземнаго нашествія. Точно такъ же не придавала эпоха просвѣщенія должнаго значенія и принципу личности. Въ отдѣльныхъ людяхъ, такъ же какъ и во всемъ историческомъ процессѣ, обращали вниманіе, главнымъ образомъ, на интеллектуальную сторону, которая, подлежа контролю обязательныхъ для всѣхъ людей логическихъ нормъ, оказывается элементомъ, наименѣ индивидуальнымъ у всѣхъ людей. Теперь начинаютъ обращать вниманіе на *жизнь чувства*, которую выдвинулъ впередъ уже Руссо, во многомъ шедшій въ разрѣзъ съ типическими тенденціями XVIII вѣка. На этой почвѣ и *человѣческая личность* начинаетъ представляться гораздо болѣе разнообразнымъ и во многомъ ирраціональнымъ факторомъ исторіи, чѣмъ она казалась писателямъ эпохи просвѣщенія. 1).

Въ результатѣ всѣхъ этихъ причинъ, въ историческихъ концепціяхъ все болѣе начинаютъ выдвигаться *ирраціональныя стороны общественной жизни*, не укладывающіяся въ простыя схемы разума. Въ жизни человѣческихъ обществъ начинаютъ искать таинственныхъ силъ, которыя влекутъ за собой людей помимо ихъ воли и дѣйствіемъ которыхъ нерѣдко опрокидываются человѣческіе планы, какъ бы забот-

1) Въ этомъ отношеніи можно провести характерное различіе между *Кантомъ* и *Фихте*. У Канта человѣческая личность представляется въ очень абстрактной формѣ; о человѣческомъ достоинствѣ онъ говоритъ въ совершенно отвлеченныхъ выраженіяхъ и при формулировкѣ нравственнаго долга придаетъ огромное значеніе его всеобщности. Напротивъ, въ системѣ Фихте большую роль играетъ именно индивидуальность. Множество конечныхъ разумныхъ существъ представляется философу не простымъ агрегатомъ, но цѣлой системой, въ которой каждый индивидъ по отношенію къ задачѣ всего человѣческаго рода занимаетъ опредѣленное положеніе и выполняетъ опредѣленную миссію. Служа цѣлямъ мірового процесса, личность не перестаетъ быть особой, и категорическій императивъ Канта получаетъ у Фихте новую формулировку: „дѣйствуй сообразно съ твоимъ названіемъ“. См. мой „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (изд. 2, 1913), 146.

ливо они ни были продуманы. Въ то время, какъ эпоха просвѣщенія стремилась вывести изъ исторіи указанія на то, какъ человѣкъ можетъ передѣлывать общественную обстановку по-своему, теперь на исторію начинаютъ смотрѣть больше, какъ на науку, которая учитъ насъ познанію тѣхъ *непреодолимыхъ преградъ, которыя дѣйствительность воздвигаетъ передъ замыслами отдѣльныхъ лицъ*. Въ то время, какъ просвѣщеніе съ его космополитическими тенденціями особенно любило универсально-историческія схемы, новая эпоха на первый планъ выдвигаетъ начало національности и опять начинаетъ ограничивать свои изслѣдованія узкимъ кругомъ народовъ, непосредственно принимавшихъ участіе въ европейской исторіи. Предметомъ особеннаго вниманія и любви историковъ становятся средніе вѣка, излюбленные уже Гердеромъ. Въ этой эпохѣ не совсѣмъ основательно усматривали время наиболѣе яркаго проявленія національныхъ, самобытныхъ началъ новыхъ европейскихъ народовъ.

Таковъ общій характеръ міровоззрѣнія начала XIX вѣка. На этомъ фонѣ мы встрѣчаемся съ рядомъ различныхъ отдѣлковъ мысли, приводящихъ къ появленію отдѣльныхъ школъ, не во всемъ согласныхъ другъ съ другомъ.

Прежде всего отмѣтимъ *романтическую школу*; она выдвинула на первый планъ тотъ факторъ исторіи, который получилъ названіе „народнаго духа“. Рационалистическому представленію объ исторіи эта школа противопоставила принципъ *органическаго развитія общества*. Опираясь, главнымъ образомъ, на данныя исторіи языка и исторіи права, романтическая школа учитъ, что вся культура каждаго народа является естественнымъ продуктомъ раскрытія началъ, заложенныхъ въ народномъ духѣ. Очень любятъ сравнивать развитіе народа съ ростомъ дерева, постепенно возникающаго изъ незначительнаго сѣмячка, посаженнаго въ землю. Съ этой точки зрѣнія вся исторія народа получаетъ характеръ спокойнаго законмѣрнаго развитія въ опредѣленномъ направленіи, зависящаго отъ данныхъ изначальнаго народнаго духа. Въ историческомъ творествѣ главное значеніе получаютъ *безсознательные факторы*, которые лучше всего проявляются въ дѣятельности массъ. Начинаютъ особенно интересоваться народной поэзіей, а въ области права отдаютъ предпочтеніе обычному творчеству массъ передъ законода-

тельствомъ, такъ какъ въ послѣднемъ слишкомъ большое значеніе получаетъ сознательное размышленіе, которое можетъ привести къ искаженію началъ, заложенныхъ въ народномъ духѣ. Задачей историческаго дѣятеля считаютъ правильное пониманіе народнаго духа: личность не имѣетъ самостоятельнаго значенія въ исторіи; напротивъ, тамъ, гдѣ личность слишкомъ много себя проявляетъ, она только грозитъ нарушить своимъ вмѣшательствомъ правильный процессъ раскрытія народнаго духа и тѣмъ нанести тяжелый ущербъ народной жизни. Всѣ эти соображенія чрезвычайно выпукло развиты въ небольшомъ сочиненіи нѣмецкаго юриста *Савиньи*, который считается основателемъ германской исторической школы въ юриспруденціи ¹⁾.

Эта брошюра, названная: „О призваніи нашего времени къ законодательству и юриспруденціи“ (1814), написана была съ цѣлью отвергнуть предложенія немедленно приступить къ кодификаціи гражданскаго права для всей Германіи, которыя исходили отъ лицъ, желавшихъ этимъ путемъ сдѣлать важный шагъ къ политическому объединенію Германіи. Савиньи считаетъ кодификацію права нежелательной, такъ какъ опасается, что этотъ продуктъ сознательнаго творчества можетъ исказить національныя начала германскаго права.

Заслуга этой школы состояла въ томъ, что она выдвинула на первый планъ идею органическаго роста общества и заставила историковъ при изученіи минувшихъ эпохъ обращать вниманіе на ту тѣсную связь и взаимодѣйствіе, которая существуетъ всегда между отдѣльными сторонами культуры. Въ большой степени было отгѣнено значеніе принципа національности и тѣхъ независимыхъ отъ человѣческихъ расчетовъ силъ, которыя принимаютъ участіе въ историческомъ процессѣ. Но этой школѣ присущи и очень крупныя недостатки. Во-первыхъ, органической процессъ развитія представлялся *слишкомъ простымъ*: не брали на себя труда изслѣдовать въ подробностяхъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ факторовъ, изъ которыхъ это развитіе складывается, но пытались всѣ загадки разрѣшить ссылкой на пресловутый духъ народа. Въ такой постановкѣ народный духъ получалъ харак-

¹⁾ *Новгородцевъ*. „Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба“ (1896).

теръ какого-то мистическаго начала, дѣйствующаго по таинственнымъ и недоступнымъ человѣческому разумѣнію законамъ. Для научнаго изслѣдованія этого было слишкомъ мало и неудивительно поэтому, что работы, создавшіяся подъ вліяніемъ разбираемой доктрины, чрезмѣрно упрощали историческій процессъ, слишкомъ преувеличивали его стройность и единство. Исторія каждаго народа протекаетъ вовсе не спокойно и не представляетъ изъ себя неуклоннаго движенія въ одномъ и томъ же направленіи. Напротивъ, въ ней всегда проявляется *борьба противоположныхъ идей и интересовъ*; періоды оживленной дѣятельности смѣняются эпохами упадка, зстоя и даже иногда возврата назадъ, къ старымъ формамъ жизни. Далѣе, романтическая школа слишкомъ преувеличила значеніе національнаго фактора. На самомъ дѣлѣ народы не живутъ изолированной жизнью и находятся во взаимодѣйствіи; поэтому и самый народный духъ вовсе не есть цѣликомъ прирожденное достояніе каждаго народа, но въ значительной степени представляетъ собой результатъ его *общенія съ другими народами* и той позиціи, которую онъ вынужденъ принимать относительно своихъ сосѣдей. Наконецъ, протестъ противъ раціоналистическаго пониманія исторіи также выраженъ слишкомъ рѣзко. Если въѣкъ просвѣщенія переоцѣнивалъ возможность раціональнаго вліянія на исторію, то романтики, напротивъ, недооцѣнивали значеніе человѣческихъ начинаній и *роль личности въ исторіи*. Послѣдовательно проведенное ученіе нѣмецкой исторической школы приводило къ общественному квіетизму, приглашало людей быть безучастными зрителями исторіи, создаваемой независящимъ отъ нихъ народнымъ духомъ и увлекающихъ за собой не только отдѣльныя личности, но и цѣлые народы.

Другимъ направленіемъ была *историческая идеологія*, выраженная, главнымъ образомъ, въ очень извѣстной въ свое время статьѣ *Вильгельма фонъ-Гумбольдта*: „О задачѣ историческаго писателя“ (1821). Сущность мысли Гумбольдта сводится къ тому, что историкъ, дѣйствительно желающій глубоко проникнуть въ изучаемые имъ процессы, долженъ ставить своей задачей вскрытіе тѣхъ *идей*, которыя характерны для каждой данной эпохи. Въ этихъ идеяхъ проявляется скрытый отъ насъ во всей своей полнотѣ общій планъ управленія міромъ, для непосредственнаго постиженія

котораго мы не обладаемъ никакимъ органомъ. Въ эмпирической исторіи поэтому идеи представляются постоянно чѣмъ-то новымъ, возникающимъ безъ видимой причины. На самомъ же дѣлѣ въ основѣ ихъ проявленія лежитъ міровая необходимость, непостижимая для насъ въ ея цѣломъ. Только на почвѣ идей можетъ быть установлена настоящая историческая причинность, такъ какъ отдѣльныя событія представляются только средствами раскрытія лежащихъ въ ихъ основѣ идей. Для проникновенія въ историческія идеи отъ историка требуется творческое воображеніе, отличающееся отъ художественной фантазіи лишь тѣмъ, что оно поставлено на службу истинѣ. Значеніе геніальныхъ людей въ исторіи состоитъ въ томъ, что имъ удается лучше другихъ оформить то идейное теченіе, которымъ опредѣляется ходъ событій въ данную эпоху. — На такую конструкцію исторіи навели, конечно, также недавно пережитыя событія. Такое событіе, какъ французская революція, легко могло быть конструировано именно въ томъ духѣ: нетрудно было показать, что въ дореволюціонную эпоху во Франціи возникли опредѣленныя идеи, которыми затѣмъ и направлялся ходъ революціонныхъ событій. Дальнѣйшее размышленіе показало, что такая конструкція можетъ быть примѣнена и къ другимъ историческимъ эпохамъ; такъ, мы имѣемъ въ исторіи эпоху реформаціи и смѣнившую ее эпоху католической реакціи; здѣсь также сталкиваются между собой мощные историческіе потоки, которые легко могутъ быть представлены въ видѣ борьбы противоположныхъ идей.

Это идеологическое построеніе въ значительной степени опредѣлило собой характеръ работъ одного изъ выдающихся историковъ ХІХ столѣтія — *Леопольда Ранке*, который началъ свою писательскую дѣятельность въ 1824 году. Ранке въ основу своихъ историческихъ конструкцій полагаетъ отысканіе господствующихъ идей изучаемыхъ имъ эпохъ. Притомъ въ этихъ идеяхъ онъ не видитъ какихъ-то метафизическихъ сущностей, не пытается вывести ихъ изъ духа народа или изъ опредѣленной единой концепціи исторіи, какъ это дѣлаетъ Гегель (о немъ рѣчь будетъ впереди). Ранке ставитъ своимъ девизомъ разсказать исторію „*какъ она была на самомъ дѣлѣ*“, но считаетъ необходимымъ обобщать событія каждой эпохи именно этими господствующими идеями, которыя онъ вы-

водитъ изъ разсмотрѣнія событій. При этомъ Ранке большое вниманіе удѣляетъ *международнымъ отношеніямъ* и не стоитъ, слѣдовательно, на узко-націоналистической почвѣ историческо-романтической школы. Но онъ въ томъ отношеніи сближается съ романтизмомъ, что большое значеніе придаетъ психологическому анализу дѣйствующихъ въ исторіи личностей во всемъ разнообразіи ихъ индивидуальностей. Ранке имѣетъ большія заслуги также и въ области обработки источниковъ. Онъ весьма настаиваетъ на различіи источниковъ первоначальныхъ и производныхъ отъ нихъ, обращаетъ большое вниманіе на тенденціозность историческихъ извѣстій и на возможные несознательныя извращения истины въ ихъ передачѣ; при обработкѣ новой исторіи онъ пользуется новымъ источникомъ, значеніе котораго нѣсколько преувеличиваетъ, именно: *дипломатическими донесеніями иностранныхъ пословъ своимъ правительствамъ*.

Въ общемъ, эта идеологія Гумбольдта—Ранке представляетъ собой, несомнѣнно, положительный вкладъ въ историографію. Но слѣдуетъ отмѣтить и присущіе ей недостатки. Они состоятъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что *идеи не являются единственнымъ факторомъ въ исторіи* и школа Ранке недостаточное вниманіе обратила на *генезисъ самихъ идей*. Не всѣ историческіе процессы такъ удобно укладываются въ рамки идеологическаго ученія, какъ французская революція, или реформація, да и въ этихъ послѣднихъ процессахъ далеко не все можетъ быть объяснено одной только идеологіей. Въ частности школа Ранке мало обратила вниманія на экономическую сторону исторіи, во многомъ представляющую самостоятельный интересъ. Что же касается генезиса идей, то онъ у Гумбольдта и Ранке въ эмпирической дѣйствительности какъ-будто зарождаются изъ ничего, представляютъ собой начало совершенно новыхъ причинныхъ рядовъ. Школа при этомъ слишкомъ мало считается съ объединяющимъ влияніемъ исторической традиціи, значеніе которой особенно выдвинуто было въ ученіи Гегеля.

Прежде, чѣмъ перейти къ этому философу, скажемъ нѣсколько словъ еще объ одномъ выдающемся историкѣ первой четверти XIX вѣка, труды котораго имѣли большое исторіо-

графическое значеніе. Я разумѣю *Нибура*; его „Римская исторія“, первые два тома которой вышли въ 1811 году и которая осталась незаконченной, касается исключительно древнѣйшихъ эпохъ Рима. До Нибура уже была произведена разрушительная критика римскаго преданія, главнымъ образомъ, трудами французскихъ историковъ XVIII вѣка. Нибура поставилъ себѣ положительную задачу: онъ хотѣлъ выяснитъ происхожденіе этого преданія и создалъ гипотезу, которой можно было до извѣстной степени поддержать его достовѣрность. Именно, онъ проводитъ ту мысль, что въ основѣ римскихъ разсказовъ объ основаніи города и его древнѣйшихъ судьбахъ лежитъ *народный эпосъ*, въ родѣ Гомеровскихъ поэмъ; поэтому въ этихъ разсказахъ сохранились историческія воспоминанія, только сильно разукрашенныя народной фантазіей; задача историка состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлать легендарный элементъ отъ достовѣрнаго. Справедливость требуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что позднѣйшая критика (главнымъ образомъ, труды *Шеглера* и *Моммзена*) заставила отбросить эту гипотезу, показавъ, на какихъ шаткихъ основаніяхъ она держится; въ результатѣ установилось еще болѣе отрицательное отношеніе къ римскому преданію.—Трудъ Нибура интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ относится къ римской исторіи не съ морально-политической точки зрѣнія, какъ это дѣлалось до него, но старается подойти къ ней на строго-реалистической почвѣ и вводитъ въ изслѣдованіе *соціально-экономическія стороны*; онъ рисуетъ намъ борьбу патриціевъ и плебеевъ, какъ столкновеніе класса крупныхъ землевладѣльцевъ съ мелкими, и при этомъ широко пользуется параллелями изъ исторіи современности, непосредственно ему извѣстной изъ наблюдений.

Къ началу XIX вѣка относится основаніе въ Германіи грандіознаго изданія, которое должно служить для опубликованія источниковъ германской исторіи: „*Monumenta Germaniae historica*“. Первый томъ вышелъ въ 1826 году, причѣмъ руководилъ изданіемъ *Пертцъ*; съ 1840 г. дѣятельное участіе въ этомъ предпріятіи принялъ *Вайтцъ*. Подъ влияніемъ преподавательской дѣятельности, главнымъ образомъ, Ранке и затѣмъ Вайтца въ Германіи развиваются въ университетахъ *семинарскія занятія* по исторіи, цѣлью которыхъ является

воспитаніе будущихъ работниковъ въ наукѣ въ духѣ истинно научной исторической критики. ¹⁾

Большое вліяніе на послѣдующую историографію въ теченіе долгаго времени оказывала грандіозная попытка построить полную систему философіи исторіи въ идеалистическомъ направленіи, сдѣланная въ первой трети XIX столѣтія Гегелемъ ²⁾. Метафизика Гегеля интересна въ томъ отношеніи, что она пытается сочетать идеи безсознательно-органическаго роста народовъ и національнаго духа съ безконечнымъ разнообразіемъ исторической жизни и путемъ особаго ученія о конкретныхъ понятіяхъ и связанной съ ними діалектикѣ сдѣлать историческій процессъ постижимымъ для нашего ума, несмотря на его органической, независимой отъ нашей воли характеръ. Правда, послѣдующая критика на почвѣ фактовъ показала, что схемы Гегеля не покрываютъ исторической дѣйствительности и что его система нерѣдко покоится на насиліи надъ фактами. Но это не помѣшало многимъ историкамъ долго увлекаться идеями Гегеля, при-чемъ имъ придавалась различная окраска, такъ что отъ Гегеля ведутъ свое начало весьма различныя направленія исторической мысли. На философію Гегеля, при всемъ ея идеалистическомъ характерѣ, опирается въ конечномъ счетѣ даже такое направленіе современной исторической науки, какъ созданный Марксомъ и Энгельсомъ экономическій матеріализмъ (ниже § 20).

Въ основу своей концепціи Гегель, подобно Канту, кладетъ идею *свободы*, но придаетъ ей метафизической характеръ, пытаясь свести всю исторію къ процессу, безусловно предопределенному лежащими въ его основѣ и не зависящими отъ человѣческаго произвола силами. При этомъ Гегель стоитъ на почвѣ полнѣйшаго *интеллектуализма*. „Все дѣйствительное разумно, — утверждаетъ онъ, — а все разумное дѣйствительно“. Органомъ философіи является разумъ, какъ способность *конкретныхъ понятій*. Конкретно то понятіе, которое не отрицаетъ своей противоположности, но соединяется съ

¹⁾ Во Франціи съ 1835 г. начинается издаваться монументальная Collection de documents inédits sur l'histoire de France. — Къ 20 годамъ относятся работы француза Champollion, положившаго начало современной Египтологіи.

²⁾ Barth. Die Geschichtsphilosophie Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann (1890).

ней и, такимъ образомъ, въ своемъ развитіи движется отъ тезиса къ антитезису и чрезъ него къ синтезу, который снова ложится въ основу такого же триадическаго процесса. Въ *триадическомъ ритмѣ тезиса, антитезиса и синтеза* и состоитъ знаменитый діалектический методъ Гегеля, который онъ проводитъ въ философіи исторіи. По его ученію, историческій процессъ есть процессъ самопознанія объективнаго духа. Духъ постепенно находитъ самого себя и укрѣпляетъ свою свободу. Отдѣльныя государства выражаютъ собою различные моменты этого процесса и, выполнивъ свою историческую миссію, сходятъ со сцены. Гегель вообще останавливаетъ свое вниманіе почти исключительно на социальныхъ организаціяхъ, каковы: семья, гражданское общество и государство, и на продуктахъ социальной дѣятельности, каковы: право и нравственность. Только эти явленія имѣютъ въ его глазахъ объективное значеніе. Субъективная воля отдѣльныхъ людей и субъективная моральность философа не интересуютъ. Только въ государствахъ происходитъ синтезъ свободы и необходимости, такъ какъ здѣсь субъективная воля человѣка подчиняется законамъ, и только здѣсь мы встречаемся съ дѣйствительной нравственностью, съ нравственнымъ цѣлымъ. Великіе люди для Гегеля цѣнны, лишь какъ выразители воли мірового духа, а человѣческія страсти въ исторіи играютъ лишь ту роль, что объективный разумъ своею „хитростью“ заставляетъ ихъ работать на себя. Развивая свою концепцію, Гегель дѣлитъ всю исторію на *три основныхъ эпохи*. Въ восточныхъ деспотіяхъ древняго міра мы имѣемъ эпоху, когда міровой духъ еще себя не позналъ; поэтому востокъ не знаетъ въ государственномъ строѣ свободы всѣхъ, но дошелъ лишь до свободы одного, каковымъ является самъ деспотъ. „Люди востока, — говоритъ Гегель, — еще не знаютъ, что духъ, или человѣкъ, какъ таковой, свободенъ; такъ какъ они этого не знаютъ, то они не свободны; они знаютъ, что *одинъ* свободенъ, а такая свобода есть только произволь, дикость, безчувствіе страсти, или же ея случайная и произвольная мягкость и укрощенность“. Вторую эпоху составляетъ исторія Греціи и Рима; здѣсь мы наблюдаемъ частичное познаніе мірового духа, вслѣдствіе этого, свободу немногихъ, выражающуюся въ аристократическомъ характерѣ государствъ. Наконецъ, третью и послѣднюю эпоху всемірной исторіи соста-

вляеть настоящій германскій періодъ, въ теченіе котораго міровой духъ доходитъ до полнаго самопознанія, находящаго себѣ объективное выраженіе въ строе современнаго государства германскаго міра, обезпечивающаго свободу всѣхъ, свободу человѣка, *какъ таковаго*. Такимъ образомъ, по системѣ Гегеля міровой процессъ является уже какъ бы завершеннымъ; получается почти такое впечатлѣніе, будто его послѣднимъ словомъ оказывается прусская монархія двадцатыхъ годовъ. Конечно, это составляетъ слабую сторону всего построения, лишаящую его научной объективности и умаляющую его значеніе для разсмотрѣнія дальнѣйшихъ событий исторіи. Эти событія не замедлили показать, какъ много новаго, о чемъ и не мечталъ Гегель, таить въ себѣ еще историческое творчество и до чего ограниченнымъ представляется политическій идеаль германскаго философа.

Цѣнный элементъ Гегелевскаго построения составляетъ та роль, которую онъ отводитъ *исторической традиціи*. Гегель показываетъ намъ иногда очень удачно, что со значеніемъ традиціи приходится считаться въ исторіи даже тогда, когда начинаютъ развиваться контрастные теченія; эти теченія Гегель изображаетъ въ видѣ антитезисовъ, которые понятны и мыслимы только на почвѣ соответственныхъ тезисовъ. Далѣе, Гегель совершенно правильно полагаетъ въ основу историческаго процесса творческую *психическую причинность* и рисуетъ этотъ процессъ, какъ по существу духовный ¹⁾. Правда, этой причинности приданъ слишкомъ метафизическій характеръ и она поставлена въ узкія рамки отвлеченно логической схемы. *Схематизмъ* вообще представляется основнымъ недостаткомъ системы Гегеля. Его построение слишкомъ прямолинейно для того, чтобы въ него можно было безъ натяжекъ уложить историческую дѣятельность. Сравнительно лучше укладывается въ его схемы только исторія философіи, да и то не безъ затрудненій.

1) «Измѣненія въ природѣ, какъ они безконечно ни разнообразны, являются намъ только круговращеніе; въ природѣ ничего новаго не возникаетъ подъ солнцемъ и потому многоформная игра ея образованій нагоняетъ тоску. Только въ измѣненіяхъ, происходящихъ на духовной почвѣ, возникаетъ новое... Развитие духа не есть простое безобидное и мирное произрастаніе, какъ въ органической жизни, но тяжелая неохотная борьба съ самимъ собой». *Hegel, Philos. d. Geschichte* (изд. 1848), 67—69,

Во *Франціи* въ первой половинѣ XIX вѣка развивается другое направленіе исторической мысли, которое само себя окрестило направленіемъ *позитивнымъ*. Оно ведетъ свое начало отъ идей, высказанныхъ еще Кондорсе, но окончательно выработано трудами Сень-Симона и Огюста Конта; цѣнные добавленія внесли Милль и Бокль въ Англіи.

Уже Кондорсе, какъ мы знаемъ, высказывалъ ту мысль, что на исторію и вообще на общественныя науки должны быть распространены принципы естествознанія и что въ исторіи могутъ быть обнаружены такіе же точные законы, какъ въ другихъ областяхъ окружающаго насъ дѣйствительности. Эти мысли съ большой настойчивостью продолжаетъ развивать графъ *Сень-Симонъ* (1760—1825). Онъ очень высоко ставитъ успѣхи, достигнутые естествознаніемъ и математикой, и полагаетъ, что на такую же высоту должна быть поставлена главная для человѣка наука, лежащая въ основаніи человѣческаго общества, нравственная наука. Весь общественный прогрессъ онъ ставитъ въ зависимость отъ *роста знаній* и говоритъ, что Франція очень мало потеряла бы, если-бы въ одинъ прекрасный день погибли всѣ ея политическіе дѣятели, такъ какъ они легко могли бы быть замѣнены новыми, но зато потеря лучшихъ ученыхъ, художниковъ и промышленниковъ составила бы утрату, ничѣмъ не вознаградимую. Современное общество, которое не полагаетъ въ основу управленія науку, представляется Сень-Симону свѣтомъ наизнанку. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы *ученые и промышленники* стали во главѣ общества, замѣнивъ собою прежнія касты жрецовъ и воиновъ, и поставили бы свои знанія къ услугамъ бѣднѣйшихъ классовъ. Его схема историческаго развитія Европы сводится къ тому, что *общество превращается изъ военнаго типа въ промышленный* и въ исторіи труда проходитъ стадіи рабства, крѣпостничества и свободнаго наемничества, которое въ будущемъ должно смѣниться господствомъ обобществленнаго труда. Новая власть такого общества, сосредоточенная въ рукахъ ученыхъ и промышленниковъ, будетъ руководиться и новой моралью, основанной на наукѣ и укрѣпляющей уваженіе къ труду и братство между людьми.

На основѣ идей, высказанныхъ Сень-Симономъ, *Огюсть*

Контъ²⁾ (1798—1857) строить свое социологическое учение, съ которымъ мы уже сталкивались по другому поводу (выше § 4, V).

Контъ убѣжденъ въ томъ, что человѣчество его времени, прошедшее уже стадіи теологическую и метафизическую и вступившее въ *позитивный періодъ*, должно приступить къ преобразованію науки объ обществѣ въ томъ же позитивномъ направленіи. Предложенная имъ новая наука — *соціологія* — должна завершить собою все зданіе позитивной философіи. Мы уже знаемъ, что въ этой концепціи Конта самая исторія потонула въ соціологіи. Контъ, какъ и его послѣдователи, не оцѣнилъ того значенія, которое представляетъ собой знаніе индивидуальнаго и, настаивая на идеѣ, что знаніе должно обезпечить собою предвидѣніе, а предвидѣніе лежитъ въ основѣ могущества, чрезмѣрно увлекался только обобщающими науками. Другимъ недостаткомъ Контовскихъ концепцій является отсутствіе представленій о качественно-творческомъ характерѣ психической причинности; это приводило къ тому, что Контъ слишкомъ переоцѣнивалъ значеніе общественной организаціи и властнаго авторитета, какъ основъ устойчивой системы жизни людей, и недооцѣнивалъ значенія отдѣльной личности. Вѣдь личность цѣнна въ исторіи именно, какъ главный источникъ творческаго движенія впередъ. Массы являются сравнительно инертнымъ, задерживающимъ элементомъ. Наконецъ, Контъ повторяетъ и ошибку Гегеля: такъ же, какъ у Гегеля, историческое развитіе человѣчества представляется по его схемѣ уже почти законченнымъ; по Гегелю прусская монархія двадцатыхъ годовъ представляется чуть ли не послѣднимъ словомъ человѣческаго прогресса, по Конту позитивизмъ и позитивная религія человѣчества оказывается заключительнымъ звеномъ всего человѣческаго творчества. Въ томъ и другомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: въ чемъ же заключается смыслъ дальнѣйшаго существованія человѣческаго рода, разъ основная задача уже выполнена? Положительное значеніе Конта для исторической науки состоитъ въ томъ, что онъ, подобно нѣмецкимъ романтикамъ, является горячимъ сторонникомъ *принципа преемственности*

²⁾ *Mehlis*. Die Geschichtsphilosophie Aug. Comtes kritisch dargestellt, (1909).

историческаго развитія. Человѣчество всегда опирается на прошлое, глядя въ будущее. Радикальные перевороты въ социальныхъ отношеніяхъ немислимы и такія явленія, какъ возрожденіе, реформація, французская революція, имѣютъ патологическій характеръ. Контъ показываетъ, какъ средне-вѣковый католицизмъ и феодализмъ подготовили современную позитивную эпоху и, будучи противникомъ церковнаго ученія, находятъ однако много цѣннаго въ социальной и политической организаціи среднихъ вѣковъ. Большое значеніе для исторіи имѣетъ также то обстоятельство, что Контъ обратилъ серьезное вниманіе на *взаимную связь и зависимость другъ отъ друга отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни въ каждую данную эпоху*, на ихъ consensus. Онъ показалъ, что для историка необходимо понять цѣлое, если онъ хочетъ понимать части. Политическое, экономическое, интеллектуальное, моральное, эстетическое развитіе другъ друга обусловливаютъ и другъ на друга влияют. Правда, самъ Контъ погрѣшилъ тѣмъ, что въ своихъ собственныхъ построеніяхъ слишкомъ выдвинулъ впередъ только эволюцію интеллекта, которая и легла въ основу его знаменитаго закона трехъ фазисовъ развитія человѣчества.

Позитивизмъ Конта въ значительной степени повліялъ на методологическія воззрѣнія *Джона Стюарта Милля*, который въ своей „Системѣ логики“ (1843 г.) пытается построить и методологію общественныхъ наукъ. При этомъ Милль, подобно Конту, также увлекается принципомъ обобщающаго знанія и, какъ уже было указано (§ 10, I), не придаетъ исторіи самостоятельнаго значенія. Съ Контомъ Милль сходится и въ томъ, что онъ раздѣляетъ вѣру въ законъ трехъ фазисовъ. Но Милль вноситъ и значительныя поправки въ ученіе Конта. Онъ съ извѣстными оговорками является сторонникомъ доктрины *свободы воли* и измѣнчивости человѣческаго характера; онъ утверждаетъ, что въ духовныхъ процессахъ слѣдствія совместно дѣйствующихъ причинъ не бываютъ равны точной суммѣ слѣдствій отдѣльныхъ причинъ и даже не всегда бываютъ однородны съ этими послѣдними; онъ настаиваетъ на неприменимости къ духовнымъ процессамъ точной числовой оцѣнки и вообще *близко подходит къ признанію особой психической причинности*, во многомъ отличающейся отъ физической. Поэтому и закону трехъ фазисовъ

онъ придаетъ лишь то значеніе, что прогрессъ можетъ происходить только въ этомъ порядкѣ; но онъ подчеркиваетъ, что этотъ законъ вовсе не гарантируетъ того, что прогрессъ *действительно будетъ* происходить. Соціальную причинность Милль считаетъ возможнымъ вывести изъ свойствъ людей, составляющихъ общество, и не доходитъ еще до представленія объ особой законѣрности, специально присущей массовымъ процессамъ.

Бокль въ своей незаконченной „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ (1858—1861) также проводитъ ту мысль, что на исторію должны быть распространены принципы и методы естествознанія. Слѣдуетъ заботиться объ обнаруженіи той строгой законѣрности, которая господствуетъ въ историческомъ процессѣ, для чего особое вниманіе надлежитъ обращать на длительныя состоянія и массовые процессы и широко примѣнять статистическіе методы. Вся исторія представляется Боклю, какъ процессъ *взаимодѣйствія между человекомъ и природой*. Слѣдуетъ подвергнуть внимательному изученію вліяніе на человѣка природныхъ условій, каковы климатъ, почва, пища, доставляемая флорой и фауной страны; затѣмъ надлежитъ изучать и процессъ воздѣйствія человѣка на природу. Въ послѣднемъ отношеніи особо важное значеніе имѣетъ *накопленіе знаній*. Умственный прогрессъ и по Боклю есть важнѣйшій факторъ исторіи, наряду съ которымъ, на примѣръ, эволюція нравственности самостоятельнаго значенія не имѣетъ. При всемъ своемъ интеллектуализмѣ Бокль однако очень далекъ отъ того, чтобы представлять исторію, какъ результатъ искусственнаго человѣческаго строительства. Напротивъ, онъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ свободнаго самопроизвольнаго развитія и утверждаетъ, что правительства должны ограничиваться исключительно заботами о поддержаніи внѣшняго порядка и не должны вмѣшиваться во внутреннюю жизнь народовъ. Все творчество исходитъ всегда отъ общества, а самыя цѣнныя реформы со стороны правительства сводятся лишь къ тому, что правительство подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія рѣшается отмѣнить то или иное препятствіе свободному развитію, имъ же самимъ воздвигнутое раньше.

Англійскіе историки по прежнему давали труды, проникнутые весьма реалистическими точками зрѣнія на явленія

общественной и политической жизни. Такимъ характеромъ отличается, напр., 12-томная „Исторія Греціи“ *Джорджа Грота*, появившаяся въ 1846—1856 г.г.

Не могу не упомянуть еще о двухъ писателяхъ, идеи которыхъ касаются важныхъ пунктовъ въ системѣ историческаго міровоззрѣнія.

Во Франціи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ математикъ и философъ *Курно* опубликовалъ рядъ трудовъ, въ которыхъ проводилъ весьма важную для правильнаго пониманія исторіи идею *раздѣленія всѣхъ наукъ на теоретическія*, которыя устанавливають общіе и неизмѣнные законы природы, и *хронологическія или историческія*, которыя только выясняютъ послѣдовательность фактовъ во времени и ихъ взаимную связь, не будучи въ состояніи подвести эту связь подъ какія-либо общія и неизмѣнныя формулы. Къ числу такихъ наукъ принадлежитъ не только исторія человѣческихъ обществъ, но и многія естественныя науки, которыя Курно предлагалъ называть космологическими; такой характеръ имѣютъ астрономія, геологія, физическая географія, изучающія единичные факты природы, приводимые только въ послѣдовательный порядокъ. Ясно, что Курно близко подходилъ къ тому различенію наукъ на индивидуализирующія и генерализирующія, которое въ наше время обосновалъ Риккертъ ¹⁾. Эту классификацію наукъ Курно основывалъ на своей общей концепціи мірозданія; онъ указывалъ на то, что въ мірѣ существуютъ несомнѣнно ирраціональные факторы, которые не поддаются логическому анализу; поэтому при изученіи явленій природы намъ постоянно приходится сталкиваться съ ролью случая, со значеніемъ *чисто-фактическаго* въ противоположность законѣрному. Поэтому и въ наукахъ приходится иногда отводить видное мѣсто этому фактическому элементу, что и придаетъ имъ характеръ историческаго, а не теоретическаго знанія.

Въ Германіи юристъ *Рудольфъ фонъ-Иерингъ* начинаетъ принципиальную борьбу съ идеями германской исторической школы въ юриспруденціи, основанной Савиньи. Иерингъ до-

¹⁾ Впрочемъ, Курно не съ достаточной опредѣленностью говоритъ объ исторіи, какъ *наукѣ*; иногда онъ ее называетъ просто „знаніемъ“, что не мѣшаетъ ему разсуждать о космологическихъ *наукахъ*.

казываетъ, что на понятіи народнаго духа и его самопроизвольнаго раскрытія нельзя строить исторію права, что историческая эволюція вовсе не есть мирный процессъ, но представляетъ собой результатъ *борьбы противоположныхъ интересовъ*. Наряду съ такими факторами, которые не зависятъ отъ воли человѣка, въ исторіи большое значеніе имѣетъ и сознательное вмѣшательство людей въ ходъ событій. Наряду съ національнымъ началомъ видную роль играетъ международное общеніе и заимствованія. Теченіе историческихъ событій не опредѣляется неуловимыми мистическими силами, но стоитъ въ зависимости отъ совершенно реальныхъ факторовъ, допускающихъ строго-научное истолкованіе. Среди этихъ факторовъ видное мѣсто занимаетъ и сила социальнаго принужденія; въ основѣ всего права съ одной стороны лежитъ сознательно поставленная человѣкомъ *цѣль*, съ другой стороны, въ качествѣ средства достиженія этой цѣли, сила принужденія, *власть*.

VII. *Позитивистическое направленіе исторической мысли* является преобладающимъ и въ наше время. Въ этомъ направленіи на развитіе исторической науки въ новѣйшее время дѣйствовало и то обстоятельство, что *историческія событія самой этой эпохи выдвигали впередъ жизненное значеніе многихъ факторовъ исторической дѣйствительности*, на которыя недостаточное вниманіе было обращено идеологическими построеніями прежней исторіографіи. Уже *революція 1848 года* наглядно показала историкамъ, какое значеніе имѣютъ въ исторіи народныя массы, и, вмѣсто туманнаго „народнаго духа“ или „общихъ идей“, будто бы направляющихъ теченіе историческихъ событій, выдвинула реальныя потребности этихъ массъ, прежде всего экономическія. Въ томъ же направленіи дѣйствовало развитіе рабочаго движенія въ послѣдующіе годы, зарожденіе социаль-демократической партіи, разработка фабричнаго законодательства. *Война 1870 года* обратила всеобщее вниманіе на значеніе военной силы и военной организаціи, которое слишкомъ недооцѣнивалось либеральной исторіографіей первой половины столѣтія, односторонне выдвигавшей впередъ чисто-парламентскую и дипломатическую исторію. Въ самые послѣдніе годы прошлаго столѣтія и въ началѣ XX вѣка историкамъ пришлось считаться съ тѣмъ, что современная общественная жизнь все больше

и больше принимаетъ характеръ *всемирно-историческій*; дѣятельное участіе въ политикѣ культурныхъ народовъ начинаютъ принимать внѣевропейскія страны, въ родѣ Сѣверной Америки, Японіи, Китая; сами европейскія страны придаютъ очень большое значеніе своей колониальной политикѣ. Это обстоятельство оживило и въ исторіографіи интересъ къ судьбамъ внѣевропейскихъ странъ и къ этнографическимъ изслѣдованіямъ. Понятно поэтому, что въ наше время *исторія приняла ярко-реалистическій характеръ*. Мысль историковъ направлена, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы вскрыть основныя факторы историческаго процесса и составить себѣ представленіе о томъ механизмѣ, которымъ управляется исторія и который можетъ быть сдѣланъ предметомъ вполнѣ научнаго, точнаго изслѣдованія. При этомъ мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ несогласныхъ другъ съ другомъ направленій, разница между которыми опредѣляется тѣмъ, какому фактору стараются придать преобладающее значеніе и какой колоритъ приписываютъ исторической причинности въ ея основныхъ чертахъ. Разногласія касаются и вопроса о томъ, можно ли признавать исторію за индивидуализирующую науку.

Споры возникаютъ, во-первыхъ, на той почвѣ, что еще не установилось окончательнаго и всеми принятаго взгляда на общій характеръ исторической причинности. Ученіе Вундта о творческой психической причинности и его взглядъ на исторію, какъ науку о духѣ, до сихъ поръ не является еще общепринятымъ. Поэтому, съ одной стороны, все еще продолжаются попытки втиснуть исторію въ неподходящія для нея рамки однозначной физической причинности, съ другой же стороны, предлагается ученіе объ особой однократной исторической причинности, въ родѣ извѣстной уже намъ схемы Риккерта.

Далѣе, разногласія происходятъ на той почвѣ, что многіе ученые хотѣли бы изъ всего разнообразія факторовъ, дѣйствующихъ въ исторіи, выдѣлить какой-нибудь одинъ, который и считался бы *основнымъ факторомъ* историческаго процесса. Такъ возникаютъ одностороннія историческія теоріи. Сюда относится *экономическій материализмъ*, о которомъ у насъ будетъ рѣчь особо (§ 20). Эта теорія въ основу всей исторіи пытается положить экономическій факторъ, исходя изъ навѣянной отчасти Гегелевской философіей мысли о самостоя-

тельномъ діалектическомъ развитіи хозяйственныхъ отношений, надъ которыми всё остальные стороны общественнаго быта составляютъ самостоятельную идеологическую надстройку. Сюда же относится *біологическій матеріализмъ*, который пытается объяснить историческую эволюцію перенесениемъ въ эту область принциповъ Дарвинизма, каковы идея борьбы за существованіе и естественнаго отбора. При этомъ упускается изъ вида, во-первыхъ, что и въ біологіи эти принципы далеко не являются общепризнанными (§ 16), во-вторыхъ, что въ соціальныхъ отношеніяхъ между людьми, какъ это будетъ показано ниже (§ 17, III), всё эти факторы существенно мѣняютъ свой характеръ сравнительно съ ихъ дѣйствіемъ въ мірѣ животныхъ. Наконецъ, въ эту же категорію падаютъ такіа теоріи, какъ *географическій детерминизмъ*, иногда доходящій до утвержденія, что вся исторія цѣликомъ опредѣляется факторами внѣшней природы (ниже § 15), какъ разнаго рода *расовыя* теоріи (§ 16, III), какъ схема *Лампректа*, которая пытается историческую эволюцію свести къ опредѣленнымъ *періодамъ психическаго роста народовъ*, построеннымъ по аналогіи съ возрастными періодами чловѣка (см. ниже § 19).

Наконецъ, до сихъ поръ далеко не всё историки усвоили себѣ *идею Риккертта объ исторіи, какъ наукъ индивидуализирующей*. Не придавая самостоятельной цѣнности знанію индивидуальнаго, нѣкоторые ученые въ большей или меньшей степени пытаются придать исторіи характеръ науки, стремящейся къ установленію обобщающихъ выводовъ, а не изучающей отдѣльныя неповторяющіяся событія во всей ихъ конкретной сложности. Отсюда происходитъ чрезмѣрное увлеченіе изученіемъ длительныхъ *состояній* въ ущербъ кратковременнымъ событіямъ и чрезмѣрное вниманіе къ *массовымъ процессамъ* въ ущербъ роли отдѣльныхъ выдающихся личностей. Въ длительныхъ состояніяхъ и массовыхъ процессахъ, дѣйствительно, можно вскрыть больше типическихъ и сравнительно устойчивыхъ чертъ и это установленіе *историческихъ типовъ* создаетъ иллюзію чего-то подобнаго неизмѣннымъ законамъ природы. Не слѣдуетъ забывать, однако, что типы не суть законы и ихъ установленіе вовсе не значитъ, что историкъ начинаетъ заниматься открытіемъ общихъ законовъ явленій. Это будетъ разъяснено полнѣе ниже (§ 21, II).

Съ другой же стороны, увлеченіе состояніями и массовыми процессами съ такой односторонностью приводитъ къ тому, что историческій процесс слишкомъ упрощается и нѣкоторые важные его факторы оставляются безъ должнаго вниманія. Событія, хотя бы и кратковременныя, вовсе не лишены своей закономѣрности, которая заслуживаетъ изученія, и оставляютъ часто неизгладимые слѣды въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи, а великіе люди не могутъ быть устранены изъ исторіи безъ ущерба для правильности историческаго построенія. Эти мысли также будутъ подробно обоснованы ниже (§ 18). По моему мнѣнію, исторія не пойдетъ въ своемъ развитіи въ такихъ одностороннихъ направленіяхъ и не сведется къ одной археологіи и статистикѣ, какъ это думаютъ мыслители, въ родѣ *Тарда* ¹⁾. Подобныя попытки приводятъ лишь къ тому, что стирается грань между соціологіей и историческими науками.

Къ этому результату прямо и приходятъ нѣкоторые современные ученые. Напримѣръ, *Лакомбъ*, ²⁾ утверждаетъ, что наука вообще можетъ заниматься только обобщеніями; поэтому ея предметомъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть единичныя событія. Только исторія, какъ искусство, можетъ заниматься художественнымъ изображеніемъ отдѣльныхъ событий и персонажей. Исторія же, какъ наука, имѣетъ дѣло лишь съ учрежденіями, т.-е. событіями, имѣвшими успѣхъ, и съ тѣми событіями, которыя обусловили собой возникновеніе учреждений. На этомъ основаніи *Лакомбъ считаетъ возможнымъ замѣнить имя исторіи названіемъ соціологіи* и не дѣлаетъ этого лишь потому, что соціологи вообще спеціализировались на изученіи дикихъ народовъ, а не культурныхъ, и книга, названная „соціологіей“, могла бы пройти незамѣченной историками, занимающимися изученіемъ цивилизованныхъ народовъ. Между тѣмъ именно для нихъ авторъ предназначалъ свой трудъ. Всё такіа констатации, мнѣ кажется, покоются на недоразумѣніи и, несомнѣнно, идутъ только въ ущербъ правильно проведенному раздѣленію труда въ наукѣ. Совершенно нѣтъ нужды обра-

¹⁾ *Тардъ*, Законы подражанія, гл. IV.

²⁾ *Lacombe*, De l'histoire considérée comme science. 1894. *Лакомбъ*, Соціологическія основы исторіи. 1895.

щать историю в социологию, а социологию—в историю. История всегда останется знанием об индивидуальном и непостоянном, вторяющемся. Неправильная постановка вопроса только вредно отражается на выполнении поставляемых исторических задач и труды социологизирующих историков страдают существенными недостатками именно вследствие неправильных их представлений о своих целях¹⁾. История и социология должны помогать друг другу и взаимно пополнять друг друга и нет никакого основания устранять то различие между ними, которое определено проводится самим существом дела. Социологу для его обобщающей работы приходится пользоваться своими собственными приемами и методами, которые ничего общего не имеют с специально историческим методом критики источников и реконструкции исторических фактов.

В некоторой связи с этим преимуществом выношением современных ученых к истории состояний и материальных процессов стоит и известное перемещение центра тяжести в выбор исторических источников, подлежащих разработке. Уже в 1817 г. появилась работа Бёка (Воеводин) о „Государственном хозяйстве афинян“, основанная преимущественно на изучении надписей. Моммзен (1817—1903) в своих трудах по римской истории на первый план выдвинул тот материал, который дают историку юридические учреждения и разного рода остатки (прежде всего надписи); этому материалу он придавал гораздо большую

¹⁾ См. об этом направлении Лаппо-Данилевский, *Методология истории*, I (1900), 68—177. В русской литературе такое сближение истории с социологией (или этнологией) защищает проф. Виппер, *Очерки теории исторического познания*. (1911). Д. М. Петрушевский „Къ вопросу о логическом стиле исторической науки“ (1916 г.) утверждает, что история, как и всякая вообще наука, есть в одно и то же время наука об общем и об индивидуальном; только становясь социологией, историческая наука станет на вполне твердую почву и как наука об индивидуальном; свои общие понятия история должна вырабатывать в своей собственной лаборатории, а не случайно брать их со стороны. Я с этим согласиться не могу: методы историка и социолога настолько различны, что научное разделение труда между историей и социологией необходимо; если историк будет брать общие понятия, ему необходимые, у социолога, то такое заимствование вовсе не будет „случайным“; берут же историк необходимые им экономические понятия у экономистов, не вырабатывая их в своей лаборатории.

ценность, чем повествовательным источникам. И эта тенденция все больше и больше усиливается в новейшей историографии. Литературные источники отступают на второй план; зато в усиленной степени начинают пользоваться всякого рода надписями, актами, документами, счетными книгами и т. п. Большое значение получает применение статистического метода. Усиленно начинают заниматься археологическими изысканиями и раскопками. Раскопки Плимана открыли целый период ранней греческой истории. Раскопки в Египте дали много интересного культурно-исторического и литературного материала в найденных рукописях на папирусе.

Соответственно с этим меняется и стиль историков; вместо погони за художественностью исторического рассказа, выдвигается вперед стремление к научной точности изложения. Исторические изыскания по своему стилю начинают приближаться к сочинениям по точным наукам. Сама по себе эта тенденция, конечно, только может быть приветствуема; она означает собою, что история, наконец, вполне перестает быть „по преимуществу ораторским произведением“, выражаясь словами Цицерона, превращается в настоящую науку. Но и в этом отношении дело не обходится без крайностей; в истории, именно как в науке об индивидуальном, эстетические приемы, с должными ограничениями, могут найти себе применение и от этого исторический труд может только выиграть (см. ниже § 13, III).

§ 12. Разделение исторических наук. История политическая и культурная. История литературы.

I. В начале нашего курса история определена, как наука, изучающая минувшие события и состояния в жизни людей, как социальных существ. Это определение показывает, что область ведения исторической науки чрезвычайно велика. Характерным для истории является ее индивидуализирующий метод. Применением этого метода история отличается от других общественных наук, которые ставят своей задачей получение обобщений по вопросам общественной жизни, каковы общая социология, филология,

политическая экономія, теорія права и т. п. Но затѣмъ въ вѣдѣнію исторіи подлежить, только въ иномъ разрѣзѣ, весь тотъ матеріалъ, который изучается обобщающими науками объ обществѣ. Поэтому, исторія въ наше время представляетъ собой, въ сущности, не одну науку, но *цѣлый рядъ научныхъ дисциплинъ*, которыя всѣ можно объединить именемъ *историческихъ наукъ* ¹⁾. Столь широкое установленіе круга вѣдѣнія исторіи произошло, впрочемъ, въ сравнительно недавнее время, такъ какъ и самая исторія, въ качествѣ самостоятельной генетической науки, есть дисциплина молодая, а потому *классификація отдельныхъ ветвей исторіи*, отдельныхъ историческихъ наукъ до сихъ поръ представляетъ собой почти сплошь предметъ споровъ и далеко еще не установлена сколько-нибудь прочно и удовлетворительно.

Долгое время предметомъ историческихъ изслѣдованій являлось почти исключительно *государство и его отношенія къ другимъ государствамъ*. Интересы историковъ концентрировались преимущественно около дипломатическихъ сношеній и военныхъ столкновеній государствъ. По мѣрѣ углубленія изслѣдованія вниманіе стало обращаться и на другія стороны государственной жизни. Постепенно выяснялось, что исторія государствъ не можетъ быть правильно понята, если историкъ не проникнетъ глубоко въ состояніе жизни внутри государства въ разныхъ направленіяхъ. Государственные финансы являются первостепеннымъ факторомъ при опредѣленіи военной мощи государства, а сами они зависятъ отъ состоянія экономической жизни, послѣдняя же въ значительной степени опредѣляется уровнемъ интеллектуальной и моральной культуры. Такимъ образомъ, въ интересахъ чисто политической исторіи приходилось привлекать къ разработкѣ и эти стороны общественной жизни. Навстрѣчу этой тенденціи, намѣчавшейся въ политической исторіи, шли *спеціальныя потребности отдельныхъ общественныхъ наукъ*. Юристу, экономисту, филологу, специалисту въ области литературы или философіи необходимо было располагать историческими

¹⁾ Ср. къ дальнѣйшему *Bernheim*, Lehrbuch d. hist. Methode, гл. I, § 3. *Сеньобосъ*, Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ (1902 г.) *Ланно-Данилевскій*, Методологія исторіи, вып. I (1910), 69—91. *Wundt*, Logik, III, 357 сл. *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, I, 1 (3-е изд. 1910), §§ 108—110.

данными, касающимися ихъ спеціальностей. Начали появляться сборники такихъ данныхъ, изъ которыхъ понемногу стали развиваться такія науки, какъ исторія хозяйственнаго быта и экономическихъ ученій, исторія права, исторія языка, исторія письменности и литературы, исторія философіи, религій, науки. Конечно, эти спеціальныя исторіи, долго находившіяся исключительно въ вѣдѣніи представителей соответственныхъ обобщающихъ наукъ, а не историковъ, отличались по своему характеру отъ трудовъ, принадлежащихъ общими историкамъ. Авторы ихъ имѣли въ виду обыкновенно не столько установленіе закономерной эволюціи въ предѣлахъ поставленныхъ рамокъ изслѣдованія, сколько составленіе справочниковъ, которые могли бы пригодиться при разрѣшеніи спеціальныхъ задачъ соответственной обобщающей научной дисциплины. Такъ, труды по исторіи права изобиловали подробностями, не представляющими большого интереса при изученіи общей эволюціи народной жизни, но зато часто не давали никакого представленія о внутренней причинной связи событій и ограничивались сухимъ хронологическимъ перечнемъ фактовъ. Тѣ приемы критики источниковъ, которые были уже выработаны специалистами-историками, почти не давали себя чувствовать въ исторіи права и то, что давно уже было отвергнуто въ общей исторіи, какъ доказанный вымыселъ, продолжало преподноситься въ исторіи права, какъ вполне достовѣрный фактъ. Такъ дѣло обстояло еще въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія, когда, на примѣръ, авторы учебниковъ и монографій по исторіи римскаго права вполне серьезно рассуждали о законодательствѣ римскихъ царей, не подозревая, что историческая критика уже давно разоблачила полную недостовѣрность римской традиціи въ этомъ отношеніи ¹⁾. Точно также и нѣкоторые представители исторіи русскаго права съ полнымъ довѣріемъ продолжали относиться къ лѣтописнымъ рассказамъ о призваніи варяговъ и т. п. При такомъ разобщеніи спеціальныхъ отраслей исторіи съ общей исторіей трудно было ожидать, чтобы въ спеціальныхъ исторіяхъ вскрывалась причинная связь событій: дѣло въ томъ, что эту связь обыкновенно нельзя прослѣдить исклю-

¹⁾ См. объ этомъ мою статью въ „Философскомъ Сборникѣ“ Л. М. Лопатину (1912 г.), стр. 62 сл.

чительно на томъ ограниченномъ матеріалѣ, которымъ пользовался историкъ права, историкъ философіи или историкъ литературы. Для ея установленія необходимо было принимать во вниманіе всю эволюцію народной жизни; иначе даже крупныя перемѣны, напримѣръ, въ состояннн права легко могли представляться дѣломъ исключительно произвола того или иного законодателя, а переворотъ въ характерѣ философіи, литературы или искусства могъ казаться какой-то случайной катастрофой или же объясняться дѣйствіемъ какихъ-то мистическихъ силъ, въ родѣ духа времени или діалектическаго развитія идей и т. д.

Навсегда дѣло не могло оставаться въ такомъ положеннн. По мѣрѣ развитія исторіи, какъ самостоятельной генетической науки, *общая исторія и исторія спеціальная начали сближаться*. Общимъ историкамъ все въ большей мѣрѣ приходилось привлекать къ своимъ изслѣдованіямъ матеріалъ спеціальныхъ исторій, а представителямъ спеціальной исторіи — проникаться духомъ и пріемами изслѣдованія общихъ историковъ. Дѣло дошло до того, что въ общей исторіи стало намѣчаться *контрастное теченіе* сравнительно съ прежнимъ положеніемъ этой науки. Если прежде главнымъ и почти исключительнымъ предметомъ изслѣдованія историка являлось государство, жизнь котораго прослѣживалась преимущественно со стороны важныхъ событій его внѣшней, а затѣмъ и внутренней эволюціи, то теперь, напротивъ, нѣкоторые представители исторической науки объявили почти исключительно заслуживающимъ научнаго изслѣдованія предметомъ такъ называемую *культурную исторію*. Предметомъ этой культурной исторіи являются не отдѣльныя кратковременныя событія въ политической жизни государствъ, но длительныя состоянія народной жизни, какъ состоянія народнаго хозяйства, правовъ и права, интеллектуальной культуры, вѣрованій, литературы и т. п. Если прежняя политическая исторія преимущественно сосредоточивала свое вниманіе на отдѣльныхъ крупныхъ дѣятеляхъ исторіи, то новая культурная исторія главное вниманіе обращаетъ на жизнь народныхъ массъ, на установленіе историческихъ типовъ и среднихъ величинъ и широко пользуется статистическимъ методомъ. Иногда только эти предметы признаются достойными научнаго изученія, а вся такъ называемая по-

литическая исторія объявляется чуть ли не сплошнымъ недоразумѣніемъ.

Конечно, такая точка зрѣнія неправильна. Только что приведенный взглядъ самъ является результатомъ недоразумѣнн, проистекающаго, какъ было указано въ концѣ предыдущаго параграфа, оттого, что многіе историки до сихъ поръ не уяснили себѣ, что исторія есть наука индивидуализирующая, а не обобщающая, что тѣ типы и среднія величины, которыя устанавливаются историкомъ при изученн массовыхъ состояній, все-таки не представляютъ собой какихъ-либо общихъ законовъ, но являются только однимъ изъ средствъ разобраться въ той же подавляющей своимъ многообразіемъ дѣйствительности индивидуальныхъ фактовъ, что, наконецъ, отдѣльныя событія и дѣйствія нѣкоторыхъ выдающихся по своимъ свойствамъ или своему положенію въ обществѣ личностей имѣютъ для исторіи не меньшее значеніе, чѣмъ длительныя состоянія и массовые процессы. Съ другой стороны, представители подобныхъ взглядовъ не замѣчаютъ, что и въ такъ называемой культурной исторіи вовсе не приходится имѣть дѣло только съ массами и длительными состояніями; и въ исторіи права, и въ исторіи экономическихъ отношеній, а еще болѣе въ исторіи искусства, литературы, науки и философіи мы имѣемъ дѣло и съ великими людьми и съ дѣйствіемъ отдѣльныхъ событій. Однимъ словомъ, приходится признать, что историкъ, изучающій состояніе народнаго хозяйства въ Россіи пятидесятихъ годовъ выполняетъ, въ сущности, ту же работу, которую совершаетъ историкъ, изслѣдующій событія крымской кампаніи или даже одной обороны Севастополя. Я полагаю, что *и политическая, и культурная исторіи являются совершенно равноправными вѣтвями исторической науки*. Они другъ друга пополняютъ и одинаково необходимы при изученн минувшихъ судебъ жизни людей, какъ социальныхъ существъ. Въ интересахъ методологіи слѣдуетъ позаботиться только о болѣе точномъ опредѣленн задачъ и областей разныхъ вѣтвей историческаго знанія.

II. Мнѣ кажется, что исторически сложившееся дѣленіе исторіи на политическую и культурную можетъ быть удержано съ пользой для дѣла, если только условиться о точномъ смыслѣ этихъ понятій. Последняя задача, конечно не,

такъ проста, въ виду того, что названіе „культурная исторія“ чрезвычайно широко и въ сущности въ него можетъ быть уложено все содержаніе историческихъ наукъ, особенно, если согласиться съ Риккертомъ, что исторія работаетъ методомъ отнесенія къ цѣнностямъ и помнить при этомъ, что подъ цѣнностями именно и разумѣются всѣ культурныя завоеванія. Вѣдь подъ культурой вообще слѣдуетъ разумѣть понятіе, составляющее антитезу съ натурой; культуру въ широкомъ смыслѣ слова составляетъ все то, что создано дѣятельностью человѣка, въ отличіе отъ того, что явилось въ результатѣ дѣйствія законовъ природы безъ участія человѣческаго творчества. Но понятіе культура допускаетъ и суженіе. Вѣдь противопологаются же другъ другу, напримѣръ, такія понятія, какъ культура съ одной стороны, цивилизація, съ другой. Въ этомъ случаѣ слово культура получаетъ значеніе лишь той дѣятельности человѣка, которая направлена на овладѣніе внѣшнимъ физическимъ міромъ, тогда какъ именованъ цивилизаціи покрывается все то, что сдѣлано человекомъ въ смыслѣ господства надъ своей собственной духовной природой и надъ общественными порядками. Въ выраженіи же культурная исторія понятіе культуры приобрѣтаетъ еще новый смыслъ. Вотъ въ какомъ видѣ представляется мнѣ разграниченіе между исторіей политической и культурной.

Всякая исторія имѣетъ въ виду событія и состоянія изъ жизни людей, какъ соціальныхъ существъ. Всякая исторія имѣетъ дѣло, слѣдовательно, съ общественными процессами. Но исторія политическая и культурная берутъ ихъ въ различныхъ разрѣзахъ. Политическая исторія сосредоточиваетъ свое главное вниманіе на томъ видѣ общественныхъ союзовъ, который именуется государствомъ, т. е. отличается самостоятельной и принудительной организаціей сплачивающей его въ одно цѣлое верховной власти. Исторія государства и исторія взаимныхъ отношеній государствъ между собою и составляютъ тему политической исторіи. Такое выдѣленіе государственнаго союза въ предметъ спеціальнаго разсмотрѣнія имѣетъ свое оправданіе. Государство дѣйствительно занимаетъ центральное мѣсто въ общественной жизни человѣчества и около него группируется вся остальная общественная дѣятельность. Безъ государства у насъ не было

бы прежде всего элементарной безопасности ни извнѣ, ни внутри общегитія; а затѣмъ современное государство развиваетъ самую обширную и разностороннюю дѣятельность во всѣхъ областяхъ благосостоянія какъ матеріальнаго, такъ и духовнаго. Вотъ почему политическая исторія раньше всѣхъ другихъ отраслей общественной жизни приковала къ себѣ вниманіе людей и сдѣлалась предметомъ разработки; вотъ почему она и теперь играетъ центральную роль и получаетъ характеръ общей исторіи, къ которой главнымъ образомъ и пристраивается изслѣдованіе общей закономерности жизни народовъ.

Но государство все-таки не исчерпываетъ собой всей общественной жизни. Въ государствѣ и рядомъ съ нимъ существуетъ масса общественныхъ организацій, которыя находятся въ той или иной зависимости отъ государства, но все-таки въ немъ не растворяются и часто ставятъ себѣ задачи, далеко выходящія за предѣлы отдѣльныхъ государствъ и соединяющія людей въ самыхъ различныхъ государствахъ. Вспомнимъ хотя бы всю область экономической жизни, междунаrodnаго оборота, вселенскія церкви или междунаrodnыя организаціи ученыхъ, литераторовъ и т. п. Исторія должна взять на себя обслѣдованіе и той общественно-культурной дѣятельности людей, которая падаетъ въ эту область. 1) Изученіе общественно-культурной жизни помимо государственнаго союза и составляетъ область „культурной“ исторіи, причемъ, конечно, выраженіе „помимо“ слѣдуетъ понимать не въ абсолютномъ смыслѣ, а въ смыслѣ относительной самостоятельности дѣйствій. Мы вѣдь постоянно употребляемъ эту антитезу: общества и государства; вотъ изъ этой-то антитезы вытекаетъ противоположность исторіи политической и культурной.

1) „Паденіе Римской Имперіи, перемѣна династій, тѣмъ болѣе поступки того или другого монарха, пишутъ одинъ изъ энтузіастовъ культурной исторіи, во сто разъ менѣ отразились на социальномъ состояніи ихъ времени, чѣмъ эволюція сельская, индустриальная или финансовая. Отмѣна крѣпостничества, изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія, изобрѣтеніе книгопечатанія, пониженіе таксы процентовъ въ XVI вѣкѣ, возрастаніе населенія въ XVIII и созданіе искусственныхъ луговъ имѣли для различныхъ классовъ населенія результаты неизмѣримо болѣе серьезные и болѣе достойные вниманія, чѣмъ всѣ споры и событія въ жизни сувереновъ и окружающихъ ихъ людей, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ отношеніи“.

V—te d. Avenel, Découvertes d'histoire sociale (1910), стр. 288.

Такъ какъ политическая исторія по вышеуказаннымъ причинамъ и соображеніямъ взяла на себя роль общей исторіи, то культурная исторія по необходимости *дробится на отдѣльныя дисциплины*, смотря по родамъ изучаемой ею общественно-культурной дѣятельности. Такъ получаемъ мы исторію экономическаго быта, исторію нравовъ и права, исторію политическихъ ученій, исторію экономическихъ доктринъ, исторію философіи, исторію искусства, исторію литературы, исторію религіи, исторію церкви, исторію матеріальной культуры и техники, исторію игръ, исторію карикатуры и т. п. Нѣтъ никакой возможности перечислить всѣ эти отдѣльныя области, тѣмъ болѣе, что дѣленія здѣсь окончательно не установились и возможно скрещиваніе самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ помнить, что все дѣленіе исторіи на политическую и культурную важно исключительно въ смыслѣ научнаго раздѣленія труда: область исторіи такъ расширилась, что вся не можетъ быть охвачена силами никакого лица. Поэтому политическая исторія никоимъ образомъ не должна терять своей связи съ культурной, а культурная — съ политической. Послѣднее особенно важно, такъ какъ представители отдѣльныхъ, специальныхъ вѣтвей исторіи культурной, будучи связаны по характеру своихъ темъ еще съ какой нибудь обобщающей наукой, часто бываютъ склонны, какъ это было указано выше, игнорировать приемы изслѣдованія и выводы политической или общей исторіи. Отъ этого ихъ работы несомнѣнно чрезвычайно страдаютъ и ихъ научная цѣнность очень умаляется. Изъ этого, конечно, я не дѣлаю того вывода, что работа въ этихъ специальныхъ областяхъ исторіи должна также перейти въ руки общихъ историковъ. Напротивъ, я думаю, что участіе въ историческихъ изысканіяхъ юристовъ, экономистовъ, филологовъ, философовъ и т. п. можетъ быть только полезно для исторической науки. Всѣ эти лица должны только помнить, что, если они приступаютъ къ обработкѣ историческихъ темъ, то должны поучиться исторической методологіи и познакомиться съ выводами общей исторіи.

III. Я хочу остановиться болѣе подробно только на одной специальной области культурной исторіи въ виду того, что о ея характерѣ происходятъ довольно запутанные споры. Я имѣю въ виду *исторію литературы*. Въ области этой науки

се является до сихъ поръ спорнымъ: не выясненъ окончательно ни матеріаль, который здѣсь подлежитъ изслѣдованію, ни цѣли, которыя должно себѣ ставить это изслѣдованіе ¹⁾. Какъ увидимъ, оба эти вопроса тѣсно между собою связаны.

Матеріаломъ, который подлежитъ изслѣдованію, является, очевидно, *литература*. Но что слѣдуетъ разумѣть въ данномъ случаѣ подъ литературой? Уже этотъ вопросъ вызываетъ серьезныя разногласія. Одни склонны понимать литературу въ смыслѣ *письменности вообще*; съ этой точки зрѣнія литературу составляютъ всѣ тѣ продукты человѣческаго творчества, которые облечены въ форму записаннаго слова. При такой концепціи подъ понятіе литературы подойдетъ не только поэзія и вообще т. наз. изящная литература, но и научныя, публицистическія, философскія, религіозныя произведенія и даже газетныя объявленія. Въ такомъ случаѣ область исторіи литературы безнадежно расширится и трудно будетъ провести уловимыя грани между этой наукой и такими, какъ исторія науки, исторія философіи, исторія политической мысли. Сверхъ того, въ исторію литературы тогда не войдетъ устная народная словесность, которая, однако, тѣсно соприкасается съ обычными предметами вѣдѣнія исторіи литературы.

Другіе понимаютъ предметъ исторіи литературы гораздо уже. Они считаютъ предметомъ изученія этой науки литературу, какъ особый видъ искусства, *какъ искусство слова*. Въ такомъ случаѣ подъ понятіе литературы подойдетъ только тотъ матеріаль произведеній слова, который стоитъ въ связи съ эстетическимъ творчествомъ и эстетическимъ наслажденіемъ. Только такъ наз. *изящная литература* будетъ предметомъ разсмотрѣнія интересующей насъ отрасли исторіи, т. е. только тѣ произведенія слова, которыя создаются съ

¹⁾ См. обширную сводку разныхъ мнѣній въ книгѣ проф. *Перетца*. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы (1914 г.), 1—221. Ср. также *Лансонъ*. Методъ въ исторіи литературы (пер. Гершензона, 1911 г.), *Lacombe*, Introduction à l'histoire littéraire (1898). *Brunetiere*. L'évolution des genres dans l'histoire de la littérature. *Карпеевъ*. Литературная эволюція на Западѣ. 1886. Обзоръ исторической эволюціи исторіи литературы даетъ проф. *Архангельскій*, Введеніе въ исторію русской литературы, т. I (1916 г.) 1—112.

цѣлью произвести эстетическое впечатлѣніе ¹⁾. Эта цѣль можетъ не быть единственной цѣлью произведенія; оно можетъ служить при этомъ и для цѣлей поученія или даже рекламы, но эстетическій элементъ долженъ составлять его существенную часть. При этомъ подъ эстетическимъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ понимать такое, которое доставляетъ намъ наслажденіе свободной игрой чувства, не связаннаго какими-нибудь практическими задачами и интересами. Незаинтересованность воспріятія, его изолированность отъ практической жизни составляетъ основной элементъ эстетическаго наслажденія. Въ подробности разсмотрѣнія вопроса о сущности эстетическаго, который также составляетъ предметъ самыхъ серьезныхъ споровъ въ наукѣ, въ данномъ мѣстѣ, конечно, углубляться нельзя. Я хочу намѣтить только самыя основныя точки зрѣнія, набросать эскизъ правильнаго съ моей точки зрѣнія рѣшенія вопроса о сущности исторіи литературы.

Этотъ спорный вопросъ о матеріалѣ и области историко-литературныхъ изслѣдованій, какъ мнѣ кажется, можетъ быть разрѣшенъ только въ тѣсной связи съ другимъ вопросомъ, а именно, съ вопросомъ о *цѣляхъ исторіи литературы*. Въ этомъ отношеніи воззрѣнія расходятся еще сильнѣе. Одни ставятъ исторіи литературы задачу познакомить насъ съ извѣстными содержаніями жизни, лежащими *внѣ эстетическихъ точекъ зрѣнія*. При этомъ и въ этихъ предѣлахъ намѣчаются новыя разногласія. Объ исторіи литературы иногда говорятъ вообще, какъ объ исторіи идей; другіе вмѣсто этого подставляютъ понятіе исторіи идеаловъ; третьи хотятъ видѣть въ исторіи литературы отображеніе духовной жизни вообще или общественной мысли; нѣкоторые, наконецъ, находятъ возможнымъ прямо отождествлять исторію литературы съ исторіей общественной жизни, полагая, что послѣдняя сполна и адекватно отражается въ эволюціи литературы. Другая группа ученыхъ концентрируетъ задачи исторіи литературы *вокругъ понятія эстетическаго творчества*. Но и здѣсь въ подробностяхъ и въ формулировкѣ задачъ взгляды расходятся. Одни склонны видѣть въ исторіи литературы изслѣдованіе эволюціи формъ искусства слова, другіе при-

даютъ больше значенія внѣ эстетическимъ вліяніямъ изящной литературы, которая, конечно, не только производитъ на людей въ той или иной степени эстетическое впечатлѣніе, но также возбуждаетъ ихъ мысль въ разныхъ направленіяхъ и заставляетъ работать чувство и волю. Эволюцію искусства слова можно прослѣживать какъ съ точки зрѣнія художественнаго творчества, такъ и съ точки зрѣнія художественнаго воспріятія; здѣсь интересъ представляютъ какъ приемы творцовъ эстетическихъ произведеній, такъ и то впечатлѣніе, которое эти произведенія оказываютъ на публику, а также и состояніе вкусовъ этой публики и причины его измѣненія.

Мнѣ кажется, что единственно приемлемымъ является то направленіе, которое въ основу кладетъ *эстетическій характеръ предмета изученія исторіи литературы*. Только ставъ на эту точку зрѣнія, можемъ мы получить науку съ совершенно опредѣленнымъ матеріаломъ и отчетливыми задачами изслѣдованія. Въ частности, прежде всего надлежитъ отвергнуть тотъ взглядъ, который усматриваетъ въ исторіи литературы нѣчто совпадающее съ *исторіей общественной жизни*. Дѣло въ томъ, что литература вовсе не всегда ставитъ себѣ задачей передавать общественную жизнь, какъ она есть, и менѣе всего это свойственно именно литературѣ изящной, художественной. Произведенія изящной литературы далеко не всегда имѣютъ реалистическій характеръ, но часто, напротивъ, выбираютъ для себя совершенно фантастическіе сюжеты, при помощи которыхъ иногда даже легче достигнуть эстетическаго эффекта. И публика въ изящной литературѣ далеко не всегда ищетъ изображенія реальной жизни; напротивъ, часто въ произведеніяхъ литературы люди хотятъ найти отдохновеніе отъ утомившей ихъ дѣйствительности съ ея практическими заботами и интересами, не только временными и преходящими, но даже и вѣчными, каковы, на примѣръ, интересы моральные. Если даже изложеніе по внѣшнимъ приемамъ кажется вполне реалистичнымъ, то на самомъ дѣлѣ оно все-таки можетъ изображать жизнь не такъ, какъ она есть, а такой, на примѣръ, какой мы желали бы ее видѣть, т. е. строить свои изображенія въ свѣтѣ извѣстныхъ идеаловъ или даже мечтаній. Можно брать поэтому произведенія изящной литературы въ этихъ случаяхъ, какъ одинъ изъ источниковъ, на основаніи которыхъ мы можемъ изучать

¹⁾ Въ послѣдующемъ при выясненіи эстетическихъ понятій я слѣдую, главнымъ образомъ, выводамъ *Гамана*. Эстетика (пер. Самсонова, 1913 г.).

исторію общества, такъ какъ въ этихъ произведеніяхъ отражаются вкусы авторовъ, а ихъ успѣхъ опредѣляется вкусами общества, но нельзя видѣть въ самой литературѣ исторію общественной жизни и обращать исторію литературы въ исторію этой жизни. Когда мы используемъ литературу въ качествѣ одного изъ источниковъ изученія общественныхъ вкусовъ, то мы не занимаемся уже исторіей литературы.

Равнымъ образомъ, едва ли правильно видѣть въ исторіи литературы *исторію идей или исторію идеаловъ*. Литература, особенно изящная, далеко не всегда имѣетъ задачей передавать намъ идеи; лирика, на примѣръ, скорѣе предназначена для возбужденія настроенія, для дѣйствія на жизнь чувства, чѣмъ для передачи идей. Что же касается идеаловъ, то такъ называются тѣ идеи, которыя получили практическую силу; стали руководящими принципами поведения. Исторія литературы, понимаемая въ смыслѣ исторіи идеаловъ, слилась бы съ исторіей философіи, политическихъ ученій, религіозныхъ убѣжденій; съ другой стороны, она не охватила бы тѣхъ художественныхъ произведеній, авторы которыхъ далеки были отъ мысли о какихъ нибудь идеалахъ и просто занимались изображеніемъ своихъ фантазій или окружающей дѣйствительности съ цѣлью произвести эстетическое впечатлѣніе.

Совершенно не годятся и такія опредѣленія исторіи литературы, которыя вкладываютъ въ эту дисциплину *элементъ моральный или политическій*. Высказывалось мнѣніе, что назначеніе литературы состоитъ въ служеніи нравственной идеѣ; въ такомъ случаѣ и исторія литературы превращается въ разновидность исторіи этическихъ ученій или исторіи нравовъ; публицистическій характеръ придаютъ и литературѣ и изучающей ея исторію наукѣ тѣ писатели, которые сводятъ главное содержаніе исторіи литературы къ изображенію борьбы прогрессивныхъ идей съ реакціонными силами и направленіями. Слишкомъ широко опредѣленіе, которое приравниваетъ исторію литературы къ *исторіи духовной жизни*, такъ какъ духовная жизнь человѣчества выражается не въ одной только изящной литературѣ, но и въ другихъ видахъ искусства, въ наукѣ, философіи, религіи, политикѣ и т. д.

Если же мы въ основу опредѣленія положимъ эстетическій моментъ, то мы получимъ такую формулу: *исторія ли-*

тературы есть наука, которая задачей своей имѣетъ выясненіе эволюціи искусства, работающаго при помощи слова. Признакъ искусства указываетъ на наличность эстетическаго момента, какъ необходимаго условія. Матеріаломъ для исторіи литературы служатъ только тѣ произведенія слова, съ которыми связана тенденція производить эстетическое впечатлѣніе, т. е. главнымъ образомъ такъ называемая изящная литература. Эстетическое же впечатлѣніе производятъ тѣ произведенія, которыя приковываютъ къ себѣ вниманіе читателя, независимо отъ своего содержанія, благодаря особенностямъ ихъ *формы*; произведеніе искусства должно имѣть характеръ самодовлѣющаго цѣлаго, такъ что приковавшій къ нему свое вниманіе человѣкъ отрѣшается на время эстетическаго созерцанія отъ всѣхъ прочихъ интересовъ жизни, а самое произведеніе представляется ему законченнымъ цѣльнымъ, изолированнымъ отъ всѣхъ остальныхъ содержаній жизни. Въ такой эстетической формѣ могутъ быть представлены всевозможные сюжеты; подходящимъ сюжетомъ для эстетической обработки можетъ быть не только красота, но и безобразіе, не только нравственное, но и безнравственное, и степень художественности зависитъ отъ того, насколько автору удалась цѣль *эстетической изоляціи*, достигаемая съ помощью различныхъ приемовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что даже научное или философское произведеніе могутъ быть такъ написаны, что они захватываютъ читателя и заставляютъ его забыть на время обо всемъ. Тогда и въ этихъ произведеніяхъ есть эстетическій элементъ. Несомнѣнно, на примѣръ, что многіе люди увлекаются математикой въ виду того эстетическаго наслажденія, которое она имъ доставляетъ своей строгой законченностью, превращающей математическое построеніе въ нѣчто въ родѣ самодовлѣющаго художественнаго произведенія. Но когда мы начинаемъ критически разбираться въ самомъ ходѣ мыслей автора и въ содержаніи его выводовъ съ точки зрѣнія проверки, соответствуютъ ли они научной истинѣ, то эстетическое очарованіе исчезаетъ и на первый планъ выдвигаются внѣэстетическіе элементы произведенія. Но такая метаморфоза происходитъ и съ произведеніемъ изящной литературы, разъ мы къ нему подходимъ съ интересами и вопросами, лежащими внѣ сферы эстетики.

Если главными эстетическими категоріями считать музы-

кальную, дѣйствующую на насъ звуками, живописную, дѣйствующую образами, и поэтическую, дѣйствующую возбужденіемъ чувства симпатіи путемъ словеснаго описанія явленія то наиболѣе подходящей къ литературѣ категоріей будетъ конечно, *поэтическая*, такъ какъ литература есть искусство слова. Но можетъ быть въ литературѣ и музыкальный элементъ, такъ какъ она пользуется и звуками (устное слово). Сущность поэтического, какъ эстетической категоріи, состоитъ въ томъ, что художникъ слова такъ компонируетъ свои описанія, что они заставляютъ читателя „*сопереживать*“ описываемыя содержанія и тѣмъ погружаютъ его въ созерцаніе безъ практическаго интереса, отрывающее его отъ остальной его жизни. Въ этомъ и состоитъ *образность* литературнаго произведенія, которой обыкновенно не хватаетъ въ отвлеченныхъ научныхъ и философскихъ разсужденіяхъ.

Изъ всего этого не слѣдуетъ, конечно, что произведеніе искусства слова цѣнно для насъ только съ своей эстетической стороны. Оно немислимо безъ этой стороны, но затѣмъ можетъ производить и обыкновенно производит и *внѣэстетическія послѣдствія*. Когда проходитъ моментъ эстетическаго созерцанія, мы можемъ задуматься и надъ тѣмъ содержаніемъ, которое сдѣлалось предметомъ эстетической работы. Поэтому искусство слова можетъ передавать намъ различныя свѣдѣнія (напримѣръ, историческія) и идеи, т. е. имѣть *иллюстрирующее* значеніе, или же приковывать наше мышленіе и наше вниманіе къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ содержаніямъ практической жизни, т. е. имѣть *рекламное* содержаніе (какъ, напримѣръ, басня, которая своимъ эстетически построеннымъ разговоромъ хочетъ обратить наше вниманіе на связанное съ нею нравоученіе). Нельзя отрицать того, что цѣнность художественнаго произведенія для насъ тѣмъ выше, чѣмъ больше логическихъ и этическихъ цѣнностей связано съ нимъ, помимо производимаго имъ эстетическаго впечатлѣнія. Вотъ почему мы имѣемъ право возмущаться искусствомъ слова, если оно пренебрегаетъ содержаніемъ и нарушаетъ логическіе и этические критеріи во имя одной только эстетической формы. Поэтому и критика можетъ быть чисто эстетической, но можетъ быть и моральной, философской, политической и т. п. Всѣ эти виды критики вполне правомѣрны, только критикъ всегда долженъ пом-

нить, что ни одна изъ этихъ оцѣнокъ не является исчерпывающей и что, напримѣръ, безнравственное по своимъ тенденціямъ произведеніе можетъ быть высоко художественнымъ по формѣ.

Какъ *генетическая наука*, исторія литературы должна изучать свой матеріаль, т. е. произведенія искусства слова, въ причинной связи, должна дать намъ представленіе объ *эволюціи* литературы, о связномъ процессѣ измѣненій, объединенныхъ причинной зависимостью однихъ фактовъ отъ другихъ.

Но эволюція литературы многогранна и можетъ быть изучаема въ разныхъ направленіяхъ. На первомъ планѣ, конечно, должно стоять изученіе *процесса развитія и смѣны самыхъ формъ литературныхъ произведеній*, взятыхъ съ эстетической точки зрѣнія. При этомъ историкъ литературы сосредоточивается прежде всего на приемахъ творчества художника, но не долженъ пренебрегать изученіемъ и той публики, къ которой обращается художникъ и которая читаетъ его произведенія. Что касается приемовъ художниковъ, то они опредѣляются въ значительной степени индивидуальными дарованіями даннаго лица, которыя „зависятъ отъ біологическихъ законовъ; но ни одинъ историческій дѣятель, какъ бы великъ и оригиналенъ онъ ни былъ, не стоитъ внѣ зависимости отъ окружающей его общественной среды; поэтому изученіе этой среды и ея вкусовъ должно быть принимаемо во вниманіе при характеристикѣ самаго художника, а не только читающей его произведенія публики.

Второй задачей исторіи литературы является *содержаніе изучаемыхъ произведеній*. Историкъ долженъ поставить вопросъ о томъ, какими причинами обусловливается выборъ опредѣленныхъ сюжетовъ и темъ, которыя воплощались въ формы художественныхъ произведеній. Въ тѣсной связи съ этимъ стоитъ вопросъ о *внѣэстетическихъ вліяніяхъ литературы*, т. е. о томъ, какое значеніе художественная литература имѣла въ распространеніи идей и укрѣпленіи идеаловъ въ обществѣ. Художники берутъ идеи и идеалы изъ общественнаго сознанія, но и сами перерабатываютъ это содержаніе въ духѣ своей индивидуальности, а потому ихъ работа имѣетъ значеніе самостоятельнаго фактора въ эволюціи культурной и политической стороны общественной жизни.

Исследуя эти задачи, историкъ литературы уже покидаетъ тѣсныя рамки чисто эстетической исторіи и приближается къ общей исторіи страны. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ случаѣ исторія литературы далека отъ превращенія въ исторію культуры вообще, или въ исторію науки, политической мысли, такъ какъ вниманіе историка литературы продолжаетъ оставаться сосредоточеннымъ только на литературномъ факторѣ культурной и политической эволюціи. Иными словами, работая въ этомъ направленіи, исторія литературы изучаетъ эволюцію одного только *литературнаго фактора общественной жизни*.

Что касается *причинности*, дѣйствующей въ историко-литературной эволюціи, то здѣсь приходится имѣть дѣло со всѣми тѣми факторами, которые намъ придется изучать въ дальнѣйшемъ, въ качествѣ факторовъ всего историческаго процесса. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ *вліяніемъ географической среды* (напримѣръ, вопросъ о вліяніи ландшафта на характеръ художественныхъ произведеній, о вліяніи климата и т. п.), и съ *вліяніемъ біологическихъ и психологическихъ данныхъ* (вопросъ о вліяніи наслѣдственности на характеръ дарованій, значеніе принадлежности къ извѣстной расѣ), и съ *вліяніемъ соціологическихъ данныхъ* (вліяніе вкусовъ общества и его классовъ на творчество художника, значеніе подражанія, заимствованія, значеніе традиціи для формы и содержанія художественныхъ произведеній). Отличительная черта исторіи литературы, такъ же, какъ исторіи науки, философіи и всякаго вообще искусства, состоитъ въ томъ, что въ этой области особенно ярко выдвигается значеніе *творческой личности* въ исторіи, гораздо ярче, чѣмъ, напримѣръ, при изученіи экономической эволюціи; вся исторія литературы можетъ быть изучаема только, какъ процессъ закономѣрнаго взаимодействія творческой личности и общества.

Конечно, исторію литературы въ строгомъ смыслѣ этого выраженія можно начинать *только съ тѣхъ эпохъ, когда изящная художественная литература уже достаточно обособилась отъ другихъ видовъ письменности*. Для болѣе же раннихъ эпохъ приходится принимать во вниманіе почти всю *письменность*, такъ какъ, напримѣръ, историческія произведенія еще не имѣютъ характера строгой науки, но преслѣдуютъ цѣли и интереснаго разсказа, т. е. чисто эстетиче-

скія, нравственные трактаты получаютъ видъ проповѣдей, разчитанныхъ на чувство и составляемыхъ съ явнымъ уклономъ въ сторону эстетизма. Но подобное замѣчаніе приходится дѣлать и по поводу другихъ видовъ исторіи отдѣльныхъ сторонъ культуры. Такъ, историкъ права въ древнѣйшія эпохи также вынужденъ имѣть дѣло съ матеріаломъ, далеко еще не обособившимся отъ религіи и искусства. Сверхъ того, въ древнѣйшія эпохи приходится особенно принимать во вниманіе, кромѣ письменнаго творчества, еще и *устное*, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ эпохи позднѣйшія. Наконецъ, роль личности въ древнѣйшія эпохи значительно слабѣе въ исторической эволюціи вообще и, въ частности, въ исторіи литературы, чѣмъ роль *массоваго творчества*, при которомъ отдѣльные представители народа являются одновременно изобрѣтателями и подражателями и путемъ непрямыхъ поправокъ къ какому-нибудь всѣхъ интересующему сюжету создаютъ произведенія народной поэзіи, не имѣющія опредѣленныхъ личныхъ авторовъ. И въ этомъ отношеніи аналогію представляетъ исторія права, гдѣ въ раннія эпохи предметомъ изученія является обычное право, а не законы.

Изслѣдуя эти задачи, историкъ литературы уже покидаетъ тѣсныя рамки чисто эстетической исторіи и приближается къ общей исторіи страны. Тѣмъ не менѣе, и въ этомъ случаѣ исторія литературы далека отъ превращенія въ исторію культуры вообще, или въ исторію науки, политической мысли, такъ какъ вниманіе историка литературы продолжаетъ оставаться сосредоточеннымъ только на литературномъ факторѣ культурной и политической эволюціи. Иными словами, работая въ этомъ направленіи, исторія литературы изучаетъ эволюцію одного только *литературнаго фактора общественной жизни*.

Что касается *причинности*, дѣйствующей въ историко-литературной эволюціи, то здѣсь приходится имѣть дѣло со всѣми тѣми факторами, которые намъ придется изучать въ дальнѣйшемъ, въ качествѣ факторовъ всего историческаго процесса. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ *вліяніемъ географической среды* (напримѣръ, вопросъ о вліяніи ландшафта на характеръ художественныхъ произведеній, о вліяніи климата и т. п.), и съ *вліяніемъ биологическихъ и психологическихъ данныхъ* (вопросъ о вліяніи наслѣдственности на характеръ дарованій, значеніе принадлежности къ извѣстной расѣ), и съ *вліяніемъ социологическихъ данныхъ* (вліяніе вкусовъ общества и его классовъ на творчество художника, значеніе подражанія, заимствованія, значеніе традиціи для формы и содержанія художественныхъ произведеній). Отличительная черта исторіи литературы, такъ же, какъ исторіи науки, философіи и всякаго вообще искусства, состоитъ въ томъ, что въ этой области особенно ярко выдвигается значеніе *творческой личности* въ исторіи, гораздо ярче, чѣмъ, напримѣръ, при изученіи экономической эволюціи; вся исторія литературы можетъ быть изучаема только, какъ процессъ закономернаго взаимодействія творческой личности и общества.

Конечно, исторію литературы въ строгомъ смыслѣ этого выраженія можно начинать *только съ тѣхъ эпохъ, когда изящная художественная литература уже достаточно обособилась отъ другихъ видовъ письменности*. Для болѣе же раннихъ эпохъ приходится принимать во вниманіе почти всю *письменность*, такъ какъ, напримѣръ, историческія произведенія еще не имѣютъ характера строгой науки, но преслѣдуютъ цѣли и интереснаго разсказа, т. е. чисто эстетиче-

скія, нравственные трактаты получаютъ видъ проповѣдей, рассчитанныхъ на чувство и составляемыхъ съ явнымъ уклономъ въ сторону эстетизма. Но подобное замѣчаніе приходится дѣлать и по поводу другихъ видовъ исторіи отдѣльныхъ сторонъ культуры. Такъ, историкъ права въ древнѣйшія эпохи также вынужденъ имѣть дѣло съ матеріаломъ, далеко еще не обособившимся отъ религіи и искусства. Сверхъ того, въ древнѣйшія эпохи приходится особенно принимать во вниманіе, кромѣ письменнаго творчества, еще и *устное*, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ эпохи позднѣйшія. Наконецъ, роль личности въ древнѣйшія эпохи значительно слабѣе въ исторической эволюціи вообще и, въ частности, въ исторіи литературы, чѣмъ роль *массоваго творчества*, при которомъ отдѣльные представители народа являются одновременно изобрѣтателями и подражателями и путемъ непрямыхъ поправокъ къ какому-нибудь всѣхъ интересующему сюжету создаютъ произведенія народной поэзіи, не имѣющія опредѣленныхъ личныхъ авторовъ. И въ этомъ отношеніи аналогію представляетъ исторія права, гдѣ въ раннія эпохи предметомъ изученія является обычное право, а не законы.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Основные принципы исторической науки.

Глава I. Общее учение о факторах исторического процесса.

§ 13. Факторы исторического процесса.

I. Мы установили, что историческая причинность состоитъ въ сочетаніи различныхъ причинныхъ рядовъ, которые допускаютъ въ своей изолированности другъ отъ друга общее систематическое изученіе. Причины сложнаго историческаго явленія, другими словами, могутъ быть разложены на составные элементы съ тѣмъ, чтобы эти элементы уже были подведены подъ тѣ общіе законы, которые систематическими (или—по терминологіи Вундта — феноменологическими) науками установлены по отношенію къ этимъ элементамъ.

Это разсужденіе и приводитъ насъ къ понятію о *факторахъ историческаго процесса*. Подъ факторами мы разумѣемъ именно эти элементы исторической причинности, дѣйствіе которыхъ можетъ быть подведено подъ общіе законы и которые въ своей совокупности образуютъ сложную причинность конкретныхъ историческихъ событій. Задача теоріи историческаго процесса состоитъ въ обнаруженіи и систематизаціи этихъ факторовъ. Ихъ изученіе должно дать намъ общее представленіе о теченіи всякаго историческаго процесса. Само-собою разумѣется, что задача эта отличается крайней сложностью. Мы увидимъ, что при современномъ состояніи научнаго знанія мы въ этой области принуждены будемъ болѣе заниматься постановкой вопросовъ, еще ожидающихъ

своего разрѣшенія отъ науки, чѣмъ регистраваніемъ уже имѣющихся научныхъ отвѣтовъ. Приходится ограничиться этимъ, помня, что и такая провѣрка состоянія научнаго знанія имѣетъ свою цѣну, такъ какъ она предостережетъ насъ отъ опасности принимать за уже провѣренныя наукой выводы тѣ предположенія и соображенія, которыя нерѣдко съ большей увѣренностью высказываются въ текущей литературѣ по социальнымъ и историческимъ вопросамъ.

II. Но прежде, чѣмъ перейти къ изученію факторовъ историческаго процесса, намъ необходимо покончить съ нѣкоторыми принципиальными возраженіями противъ такой постановки дѣла. Есть ученые, которые принципиально не признаютъ никакихъ факторовъ историческаго процесса. Для примѣра приведу мнѣніе *М. М. Ковалевскаго*, который въ своей книгѣ „Современные социологи“ (стр. VIII) высказываетъ слѣдующія сужденія. „Въ дѣйствительности, говоритъ Ковалевскій, мы имѣемъ дѣло не съ факторами, а съ фактами, изъ которыхъ каждый такъ или иначе связанъ съ массою остальныхъ, ими обусловливается и ихъ обусловливаетъ. Говорить о факторѣ, т.-е. о центральномъ фактѣ, увлекающемъ всѣ остальные, для меня то же, что говорить о тѣхъ капляхъ рѣчной воды, которыя своимъ движеніемъ обусловливаютъ преимущественно ея теченіе“. Эти разсужденія Ковалевскаго вызваны прежде всего его стремленіемъ опровергнуть такіа историческія теоріи, которыя пытаются открыть одинъ какой-либо главный и основной факторъ исторіи. Это стремленіе я вполне раздѣляю. Я уже указалъ, что подобныя попытки ведутъ къ ненаучному упрощенію исторіи и схоластической схематизаціи историческихъ событій. На нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ еще придется остановиться особо. Но, мнѣ кажется, Ковалевскій заходитъ слишкомъ далеко, отвергая вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще идею отысканія историческихъ факторовъ. Конечно, историческій факторъ есть абстракція. Въ жизни никакихъ факторовъ нѣтъ; она представляетъ собою слитный процессъ, гдѣ все тѣсно связано и переплетено между собою и гдѣ ничто не повторяется въ своей конкретности. Если мы выдѣляемъ изъ исторіи такіа ея стороны, какъ право, государство, экономическія отношенія, религіозныя идеи, и говоримъ о нихъ, какъ объ особыхъ факторахъ, подвергая даже иногда ихъ обособленному изу-

ченію (исторія права, исторія религій, исторія искусства), то мы, конечно, прибѣгаемъ къ широкой абстракціи. Это и нужно помнить всегда, обращаясь съ такими абстракціями; не слѣдуетъ разсматривать ихъ какъ особыя реальности и сущности, имѣющія самостоятельное развитіе изъ самихъ себя и независимо отъ остальной жизни народа. Но, съ другой стороны, и обойтись безъ такихъ абстракцій мы не можемъ. Вѣдь все наше мышленіе и познаваніе имѣетъ дискурсивный характеръ, который состоитъ именно въ томъ, что мы ничего не можемъ познать во всей его совокупности сразу. Для познаванія мы должны каждое содержаніе жизни, нами переживаемое, разлагать на отдѣльные элементы и подвергать ихъ сравненію. Только путемъ такого расчлененія и сравнительнаго изученія получившихся вырѣзокъ мы можемъ что-либо познавать, открывая сходства и различія изучаемыхъ элементовъ и создавая этимъ путемъ все болѣе широкія обобщенія, приводимыя въ логическую систему. При такомъ характерѣ нашего познаванія, и къ историческому процессу мы можемъ подойти только этимъ путемъ. Мы должны расчленять связанный потокъ историческихъ событій и подыскивать общіе типическіе элементы процесса; изучая систематически ихъ свойства, мы подходимъ къ раскрытію сложнаго механизма исторіи. Ковалевскій, повидимому, недостаточно оцѣнилъ всю необходимость такого расчлененія историческаго матеріала. Это ясно уже изъ того, что, не признавая факторовъ, какъ продуктовъ абстракцій, онъ говоритъ о необходимости изученія *фактовъ*. Но вѣдь историческій фактъ, въ сущности, есть также уже результатъ абстракціи. Въ жизни отдѣльныхъ фактовъ нѣтъ: жизнь представляетъ собою слитный процессъ, гдѣ нѣтъ опредѣленныхъ граней между событіями; выдѣляя изъ нея отдѣльные факты и дѣлая ихъ предметомъ особаго изученія, мы уже абстрагируемъ отъ жизни въ ея непосредственной наглядности, переводимъ ея содержаніе на языкъ отвлеченныхъ понятій, изъ которыхъ каждое беретъ одну какую-нибудь сторону жизни. И въ этихъ абстракціяхъ мы вынуждены двигаться дальше, почему, пытаясь проникнуть въ общую закономерность исторіи, неизбежно придемъ къ ученію объ отдѣльныхъ факторахъ историческаго процесса и ихъ взаимодействіи.

Если мы не будемъ совершать точнаго анализа истори-

ческаго процесса на почвѣ систематическаго изученія факторовъ, то мы впадаемъ въ одну опасность, которой подвергаются всѣ науки, находящіяся въ состояніи младенчества. Тогда мы вынуждены будемъ искать такихъ понятій, которыя сразу объяснили бы намъ все, и начнемъ создавать *метафизическія спекуляціи*. Съ нами случится то, что со всей наукой происходило въ древности: пока не установилась спеціализація отдѣльныхъ научныхъ областей, философская спекуляція искала сразу такого ключа, который открылъ бы немедленно путь къ уразумѣнію всей вселенной. Въ исторической наукѣ повторилось затѣмъ то же самое: пока не начали изучать отдѣльные факторы исторіи и этимъ путемъ строго анализировать историческую причинность, философія исторіи держалась исключительно на метафизическихъ спекуляціяхъ объ общемъ смыслѣ всемірной исторіи.

III. Изъ сказаннаго ясно, что съ научнымъ изученіемъ жизненнаго матеріала неизбежно связанъ одинъ недостатокъ. Мы видѣли, что для научнаго истолкованія жизненнаго процесса намъ необходимо расчленить его на понятія, которыя затѣмъ приводятся во взаимную логическую связь. При этомъ, конечно, *утрачивается то цѣлостное впечатлѣніе, которое производитъ жизнь въ ея непосредственномъ переживаніи*. Научная передача неизбежно схематизируетъ живую дѣйствительность. Вотъ почему человекство и не удовлетворяется однимъ научнымъ анализомъ міра. Оно ищетъ еще и другой передачи жизненныхъ содержаній, такой передачи, при которой сохранялась бы непосредственная наглядность жизненнаго процесса. Но эта цѣль достигается уже не средствами науки, а средствами *искусства* ¹⁾ Искусство имѣетъ своей задачей изображеніе жизни не въ отвлеченныхъ понятіяхъ, но въ наглядныхъ образахъ. Его цѣль состоитъ въ передачѣ дѣйствительности во всей ея цѣльности. Для достиженія этой цѣли искусство располагаетъ различными средствами. Такъ называемыя *свободныя искусства* — музыка и архитектура —

¹⁾ См. къ послѣдующему *Bernheim. Lehrbuch* (1903), 126 слл. *Wundt. System d. Philosophie*³, II, 251 слл. *Berr, La synthèse en histoire* (1911), 231 слл. Цѣнные замѣчанія о роли изящной литературы въ историческомъ процессѣ и о соотношеніи науки и искусства см. въ книгѣ *Lacombe'a, Introduction à l'histoire littéraire*. 1898. О значеніи индивидуальнаго въ эстетикѣ см. *Гаманъ, Эстетика* (1913), 84—97.

дѣйствуютъ тѣмъ путемъ, что вызываютъ въ насъ извѣстныя чувства, которыя влекутъ за собою соотвѣтственные образы и представленія. *Связанныя искусства* — поэзія и изобразительныя искусства, называемыя такъ въ виду ихъ зависимости отъ извѣстныхъ данныхъ въ воспріятіи объектовъ, — воздѣйствуютъ, наоборотъ, на представленія и уже этимъ путемъ пробуждаютъ чувства.

Но искусство обыкновенно не ограничивается простымъ копированіемъ дѣйствительности. Искусство передаетъ намъ дѣйствительность, хотя и не въ понятіяхъ, а наглядными средствами, но оно передаетъ ее въ *свѣтъ идей*; одна изъ задачъ искусства состоитъ въ томъ, чтобы наглядно давать намъ то же содержаніе, которое наука и философія передаютъ въ отвлеченныхъ понятіяхъ. Вотъ почему искусство такъ же, какъ и наука, выражаетъ міровоззрѣніе своей эпохи. Поэтому особенную цѣнность мы придаемъ тѣмъ произведеніямъ искусства, которыя имѣютъ идейное содержаніе. Но, конечно, *идея должна соответствовать форма* и только при полной гармоніи формы и содержанія удовлетворяются эстетическія потребности.

Эти соображенія уясняютъ намъ, въ какомъ дополненіи нуждается работа историка. Такъ какъ задачей историка является изображеніе минувшихъ событій и состояній во всей ихъ конкретности, то понятно, почему къ историкамъ принято предъявлять и извѣстныя *эстетическія требованія*. Историческому изложенію непременно долженъ предшествовать логически-научный анализъ матеріала, путемъ котораго добываются историческія идеи. Но разъ этотъ анализъ сдѣланъ, историкъ въ своемъ изложеніи долженъ стремиться представить историческую дѣйствительность въ свѣтъ этихъ идей по возможности цѣлостно и наглядно, т.-е. художественно. Въ этомъ смыслѣ идеальный историкъ долженъ быть не только ученымъ, но и художникомъ. Онъ долженъ умѣть заставить читателя самого пережить до извѣстной степени изучаемую эпоху, сжитья съ нею, а не только уяснить себѣ ее логически. „*Всякое историческое изложеніе, говоритъ извѣстный историкъ античной древности Эдуардъ Мейеръ* ¹⁾, *есть не только наука, но въ тоже время и искусство, и при-*

¹⁾ *Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, I, 1 (3-е изд. 1910), § 118.*

томъ не только по своей внѣшней формѣ, какъ каждое литературное произведеніе, но и по содержанію, по обработкѣ своихъ объектовъ“. Отъ ученыхъ, работающихъ въ другихъ отрасляхъ знанія, этого не требуется, такъ какъ они въ своихъ изслѣдованіяхъ имѣютъ дѣло съ изображеніями не единичныхъ конкретныхъ процессовъ и событій, но типическихъ явленій и общихъ законовъ, т.-е. абстракцій.

Само собою разумѣется, что эстетическій элементъ въ историческомъ изложеніи долженъ играть только *служебную роль*, т.-е. стремленіе къ художественности изложенія никоимъ образомъ не должно итти въ ущербъ исторической правдѣ. Эта оговорка имѣетъ, конечно, огромное значеніе. Изъ нея слѣдуетъ, что положеніе историка все-таки весьма существенно отличается отъ положенія поэта. Историкъ въ своемъ творчествѣ связанъ совершенно опредѣленными данными, отъ которыхъ во имя исторической правды не имѣетъ права отступать. Такимъ образомъ, онъ не можетъ давать свободнаго полета своей фантазіи. А если принять во вниманіе, что эти положительныя данныя иногда бываютъ слишкомъ скудны, то приходится признать, что въ нѣкоторыхъ областяхъ своей науки историкъ и вовсе долженъ отказаться отъ художественности въ изложеніи. Было бы странно предъявлять такія требованія, напримѣръ, къ историкъ, который строго научно изслѣдуетъ эпоху римскихъ царей или ранней римской республики. Отъ этихъ эпохъ не сохранилось почти никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, и историческое изложеніе приходится обставлять такой массой чисто критическихъ изслѣдованій и строить на такихъ данныхъ, что для эстетическаго элемента въ изложеніи не остается никакого мѣста. Поэтому, при всей желательности художественности въ историческомъ изложеніи, исторія остается въ концѣ-концовъ все-таки прежде всего точной и строгой наукой и никакъ не можетъ быть причислена къ области искусства. Вообще, слѣдуетъ руководиться правиломъ Фримана. „*Вѣрное, хотя бы и скучное повѣствованіе, говоритъ англійскій историкъ* ¹⁾, *конечно, лучше, чѣмъ повѣствованіе невѣрное, хотя бы и живое; но лучше всего повѣствованіе, соединяющее точность изложенія съ энергіей и красотой языка*“.

¹⁾ *Фриманъ, Методы изученія исторіи (рус. пер. 1893 г.), 66.*

Что касается *философiи исторiи* или теорiи историческаго процесса, то для нея художественный элемент не имѣетъ уже совсѣмъ никакого значенiя. Вѣдь предметомъ ея изученiя является уже не конкретная историческая дѣйствительность, но историческiй процессъ въ его типическихъ проявленiяхъ. Поэтому въ теорiи историческаго процесса мы будемъ останавливаться именно на изученiи отдѣльныхъ факторовъ историческаго процесса и ихъ взаимодействiя, вполне сознавая, что имѣемъ дѣло съ чистѣйшими абстракцiями. Эти абстракцiи, какъ мы убѣдились, необходимы для научнаго анализа историческаго матеріала; онѣ являются незамѣнимыми орудiями въ лабораторiи историка, и задача теорiи историческаго процесса состоитъ въ томъ, чтобы составить научный инвентарь этихъ орудiй, инвентарь, критически пробранный.

§ 14. Классификація факторовъ.

I. Я думаю, что важнѣйшіе факторы историческаго процесса могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ группамъ. 1) Въ первую группу войдутъ тѣ условiя историческаго процесса, которыя стоятъ въ связи съ *человѣкомъ*, взятымъ, какъ отдѣльная биологическая единица, съ его психической и физической организаціей и его расовыми особенностями. 2) Во вторую группу войдутъ тѣ условiя, которыя касаются *человѣческихъ обществъ*, взятыхъ также какъ самостоятельныя цѣлыя. Здѣсь слѣдуетъ выяснитъ прежде всего проблему о самой цѣлостности общества, отвѣтитъ на вопросъ, представляетъ ли собою общество людей органическое единство; а затѣмъ должны быть выяснены основные законы жизни общества, имѣющіе значеніе для исторiи, въ частности разобраны такія явленiя, какъ культурная традиція, движеніе населенiя, идеи и изобрѣтенiя въ ихъ социальномъ примѣненiи, подражаніе. 3) Третью группу составятъ условiя, стоящія въ связи съ *внѣшней природой*, среди которой разыгрывается историческiй процессъ. Здѣсь слѣдуетъ разъяснитъ степень связи, существующей между *человѣкомъ* и природой, и зависимости *человѣка* отъ природы. Это едва ли не наименѣе разработанная сторона дѣла; въ этой области намъ по пре-

имуществу придется ограничиться постановкой вопросовъ, еще подлежащихъ выясненію.

Вообще въ этихъ отдѣлахъ, какъ видно уже изъ ихъ содержанiя, теорiя историческаго процесса идетъ не самостоятельнымъ путемъ, но должна ограничиваться сводкою результатовъ, добытыхъ самыми различными отраслями научнаго знанiя.

II. Изложенная классификація факторовъ, которой мы и будемъ придерживаться въ дальнѣйшемъ изложенiи, не есть единственная. Всѣ отдѣльныя условiя историческаго процесса, съ которыми мы встрѣтимся въ этихъ трехъ группахъ, могутъ быть затѣмъ подраздѣлены, смотря по своему влiянiю на самый ходъ историческаго процесса, на двѣ новыя группы ¹⁾. Одни условiя или факторы оказываютъ въ исторiи задерживающее влiянiе, т.-е. препятствуютъ наступленію измѣненiй въ сложившихся отношенiяхъ. Эти условiя могутъ быть названы *факторами устойчивости*. Другія условiя, напротивъ, содѣйствуютъ наступленію измѣненiй и могутъ быть названы *факторами измѣнчивости*. И тѣ, и другіе факторы дѣйствуютъ постоянно въ самыхъ различныхъ сочетанiяхъ. Безъ факторовъ устойчивости исторiя приняла бы характеръ безпорядочнаго процесса, въ которомъ нельзя было бы уловить внутренней связи. Безъ факторовъ измѣненiя не было бы никакой исторiи вообще. Поэтъ Грильпарцеръ образно сопоставилъ тѣ и другіе факторы въ исторiи съ пружинами и зубчатыми колесами въ часахъ: только благодаря задерживающему и регулирующему влiянiю зубчатыхъ колесъ энергія, сообщаемая пружинами, превращается въ равномерную и цѣлесообразную работу.

Сочетаніе тѣхъ и другихъ факторовъ бываетъ различно. Есть условiя, которыя содѣйствуютъ преобладанію факторовъ измѣнчивости. Къ ихъ числу относится, на примѣръ, *эмиграція* народа въ другую область, ослабляющая дѣйствіе культурной традиціи. Тогда темпъ развитiя можетъ сдѣлаться весьма ускореннымъ. Это мы видимъ, на примѣръ, въ Сѣверной Америкѣ. Напротивъ, иногда получаютъ преобладающее зна-

¹⁾ См. къ послѣдующему *Th. Lindner. Geschichtsphilosophie* ² (1904), 11—34. Ср. *Хенорол. La théorie de l'histoire* (1908), 1 слл. Еще нѣкоторые попытки классификаціи факторовъ см. у *Berr. La synthèse en histoire* (1911), 41, 53.

ченіе факторы устойчивости, и это можетъ привести къ застою (Китай). Самый ходъ развитія народа можетъ отличаться равномѣрностью или же получаетъ бурный прерывистый характеръ. При извѣстныхъ условіяхъ чрезмѣрное значеніе получаетъ традиція, которая препятствуетъ удовлетворенію назрѣвшихъ нуждъ народа. Тогда можетъ наступить моментъ, въ который эти нужды бурно себя заявляютъ, и разыграется *революціонный взрывъ*. Но такъ какъ революція не можетъ измѣнить въ корнѣ общественныхъ условій, а вынуждена ограничиться внѣшними перемѣнами общественнаго строя, хотя иногда очень радикальными и рѣзкими; такъ какъ, съ другой стороны, удавшаяся революція обыкновенно, въ разгарѣ страстей, вмѣстѣ съ дѣйствительно устарѣлымъ сметаетъ и кое-что еще жизнеспособное, то за революціей неизбѣжно слѣдуетъ *реакція*, сила которой обычно оказывается пропорціональной страстности революціи. Конечно, и реакціи никогда не удастся возстановить во всей полнотѣ стараго порядка, такъ какъ ей приходится дѣйствовать въ условіяхъ, уже измѣненныхъ революціей. Но, какъ бы то ни было, при такихъ условіяхъ историческій процессъ получаетъ бурный, прерывистый характеръ, и движеніе впередъ сопровождается массою жертвъ, которыхъ можно бы было при иныхъ обстоятельствахъ избѣжать. Поэтому задачей правильной государственной политики является предупрежденіе революцій своевременными и достаточно широкими реформами. Насколько трудна эта задача, видно изъ того, какой характеръ получила хотя бы исторія современной Европы. *Сеньобосъ* съ этой точки зрѣнія слѣдующимъ образомъ суммируетъ результаты этой эпохи ¹⁾. „Однѣ только Англія, Норвегія, Швейцарія совершили болѣе или менѣ правильную политическую эволюцію, порожденную непрерывнымъ внутреннимъ развитіемъ. Остальная Европа прошла между 1814 и 1870 гг. черезъ рядъ кризисовъ, вызванныхъ внезапными событіями: 1) революціей 1830 года, уничтожившей европейскій союзъ противъ революціи, водворившей на Западѣ парламентскій режимъ и подготовившей возникновеніе католической и социалистиче-

¹⁾ *Сеньобосъ*. Политическая исторія современной Европы (3-е изд. т-ва Знаніе), II, 710. Ср. также *Картевъ*, Исторія Западной Европы въ новое время, т. II гл. XXI, т. IV гл. XIII.

ской партіи; 2) революціей 1848 года, осуществившей на практикѣ всеобщее избирательное право, подготовившей національное объединеніе въ центральной Европѣ и организовавшей католическую и социалистическую партіи; 3) войной 1870 года, создавшей Германскую имперію, доставившей ей преобладаніе въ Европѣ, уничтожившей свѣтскую власть папы, измѣнившей характеръ войны и установившей систему вооруженнаго мира“.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ обращать вниманіе и на эту классификацію факторовъ, указывая, какія условія имѣютъ значеніе факторовъ устойчивости или же факторовъ измѣненія.

Глава II. Отдѣльные факторы и ихъ соотношеніе.

§ 15. Внѣшняя природа, какъ факторъ историческаго процесса.

I. Вліяніе внѣшней природы на человѣка давно подмѣчено и не подлежитъ сомнѣнію. Еще по древне-греческой легендѣ человѣчество въ лицѣ великана Антея получаетъ свои силы отъ соприкосновенія съ матерью землею. Античные писатели, какъ, напримѣръ, Геродотъ, Гиппократъ, Аристотель, останавливаются на вопросѣ о вліяніи климата на человѣка. Впослѣдствіи Боденъ, Монтескье, Гердеръ, Бокль значительно расширяютъ количество факторовъ внѣшней природы въ исторіи. Въ началѣ XIX столѣтія значеніе географической обстановки для пониманія исторіи выдвинулъ въ Германіи *Карль Риттеръ*, школа котораго затѣмъ нашла свое продолженіе въ трудахъ его ученика — *Ратцеля*. Риттеръ боролся съ наклонностью къ чрезмѣрному упрощенію исторіи, унаследованной историками отъ писателей вѣка просвѣщенія, и указывалъ на то, что каждый народъ отличается особенностями, которыя появляются въ немъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ той географической среды, въ которой ему приходится дѣйствовать. Чаще всего дѣйствіе природы на человѣка скрыто отъ сознанія самихъ людей и должно быть обнаруживаемо научнымъ анализомъ. Такой анализъ совершаетъ „сравнительная географія“, основанная Риттеромъ; ея задача состоитъ въ выясненіи путемъ сравненія типическихъ географическихъ явленій и положеній и правильной ихъ классификаціи. Въ томъ же духѣ во Франціи работалъ *Элизе Реклю*. Въ наше время сложилась уже особая наука о воздѣйствіи природы на человѣка, именуемая „антропозгеографіей“. Въ духѣ Риттера Курціусъ написалъ свою извѣстную исторію Греціи (1857—1867 гг.). Въ наше

время работы Курціуса продолжены (Нейманомъ и Парчемъ, Филиппсономъ, Понтеномъ и др. Если факторамъ природы придается чрезмѣрное значеніе, то получается то тенденціозное построеніе исторіи, которое характеризуется, какъ „географическій фатализмъ“¹⁾.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что по мѣрѣ культурнаго развитія *связь человѣка съ природой* не только не ослабѣваетъ, но увеличивается; это выражается въ томъ, что человѣкъ начинаетъ эксплуатировать все большее число сторонъ внѣшняго міра, которыя только съ прогрессомъ знанія и техники становятся доступны его воздѣйствію. Въ исторіи измѣняется существенно лишь характеръ этой связи: зависимость человѣка отъ природы постепенно обращается въ его господство надъ ней²⁾.

По степени своей зависимости отъ природы всѣ народы могутъ быть подѣлены на *культурные* и *некультурные*. Въ основу дѣленія слѣдуетъ полагать, конечно, не одинъ только уровень матеріальной культуры, но и степень способности народа къ сохраненію пріобрѣтенныхъ знаній (развитіе письменности) и къ дальнѣйшему развитію культуры (состояніе чистой науки въ странѣ)³⁾.

Въ отношеніи къ чисто-хозяйственной дѣятельности можно дѣлить народы согласно схемѣ, предложенной *Шурцемъ*⁴⁾, на такіе, которые ограничиваются простымъ *присвоеніемъ* готовыхъ даровъ природы (охотники, рыболовы), и такіе, которые уже *культивируютъ природу*, т.-е. планомѣрно воздѣйствуютъ на нее для увеличенія количества и улучшенія качества ея продуктовъ (скотоводство, земледѣліе, соединеніе того и другого). Для перехода съ низшей ступени хозяйства на высшую требуется не только наличность соответственныхъ техническихъ изобрѣтеній (искусственное разведе-

1) *Випперъ*. Лекціи по исторіи Греціи, I (1905), 2. *Моя „Соціологія“*, ч. I (1917 г.), гл. VII. Ср. характеристику итальянскаго ученаго Маттеucci у *Ковалевскаго*. *Современные соціологи* (1905), 391—413. Ко всему вопросу см. *Ellen Churchill Semple*, Influence of geographic Environment (1913 г.). I. *Bruhnes*, La geographie humaine (2 éd., 1912 г.).

2) Ср. *Ratzel*. *Antropogeographie* 2, I (1899), 64.

3) Объ изобрѣтеніи письма см. *Ed. Meyer*, *Gesch. d. Altertums*, I, (13-е изд. 1910), §§ 121—124.

4) *Schurz*. *Urgeschichte der Kultur* (1900), 232.

ніе хлѣбныхъ растений, прирученіе животныхъ), но и самовоспитаніе челоуѣка къ регулярному планомѣрному труду. Самыя же изобрѣтенія часто являются случайнымъ плодомъ забавы, который только впоследствии оказывается хозяйственно-полезнымъ. Напримѣръ, впервые приручаются животные, служація только для забавы, или искусственно воздѣлываются не хлѣбныя растения, а наркотическія.

Всѣ стороны внѣшней природы имѣютъ значеніе въ исторіи. Какъ сказано, давно уже подмѣчено вліяніе *климата* и давно ставится вопросъ о томъ, какой климатъ является наиболѣе благоприятнымъ для культурнаго развитія ¹⁾. Затѣмъ выдвигается большое значеніе *географическаго положенія* (близость моря, культурное или варварское сосѣдство), *устройства поверхности* (равнинный или гористый характеръ; расположеніе и направленіе горныхъ хребтовъ, распредѣленіе водъ, наличность или отсутствіе минеральныхъ богатствъ), характера *флоры и фауны* и даже самага окружающаго *ландшафта*. Несомнѣнно, вся всемірная исторія сложилась бы совершенно въ иномъ видѣ, если бы на землѣ было другое *распредѣленіе суши и моря*. Суша занимаетъ 28% земной поверхности, между тѣмъ какъ остальные 72% приходится на долю морей и арктическихъ странъ; при этомъ главная масса суши и почти весь ея умѣренный поясъ находятся въ сѣверномъ полушаріи. Отсюда ясно, что въ исторіи челоуѣчества рѣшительное преобладаніе получило сѣверное полушаріе надъ южнымъ. *Береговая линія* въ Европѣ составляетъ одну лин. милю моря на 174 кв. миль площади суши, тогда какъ въ Австраліи это отношеніе составляетъ пропорцію 1:224, въ Азіи 1:490, въ Африкѣ 1:700; при этомъ степень изрѣзанности береговой линіи весьма различна. Уже это обстоятельство создаетъ разныя условія для жизни названныхъ континентовъ.

Но при всемъ своемъ значеніи природа сама по себѣ ничего въ исторіи не рѣшаетъ, такъ какъ она не единственный и едва ли даже главный факторъ исторіи. Мы знаемъ, что въ однихъ и тѣхъ же природныхъ условіяхъ могутъ совершаться самыя различныя событія и устанавливаться самыя различныя состоянія (античная и современная Греція). Съ

¹⁾ См. объ этомъ *Эккардтъ*, Климатъ и жизнь (1913 г.).

другой стороны, по мѣрѣ культурнаго развитія одни и тѣ же условія природы получаютъ совершенно различное значеніе.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ эти вопросы весьма мало разработаны. Никакихъ твердо установленныхъ положеній и общихъ законовъ о вліяніи внѣшней природы на исторію не открыто ¹⁾. Попытки, которыя дѣлались въ этомъ направленіи до сихъ поръ, оказываются или простыми рекапитуляціями вкратцѣ хода всемірной исторіи или же преждевременными обобщеніями. Такъ, принято говорить, что *умѣренный климатъ* является наиболѣе благоприятнымъ условіемъ для созданія высокой прочной культуры по сравненію съ полярнымъ и тропическимъ ²⁾. Мы знаемъ, однако, что въ тропической Индіи возникла въ свое время высокая культура, и совершенно не знаемъ будущаго остальныхъ тропическихъ и холодныхъ странъ. Климатъ, по словамъ *Гердера*, вообще не принуждаетъ, но только склоняетъ. Самъ *Гердеръ* въ концѣ XVIII вѣка утверждалъ, что развитіе культуры движется съ востока на западъ; начало челоуѣческой культуры слѣдуетъ искать въ Азіи; подобнымъ же образомъ рассуждаетъ и *Гегель*; онъ указываетъ, что съ востока идетъ къ намъ свѣтъ солнца, съ востока же началось и движеніе культуры ³⁾. Но этому противорѣчатъ факты новѣйшей исторіи, когда Западная Европа стала пересаживать свою культуру въ восточныя страны. *Мужоль* выставилъ положеніе, будто цивилизація распространяется съ горъ на равнины и съ земныхъ равнинъ на морскія, вообще же движеніе культуры идетъ отъ экватора къ полюсамъ ⁴⁾. Напротивъ, Левъ *Мечниковъ* ⁵⁾ доказываетъ, что великія культуры возникли въ бассейнахъ большихъ рѣкъ; многія культурныя движенія шли отъ полюса къ экватору (реформація, распространеніе конституціонной монархіи). Но и законъ, предлагаемый *Мечниковымъ*, будто культура зарождается въ бас-

¹⁾ Ср. *Сеньобосъ*. Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ (1902 г.), 209 слл. *Berr*, La synthèse en histoire (1911), 87—96.

²⁾ См. *Hegel*. Philosophie der Geschichte (1848), 99.

³⁾ *Herder*. Ideen, кн. 10. *Hegel*, op. cit., 127, 128.

⁴⁾ *Mougeolle*, Les problèmes de l'histoire, I partie, livre III.

⁵⁾ *Мечниковъ*, Цивилизація и великія историческія рѣки (пер. съ франц. 1903 г.).

сейнахъ большихъ рѣкъ, потомъ идетъ въ средиземный районъ, чтобы переселиться на берега Атлантического океана и затѣмъ охватить весь земной шаръ, есть въ сущности не законъ въ смыслѣ общей формулы, но только краткій пересказъ хода всемирной исторіи ¹⁾.

II. Внѣшняя природа, какъ условіе сравнительно неизмѣнное, оказываетъ обыкновенно задерживающее вліяніе на исторической процессъ, придаетъ событіямъ опредѣленный колоритъ, оказывается факторомъ устойчивости. Но она можетъ иногда являться и въ роли *фактора измѣненія*.

Дѣло въ томъ, что окружающая человѣка внѣшняя среда сама можетъ измѣняться, и тогда она начинаетъ воздѣйствовать и на человѣка въ смыслѣ измѣненія. При этомъ я имѣю въ виду не столько физическіе перевороты, въ родѣ землетрясеній, наводненій и т. п., хотя и они имѣютъ значеніе, сколько измѣненіе природы дѣятельностью самого человѣка и измѣненіе окружающихъ условій при эмиграціи.

Человѣчeskій трудъ постоянно измѣняетъ окружающія природныя условія, и это обстоятельство вызываетъ новыя послѣдствія, нерѣдко совершенно непредвидѣнныя (гетерогонія цѣлей).—Изобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ и покрытіе земли рельсовой и телеграфной сѣтью подняло значеніе большихъ континентовъ и уменьшило выгоды островнаго положенія, дало возможность сильно развить централизацию государственной власти и въ то же время способствовало объединенію общественнаго мнѣнія и усиленію взаимной международной зависимости культурныхъ странъ въ области экономической, а затѣмъ и политической ²⁾.—Если когда-нибудь Англія истощитъ свои запасы каменнаго угля, то это не можетъ не отразиться на ея промышленномъ значеніи среди другихъ странъ.—Всѣмъ извѣстно, къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ приводитъ вырубка лѣсовъ, вызывающая из-

¹⁾ См. объ этихъ мнимыхъ законахъ *Xénopol, La théorie de l'histoire* (1908), 196—204. Эрнестъ Милларъ въ сочиненіи „Une loi historique“ старается показать зависимость историческихъ событій отъ періодическихъ колебаній земнаго магнетизма. См. объ этомъ *Historische Zeitschrift, Bd. 102* (1909), 654. *Berr, La synthèse en histoire* (1911), 32 слл.

²⁾ Любопытныя соображенія о значеніи средствъ передвиженія для развитія культуры см. въ извѣстной книгѣ *Г. Д. Уэллса „Предвидѣнія“*.

мѣненіе климата и отражающаяся чрезвычайно сильно на сельскохозяйственной промышленности ¹⁾.

Переселеніе народа въ инныя географическія условія можетъ также оказать весьма большое вліяніе на всю его фizioномію. Увѣряютъ, будто пребываніе въ географическихъ условіяхъ С. Америки привело къ тому, что выработался даже особенный физиологическій типъ сѣверо-американца (янки), напоминающій нѣсколько типъ аборигена этихъ странъ, краснокожаго индѣйца; между тѣмъ, мы знаемъ, что населеніе С. Америки сложилось изъ извѣстныхъ намъ весьма разнообразныхъ по составу элементовъ, переселившихся изъ всѣхъ частей Европы. Но не слѣдуетъ преувеличивать и въ этомъ отношеніи вліянія внѣшнихъ условій. Есть факты, свидѣтельствующіе, напротивъ, и о необычайной иногда устойчивости народнаго типа. Такъ, евреи, проживая въ самыхъ различныхъ странахъ, благодаря общности извѣстныхъ социальныхъ условій, въ которыхъ они находятся, и благодаря устойчивости своихъ расовыхъ особенностей, повсюду удерживаютъ сравнительно однообразный типъ, несмотря на различіе природныхъ условій. Вліяніе эмиграціи въ исторіи ослабляется еще и тѣмъ, что обыкновенно для колоній подбираются страны, болѣе или менѣе сходныя съ метрополіей по природнымъ условіямъ.

Бельгійскій соціологъ *де-Греефъ* ²⁾ пытается формулировать общій законъ *развитія колоній*. По мысли де-Греефа, колоніи должны въ своемъ развитіи повторять ускореннымъ темпомъ ходъ развитія метрополіи, подобно тому, какъ зародышъ животнаго въ періодъ своего эмбриональнаго развитія въ ускоренномъ видѣ повторяетъ весь ходъ развитія того животнаго вида, къ которому онъ принадлежитъ (биогенетическій законъ повторенія филогенеза въ онтогенезѣ, о которомъ подробнѣе рѣчь будетъ итти въ § 16). Дѣло осложняется только явленіемъ такъ называемой *гетерохроніи*, которое состоитъ въ томъ, что въ колоніяхъ высшіе социальные органы иногда возникаютъ раньше простыхъ (напримѣръ, банки, церкви заводятся еще раньше, чѣмъ поселеніе достигло значительной величи-

¹⁾ Ср. къ этому *Schalk, Der Wettkampf der Völker* (1905), 17—19, 79 слл.

²⁾ *Де-Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ* (1896 г.), 299 слл.

ны). Итальянскій ученый *Loria* ¹⁾ склоненъ усматривать въ этомъ явленіи даже одинъ изъ фактовъ, подтверждающихъ теорію историческаго матеріализма; онъ указываетъ на то, что въ началъ развитія для колоній и для метрополіи общими являются только примитивныя условія экономической жизни; и сила этихъ условій такова, что они возвращаютъ переселенцевъ на ту ступень общественнаго развитія, на какой метрополія стояла много времени тому назадъ.—Однако, самый законъ де-Греефа едва ли можно признать научно установленнымъ; далеко не все факты подтверждаютъ это обобщеніе, да и нѣкоторыя общія соображенія дѣлаютъ всю схему мало вѣроятной. Дѣло въ томъ, что колоніи образуются людьми, уже культурными и притомъ обыкновенно наиболѣе энергичными элементами населенія метрополіи. Сила новыхъ природныхъ условій надъ этими людьми не можетъ быть такъ велика, чтобы вернуть ихъ на первобытную ступень цивилизации. Попадая въ новыя условія, эти люди, конечно, мѣняютъ образъ жизни, культурная традиція, задерживающая развитіе, ослабѣваетъ, но исходнаго состоянія метрополіи они повторить не могутъ ²⁾.

§ 16. Человѣкъ, какъ факторъ историческаго процесса.

I. *Принципы біологической эволюціи.* Уже разсматривая человѣка, какъ біологическую единицу, мы встрѣчаемся съ весьма важной для нашихъ цѣлей идеей *эволюціи*, т.-е. развитія въ опредѣленномъ направленіи, которое можно разсматривать въ наукѣ, какъ связанный и цѣльный процессъ. О понятіи эволюціи намъ придется говорить особо (см. § 23); теперь для насъ интересъ представляетъ примѣненіе этого понятія въ біологіи ³⁾.

¹⁾ *Loria*. Соціологія (1903 г.), 98 слн.

²⁾ Ср. *Ковалевскій*. Современные соціологи (1905 г.), 264—276

³⁾ См. объ этомъ *Гессе*. Ученіе о происхожденіи видовъ и дарвинизмъ. М. 1909 г. *Yves Delage*. L'hérédité et les grands problèmes de la biologie générale. 1903. *Yves Delage et Marie Goldsmith*, Les théories de l'Évolution, 1911 (рус. пер. изд. Поповой 1916). *Вейсманъ*. Лекціи по эволюціонной теоріи, пер. подъ ред. Львова, изд. Сабашниковыхъ. *Донкастеръ*. Наслѣдственность въ свѣтъ новѣйшихъ изслѣдованій (1913 г.). *Леве*. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе (1913 г.). *Гертеигъ*, Развитіе біологіи въ XIX ст. (1910 г.).

Вся современная біологія, особенно со времени Дарвина, проникнута этой идеей. Теперь осталось уже весьма мало сторонниковъ стараго воззрѣнія, по которому отдѣльные виды животныхъ и растений представлялись результатомъ *особыхъ актовъ творенія*. Хотя гипотеза Дарвина о происхожденіи видовъ и не поддается непосредственной провѣркѣ, такъ какъ не сохранилось достаточно остатковъ минувшихъ эпохъ, по которымъ мы могли бы съ полной исторической достовѣрностью воспроизвести картину развитія животнаго и растительнаго царства, но гипотеза эта въ основныхъ своихъ чертахъ обставлена столь солидными косвенными доказательствами, что съ нею можно оперировать довольно увѣренно. Доказательства эти почерпаются изъ *палеонтологіи*, которая насъ знакомитъ съ исчезнувшими уже животными видами, изъ *сравнительной морфологіи*, которая открываетъ аналогіи въ строеніи животныхъ различныхъ породъ, обнаруживаетъ остатки атрофированныхъ органовъ и т. п., изъ *эмбриологіи*, которая въ процессѣ развитія зародыша вскрываетъ слѣды происхожденія всего вида, къ которому онъ принадлежитъ, изъ *опытовъ* надъ разведеніемъ животныхъ и растений и т. п. Согласно эволюціонной гипотезѣ, все животныя и растительныя виды представляются результатомъ сложнаго и длиннаго развитія изъ простѣйшихъ формъ жизненной организациі. Это не значитъ, конечно, что вся генеологія растительнаго и животнаго царства должна непременно представлять собою единый стволъ съ массою развѣтвленій. Много вѣроятія имѣть за себя предположеніе *Нэгели* и *Эрльсберга*, что примитивная живая матерія — плазма — зарождалась самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара, гдѣ условія тому благоприятствовали, и даже въ различныя эпохи, что ея организациія не была повсюду тождественна и что при различіи вѣшнихъ условій получался различный ходъ дальнѣйшей эволюціи. Съ этой точки зрѣнія генеологическая схема развитія живыхъ существъ получаетъ видъ не дерева, а цѣлаго лѣса деревьевъ.

Одно изъ самыхъ вѣскихъ своихъ подтвержденій, по мнѣнію многихъ біологовъ, идея біологической эволюціи въ примѣненіи къ происхожденію видовъ получаетъ въ наблюденіяхъ за развитіемъ зародыша сложнаго животнаго. Эти наблюденія показываютъ, что зародышъ проходитъ въ своемъ

развитіи послѣдовательно черезъ такія фазы, которыя напоминаютъ строеніе предковъ его породы. При этомъ въ процессѣ эволюціи зародыша иногда появляются такіе органы, которые затѣмъ исчезаютъ и въ развитомъ организмѣ не встрѣчаются; таковы, напримѣръ, жабры, появляющіяся у зародышей такихъ животныхъ, которыя въ развитомъ видѣ дышатъ легкими. Результатъ этихъ наблюденій обобщенъ теперь въ формулу такъ называемаго *биогенетическаго закона* (открытаго въ 1864 г. Францемъ Мюллеромъ, а затѣмъ разработаннаго Геккелемъ и др.), который гласитъ, что развитіе индивида представляетъ собою ускоренное развитіе того животнаго вида, къ которому онъ принадлежитъ, т.-е. что существуетъ параллелизмъ между онтогенезомъ (развитіемъ индивида) и филогенезомъ (развитіемъ вида). Не всѣ факты, впрочемъ, подтверждаютъ эту формулу, да и общее ея значеніе берется нѣкоторыми учеными под сомнѣніе.

Главная задача науки состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ общіе принципы біологической эволюціи, показать, подъ вліяніемъ какихъ условій и факторовъ она совершается. Основатель новѣйшей зоологіи Кювье (1769—1832) придерживался еще ученія о постоянствѣ видовъ и связывалъ появленіе новыхъ видовъ съ наступленіемъ новыхъ геологическихъ періодовъ (теорія катастрофъ). Но уже Эразмъ Дарвинъ (дѣдъ Ч. Дарвина) сдѣлалъ предположеніе о превращеніи животныхъ видовъ; аналогичныя идеи высказывалъ Гете; нѣчто подобное принималось и въ философской школѣ Шеллинга. Гораздо большее значеніе получили въ этомъ отношеніи труды французскаго зоолога Ламарка, который въ 1809 г. выступилъ съ ученіемъ объ эволюціи въ мірѣ животныхъ. Ламаркъ настаиваетъ на томъ, что каждый органъ развивается отъ упражненія и ослабѣваетъ отъ бездѣйствія; въ результатъ появляются измѣненія строенія животнаго, которыя переходятъ по наслѣдству и постепенно усиливаются. Жоффруа Сентъ-Илеръ выдвигалъ въ своей теоріи развитія вліяніе окружающей среды. Затѣмъ подобныя же мысли развивалъ Спенсеръ. Но особенное вниманіе было обращено на идею эволюціи сочиненіями Чарльза Дарвина, которыя выходили въ промежуткѣ отъ 1858 до 1872 года ¹⁾. Идеи

¹⁾ Одновременно съ Дарвиномъ почти къ тѣмъ же выводамъ пришелъ А. Р. Уоллесъ (1858 г.).

Дарвина сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ соображеній экономиста Мальтуса о той борьбѣ за существованіе, которая происходитъ въ родѣ человѣческомъ вслѣдствіе того, что увеличеніе средствъ къ существованію не идетъ параллельно съ размноженіемъ людей. Чарльзъ Дарвинъ представляетъ себѣ эволюцію животныхъ видовъ, какъ результатъ того *отбора*, который происходитъ между животными подъ вліяніемъ *борьбы за существованіе*. Подъ вліяніемъ внѣшней среды въ организмахъ появляются варіаціи. Въ результатѣ этихъ варіацій одни животныя оказываются болѣе приспособленными къ окружающей средѣ, другія — менѣе; выживаютъ болѣе приспособленные индивиды. Поэтому и въ процессѣ размноженія участвуютъ по преимуществу индивиды, оказавшіеся болѣе приспособленными; такимъ образомъ, варіаціи, оказавшіеся выгодными, передаются по наслѣдству и постепенно усиливаются. Такъ возникаетъ великое разнообразіе животныхъ видовъ. Кромѣ *естественнаго отбора* дѣйствуетъ и *половой отборъ*, который состоитъ въ томъ, что самки предпочитаютъ тѣхъ самцовъ, которые оказываются красивѣе и вообще надѣлены свойствами, сильнѣе возбуждающими половое влеченіе.

Идеи Дарвина и Ламарка получили дальнѣйшую разработку въ литературѣ, и въ результатѣ создано современное ученіе о происхожденіи видовъ. Въ наукѣ выдвинулись слѣдующіе важнѣйшіе факторы эволюціи: 1) *варіація*, 2) *наслѣдственность*, 3) *отборъ*. Важно установить съ точностью относительное значеніе этихъ факторовъ и ихъ взаимоотношеніе.

При разработкѣ этой задачи большое значеніе получилъ вопросъ о *наслѣдственности приобрѣтенныхъ свойствъ*, т.-е. вопросъ о томъ, могутъ ли передаваться потомству тѣ измѣненія, которыя произошли съ животнымъ во время его жизни. Дѣйствительно, вопросъ этотъ имѣетъ кардинальное значеніе. Если свойства, приобрѣтенныя индивидомъ при его жизни, передаются по наслѣдству, то вся эволюція получаетъ болѣе планомерный характеръ, такъ какъ для нея приобрѣтаетъ большое значеніе та болѣе или менѣе цѣлесообразная дѣятельность, которой индивидъ предается въ своей борьбѣ съ окружающей средой и въ приспособленіи къ ней. Если же эти свойства по наслѣдству не переходятъ, то эволюція становится въ зависимость только отъ тѣхъ варіацій, которыя

случайно появляются въ зародышевыхъ клѣткахъ и затѣмъ, если окажутся благоприятными для живого существа, закрѣпляются отборомъ.

Первоначально вопросъ о наследственности прибрѣтенныхъ свойствъ не возбуждалъ особыхъ сомнѣній и рѣшался въ положительномъ смыслѣ. Самъ *Дарвинъ* рѣшалъ его именно такъ и даже создалъ особую теорію (пангенезисъ) для объясненія того, какъ клѣтки тѣла могутъ вліять на зародышевыя клѣтки; онъ предполагалъ существованіе въ клѣткахъ организма особыхъ мельчайшихъ частицъ — геммулъ, которыя могутъ выходить изъ клѣтокъ и черезъ весь организмъ пробираться въ зародышевую плазму, сообщая ей измѣненія, происшедшія въ организмѣ. Но въ началѣ 80-хъ годовъ XIX столѣтія *Вейсманнъ* возбудилъ принципиальныя сомнѣнія въ наследственности прибрѣтенныхъ свойствъ. Это повело къ извѣстному его спору съ *Г. Спенсеромъ*, и вопросъ не разрѣшенъ окончательно до сихъ поръ. Дѣйствительно, есть рядъ фактовъ, которые говорятъ противъ такой наследственности; напримѣръ, увѣчья, даже часто повторяемая (отрубленіе хвоста у нѣкоторыхъ породъ собакъ), по наследству не передаются. Кромѣ того, и теоретически не легко конструировать такое отраженіе измѣненій тѣла на измѣненіяхъ зародышевыхъ клѣтокъ, которое давало бы у потомка точно такое же измѣненіе организаціи, какое появилось у предка; это доказываетъ запутанная теорія Дарвиновскихъ геммулъ, путешествующихъ черезъ все тѣло въ зародышевыя клѣтки. — Самъ Вейсманъ выступилъ съ особой теоріей зародышевой плазмы. Эта теорія сводится къ тому, что авторъ принимаетъ въ онтогенетическомъ развитіи зародыша раздѣленіе зародышевой плазмы на двѣ половины: одна идетъ на построеніе тѣла, другая же безъ измѣненій резервируется для воспроизведенія новыхъ поколѣній. Только эта послѣдняя *зародышевая плазма* — *Keimplasma* — и лежитъ въ основѣ наследственности. Измѣненія въ организмѣ, за исключеніемъ очень немногихъ, какъ, напримѣръ, отравленіе ядами, не отражаются на зародышевой плазмѣ и по наследству не переходятъ. Но есть условія, прямо вліяющія на зародышевую плазму и создающія въ ней варіаціи: напримѣръ, питаніе можетъ неравномѣрно отражаться на отдѣльныхъ частяхъ плазмы. — Эти варіаціи имѣютъ тенденцію усиливаться, если

отборъ создаетъ благоприятныя для этого условія, и могутъ приводить какъ къ увеличенію органа или появленію новаго, такъ и къ ослабленію и уменьшенію стараго, оказывающагося ненужнымъ для сохраненія вида. Особенно устойчивы измѣненія въ питаніи, если они вызываются перемѣнами во внѣшнихъ природныхъ условіяхъ. При половомъ размноженіи въ зародышевой плазмѣ соединяются элементы, происходящіе отъ разныхъ предковъ индивида. Разными сочетаніями этихъ элементовъ при развитіи оплодотвореннаго яйца и объясняются, главнымъ образомъ, *индивидуальныя различія*. Въ такихъ различіяхъ, конечно, не можетъ быть ничего новаго по существу: они сводятся къ новымъ комбинаціямъ старыхъ элементовъ. — Критика показала, что и теорія Вейсманна страдаетъ недостатками. Такъ, съ точки зрѣнія Вейсманна трудно объяснить, откуда берется разнообразіе въ зародышевыхъ плазмахъ, идущихъ отъ разныхъ предковъ, если плазма каждаго индивида во время его существованія подвержена измѣненіямъ только отъ очень ограниченнаго количества причинъ, дѣйствующихъ одновременно не только на весь организмъ, но и на зародышевую плазму, или исключительно на послѣднюю. Если индивидъ почти ничего своего въ состояніи зародышевой плазмы не вноситъ, то приходится считаться съ большими затрудненіями при объясненіи того, какъ возникаютъ *цѣлесообразныя* варіаціи, и становится менѣе понятнымъ, какъ примитивная плазма могла развиться въ такое разнообразіе высшихъ существъ. ¹⁾

Современные біологи вообще раздѣляются на два лагеря. Съ одной стороны стоятъ *нео-ламаркисты*, которые придаютъ рѣшающее значеніе функціональнымъ измѣненіямъ органовъ при упражненіи ихъ и передачѣ по наследству прибрѣтенныхъ свойствъ. И дѣйствительно, хотя есть факты, говорящіе противъ наследственности прибрѣтенныхъ свойствъ, но есть и такіе, которые трудно объяснить безъ этого допущенія. Напримѣръ, повторные опыты на бабочкахъ доказали, что потом-

¹⁾ Въ настоящее время, благодаря теоріи *гормоновъ*, вопросъ о связи между организмомъ и половой плазмой поставленъ на новую почву. См. статью *Немилова* въ журн. „Природа“ 1916 г., май—іюнь. — Теорія наследственности въ ея современномъ видѣ, въ частности т. наз. *мендализмъ*, популярно изложена въ книгѣ *Филиппченко*, Наследственность (1917).

ству передаются измѣненія, вызванныя въ куколкахъ вліяніемъ низкихъ температуръ; наличность рудиментарныхъ органовъ также лучше всего объясняется этимъ путемъ. Съ другой стороны выступают *нео-дарвинисты*, во главѣ которыхъ стоитъ упомянутый уже Вейсманнъ; они стремятся по возможности механически конструировать принципъ эволюціи и свести его къ закрѣпленію случайно возникшихъ варіацій дѣйствіемъ отбора. Ботаникъ *де-Фризъ* выступилъ съ ученіемъ о внезапныхъ варіаціяхъ, имѣющихъ характеръ переворотовъ и происходящихъ въ результатѣ рѣзкаго проявленія процессовъ, долго остающихся въ скрытомъ состояніи (теорія *мутаций*).

Въ этомъ спорѣ *значеніе отбора* обыкновенно такъ же преувеличивается *нео-дарвинистами*, какъ иногда представителями противоположнаго воззрѣнія переоцѣнивается значеніе наследственности приобрѣтенныхъ свойствъ. Какъ утверждаютъ противники селекціонистовъ (сторонниковъ отбора), отборъ скорѣе приводитъ къ поддержанію средняго уровня, нежели къ развитію разновидностей. Дѣйствіе отбора сводится, по ихъ мнѣнію, во-первыхъ, къ тому, что онъ уничтожаетъ массу зародышей и не вполне еще развившихся организмовъ и тѣмъ поддерживаетъ численность вида приблизительно на одномъ и томъ же уровнѣ; во-вторыхъ, къ тому, что онъ уничтожаетъ тѣхъ индивидовъ, у которыхъ появились болѣе или менѣе вредныя для сохраненія жизни варіаціи. Что же касается индивидуальныхъ варіацій, полезныхъ для вида, то, если таковыя и появляются, онѣ должны быть слишкомъ слабы, чтобы сразу создать сколько-нибудь серьезные преимущества въ борьбѣ за существованіе; не доказано, чтобы такія варіаціи сами собою усиливались благодаря простому дѣйствію наследственности.

Происхожденіе переходящихъ по наследству варіацій является, такимъ образомъ, весьма спорнымъ. Одни склонны приписывать ихъ тому приспособленію, которое происходитъ между развитымъ животнымъ и окружающей его средой, и стоятъ на почвѣ признанія наследственности приобрѣтенныхъ свойствъ. Другіе объясняютъ самое появленіе варіацій видоизмѣненіями, происходящими въ зародышевой плазмѣ подъ вліяніемъ питанія, а цѣлесообразность укрѣпляющихся варіацій приписываютъ дѣйствію отбора. Но во всякомъ случаѣ

появленіе новыхъ видовъ животныхъ господствующее мнѣніе ставитъ въ связь, главнымъ образомъ, съ тѣми варіаціями, которыя постигаютъ сразу *большое количество особей* подъ вліяніемъ *измѣненій въ окружающей ихъ обстановкѣ*, въ особенности въ климатѣ и пищѣ. Какъ бы ни возникали эти варіаціи, характеръ ихъ всегда объясняется тѣмъ взаимодействіемъ, которое существуетъ между внѣшней средой и живой субстанціей. Въдѣ *жизнь*, въ чемъ бы ни состояла ея таинственная причина, всегда сводится именно къ активному взаимодействию между живымъ существомъ и окружающей его средой.

Наступившія измѣненія болѣе легко и быстро закрѣпляются *наследственностью* въ томъ случаѣ, если ихъ наступленіе сопровождается *изоляциями* измѣнившихся индивидовъ отъ оставшихся неизмѣнными. Изоляція можетъ быть пространственной, въ случаѣ эмиграціи части животнаго вида въ другую географическую область, или же фзіологической, въ случаѣ прекращенія между ними половыхъ сношеній (благодаря ослабленію полового инстинкта или же измѣненію формы половыхъ органовъ). Въ противномъ случаѣ *панмиксія*, т.-е. скрещиваніе измѣнившихся особей съ неизмѣнными, можетъ уничтожить наступившую варіацію.

Конечно, варіаціи, наступающія въ результатѣ измѣненія условій, далеко не всегда ведутъ къ *усовершенствованію* вида въ смыслѣ усложненій его организаціи и большаго разнообразія его жизненныхъ функцій. Напротивъ, здѣсь возможенъ и регрессъ (напримѣръ, потеря зрѣнія животными въ темнотѣ). Не всегда реакція, которая вызывается организмомъ на измѣнившуюся внѣшнюю обстановку, бываетъ удачна и съ точки зрѣнія этой обстановки: приспособленіе къ средѣ можетъ быть болѣе или менѣе удачнымъ или же совсѣмъ неудачнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ начнетъ свое дѣйствіе отборъ, который можетъ привести къ гибели всей измѣнившейся части вида; въ случаѣ же удачнаго приспособленія отборъ устранитъ менѣе приспособленныхъ индивидовъ и будетъ содѣйствовать *нивелировкѣ* измѣниваемаго вида. Въ этомъ и состоитъ регулирующее дѣйствіе отбора.

Изъ изложеннаго ясно, что проблемы общей биологiи до сихъ поръ еще недостаточно разработаны; здѣсь нѣтъ еще крупныхъ общепризнанныхъ истинъ, которыя бы раскрывали намъ вполнѣ существо биологической эволюціи. Совершенно загадочнымъ остается само основное явленіе жизни, какъ способности организованной субстанціи увеличиваться въ объемѣ, развиваться въ своихъ функціональныхъ проявленіяхъ и структурѣ и размножаться,—однимъ словомъ, составлять не пассивный элементъ дѣйствительности, а активный, самъ себя организующій и реагирующий на толчки, получаемые извнѣ ¹⁾. Загадку составляетъ и вопросъ о первоначальномъ появленіи жизни. Во многихъ существенныхъ чертахъ неяснымъ остается и процессъ дальнѣйшей эволюціи живыхъ существъ, ученіе о происхожденіи видовъ.

II. *Физическая и психическая организація человека.*
Высшимъ продуктомъ эволюціи животнаго міра является человекъ. Отличіе человека отъ остального животнаго міра, мнѣ кажется, достаточно выражается уже въ томъ, что *человѣческія общества имѣютъ исторію*, тогда какъ общества животныхъ ея не имѣютъ. Это обстоятельство энергически подчеркиваетъ отецъ современной соціологiи—О. Контъ. Объясняется это тѣмъ неизмѣримымъ превосходствомъ, которое человекъ имѣетъ надъ остальными животными. Это превосходство приводитъ къ тому, что и жизнь человѣческихъ обществъ слагается иначе, чѣмъ жизнь обществъ животныхъ. Общества животныхъ держатся на инстинктѣ и потому измѣняются въ своемъ строеніи только весьма медленно и для насъ незамѣтно. Въ основѣ человѣческихъ обществъ лежитъ также, несомнѣнно, общежительный инстинктъ, присущій человеку съ самаго начала существованія рода человѣческаго. Но на жизнь человѣческихъ обществъ оказываетъ вліяніе не только инстинктъ, а также сознательный разсудочный анализъ. Поэтому и структура общества людей, и его функціи оказываются неизмѣримо болѣе подвижными, чѣмъ общежительный строй животныхъ. Общежительный инстинктъ продолжаетъ служить и у человека основнымъ цементомъ, связывающимъ

¹⁾ О понятіи жизни см. *Stöhr. Der Begriff des Lebens* (1909).

людей въ соціальныя группы. Но устройство человѣческаго общества опредѣляется уже не голосомъ инстинкта, а такъ называемыми общественными *традиціями*, т.-е. навыками, создавшимися не въ результатъ чисто-биологическаго приспособленія организма, а въ результатъ воспитанія младшихъ поколѣній старшими (см. § 17, II). Общественныя традиціи, держась, такимъ образомъ, только на психическихъ навыкахъ, менѣе неподвижны, чѣмъ инстинкты, и легче уступаютъ анализу сознательной критики и размышленія. Поэтому формы и функціи общежитія способны мѣняться, и эти перемѣны происходятъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сознательнѣе дѣлается жизнь общества.

Хотя не все въ исторіи людей опредѣляется работой человѣческаго разума, тѣмъ не менѣе именно эта способность людей къ отвлеченному мышленію ставитъ ихъ надъ остальнымъ животнымъ міромъ и приводитъ къ тому, что люди въ своихъ соціальныхъ проявленіяхъ имѣютъ исторію, которой не имѣютъ животныя. Въ чемъ же вообще состоятъ важнѣйшія отличія, отдѣляющія человека отъ остального животнаго міра?

Главными *анатомическими* особенностями человека являются слѣдующіе признаки: 1) *Вертикальное положеніе тѣла* при ходьбѣ. О причинѣ этого различія высказываются различныя соображенія. Еще Кантъ защищалъ противъ Гердера идею, что потребности разума измѣнили строеніе человѣческаго тѣла и привели къ вертикальному положенію тѣла ¹⁾. Аналогичный споръ ведется и до сихъ поръ. Такъ, *Ранке* полагаетъ, что такое положеніе тѣла объясняется огромнымъ развитіемъ головного мозга; напротивъ, *Брокъ* именно въ вертикальномъ положеніи тѣла усматриваетъ одно изъ существенныхъ условій, сдѣлавшихъ возможнымъ чрезвычайное развитіе головного мозга. Какъ указалъ еще В. фонъ-Гумбольдтъ, вертикальное положеніе тѣла много способствовало и развитію рѣчи. Дѣло происходило приблизительно слѣдующимъ образомъ. Въ связи съ вертикальнымъ положеніемъ тѣла человекъ могъ обратитъ свои переднія конечности изъ органа передвиженія исключительно въ *органъ хватанія*. Такъ онъ сталъ брать

¹⁾ *K. Fisher. Geschichte d. neuer. Philosophie*, V, 253.

разные предметы сперва въ цѣляхъ питанія, защиты и нападенія, а затѣмъ и въ качествѣ орудій труда. Осложненіе функций руки привело само по себѣ и къ осложненію работы мозга и его дальнѣйшему развитію. Придавая предметамъ разныя положенія въ пространствѣ, человѣкъ выучился ихъ измѣрять и тѣмъ положилъ начало всякому точному знанію. Одновременно съ этимъ глазъ также получилъ, благодаря вертикальному положенію тѣла, болѣе широкое и многостороннее поле зрѣнія, что привело къ его прогрессивному развитію. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ органа зрѣнія было стѣснено развитіе носовой области и произошло ослабленіе чувства обонянія, характерное для человѣка. Эволюція зрѣнія также сопровождалась развитіемъ головного мозга. На почвѣ развитія мозга сдѣлалось возможнымъ появленіе членораздѣльной рѣчи, которая, какъ сейчасъ увидимъ, является необходимымъ условіемъ развитія способности къ абстрактному мышленію. Шотландскій анатомъ Куннингамъ недавно установилъ интересный фактъ, что центръ мускульнаго движенія рукъ развивается на шестомъ мѣсяцѣ существованія человѣческаго зародыша, тогда какъ центръ рѣчи образуется уже послѣ рожденія. Это также считается подтвержденіемъ той мысли, что и въ филогенетическомъ процессѣ развитіе вертикальнаго положенія тѣла предшествовало развитію членораздѣльной рѣчи и окончательному усовершенствованію головного мозга. Въ связи съ развитіемъ духовной жизни и перемѣной характера пищи уменьшалась работа челюстей, а это привело къ тому, что человѣкъ получилъ характерный для него болѣе прямой лицевой уголъ, утратилъ и въ этомъ отношеніи звѣриный образъ. 2) *Развитіе головного мозга.* Средняя тяжесть его равняется 1380 граммамъ у мужчины и 1350 граммамъ у женщины, тогда какъ у большихъ антропоидныхъ обезьянъ вѣсъ мозга равенъ всего 360 граммамъ; но мозгъ человѣкоподобной обезьяны въ свою очередь въ три раза превышаетъ мозгъ собаки того же вѣса. Масса мозга относится къ массѣ тѣла животнаго: у рыбы, какъ 1:5568, у амфибій, какъ 1:1331, у птицъ, какъ 1:212, у млекопитающихъ, какъ 1:186, у человѣка, какъ 1:50 и даже, какъ 1:40. Притомъ у человѣка (по *Флексигу*) высшіе центры (ассоціативные) очень развиты и занимаютъ $\frac{2}{3}$ всего объема

мозга; между тѣмъ у животныхъ они составляютъ только незначительную часть всей мозговой массы. Такимъ образомъ, уже по одному строенію своего тѣла, человѣкъ есть, по преимуществу, мыслящее существо; тогда какъ животныя скорѣе могутъ быть названы существами смотрящими, слушающими, обоняющими и т. п., но менѣе всего мыслящими ¹⁾. 3) Упомянутое уже *сокращеніе лицевой части черепа*, которая у животныхъ образуетъ выдающуюся впередъ морду. 4) Различіе въ формѣ и объемѣ зубовъ, въ характерѣ волосянаго покрова, въ своеобразномъ искривленіи позвоночника у человѣка, въ устройствѣ грудной клѣтки, таза и т. п.

Наибольшій интересъ представляютъ для насъ различія *психическія*. Высшія обезьяны, подобно человѣку, употребляютъ уже искусственныя орудія, на примѣръ, камни для разбиванія орѣховъ, и обладаютъ большимъ богатствомъ звуковъ, которое создаетъ нѣчто подобное рѣчи. Но ни одно животное, кромѣ человѣка, не знаетъ *членораздѣльной рѣчи словами* и не способно къ отвлеченному мышленію *абстрактными понятіями*. Эти способности и дѣлаютъ чѣловѣка высшимъ существомъ на землѣ ²⁾.

Животныя ассоціируютъ только тѣ впечатлѣнія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ ихъ физическому существованію, какъ индивидовъ (къ питанію, самосохраненію, воспроизведенію). У человѣка способность ассоціировать неограниченна и дополняется способностью абстрагировать, т.-е. выдѣлять обособленные элементы изъ той связи, въ которой они даны въ опытѣ, и затѣмъ вѣдь ихъ комбинировать (выше, § 6, 1). Поэтому онъ можетъ составлять абстрактныя понятія до безконечности. Въ связи съ этимъ у него вырабатывается *сознаніе своей личности*, своего *я*, которое противопоставляется всему окружающему. Несомнѣнно, что эта способность къ абстрактному мышленію могла развиваться только объ руку съ развитіемъ членораздѣльной рѣчи, ибо лишь при помощи словесныхъ символовъ человѣкъ можетъ оперировать съ такими отвлечен-

¹⁾ *Сикорскій*. „Душа ребенка“ (1909 г.), 9—10.

²⁾ См. объ умѣ животныхъ брошюру проф. *Погодина*. „Почему не говорятъ животныя?“ (1908 г.), гдѣ указана и литература предмета. См. также ст. *Филлиппченко* въ сборникѣ „Новыя идеи въ философіи“ № 10 (1913 г.).

ными понятіями, которыя не могутъ быть представлены ни однимъ нагляднымъ образомъ¹⁾. А такъ какъ развитіе рѣчи предполагаетъ жизнь въ обществѣ, то мы можемъ сдѣлать выводъ, что человѣкъ, какъ разумное существо, есть социальный продуктъ и что *соціальность составляетъ свойство человѣка*, какъ такового, унаслѣдованное имъ изъ животнаго міра²⁾. Въ исторіи социальность мѣнялась, укрѣп-

¹⁾ Meumann, *Intelligenz und Wille*, 154 сл. *Иерусалемъ*. „Учебникъ психологій“, §§ 37 слл. *Овсянко-Куликовскій*, „Происхожденіе языка и художественнаго творчества“ (въ изданіи т-ва „Міръ“ „Итоги науки“, т. X, стр. 214—272).

²⁾ Кто хотѣлъ бы наглядно убѣдиться въ томъ, какое огромное значеніе языкъ имѣетъ для нашей духовной жизни, тому я очень совѣтовалъ бы ознакомиться съ автобіографическими произведеніями знаменитой глухо-слѣпной *Елены Келлеръ*, которой ея физическіе недостатки не помѣшали приобрести въ университетѣ ученую степень. Вотъ, что она сама рассказываетъ въ брошюрѣ „Мой міръ“ о своей духовной жизни до того момента, какъ ее выучили алфавиту для глухо-нѣмыхъ, что дало ей возможность вступить въ словесное общеніе съ окружающими людьми. „Пока не пришла ко мнѣ моя учительница, я не знала, что я существую. Я жила въ мірѣ, который не былъ міромъ. Едва ли я могу надѣяться, что сумью належащимъ образомъ описать это безсознательное и, однако, сознательное время „ничего“. Я не знала, что я что-либо знала, или что я жила, или что-нибудь дѣлала, или желала. У меня не было ни воли, ни интеллекта. Я руководилась какимъ-то слѣпымъ естественнымъ влеченіемъ къ предметамъ и дѣйствіямъ. У меня былъ духъ, черезъ который я ощущала безпокойство, удовлетвореніе, желанія... Никогда я ничего не изслѣдовала и не выбирала... Моя внутренняя жизнь была пустотой безъ прошлаго, настоящаго или будущаго, безъ надежды или ожиданія, безъ жажды знать, безъ радости или вѣры... Такъ какъ я не могла думать, то я и не сравнивала одного духовнаго состоянія съ другимъ. Я не сознавала и того, что въ моемъ мозгу происходитъ перемѣна или прогрессъ, когда моя учительница начала меня обучать. Я чувствовала только ясную радость по тому поводу, что я съ помощью движеній пальцами, которымъ она меня обучила, легче могла достать то, чего я желала. Я думала только о предметахъ и только къ предметамъ обращались мои желанія... Когда я выучила значеніе словъ „я“ и „миръ“, то я начала думать. Въ этотъ моментъ впервые явилось у меня сознание. Не осязаніе принесло мнѣ знаніе. Пробужденіе моей души впервые возвратило цѣнность моимъ чувствамъ и выучило ихъ узнавать предметы, имена и особенности... Мои тѣлесныя идеи, т.-е. идеи, которыя произведены отъ матеріальныхъ предметовъ, сперва входили въ мое сознание подобнымъ же образомъ, какъ осязательныя ощущенія. Но моментально они переходятъ въ интеллектуальныя понятія. Позднѣе эти понятія находятъ выраженіе въ такъ называемомъ „внутреннемъ языкѣ“. Когда я была ребенкомъ, то мой внутренний языкъ былъ

ляясь въ своей интенсивности и расширяясь экстенсивно, но самый социальный инстинктъ есть прирожденное свойство человѣка и является однимъ изъ его крупныхъ преимуществъ въ борьбѣ за существованіе на ряду со способностью къ абстрактному мышленію, выработавшейся, какъ мы убѣдились, на почвѣ той же социальности¹⁾.

Въ исторіи, конечно, для насъ представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, психическія особенности человѣка, такъ какъ исторія занимается духовной стороной жизни человѣка, какъ социального существа. И притомъ интересъ представляетъ не только психика индивида, но и *психология народовъ*, о которой рѣчь будетъ идти особо. Но и физическая сторона человѣческаго существа не можетъ быть безразлична для историка. Состоянія тѣла лежатъ въ основѣ той стороны психической жизни, которая именуется *материальными потребностями*, какова потребность въ пищѣ, жилищѣ, одеждѣ и т. п. Конечно, эти потребности, какъ и всѣ вообще потребности, представляютъ собою психическія состоянія; но они стоятъ въ связи съ состояніями физического организма и потому ихъ изученіе предполагаетъ знакомство съ этой стороной дѣла. Вопросъ о матеріальныхъ потребностяхъ получаетъ особое значеніе для современнаго историка въ виду существованія тенденціи поставить эти потребности въ основу всего историческаго процесса. Мы будемъ особо говорить (ниже, § 20) о такъ называемомъ историческомъ или экономическомъ материализмѣ.

внутреннимъ языкомъ алфавита пальцевъ. Хотя я сама теперь часто люблю себя на работѣ моихъ пальцевъ, которые складываются въ буквы, но я говорю сама съ собою моими губами, и когда я выучилась говорить, то мой духъ отказался отъ символовъ пальцами и началъ говорить явственными словами. Это такъ. Когда же, однако, я что-нибудь хочу припомнить, что мнѣ кто-нибудь сказалъ, то я ясно чувствую руку, которая передаетъ пальцами буквы моей рукъ“.

¹⁾ Ср. о зависимости разумности отъ социальности L. Stein. *Der Sinn des Daseins* (1904), ч. IV. *Durkheim*. *Les formes élémentaires de la vie religieuse* (1912) объясняетъ возникновеніе религиозныхъ идей тѣми воздѣйствіями, которыхъ пребываніе въ обществѣ, оказываетъ на человѣка, изъ этого же источника выводитъ эволюцію логическихъ категорій, а принудительность логическихъ нормъ основываетъ также на ихъ социальномъ происхожденіи.

Что касается времени происхожденія челоуѣка, то о немъ приходится судить на основаніи двоякаго рода данныхъ: 1) остатковъ скелета самого челоуѣка и 2) остатковъ употребляемыхъ имъ орудій и прочихъ слѣдовъ его дѣятельности. Какъ тѣ, такъ и другіе остатки, найдены современными палеонтологами въ достаточномъ количествѣ, чтобы можно было сдѣлать заключеніе, что челоуѣкъ, несомнѣнно, существовалъ въ такъ называемую дилювіальную эпоху четвертичнаго геологическаго періода, когда вслѣдствіе измѣненія климата, происшедшаго отъ недостаточно еще выясненной причины, значительная часть современной Европы была покрыта ледниками. Высказывается предположеніе, что въ эту эпоху было даже двѣ породы людей: неандертальскій челоуѣкъ (*homo primigenius*), позднѣе вымершій и стоящій на болѣе низкой ступени развитія, и современный челоуѣкъ (*homo sapiens*); въ какомъ отношеніи эти двѣ породы стояли другъ къ другу, т.-е. являлись ли онѣ двумя отпрысками отъ одного корня или же современный челоуѣкъ (со всеми его расовыми разновидностями) произошелъ отъ неандертальскаго, при чемъ послѣ его появленія сохранились въ теченіе нѣкотораго времени и его прародичи,—сказать съ увѣренностью нельзя. Во всякомъ случаѣ люди тогда были очень малочисленны и пользовались въ качествѣ орудій еще необработанными камнями; употребленіе огня было имъ извѣстно; нѣкоторыя данныя говорятъ за то, что они были людодѣдами. Существовалъ ли челоуѣкъ еще раньше—въ геологическомъ третичномъ періодѣ—современная наука рѣшить еще не беретъ за отсутствіемъ вполне опредѣленныхъ данныхъ какъ за, такъ и противъ утвердительнаго отвѣта. Точно такъ же неопредѣленной является и хронологія геологическихъ періодовъ: въ оцѣнкѣ ихъ продолжительности ученые расходятся весьма значительно (между сотнями и десятками тысячъ лѣтъ¹⁾.

¹⁾ Популярное изложеніе вопроса даютъ: *Heilborn*. Der Mensch der Urzeit (1910). *Steinmann*. Die Eiszeit und der vorgeschichtliche Mensch (1910). *Лехе*. „Челоуѣкъ“ (1913), гл. IX и X, и др. *Бутель-Респенъ*. „Изъ исторіи происхожденія челоуѣчества“ (1913). Подробно см. у *Обермайера*. „Доисторическій челоуѣкъ“ (1913 г.).

Физическая и психическая организація челоуѣка выступаетъ въ исторіи преимущественно, какъ *факторъ устойчивости*: мѣняется запасъ нашихъ знаній и содержаніе міровоззрѣнія, мѣняются способы воздѣйствія челоуѣка на міръ, но основные законы физической и психической жизни остаются въ общемъ неизмѣнными. Однако, въ исторіи констатируются извѣстныя измѣненія въ самыхъ приемахъ и формахъ мышленія и въ характерѣ чувствованія. Объ этихъ измѣненіяхъ, изученіе которыхъ можетъ составить предметъ особой *исторической психологіи*, мы также будемъ говорить особо (ниже, § 19)¹⁾.

¹⁾ *Гобгаузъ (Hobhouse)* въ своей книгѣ *Mind in evolution* (1901) предлагаетъ слѣдующую *схему развитія мышленія*. 1. Когда въ живомъ организмѣ накапливается избытокъ энергіи, то онъ разрѣшается въ *импульсивное движеніе*. Тѣ импульсивныя движенія, которыя оказываются полезными для сохраненія организма, закрѣпляются отборомъ и такъ превращаются въ *рефлективные движенія*, т.-е. такія, которыя служатъ опредѣленнымъ отвѣтомъ структуры организма на опредѣленные внѣшніе стимулы. Эти движенія являются результатомъ прошлаго опыта, который сконцентрированъ въ самой структурѣ организма. Сочетаніе рефлективныхъ движеній, вызываемое внѣшними стимулами, идущими въ опредѣленномъ порядкѣ одинъ за другимъ, составляетъ *инстинктъ*, основы котораго также заложены въ анатомической структурѣ организма. Инстинктомъ мы называемъ способность организма выполнять дѣйствія, полезныя для сохраненія вида или индивида, безъ сознанія окончательной цѣли этихъ дѣйствій. 2. Вторую ступень въ развитіи сознанія составляетъ то состояніе психики, когда *чувство, связанное съ дѣйствіемъ внѣшняго стимула, входитъ въ сознаніе*, запоминается и это помогаетъ животному отличать настоящій стимулъ отъ ложнаго. Инстинктъ въ этомъ отношеніи слѣпъ и функционируетъ даже подъ влияніемъ ложнаго стимула, если онъ по своему характеру достаточенъ, чтобы привести въ дѣйствіе аппаратъ инстинктивнаго приспособленія организма. Подъ влияніемъ сознанія стимула, напр., цыпленокъ выбираетъ себѣ подходящую пищу среди разбросанныхъ передъ нимъ предметовъ. Но элементъ чувства еще не выдѣляется отчетливо отъ самаго внѣшняго стимула и потому мы имѣемъ передъ собой просто *специализированный моторный стимулъ*. Значеніе индивидуальнаго опыта здѣсь состоитъ только въ томъ, что онъ способствуетъ специализированію врожденнаго моторнаго стимула, инстинкта. Инстинктъ на этой ступени становится болѣе подвижнымъ, пластичнымъ. Но все же передъ нами пока стоитъ такой силлогизмъ, въ которомъ обѣ посылки не сознаются отчетливо. 3. Въ недифференцированномъ содержаніи сознанія, гдѣ еще нѣтъ ни понятія, ни сужденія, но мышленіе тѣсно связано съ эмоціями, происходитъ новое расчлененіе. Элементъ моторнаго возбужденія *отдѣляется отъ того представленія, съ которымъ связано чувство*. Это предста-

III. *Человѣческія расы.* Въ заключеніе этого отдѣла рассмотримъ вопросъ, представляетъ ли человѣческій родъ единство, или же между людьми можно различать виды и разновидности, подобные породамъ животныхъ. Ясно, что этотъ вопросъ представляется чрезвычайно важнымъ въ теоріи историческаго процесса, такъ какъ отъ разрѣшенія его въ ту или другую сторону зависитъ общій взглядъ на процессъ всемірной исторіи. Все ли представители человѣческаго рода и группы, на которыя онъ раздѣляется, въ одинаковой степени способны къ культурному развитію? Споръ идетъ, главнымъ образомъ, по поводу раздѣленія человѣчества на отдѣльныя расы.

Уже народная мудрость, выражающаяся въ пословицахъ и поговоркахъ, придаетъ нерѣдко большое значеніе расовому и національному различію между людьми. У всѣхъ народовъ встрѣчаются поговорки, въ родѣ нашей: „что русскому зло-

вленіе теперь можетъ свободно воспроизводиться въ сознаніи, даже обобщаться, и такимъ образомъ становится возможнымъ узнаваніе знакомаго лица, предмета, мѣста, послѣдовательности событій. Такъ возникаетъ *конкретный опытъ* и мышленіе, которое держится въ предѣлахъ этого опыта. Заключенія при такомъ мышленіи дѣлаются отъ конкретнаго къ конкретному. Правда, конкретные образы могутъ быть уже не индивидуальными; въ нихъ присутствуетъ извѣстное обобщеніе. Они, какъ выражается *Рибо*, являются *образами сгущенными*, генерическими, подобными тѣмъ изображеніямъ, которыя появляются на фотографической пластинкѣ послѣ того, какъ на ней послѣдовательно снято нѣсколько человѣческихъ лицъ. Такіе генерическіе образы уже позволяютъ предвидѣть будущее; отдѣльныя явленія подъ нихъ подводятся. Осознанной при этомъ является только меньшая посылка силлогизма; что же касается большей, то она дѣйствуетъ безсознательно, такъ какъ самая идея отношенія еще не вошла въ сознаніе. На этомъ уровнѣ остается мышленіе даже высшихъ животныхъ, кромѣ одного только человѣка. Въмѣсто импульса здѣсь уже является желаніе съ сознаніемъ желаемой цѣли. 4. Предметами сознательной апперцепціи становятся уже *самыя отношенія и свойства*. Мышленіе приобретаетъ *абстрактный характеръ*: оно способно изъ сложнаго представленія выдѣлять отдѣльные элементы и затѣмъ комбинировать ихъ между собой. Поэтому оно получаетъ возможность въ создаваемыхъ понятіяхъ и сужденіяхъ выходить за предѣлы конкретнаго опыта. Здѣсь оказывается осознанными уже все посылки силлогизма и возникаетъ даже идея собственнаго „я“. На почвѣ такого развитія получается возможность опредѣлять поступки *волей*, т.-е. рѣшеніями, которыя принимаются въ соответствіи со всей личностью дѣйствующаго, а не просто въ связи съ обстоятельствами даннаго момента. При этихъ условіяхъ развивается и *языкъ*, являющійся психологической осно-

рово, то нѣмцу смерть“¹⁾. Соответственно съ этимъ и научная мысль давно обратила вниманіе на вопросъ о человѣческихъ расахъ.

Попытки охарактеризовать различныя расы и народности дѣлаются у античныхъ писателей, напримѣръ, у Геродота, Аристотеля, Страбона, Плинія, Галена. Систематическую разработку вопросъ этотъ получаетъ однако только въ новое время. Среди современныхъ ученыхъ существуетъ направленіе, которое пытается поставить вопросъ о расовыхъ различіяхъ, во главу философіи исторіи. Это—*сторонники неравенства людей*. Они усматриваютъ въ понятіи расы нѣчто устойчивое и пытаются свести весь историческій процессъ къ проявленію различныхъ расовыхъ свойствъ и задатковъ. Обыкновенно у нихъ имѣются излюбленныя расы, которыя они считаютъ избранными среди всѣхъ народовъ и отъ судьбы которыхъ зависитъ будущность цивилизаціи.

Много шума произвелъ французъ *графъ Гобино* своимъ трактатомъ о неравенствѣ человѣческихъ расъ, появившимся

вой абстрактнаго мышленія и средствомъ для передачи не только чувствъ, но и понятій. Самый опытъ на почвѣ языка становится *соціальнымъ*. Возникаетъ общественное сознаніе и зарождаются общественныя традиціи. Все это характеризуетъ стадію нормальнаго *зрѣлаго смысла* человѣка. 5. Последней является стадія *научно-философскаго мышленія*. На этой стадіи не только сознается силлогизмъ во всѣхъ его посылкахъ, но *подвергается анализу самый ходъ мышленія*. Возникаетъ требованіе, чтобы все содержаніе соціальнаго опыта было систематизировано и сведено къ логическому единству. Анализу подвергается общая цѣль человѣческаго существованія и присущія человѣку силы. Возникаетъ стремленіе сознательно руководить всей эволюціей жизни и свести ее къ цѣли, лежащей въ предѣлахъ *человѣческаго достиженія*. Ходъ эволюціи чрезвычайно ускоряется. Первоначально абстрактная мысль чрезмерно увлекается созданными ею же абстракціями и, придавая имъ реальное значеніе, ищетъ въ нихъ особыя „сущности“, объясненія всѣхъ явленій; мысль переживаетъ *догматико-метафизическій фазисъ*. Затѣмъ устанавливается болѣе трезвое отношеніе къ абстракціямъ; въ нихъ перестаютъ видѣть сущности и начинаютъ требовать соблюденія строгой постепенности въ объясненіи матеріала опыта; мысль переходитъ къ *критико-научному* состоянію. См. къ этому *Рибо*. Эволюція общихъ идей (рус. пер. 1898 г.).

1) См. собр. такихъ поговорокъ въ книгѣ *Michaëlis*, }Prinzipien der natürlichen und sozialen Entwicklungsgeschichte des Menschen (1904) 65, fg. *Reinberg—Diringsfeld*, Internationale Titulaturen (1863). Ко всему вопросу см. также *Mougeolle*. Les problêmes de l'histoire. ч. II. кн. III.

въ 1853—1855 году ¹⁾. Идеями Гобино заинтересовался известный композитор Рихардъ Вагнеръ, который немало способствовалъ ихъ распространенію. Гобино различаетъ три основныхъ человѣческихъ расы: бѣлую, желтую и черную и утверждаетъ, что онѣ одарены неодинаковыми способностями. Его основная мысль состоитъ въ томъ, что всякое смѣшеніе расъ есть уже вырожденіе и что только чистая раса можетъ создавать прочную культуру. Изъ всѣхъ расъ онъ отдаетъ предпочтеніе бѣлой или арійской и ставитъ въ зависимость отъ ея чистоты укрѣпленіе и развитіе высшей культуры. Но такъ какъ и эта раса подвергается вредному влиянію скрещиванія съ другими, то Гобино приходитъ къ самымъ мрачнымъ выводамъ относительно будущаго прогресса рода человѣческаго. Несмотря на то, что сочиненія Гобино написаны далеко не научно и грѣшатъ полнымъ отсутствіемъ правильной исторической критики, его ученіе нашло себѣ много послѣдователей. Французъ *Ваше-де Лапужъ* въ своихъ многочисленныхъ трудахъ доказываетъ, что число основныхъ человѣческихъ расъ ограничено, такъ какъ ограничено число тѣхъ біологическихъ комбинацій, возможныхъ для людей, которыя вполне приспособлены къ существованію въ земныхъ условіяхъ. На этомъ же основаніи онъ объявляетъ, что только чистыя расы способны къ долговременному существованію, тогда какъ метисы вырождаются. Къ сожалѣнію, неблагоприятныя условія соціального подбора приводятъ, съ одной стороны, къ скрещиванію расъ, съ другой стороны — къ вымиранію наиболѣе даровитыхъ расъ. Исторію Европы Лапужъ беретъ объяснить, главнымъ образомъ, борьбою двухъ расъ: бѣлокурой длинноголовыхъ, которые являются наиболѣе энергичнымъ и прогрессивнымъ элементомъ исторіи, и черноволосяхъ короткоголовыхъ. Но къ нашему времени во Франціи, по крайней мѣрѣ, благодаря неудачнымъ условіямъ соціального отбора, короткоголовые одержали верхъ. Отсюда объясняются всевозможныя проблемы современности: и особый характеръ современной демократической культуры, и уменьшеніе населенія во Франціи, и распредѣленіе богатствъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, и различіе низшихъ и высшихъ классовъ обще-

¹⁾ *Gobineau*, Essai sur l'inegalité des races humaines, 2 изд. 1884 г. Ср. *L. Schemann*, Gobineaus Rassenwerk. 1910.

ства, и т. д. Особая наука — антропосоціологія — должна выяснитъ законы взаимодѣйствія расы и среды ¹⁾. Въ Англии подобные взгляды развиваетъ *Чемберленъ*. Въ Германіи дѣятельными проповѣдниками расовой идеи являются *Отто Аммонъ и Вольтманъ* ²⁾. *Гельвальдъ* положилъ соотвѣтственную теорію въ основу издаваемой имъ „Исторіи культуры“. *Тэнъ* въ своихъ трудахъ по исторіи литературы выдвигаетъ три основныхъ фактора исторіи: расу, среду и моментъ, при чемъ раса стоитъ на первомъ мѣстѣ. Впрочемъ, у Тэна понятіе расы близко соприкасается съ понятіемъ національности. Изъ современныхъ соціологовъ австріецъ *Гумпловичъ* особенно настойчиво разрабатываетъ расовую теорію. По ученію Гумпловича ³⁾, человѣчество произошло отъ нѣсколькихъ расъ, въ которыхъ первоначально въ чистомъ видѣ проявлялись различія краниологическія (въ формѣ устройства черепа). Небольшія орды, состоявшія изъ представителей такихъ расъ, вступали между собою въ вооруженныя столкновенія, и такъ, на почвѣ завоеваній, возникали государства. Государство всегда является господствомъ меньшинства надъ большинствомъ. Хотя разныя расы въ государствахъ, съ теченіемъ времени, могутъ слиться въ одну національность, но расовое происхожденіе изъ многихъ элементовъ всегда оставляетъ слѣды въ раздѣленіи общества на сословія и даже на профессиональные классы, между которыми происходитъ борьба интересовъ. Въ склонности людей передавать потомству занятія предковъ Гумпловичъ видитъ явный признакъ расоваго происхожденія классовъ и сословій. Въ скрещиваніи расъ, въ отличіе отъ Гобино и Лапужа, онъ усматриваетъ залогъ культурнаго развитія, а въ культурномъ развитіи — основную миссію государства, какъ такового. Государство безъ классовой борьбы, основанное на равенствѣ всѣхъ гражданъ, онъ считаетъ неосуществимой мечтой, утопіей: мечта эта неосу-

¹⁾ См. новѣйшее сочиненіе плодовитаго писателя: *Vacher de-Lapouge*. Race et milieu social (1909).

²⁾ *L. Woltmann*. Die Germanen und die Renaissance in Italien (1905) и *Die Germanen in Frankreich* (1907), опираясь на расовую теорію, пытается даже доказать, что чуть ли не все выдающіеся дѣятели Итальянскаго возрожденія, а также и французскія исторіи были германскаго происхожденія.

³⁾ См. *Гумпловичъ*. Основы соціологіи (1899 г.). Его же. Общее ученіе о государствахъ (1910 г.).

щества именно потому, что люди неравны по своей природѣ. Три главные класса въ каждомъ государствѣ—войны, торговцы и промышленники, рабочіе—суть обыкновенно представители разныхъ расъ. Первые два класса принадлежатъ къ бродячему типу людей, а третій—къ осѣдлому. Государство со многими національностями представляется высшимъ типомъ социальнаго порядка, чѣмъ государство національное, въ особенности, если разные національности выработали у себя общій націонализмъ, покоящійся на территориальной основѣ. Национализмъ есть національность безъ общаго языка.

Конечно, далеко не все современные историки и социологи придерживаются такихъ воззрѣній. Напротивъ, большинство склонно въ своихъ работахъ почти совершенно игнорировать вопросъ о различіи человѣческихъ расъ. Такъ, у *Спенсера* вы не найдете въ социологическихъ трудахъ никакого намека на сколько-нибудь значительныя различія между отдѣльными расами, которыя бы должны быть приняты во вниманіе при построении социологической теории; Спенсеръ видитъ повсюду единый характеръ развитія, протекающаго въ зависимости отъ окружающей человѣка среды. Возникаетъ поэтому вопросъ, на чьей же сторонѣ правда: на сторонѣ ли тѣхъ лицъ, которыя склонны всю исторію объяснять расовымъ моментомъ, или же на сторонѣ тѣхъ, которыя находятъ возможнымъ совсѣмъ съ нимъ не считаться? Для разрѣшенія этого вопроса лучше всего обратиться къ точной наукѣ и посмотрѣть, что сдѣлано наукой до сихъ поръ для выясненія расовыхъ различій и ихъ значенія для людей.

Первыя попытки научной *классификаціи человѣческихъ расъ* ¹⁾ относятся къ XVIII вѣку. Шведскій естествоиспытатель *Карлъ Линней*, родоначальникъ современной систематики растений и животныхъ, насчитывалъ четыре разновидности человѣка или четыре расы: американцевъ, европейцевъ, азіатцевъ и африканцевъ; различія между ними онъ усматривалъ въ цвѣтѣ кожи, въ темпераментѣ и въ характерѣ культуры. Такъ онъ получилъ слѣдующія характеристики: американецъ—красноватый, холерическій, управляется на основаніи обычаевъ; европеецъ—бѣлый, сангвиническій, управляется на основаніи законовъ; азіатецъ—желтоватый,

¹⁾ См. *Ранке*. Человѣкъ, II, 295 слл.

меланхолическій, управляется посредствомъ мнѣній; африканецъ—черный, флегматическій, управляется посредствомъ произвола и т. п. Нетрудно видѣть, что въ этой классификаціи отсутствуетъ даже ясное понятіе расы, такъ какъ чисто физическія и психическія различія здѣсь перемѣшаны съ различіями культурными, создаваемыми уже въ теченіе исторіи. Основатель науки сравнительной анатоміи *Кювье* насчитывалъ, напротивъ, только три расы—бѣлую, желтую и черную, которыя онъ выводилъ отъ трехъ сыновей Ноя. Это дѣленіе на три расы, основанное исключительно на физическихъ различіяхъ, въ новѣйшее время разработано *Тотинаромъ*. Нѣмецкій зоологъ *Блюменбахъ* въ 1775 году впервые выступилъ съ классификаціей расъ, основанной на различіяхъ въ формѣ черепа, въ цвѣтѣ кожи и нѣкоторыхъ иныхъ особенностяхъ анатомическаго строенія; но точныхъ измѣреній череповъ онъ не дѣлалъ. Разработанъ этотъ вопросъ былъ впервые шведскимъ анатомомъ XIX вѣка *Рециусомъ*, который и считается основателемъ современной науки о черепахъ—*краниологіи*. Рециусъ различаетъ четыре вида череповъ; смотря по отношенію между длиной и шириной черепа, онъ дѣлитъ людей на длинноголовыхъ, или долихоцефаловъ, и короткоголовыхъ, или брахицефаловъ; смотря по характеру челюстей и лицевого угла, онъ различаетъ черепа прогнатическіе съ выдающимися челюстями и острымъ лицевымъ угломъ и ортогнатическіе съ прямыми челюстями и сравнительно болѣе тупымъ лицевымъ угломъ. Болѣе точныя измѣренія заставили впоследствии *Брокá и Велькера* прибавить еще одинъ типъ черепа: среднеголовыхъ, или мезоцефаловъ. Сверхъ того, краниологи подвергаютъ измѣренію еще вмѣстимость черепа, соотношеніе между вышиной и шириной и т. п. Нѣмецкій лингвистъ и этнографъ второй половины XIX ст. *Фридрихъ Мюллеръ* предложилъ классификацію расъ, основанную на формѣ и расположеніи волосяного покрова (шерстистоволосые, пучковолосые, руноволосые, прямоволосые, кудреволосые).

Уже изъ этихъ свѣдѣній видно, что вопросъ о классификаціи расъ не стоитъ на прочныхъ основахъ: разные изслѣдователи предлагаютъ различныя принципы классификаціи. Это совершенно понятно: ни одинъ изъ предложенныхъ признаковъ не даетъ вполне удовлетворительныхъ

результатовъ. Наболѣе ходячею классификаціей является та, которая основана главнымъ образомъ на *цвѣтъ кожи*; но болѣе точныя наблюденія показали, что здѣсь существуетъ масса оттѣнковъ, такъ что строгихъ границъ провести невозможно, и что цвѣтъ кожи мѣняется подъ вліяніемъ не только скрещиванія расъ, но и перемѣны внѣшней обстановки. Что касается *краниологии*, то, во-первыхъ, изслѣдователи еще не доработались до вполнѣ общепринятой системы измѣреній; во-вторыхъ, оказалось, что представители различныхъ формъ череповъ встрѣчаются въ предѣлахъ одной и той же народности, а сходные черепа обнаруживаются у народовъ, ничего общаго между собою ни по культурному уровню, ни по мѣсту жительства не имѣющихъ. Не выяснено, наконецъ, и значеніе формы черепа для психической жизни ¹⁾. Не болѣе успѣшной оказалась попытка классифицировать расы по различіямъ *волосяного покрова*; и эти различія не даютъ точныхъ критеріевъ. Самое утвержденіе поклонниковъ расовыхъ различій, что есть расы болѣе или менѣе *способныя къ культурному развитію* и есть расы, самую природою осужденныя на вѣчный культурный застой, не оказывается обоснованнымъ. Исторія иногда выдвигаетъ такіе факты, которые показываютъ, что такія представленія опираются часто на предразсудки и что культурный застой для нѣкоторыхъ расъ былъ до сихъ поръ только слѣдствіемъ устранимыхъ историческихъ условій; на нашихъ глазахъ представители желтой расы—японцы—довольно быстро начали усваивать плоды европейской культуры, а наблюденія надъ американскими неграми заставляютъ сомнѣваться и въ неспособности къ развитію черной расы.

Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что различія между людьми не имѣютъ такого значенія, какъ различія породъ животныхъ. Всѣ расовыя различія не являются препятствіемъ къ скрещиванію людей; далѣе, различія эти поддаются измѣненіямъ при перемѣнѣ окружающей среды. На нашихъ глазахъ, напримѣръ, въ Сѣверной Америкѣ, повидимому, образуется совершенно особый типъ людей, извѣстный подъ именемъ „янки“; эта разновидность человѣческаго рода слагается изъ самыхъ различныхъ элементовъ, переселяющихся въ

¹⁾ Ср. *Лэвенфельдъ*, О глупости (1912 г.) 80—86.

Америку со всѣхъ концовъ земного шара; съ теченіемъ времени различія между потомками бывшихъ нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, русскихъ и т. п. переселенцевъ начинаютъ сглаживаться, и вырабатываются особыя черты, отличающія сѣверо-американца, въ которыхъ, какъ уже было упомянуто, нѣкоторые усматриваютъ даже извѣстное сходство съ типомъ аборигена Америки—краснокожаго индѣйца.

Вообще различія между людьми не могутъ быть такъ велики, какъ различія между животными, уже потому, что человѣкъ въ гораздо меньшей стѣпени зависитъ отъ окружающей среды, чѣмъ животныя, и въ гораздо большей стѣпени, чѣмъ они, выступаетъ самъ въ роли фактора, активно преобразующаго окружающій міръ. Поэтому эволюція человѣка состоитъ не столько въ измѣненіяхъ формъ его анатомическаго строенія, сколько въ измѣненіи психическаго склада и формъ общежитія. Современный французскій антропологъ *Деникеръ* ¹⁾ предлагаетъ поэтому совсѣмъ отбросить для человѣка понятія расы и вида; онъ считаетъ ихъ подходящими, строго говоря, только для міра низшихъ животныхъ, а не людей. О видахъ и разновидностяхъ говорятъ примѣнительно къ дикимъ животнымъ, которыя развиваются въ исключительной зависимости отъ природы; о расахъ говорятъ примѣнительно къ домашнимъ животнымъ, развитіе которыхъ опредѣляется условіями, создаваемыми для нихъ волею человѣка. Ни то, ни другое не примѣнимо къ человѣку; самый примитивный человѣкъ пользуется членораздѣльной рѣчью и различными орудіями, которыя уменьшаютъ его зависимость отъ природы; съ другой стороны, человѣкъ не подлежитъ искусственному воздѣйствію посторонняго укротителя. Эти соображенія не помѣшали, впрочемъ, Деникеру выступить съ своей классификаціей расъ. При этомъ Деникеръ настаиваетъ на необходимости дѣлать человѣческія расы исключительно по различіямъ въ строеніи тѣла (*соматическіе* признаки) и отличать отъ нихъ *этническія группы*, различающіяся между собою признаками культурными (лингвистическими и социальными).

Что касается, въ частности, *лингвистическихъ группъ*, то можно предполагать, что различіе языковъ первоначально

¹⁾ *Deniker. Races et peuples de la terre* (1900), 1 слл., 333 слл.

стояло въ связи съ расовыми различіями. Однако, языкъ, будучи духовнымъ образованіемъ, мѣняется много легче, чѣмъ соматическія особенности. Не только отдѣльные люди, переселяясь въ другіе края, часто усваиваютъ себѣ языкъ своей новой родины, но и цѣлыя народныя группы могутъ оказаться въ подобномъ положеніи; нѣрѣдко побѣдители усваиваютъ себѣ языкъ побѣжденныхъ или наоборотъ. Разные языки постоянно заимствуютъ слова одинъ у другого. Поэтому требуется очень серьезная филологическая работа, чтобы отъ разнообразія современныхъ языковъ добираться до происхожденія словъ и ихъ основныхъ сходствъ и на этой почвѣ возстановлять исчезнувшее теперь первоначальное дѣленіе языковъ. Путемъ филологической работы удалось установить *нѣсколько основныхъ семействъ языковъ*. Такъ, для Западной Азіи и Европы имѣютъ значеніе двѣ основныя группы языковъ, каждая изъ которыхъ, повидимому, ведетъ свое начало отъ исчезнувшаго пра-языка: 1) индоевропейская или арійская ¹⁾, которая въ свою очередь дѣлится на группы *satem* (индусы, персы, армяне, славяне, литовцы) и группу *kentum* (греки, римляне, кельты, германцы); 2) семитическая (египтяне, ассирійцы, финикіяне, евреи, арабы). Затѣмъ различаются языки малайско-полинезійскіе, дравидскіе, ура-ло-алтайскіе, южно-африканскіе (Банту), американскіе и т. д.

Все изложенное показываетъ, что историку нельзя отправляться въ своихъ работахъ отъ-какихъ нибудь опредѣленныхъ предпосылокъ о расовыхъ различіяхъ и пытаться объяснить съ этой точки зрѣнія историческія событія. Если расовыя различія имѣютъ значеніе, то во всякомъ случаѣ это значеніе не можетъ быть слишкомъ велико и наукой не выяснено въ достаточной степени. Несмотря на жестокія подчасъ проявленія *расовой вражды*—сюда относятся такія явленія, какъ преслѣдованіе негровъ въ Сѣверной Америкѣ, какъ антисемитизмъ, какъ толки о такъ называемой желтой опасности ²⁾—правда, повидимому, на сторонѣ тѣхъ ученыхъ, которые, подобно *Ранке*, приходятъ къ заключенію, что че-

ловѣчскій родъ представляетъ въ концѣ-концовъ единство ¹⁾. Французскій изслѣдователь *Фино* въ своей книгѣ „Расовый предрасудокъ“ (1905 г.) также приходитъ къ выводу, что нѣтъ высшихъ и низшихъ расъ,—есть только расы и народы, которые живутъ внутри, или внѣ культурныхъ вліяній; развитіе культуры преимущественно у бѣлыхъ народовъ и въ предѣлахъ опредѣленныхъ географическихъ широтъ есть только результатъ историческихъ условій. Еще *Кантъ* энергично защищалъ подобный взглядъ. Онъ утверждалъ, что „классъ бѣлыхъ не долженъ быть отличаеми отъ черныхъ, какъ особая порода въ человѣческомъ родѣ, и нѣтъ вообще различныхъ породъ людей“ ²⁾. Хотя существуютъ человѣчскія расы, вызванныя приспособленіемъ къ средѣ, но единство человѣческаго рода, думаетъ Кантъ, доказывается уже тѣмъ, что эти расы способны къ взаимному скрещиванію. Фулье основательно замѣчаетъ, что одни и тѣ же ученые антропологи не жалѣютъ аргументовъ, чтобы доказать принципиальное единство человѣка съ остальными животными, и въ то же время, рассуждая о человѣческихъ расахъ, довольно непослѣдовательно хотятъ видѣть одни только различія между ними ³⁾. Говоря о теоріи борьбы длинноголовыхъ блондиновъ съ короткоголовыми брюнетами, развиваемой Лапужемъ и др., Фулье замѣчаетъ: „эти мнимыя „расы“ суть просто психологическіе типы, мозговыя условія которыхъ намъ еще неизвѣстны... Расы эти суть воплощенныя чувства и мысли; борьба расъ сдѣлалась борьбой идеи, дополняемой борьбой страстей и интересовъ; измѣните идеи и чувства и вы избѣжите мнимо неизбѣжныхъ войнъ“ ⁴⁾.

Весьма вѣроятно, что весь пресловутый расовый вопросъ есть, въ дѣйствительности, такой же предрасудокъ, какъ и родственныи ему *женскій вопросъ* ⁵⁾, и что правда на сторонѣ защитниковъ равенства людей какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ.

¹⁾ *Ранке*. Человѣкъ, II, 290.

²⁾ *K. Fischer*. Geschichte der neuer. Philos. 4, V, 225.

³⁾ *Fouillée*. Tempérament et caractère, 298 слл. См. также *Riess*, Historik I (1912), §§ 37—40.

⁴⁾ *Фулье*. Психологія французскаго народа, кн I, гл. III.

⁵⁾ О послѣднемъ см. мою книгу „Женщина и человѣческое достоинство“ (1914 г.). *Fénot*. Préjugé et problème des sexes (1912).

¹⁾ См. о ней *Шрадеръ*, Индоевропейцы (рус. пер. 1912 г.).

²⁾ См. *Schalk*. Der Wettkampf der Völker (1905), 10 слл., 36 слл. *Эндрюсъ*. Исторія Соединенныхъ Штатовъ, 486 слл. *Fouillée*. Le tempérament et le caractère, 345 слл.

IV. *Национальность*. Отъ расъ слѣдуетъ отличать національности. Подъ именемъ расъ принято разумѣть теперь, какъ указано выше при изложеніи взгляда Деникера, физическія разновидности людей. Напротивъ, *национальность есть понятіе культурное*. Подъ именемъ національности мы разумѣемъ группу людей, которые сознаютъ себя объединенными общими историческими судьбами въ прошломъ и у которыхъ сложилось на этой почвѣ сознание своего культурно-историческаго единства, опредѣляющее нерѣдко съ значительной силой ихъ виды на будущее. Национальное сознание возникаетъ поэтому на почвѣ историческихъ событий, независимо отъ наличности какого-либо объективнаго признака, отличающаго одну національность отъ другой. Отдѣльныя національности могутъ имѣть общій языкъ (англичане и сѣверо-американцы), общую религію и тѣмъ не менѣе быть проникнуты сознаниемъ своего національнаго различія.

Когда у социальной группы сложится національное чувство, то оно можетъ оказаться весьма важнымъ факторомъ исторіи. Национальнымъ вопросомъ въ значительной степени опредѣляется все направление новѣйшей политики Европы. Въ XIX столѣтіи на почвѣ національнаго самосознанія произошло освобожденіе Греціи и балканскихъ славянъ, объединеніе Италіи и Германіи. Теперь мы присутствуемъ при борьбѣ національностей въ Австро-Венгріи, выражающейся иногда съ необыкновенной силой ¹⁾, и при новыхъ осложненіяхъ славянскаго вопроса на ближнемъ Востокѣ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда развитое національное чувство не находитъ себѣ удовлетворенія въ формахъ государственности, оно ищетъ себѣ выхода; польскій народъ не утратилъ сознанія своего національнаго единства, несмотря на раздѣль Польши между тремя крупными государствами: Пруссіей, Россіей и Австріей; и это обстоятельство вызываетъ крупныя осложненія во внутренней и внѣшней политикѣ этихъ государствъ. Но есть и такія страны, въ которыхъ весьма мирно уживаются представители самыхъ различныхъ національно-

¹⁾ См. Лоуэлль. Правительство и политическія партіи въ государствахъ Западной Европы (1905 г.), 309 слл. Сеньюбосъ. Политическая исторія современной Европы, II, 828.

стей: такой страной является, напримѣръ, современная Швейцарія ¹⁾.

§ 17. Человѣческое общество, какъ факторъ историческаго процесса.

I. *Общество, какъ организмъ* ²⁾. Въ настоящее время можно считать уже твердо установленнымъ взглядъ на человѣческое общество не какъ на простую сумму отдѣльныхъ личностей. Если подъ обществомъ понимать группу людей, связанныхъ какимъ-либо объединяющимъ ихъ элементомъ ³⁾, то необходимо признать, что чѣмъ тѣснѣе и разностороннѣе эта объединяющая общество связь, тѣмъ менѣе похоже общество на простой агрегатъ самостоятельныхъ единицъ. Въ обществѣ существуетъ своя жизнь, которая не исчерпывается жизнью отдѣльныхъ индивидовъ и нерѣдко подавляетъ эту послѣднюю; общество создаетъ особые продукты своей дѣятельности, которые не могутъ быть созданы дѣятельностью отдѣльныхъ изолированныхъ индивидовъ. Къ такимъ продуктамъ принадлежитъ прежде всего языкъ, который есть несомнѣнный продуктъ социальной жизни и въ то же время необходимое предварительное условіе всякой культурной дѣятельности, всякаго культурнаго развитія. Продуктами социальной дѣятельности являются, далѣе, наука, религія, право, искусство. Каждый индивидъ въ обществѣ, конечно, не перестаетъ сохранять значеніе самостоятельной единицы. Но эта единица настолько захватывается жизнью той социальной среды, къ которой она принадлежитъ, что не можетъ быть изучаема внѣ этой среды. Если разобраться въ мировоззрѣніи даже самаго гениальнаго человѣка, то придется признать, что огромную часть его онъ

¹⁾ См. Лоуэлль, *op. cit.*, стр. 381 слл. Ср. о значеніи національнаго момента въ исторіи Ю. Делевскій. Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи (1910 г.), 122 слл.

²⁾ См. къ послѣдующему статью „Соціальный организмъ“ въ *моей* книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1911 г.). Къ вопросамъ о традиціи, идеяхъ и подражаніи ср. Агн. Звонницкая. Опытъ теоретической социологіи. Т. I. Соціальная связь. Кіевъ 1914 г.

³⁾ Ср. о разнаго рода связяхъ, объединяющихъ людей, Riess. *Historik* (1912), § 122 слл. Делевскій, *op. cit.*, 26 слл.

не выработалъ самъ, но просто заимствовалъ изъ той общественной среды, которая его окружаетъ; въ этомъ заключается истина мысли Гегеля, что каждый человѣкъ есть дитя своего народа и своей эпохи.

Принимая во вниманіе, что человѣческое общество ведетъ свою особую жизнь, подлежащую дѣйствию особыхъ законовъ, и что въ этой жизни оно создаетъ продукты, созданіе которыхъ непосильно отдѣльнымъ индивидамъ, мы и дѣлаемъ выводъ, что общество есть не простая сумма индивидовъ, но особое цѣлое, а такъ какъ это цѣлое живетъ и развивается, то мы называемъ его *органическимъ цѣлымъ*. Слѣдуетъ, однако, помнить, что, если, называя общество организмомъ, мы и исходимъ изъ извѣстной аналогіи между обществомъ и биологическимъ организмомъ, то съ этой аналогіей слѣдуетъ обращаться осторожно. Называя общество организмомъ, мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что въ человѣческомъ обществѣ можно искать структуры, подобной структурѣ биологическаго организма, большого животнаго. Подобныя преувеличенныя сближенія ничего, кромѣ вреда, никогда не приносили. Для насъ общество есть организмъ только въ томъ смыслѣ, что оно имѣетъ свою особую жизнь¹⁾, не исчерпывающуюся жизнью отдѣльныхъ его членовъ и управляемую своими законами, законами социальнаго развитія. Но это организмъ совершенно иного порядка, чѣмъ организмъ биологическій. Части его не соединены между собою физически, но объединяются психической связью. Общество есть *духовный организмъ*, возникающій, благодаря тому психическому взаимодействию, въ которое вступаютъ между собою образующіе его люди. Поэтому, говоря объ *общественномъ сознаниі*, выраженіемъ котораго является языкъ, религія, право, наука, мы не хотимъ сказать, что это сознание существуетъ гдѣ-то, независимо отъ сознаниа отдѣльныхъ людей, составляющихъ общество. Нѣтъ, оно живетъ именно въ этихъ людяхъ, но для науки представляетъ самостоятельную величину, потому что въ отдѣльныхъ людяхъ оно является общимъ по содержанію, и эта общность вырабатывается своимъ особеннымъ путемъ, по своимъ особеннымъ законамъ, составляющимъ достояніе не

¹⁾ О понятіи „жизнь“ см. выше, § 16, 1.

индивидуальной психологіи, но *соціологіи* или *коллективной психологіи*.

Будучи только духовнымъ, *соціально-психическимъ*, а не биологическимъ организмомъ, общество не убиваетъ окончательно самостоятельнаго существованія своихъ членовъ. Отдѣльные люди, входящіе въ составъ общества, конечно, участвуютъ въ жизни этого единства, являются хранителями и факторами общественнаго сознанія. Но въ то же время они сохраняютъ въ извѣстной мѣрѣ свои индивидуальныя особенности и свободу своего развитія, они не въ такой степени поглощаются служебнымъ отношеніемъ къ органическому цѣлому, въ составъ котораго они входятъ, какъ клѣтки и органы организма биологическаго. Поэтому при всемъ единствѣ общества, при всей самостоятельности его цѣлей, личность, входящая въ его составъ, никогда не можетъ быть рассматриваема только какъ средство для общественныхъ цѣлей. Она продолжаетъ сохранять самостоятельную цѣнность и рассматривается, какъ самоцѣль. На этой почвѣ возникаютъ постоянные конфликты между обществомъ и личностью, и конечнымъ идеаломъ общественнаго развитія является такое состояніе общества, когда въ немъ общественные и личные интересы пришли бы въ полную гармонію. Идеаломъ *общественной справедливости* является такой строй общества, который обезпечилъ бы обществу единство и прочность, но въ то же время открылъ бы полный просторъ для индивидуальнаго развитія¹⁾.

Я не буду дальше углубляться въ развитіе этихъ мыслей объ общественномъ организмѣ, такъ какъ этому посвящены спеціально мои соціологическіе труды. Въ послѣдующемъ изложеніи я остановлюсь на нѣкоторыхъ ученіяхъ изъ области *соціальной статистики* и *динамики*, которыя намъ особенно важны для выясненія основныхъ принциповъ исторической науки. А именно я коснусь: 1) вопроса объ общественной традиціи, какъ одного изъ самыхъ важныхъ факторовъ устойчивости, 2) движенія населенія, 3) вліянія идей и изобрѣтеній, какъ основнаго условія общественныхъ переменъ, и 4) явленія подражанія, какъ обстоятельства, придающаго социальное значеніе многимъ событіямъ, отражающимся затѣмъ

¹⁾ См. объ этомъ мою „Общую теорію права“ 5, § 10.

на общественной жизни или въ качествѣ условій устойчивости, или въ качествѣ факторовъ измѣненія.

II. *Культурная традиція.* Человѣческія общества отличаются отъ обществъ животныхъ сравнительно большей подвижностью. Поэтому у людей есть исторія, тогда какъ у животныхъ ея нѣтъ. Причина этого явленія, какъ уже было указано (§ 16, II), заключается въ томъ, что жизнь животныхъ опредѣляется исключительно, съ одной стороны, моментальными влеченіями, съ другой—присущими имъ инстинктами. *Инстинктомъ* называется способность животного совершать безошибочно тѣ или другія дѣйствія, полезныя для индивида или для цѣлаго вида. Такъ какъ инстинкты возникаютъ въ результатъ весьма медленнаго процесса наследственнаго приспособленія, то отсюда ясно, почему общества животныхъ, покоящаяся на инстинктѣ, отличаются неподвижностью своей организаціи. Инстинкты мѣняются столь же медленно, какъ и возникаютъ. У людей инстинктъ такого преобладающаго значенія не имѣетъ; главное значеніе получаетъ въ развитыхъ человѣческихъ обществахъ умственная работа и возникающія въ ея результатъ идейныя построенія ¹⁾. Благодаря идейной работѣ, мы ставимъ себѣ постоянно новыя цѣли, производимъ измѣненія и въ общественномъ строѣ. Но тѣмъ не менѣе было бы ошибочно представлять себѣ жизнь человѣческаго общества чистымъ результатомъ идейнаго процесса; намъ приходится считаться съ силой, дѣйствіе которой и въ исторіи человѣческихъ обществъ аналогично дѣйствію животнаго инстинкта: этой силой является общественная *культурная традиція*.

Подъ именемъ культурной традиціи мы разумѣемъ извѣстныя воззрѣнія и учрежденія, которыя являются привычными въ человѣческомъ обществѣ и, благодаря силѣ привычки, приобрѣтаютъ иногда чрезвычайную устойчивость. Общественная традиція, несомнѣнно, играетъ въ общемъ ту же роль, что и инстинктъ: она также стремится закрѣпить дѣйствія и обыкновения, полезныя для индивидовъ и цѣлыхъ обществъ. Но она складывается не такъ, какъ инстинктъ у животныхъ; поэтому, несмотря на всю свою устойчивость,

она отличается значительно меньшей силой сопротивленія. Инстинктъ образуется тѣмъ путемъ, что самая физиологическая организація у животныхъ наследственно приспособляется къ извѣстнымъ условіямъ; результаты продолжительной біологической наследственности, конечно, отличаются чрезвычайно большей устойчивостью и прочностью. Традиція же складывается, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ воспитанія младшихъ поколѣній старшими; при помощи воспитанія и вліянія общественной среды, извѣстныя воззрѣнія передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе и могутъ держаться очень долгое время. Такимъ образомъ складывается цѣлое традиціонное міровоззрѣніе, которое каждый членъ даннаго народа усваиваетъ уже готовымъ. Отличительная особенность такого міровоззрѣнія состоитъ въ томъ, что оно принимается зауряднымъ человѣкомъ безъ всякой критики. Затѣмъ, разъ это міровоззрѣніе усвоено, то ему продолжаютъ слѣдовать по привычкѣ. Но, какъ я сказалъ, несмотря на всю устойчивость традиціи, она все-таки не обладаетъ такой прочностью, какъ инстинктъ, и именно потому, что это — явленіе не физиологическаго, а духовнаго характера. Поэтому критика не бессильна относительно традиціи.

Традиція, такимъ образомъ, не исключаетъ движенія впередъ, но она во всякомъ случаѣ составляетъ чрезвычайно существенное препятствіе всякимъ социальнымъ нововведеніямъ. Причиной этого явленія служить, прежде всего, косность мысли, присущая человѣку вообще, и притомъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ниже его культурный уровень. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о традиціи—*Фиркандтъ* ¹⁾—обращаетъ вниманіе на то, что человѣческая психика вообще имѣетъ *историческій характеръ* въ томъ смыслѣ, что каждый процессъ сознанія стоитъ въ зависимости отъ предшествующихъ, на нихъ опирается; отсюда и единство сознанія. Въ исторической жизни народовъ это сказывается въ томъ, что каждое нововведеніе должно быть такъ или иначе связано съ предшествующимъ состояніемъ, чтобы получить прочность. При свойственной человѣческой мысли косности слѣдуетъ всегда особенно тщательно искать

¹⁾ О значеніи инстинкта въ жизни людей см. *Макс-Дуголль*, Основные проблемы социальной психологіи (рус. пер.—1916 г.).

¹⁾ *Vierkandt*. Die Stetigkeit im Kulturwandel (1908). Ср. также *Paulsen*, System der Ethik, II, 228 слл.

причины, которыя могутъ производить перемѣны въ общественной жизни, такъ какъ человѣкъ обыкновенно склоненъ отдавать предпочтеніе привычному порядку дѣйствованія и безъ особыхъ причинъ отъ него не отказывается. Даже дѣтскія игры обычно ведутся по традиціоннымъ шаблонамъ; простая потребность въ дѣятельности, лежащая въ ихъ основѣ, легче удовлетворяется, если дѣятельность идетъ по проторенной дорожкѣ.

Сверхъ того, въ пользу сохраненія традиціи дѣйствуетъ и еще одно условіе. Традиціонное міровоззрѣніе освящаетъ, конечно, тѣ нормы, установленія и представленія, которыя въ свое время были полезны. Если эти нормы и установленія держатся слишкомъ долго, то въ концѣ-концовъ онѣ сами себя переживаютъ; тогда-то и начинается работа критики. Критика эта исходитъ отъ отдѣльныхъ людей, отъ тѣхъ современниковъ, которымъ удалось стать выше традиціи. Ихъ дѣятельность вызываетъ обыкновенно раздраженіе извѣстныхъ слоевъ общества. *Критика традиціи невыгодна для тѣхъ, кому продолжаетъ еще быть выгодна самая традиція*, чьи интересы продолжаютъ находиться подъ ея защитой. Вотъ почему такіе реформаторы всегда встрѣчаются съ довольно страстнымъ отпоромъ; начинаютъ говорить о томъ, что нельзя посягать на неприкосновенныя права, на учрежденія, освященныя вѣками.

Съ задерживающей силой традиціоннаго міровоззрѣнія ¹⁾ мы встрѣчаемся во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Возьмите область *техники*. Казалось бы, эта область должна быть весьма прогрессивной; она должна привѣтствовать каждое усовершенствованіе, улучшающее качество издѣлій или же удешевляющее производство продуктовъ и дѣлающее ихъ болѣе доступными для широкихъ массъ. На самомъ же дѣлѣ мы и здѣсь встрѣчаемся съ той огромной ролью, которую играетъ традиція. Традиціонныя привычки мѣшаютъ и земледѣльцамъ, и рабочимъ, и предпринимателямъ быстро осваиваться съ промышленными нововведеніями. Современные сѣверо-американцы видятъ главное преимущество своей промышленности надъ европейской именно въ меньшемъ вліяніи на нее традиціонныхъ пріемовъ. Под-

¹⁾ См. Ross, Social Psychology (1908), гл. XII.

мѣчено, что если какой-нибудь народъ переселился изъ лѣсистой мѣстности въ страну съ бѣдной растительностью, то онъ долго еще сооружаетъ себѣ деревянные дома, находя всевозможные недостатки въ каменныхъ постройкахъ, хотя бы послѣднія обходились дешевле и были на самомъ дѣлѣ удобнѣе и выгоднѣе. Самый стиль каменной архитектуры долго воспроизводитъ очертанія деревянныхъ строеній, къ которымъ привыкли въ теченіе вѣковъ ¹⁾.—Съ тѣмъ же самымъ явленіемъ встрѣчаемся и въ области чисто *экономической*. Всѣмъ, конечно, извѣстенъ законъ классической политической экономіи, которымъ опредѣляется движеніе цѣнъ. Обыкновенно экономисты учатъ, что цѣны на товаръ зависятъ отъ спроса и предложенія; но тѣ изъ нихъ, которые стоятъ на исторической точкѣ зрѣнія, всегда прибавляютъ оговорку, что законъ этотъ въ жизни никогда не осуществляется въ полной чистотѣ. Если, на примѣръ, предложеніе товара увеличилось, то цѣна на него можетъ упасть не сразу. Торговцы еще долго будутъ пользоваться тѣмъ, что публика привыкла платить за товаръ болѣе высокую цѣну.—Возьмите далѣе область *исторіи языка*. Не трудно замѣтить, до чего медленно увеличивается запасъ ходячихъ словъ и какъ долго держатся обороты рѣчи, уже потерявшіе свой первоначальный смыслъ. Многія изъ ходячихъ пословицъ и поговорокъ сохраняютъ въ себѣ древнее мифологическое содержаніе, непонятное уже для повторяющихъ ихъ новыхъ поколѣній.—Что касается *юридическихъ отношеній*, то въ области права мы встрѣчаемся съ дѣйствіемъ традиціи на каждомъ шагѣ. Представленіе о силѣ традиціи лежитъ уже въ основѣ самаго дѣленія источниковъ права на законъ и обычай. *Обычаемъ* мы называемъ тотъ образъ дѣйствій, къ которому народъ привыкъ обращаться въ извѣстныхъ случаяхъ. Является въ жизни общества какое-нибудь новое отношеніе, и если не приходится на помощь законодательство, то народъ по своему разрѣшаетъ это новое положеніе и привыкаетъ дѣйствовать въ этихъ случаяхъ извѣстнымъ образомъ. Практика закрѣпляетъ этотъ образъ дѣйствія, и въ концѣ-концовъ къ нему такъ привыкаютъ, что начинаютъ требовать его соблюденія

¹⁾ См. *Michaelis*, Prinzipien e. natürl. und soz. Entwicklungsgeschichte des Menschen (1904), 151 слл., 193.

отъ каждаго члена общества. Традиціонная практика обращается въ обязательную для всѣхъ норму обычнаго права ¹⁾. Но не только общія нормы права возникаютъ при помощи традиціи. Иногда даже правомочія отдѣльныхъ лицъ приоб- рѣтаются аналогичнымъ путемъ. Въ гражданскомъ правѣ мы встрѣчаемся съ такимъ способомъ приобрѣтенія правъ, какъ *давность*. Этотъ способъ состоитъ у насъ, въ Россіи, въ томъ, что если кто-нибудь провладѣетъ чужой вещью (напримѣръ, участкомъ земли) въ теченіе десяти лѣтъ и никто не будетъ въ теченіе этого срока мѣшать его владѣнію, то владѣлецъ превращается въ полнаго собственника вещи. Право закрѣпляетъ тотъ порядокъ отношеній, который установился фактически и продержался долгое время. Этотъ институтъ приобрѣтенія правъ по давности также свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, которое традиціонныя отношенія имѣютъ въ глазахъ права. Чѣмъ древнѣе учрежденіе, тѣмъ оно прочнѣе въ силу традиціи, которая его освящаетъ. Въ современной Франціи уже нѣтъ настоящихъ представителей законной королевской династіи; однако, старинныя монархическія традиціи, еще живущія въ населеніи, долго препятствовали укрѣпленію третьей республики, и еще очень недавно генералъ Буланже чуть не совершилъ государственнаго переворота, играя на монархическихъ тенденціяхъ народныхъ массъ.—Въ области *религіи* традиція сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Какъ религіозные догматы, такъ и религіозные обряды и учрежденія всегда отличаются необыкновенной устойчивостью. Поэтому тѣ эпохи исторіи, когда религіозныя представленія опредѣляютъ собой весь укладъ жизни,—а именно такимъ характеромъ отличается всякая ранняя культура,—оказываются наиболѣе консервативными періодами развитія.—Относительно *науки* въ принципѣ всѣми признается то положеніе, что для нея нѣтъ ничего неприкосновеннаго. Въ области науки, казалось бы, всего менѣе нужно ожидать вліянія традиціи. На самомъ дѣлѣ, однако, много новыхъ открытій оставались очень долго непризнанными, потому что они не соотвѣтствовали привычному научному міровоззрѣнію; традиціонное міровоззрѣніе и въ этой области перевернуть очень нелегко. Когда Коперникъ сдѣ-

лалъ свое открытіе, то знаменитый астрономъ его времени Тихо-де-Браге его системы не принялъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, традиція проявляетъ свое дѣйствіе рѣшительно во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Она является очень крупной социальной силой и однимъ изъ главныхъ факторовъ, придающихъ историческому процессу устойчивость. Традиція играетъ роль тѣхъ зубчатыхъ колесъ, безъ которыхъ исторія двигалась бы слишкомъ быстро. Благодаря вліянію традиціи, нѣтъ ни одного революціоннаго переворота, который произвелъ бы все то, чего желаютъ его дѣятели. Традиція всегда беретъ свое и въ видѣ реакціоннаго теченія урѣзываетъ послѣдствія революціи. Подводя итоги великой французской революціи, историки приходятъ къ выводу, что она выполнила только половину своей программы. Несомнѣнно, что достигнута была одна цѣль—демократизація общественнаго строя, отмѣна сословныхъ различій и привилегій. Но столь же несомнѣнно и то, что французская революція не достигла другой своей цѣли: политическая свобода еще долго оставалась во Франціи необезпеченной.—Принятіе христіанства часто изображается въ школьныхъ учебникахъ, какъ внезапный переходъ отъ язычества къ новой религіи. На самомъ дѣлѣ христіанство должно было повсюду выдерживать долгую борьбу съ язычествомъ, и въ этой борьбѣ оно въ значительной степени утрачивало свою чистоту и проникалось языческими элементами. Въ воззрѣніяхъ народныхъ массъ еще до сихъ поръ подъ обликомъ христіанскихъ святыхъ иногда продолжаютъ жить прежнія языческія божества.

Ясно, что при изученіи исторіи надо всегда помнить о традиціи. Это соображеніе должно отражаться и на оцѣнкѣ тѣхъ личностей, съ которыми имѣетъ дѣло историческая наука. Политическимъ дѣятелямъ очень часто приходится выполнять не во всей чистотѣ свою программу, и въ этомъ ихъ винить невозможно: дѣло въ томъ, что всякій политическій реформаторъ выдерживаетъ борьбу съ традиціей, которая вынуждаетъ его идти на неизбѣжныя и необходимыя компромиссы.

¹⁾ См. къ этому *Лэвенфельдъ*, О глупости (1912 г.). 143—146. *Ост-вальдъ*, Великіе люди (1910 г.), стр. 345—348.

¹⁾ См. *Хвостовъ*. Общая теорія права, § 18.

Традиція, такимъ образомъ, является необходимымъ факторомъ въ соціальной жизни, и, какъ это ни покажется парадоксальнымъ, она составляетъ необходимое условіе общественнаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ: традиція *облегчаетъ намъ выполненіе массы дѣйствій, ставшихъ привычными*. Надъ ними не приходится задумываться, такъ какъ они выполняются по установившемуся шаблону. Благодаря этому, экономизируется масса времени. Многіе процессы въ силу традиціи почти что механизуются и выполняются быстро и безъ размышленія. Это оставляетъ досугъ для размышленія о тѣхъ явленіяхъ, которыя почему-нибудь обратили на себя особое вниманіе. Если бы намъ приходилось размышлять о каждомъ своемъ шагѣ въ общественной жизни, то при ея сложности у современныхъ народовъ намъ не оставалось бы времени ни на какую критику, и въ обществѣ не возникало бы новыхъ идей ¹⁾.

Традиція дѣлается *вредной* только тогда, когда *оказывается слишкомъ упорной*. Дѣло въ томъ, что традиція иногда упорно поддерживаетъ отжившія учрежденія и старается сохранить даже такія формы, изъ которыхъ уже исчезло всякое живое содержаніе. Между тѣмъ, устарѣвшія формы оказываются слишкомъ узкими при новыхъ условіяхъ, и жизнь стремится ихъ уничтожить; это приводитъ иногда къ революціоннымъ переворотамъ, къ опаснымъ потрясеніямъ, отъ которыхъ общество съ трудомъ оправляется. Такія упорныя переживанія старыхъ порядковъ могутъ для общества сдѣлаться столь же вредными и опасными, какъ для отдѣльнаго человѣка его рудиментарныя органы, въ родѣ ставшаго въ наше время столь извѣстнымъ червеобразнаго отростка толстой кишки. Упорные охранители отжившихъ формъ любятъ ссылаться на принципъ „священности и неприкосновенности правъ“. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ права дѣйствительно священны, а именно нормы права не подлежатъ нарушенію со стороны администраціи, судовъ и отдѣльныхъ гражданъ. Но ихъ нельзя назвать священными въ смыслѣ ихъ неизмѣнности. Въ государствѣ есть органы, задача ко-

¹⁾ Традиціей создаются *формы* жизни. См. о значеніи формъ (и красоты) въ практической жизни интересныя соображенія у Гамана, Эстетика (1913), 97—114.

торыхъ состоитъ именно въ измѣненіяхъ нормъ права по мѣрѣ надобности; это — законодательныя учрежденія. На практикѣ и для законодательныхъ органовъ нѣкоторыя положенія права могутъ оказаться неприкосновенными; сюда причисляютъ въ наше время, напр., права личности: необходимость ихъ настолько проникла въ сознаніе культурныхъ народовъ, что отмѣнить ихъ они не допустятъ. Но въ принципѣ для законодательныхъ учрежденій неизмѣнныхъ правъ нѣтъ, и когда назрѣваетъ насущная потребность въ измѣненіи юридическихъ нормъ, то единственнымъ средствомъ предотвратить революцію являются именно во время сдѣланныя реформы.

Итакъ, если традиція упорно удерживаетъ устарѣлыя формы, то она приноситъ вредъ. У одного нѣмецкаго писателя ¹⁾ мы находимъ по этому поводу довольно удачное сравненіе. Въ одномъ изъ императорскихъ дворцовъ, рассказываетъ онъ, замѣтили какъ-то странное явленіе: на пустомъ мѣстѣ стоялъ часовой и охранялъ что-то. Заинтересовавшись этимъ, произвели изслѣдованіе и оказалось, что на этомъ мѣстѣ сто лѣтъ тому назадъ въ роскошномъ саду росла чудная роза, которую императрица велѣла охранять. Роза давно отцвѣла, самый садъ погибъ, а часовой все продолжалъ стоять на пустомъ мѣстѣ. Традиція, охраняющая устарѣвшія формы, подобна этому часовому, съ той только разницей, что часовой никому вреда не приноситъ, тогда какъ пустыя формы, охраняемыя традиціей, оказываютъ вредное вліяніе, не давая простора общественному развитію. Если традиція принимаетъ такой характеръ, то она оправдываетъ знаменитое изреченіе Мефистофеля о правахъ и законахъ, составляющихъ „наслѣдное имѣніе“ и заглушающихъ новое, родное право. Въ этомъ отношеніи историческое значеніе традиціи чрезвычайно важно. Ею объясняются революціонныя перевороты; когда давленіе общественнаго развитія дѣлается слишкомъ высоко, то старыя традиціонныя рамки жизни въ концѣ-концовъ не выдерживаютъ напора и сносятся общественнымъ теченіемъ.

¹⁾ *Merkel*. Fragmente zur Sozialwissenschaft, 134.

Сила традиціи не одинакова въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ и въ *разныхъ классахъ* одного и того же народа ¹⁾. Въ каждомъ развитомъ и сложномъ обществѣ мы можемъ различать классы болѣе или менѣе консервативные или прогрессивные. Повсюду и всегда самымъ упорнымъ носителемъ традиціонныхъ возрѣній является *классъ мелкихъ землевладѣльцевъ*. Для этого есть серьезныя соціальныя основанія. Здѣсь дѣло идетъ о лицахъ, которыя занимаютъ однообразнымъ промысломъ, прикованы къ опредѣленному мѣсту и довольствуются соціальнымъ общеніемъ въ узкомъ сосѣдскомъ кругу. Всѣ эти условія приводятъ къ усилению присущей людямъ косности мысли и создаютъ особую узость интересовъ, слѣдствіемъ чего является инертность и пассивное отношеніе къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. Въ извѣстные моменты, впрочемъ, когда интересы крестьянъ слишкомъ глубоко задѣты, эта масса можетъ очень сильно реагировать на событія, и тогда ея движенія принимаютъ стихійный характеръ. Затѣмъ слѣдуетъ *классъ крупныхъ землевладѣльцевъ*, классъ также въ общемъ консервативный. Этотъ классъ является представителемъ недвижимаго имущества, приобретаемаго обыкновенно не собственнымъ трудомъ даннаго обладателя, а большею частью по наслѣдству. Для поддержанія этого имущества не требуется большого напряженія мысли, такъ какъ условія земледѣлія мало измѣняются; помѣщикъ обыкновенно можетъ довольствоваться сохраненіемъ привычныхъ пріемовъ веденія хозяйства. Вотъ почему этотъ классъ въ общемъ обыкновенно консервативенъ, но по своему общественному положенію онъ является болѣе активнымъ участникомъ политической жизни, чѣмъ первый. Наиболѣе подвижными являются *городскіе классы*—представители движимаго капитала и рабочіе. Прежде всего обратимъ вниманіе на *общія условія жизни въ большихъ городахъ*; эти условія идутъ въ разрѣзъ съ условіями, благоприятными для процвѣтанія традиціи ²⁾.

¹⁾ См. въ дальнѣйшему *Чичеринъ. О народномъ представительствѣ* ², 628 слл. *Ratzel, Polit. Geographie*, 60. Объ общественныхъ классахъ и ихъ борьбѣ вообще см. *Делевскій, Соціальныя антагонизмы и классовая борьба въ исторіи* (1910 г.).

²⁾ См. сборникъ статей „Большіе города“ (пер. съ нѣм.), изд. т-во „Просвѣщеніе“ 1905 г.

Сила традиціи основывается на передачѣ возрѣній изъ поколѣнія въ поколѣніе путемъ воспитанія, на мелочномъ контролѣ общественной среды за поведеніемъ своихъ членовъ и на однообразіи окружающей обстановки. Въ большихъ городскихъ центрахъ создаются условія, совершенно неблагоприятныя развитію традиціи. 1) Первое условіе—вліяніе воспитанія—здѣсь ослабляется, такъ какъ центры привлекаютъ постоянно новыя силы. Давно уже замѣчено, что большіе города пополняются не столько собственнымъ приростомъ, сколько прибывающими извнѣ элементами, которые отрываются отъ своей среды и приобщаются къ новымъ условіямъ жизни. Молодые поколѣнія, переселяясь въ большіе города, отрываются отъ старшихъ, и это обстоятельство ослабляетъ передачу традиціонныхъ возрѣній черезъ воспитаніе. 2) Города ставятъ насъ въ такія условія, при которыхъ общественный контроль за поведеніемъ отдѣльныхъ личностей ослабляется, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлается совершенно невозможнымъ. Контрастъ этотъ для каждаго изъ насъ замѣтенъ при переѣздѣ изъ маленькихъ городовъ въ крупныя центры. 3) Наиболѣе благоприятное условіе для традиціи—однообразіе окружающей обстановки—въ большихъ городахъ отсутствуетъ, вслѣдствіе столкновенія здѣсь представителей различныхъ профессій, разныхъ частей страны, даже различныхъ національностей. Съ особенной силой проявляется поэтому въ большихъ городахъ классовая, соціальная рознь, которая служитъ одной изъ главныхъ причинъ соціальныхъ переменъ. Въ городахъ эта рознь дѣлается особенно замѣтной, вслѣдствіе рѣзкаго контраста между колоссальнымъ богатствомъ однихъ и крайней нищетой другихъ. Всѣ эти условія приводятъ къ тому, что городскіе классы отличаются вообще большей подвижностью и любовью къ новизнѣ, при чемъ это относится не только къ *рабочей массѣ*, которая обыкновенно настроена очень радикально, но и къ *представителямъ движимаго капитала*. Движимый капиталъ есть такое имущество, которое надо умѣть приобрести, сохранить и умножить, для чего требуется извѣстная предприимчивость и гибкость мысли. Успѣхъ торговли и промышленности обусловливается политической свободой, а потому въ политическихъ вопросахъ городская буржуазія либеральна, въ соціальныхъ же вопросахъ, гдѣ реформаторы посягаютъ на ея интересы, она обыкновенно много консервативнѣе рабочаго класса.

У различных народов традиция также имеет различную силу. У одних народов действие традиции ослабляет, у других, напротив, чрезмерное влияние традиции приводит к застою. В таких странах, как С. Америка и Австралия, сила традиции ослаблена вследствие влияния эмиграции. По этой причине и греческие колонии развиваются быстрее метрополии. Вот как их характеризует проф. Бузескуль¹⁾. „Колонии эти шли во всех отношениях впереди метрополии. До V века это был центр политической, умственной и художественной деятельности греков... Здесь умственный кругозор был шире; греки сталкивались или сближались не только друг с другом, но и с иными народами, знакомились с их строем, их культурой; завязывались сношения с различными странами, иногда весьма отдаленными,—с понтійскими берегами, Египтом, далеким Западом. Здесь образуется многочисленный класс моряков и купцов; получает особенное значение движимая собственность, деньги. Развитие во всех сферах идет тут быстрее. В колониях... легче было отрешиться от традиции и тут раньше совершается ряд тех политических перемен, которые характеризуют рассматриваемый период греческой истории, т.е. смена монархии аристократией и затем переход к более умеренной аристократии, к тимократии или же к демократии. В Ионии, по замечанию Э. Курциуса, впервые гражданское равенство поставлено было принципом общественной жизни. Здесь же, в Малой Азии, развивается и греческая поэзия—эпос и лирика, развивается искусство. Малоазийские колонии, в особенности Иония, родина и греческой науки, и греческой философии“.—В иных случаях замечается ослабление действия традиции вследствие резких революционных переворотов.—Бывают, наоборот, страны, где факторы поступательного движения действуют слишком слабо. Иногда такое положение вещей вызывается тем, что данная страна окружена народами мало-культурными, или пустыней. Обычная участь таких стран—застой. Если народ почему-либо лишен общения с другими народами, то он обречен исключительно на развитие изнутри, а такое развитие, по остроумному замечанию Геринга, бывает только

у трупов. Представителем культурного застоя является Китай—типическая страна классицизма, т.е. изучения традиции.

III. *Движение населения.* Этот очень важный фактор изменчивости сводится к тому, что население никогда не остается в устойчивом состоянии; оно постоянно колеблется в численности: или увеличивается, или уменьшается.

A. *Возрастание населения.* Это—нормальное явление: статистика показывает, что численность населения постоянно возрастает не только по отдельным странам, но и на всем земном шаре, вследствие чего увеличивается густота населения. Это явление отзывается на всех сторонах социальной жизни. Возрастание густоты населения ведет за собой, с одной стороны, усиление борьбы за существование, с другой стороны, вызывает изменения во внутреннем строе общества.

1) *Борьба за существование*, как мы уже знаем, есть один из элементов той эволюционной теории, которая называется дарвинизмом (см. выше § 16, 1).

Мы познакомились уже с местом этого фактора в процессе эволюции животного мира. Играет ли борьба за существование видную роль также и в развитии человеческих обществ? На этот вопрос в общем надо ответить утвердительно. Основные элементы естественного отбора встречаются и у людей; таковы — размножение, приспособление, наследственность; есть налицо и изоляция, которая у людей иногда сказывается еще сильнее, чем у животных, вследствие многих обстоятельств, мешающих скрещиванию; в этом направлении действует расовая и национальная вражда, сословные ограничения браков. Тем не менее естественный отбор получает в человеческом обществе другой характер, чем в мире животных. Этому способствуют важные человеческие особенности: 1) Способность к абстрактному мышлению, благодаря которому человек может регулировать многие условия своей жизни, между прочим, и самый процесс своего размножения. 2) Производительная способность, которою человек наделяется в отличие от животных, и которая состоит в том, что он не просто потребляет, как животное, готовые дары природы, но активно воздействует на окружающую среду, перерабатывает пред-

¹⁾ Бузескуль. История афинской демократии (1909 г.), стр. 10.

меты внѣшняго міра. Благодаря этой способности человѣкъ имѣетъ возможность постоянно увеличивать средства къ существованію, что достигается интенсификаціей труда. 3) Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ вида особенно важнаго значенія общественнаго инстинкта у человѣка. Этотъ инстинктъ усиливается борьбою за существованіе, такъ какъ солидарность помогаетъ бороться и съ природою, и съ другими обществами.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій борьба за существованіе пріобрѣтаетъ въ человѣческомъ обществѣ другой характеръ, чѣмъ у животныхъ. Средствами защиты и нападенія у животныхъ являются органы ихъ тѣла, а употребляемая людьми орудія съ тѣломъ не связаны. Правда, нѣкоторые животные пользуются простѣйшими орудіями (напр., обезьяны пользуются палками и камнями). Но у животныхъ эти орудія не совершенствуются; ласточки строятъ свои гнѣзда теперь такъ же, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Человѣкъ же видоизмѣняетъ свои орудія при помощи работы абстрактнаго мышленія. Поэтому орудія получаютъ такое огромное значеніе въ исторіи людей. У людей преимущество принадлежитъ далеко не всегда физически сильнѣйшему, но тому, кто обладаетъ наибольшимъ количествомъ средствъ защиты и нападенія, передающихся по наслѣдству и распредѣляющихся согласно юридическимъ нормамъ. Производство основывается также на обладаніи орудіями и средствами производства, которая физически съ нашимъ тѣломъ не связаны, т.-е. *капиталомъ*. Если борьба за существованіе при этихъ условіяхъ дать полный просторъ, то перевѣсъ получаютъ часто не лучшіе люди, въ смыслѣ ихъ природныхъ дарованій, а социальнo сильнѣйшіе, т.-е. надѣленные богатствомъ. Вотъ почему борьба за существованіе людей ведетъ не столько къ измѣненію ихъ индивидуальной организаціи, сколько къ измѣненіямъ хозяйственной техники и социальнаго строя: отъ характера социальнаго строя зависитъ распредѣленіе богатствъ.

Въ исторіи мы встрѣчаемся не только съ борьбой за существованіе въ предѣлахъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, но и съ *международной борьбой за существованіе*, выражающейся, главнымъ образомъ, въ войнахъ между цѣлыми на-

родами. Съ теченіемъ времени мѣняются существенно поводы и способы кровопролитія, но войны существуютъ до настоящаго времени, ими полна вся исторія человѣчества. На первыхъ порахъ при грубой культурѣ столкновенія между общественными группами вызывались преимущественно потребностью въ женщинахъ и людоѣдствомъ. Постепенно хозяйственная эволюція приводитъ къ тому, что общественныя группы переходятъ къ болѣе правильному образу жизни, къ земледѣлію или скотоводству. Появляется новая причина къ войнѣ: нужда въ землѣ и въ рабочихъ рукахъ. Плѣнники теперь не съѣдаются, а обращаются въ рабство. При этомъ возникаютъ двѣ формы рабства: публичное рабство, т.-е. появленіе низшихъ сословій, которыя должны работать въ пользу господствующихъ классовъ, и частное рабство. Эпоха земледѣлія и скотоводства смѣняется индустриализмомъ. Развитіе торговли и промышленности, съ одной стороны, способствуетъ сокращенію войнъ, такъ какъ войны затрудняютъ международный обмѣнъ, требуютъ большихъ издержекъ и способствуютъ вздорожанію рабочихъ рукъ. Но индустриализмъ и самъ создаетъ новые поводы къ войнамъ. Современная политика такъ называемаго „империализма“ состоитъ въ томъ, что рынки, въ которыхъ нуждается государство для сбыта товаровъ, пріобрѣтаются путемъ завоеваній. Капиталистическій и промышленный строй поэтому войнѣ не уничтожаетъ. Международныя столкновенія и въ наше время не прекращаются; хотя они сдѣлались рѣже, но въ то же время стали гораздо кровопролитнѣе.

Въ столкновеніяхъ между народами борьба за существованіе сказывается съ большей рѣзкостью и болѣе приближается къ борьбѣ животнаго міра, такъ какъ надъ отдѣльными государствами не существуетъ въ достаточной степени авторитетной международной организаціи и главную роль здѣсь играетъ сила. Но и здѣсь борьба ведетъ не просто къ торжеству физической силы. Сила человѣческаго общества заключается: 1) въ технику, обусловленную научнымъ развитіемъ народа, 2) въ социальную сплоченность, 3) въ соотвѣтствующую условіямъ времени организаціи правительства. Во время войны перевѣсъ получаетъ не непременно тотъ народъ, члены котораго физически сильнѣе, но обыкно-

венно тотъ, который оказывается болѣе сильнымъ въ культурномъ отношеніи и лучше организованнымъ ¹⁾.

Войны, такимъ образомъ, приводятъ къ естественному отбору среди цѣлыхъ народовъ.

Чтобы закончить наше разсужденіе о борьбѣ за существованіе, я долженъ отвѣтить на вопросъ: *въ какомъ направленіи дѣйствуетъ факторъ борьбы за существованіе въ человеческомъ обществѣ, ведетъ ли онъ человѣчскій родъ къ усовершенствованію или къ регрессу?* Определеннаго отвѣта на это дать нельзя: даже въ мірѣ животныхъ, гдѣ борьба за существованіе сказывается въ большей чистотѣ, она не всегда ведетъ къ усовершенствованію, а лишь къ выживанію болѣе приспособленныхъ, но не непременно болѣе развитыхъ и въ этомъ смыслѣ высшихъ организмовъ. Въ человѣческомъ обществѣ борьба за существованіе усложняется; при этомъ дѣйствуетъ рядъ условій, благодаря которымъ эта борьба иногда заставляя людей даже регрессировать. У людей, какъ мы отмѣтили выше, орудія защиты и нападенія и орудія производства отдѣлены отъ тѣла, а потому преобладаніе обыкновенно оказывается на сторонѣ *наиболѣе богатыхъ*. Богатство же часто попадаетъ въ руки сравнительно слабыхъ и въ свою очередь вызываетъ нерѣдко изнѣженность и неспособность къ труду. Такимъ образомъ, *неравномѣрное и несправедливое распределеніе богатствъ въ человеческихъ обществахъ* оказывается условіемъ, неблагоприятнымъ для результатовъ отбора. Есть и другія условія, вліяющія въ томъ же направленіи. Сюда относятся, напри- мѣръ, разнообразныя *отношенія зависимости однихъ классовъ общества отъ другихъ*. Въ древнюю эпоху зависимость эта выражалась въ рабствѣ, вредно вліявшемъ на отборъ, такъ какъ оно одинаково развращало какъ господъ, такъ и рабовъ, вызывая въ первыхъ деспотизмъ, а во вторыхъ сервиллизмъ ²⁾. Въ современномъ обществѣ мы съ институтомъ рабства не встрѣчаемся, но зато имѣемъ дѣло съ очень тяжелой соціальной зависимостью, которая вытекаетъ изъ экономическихъ и политическихъ отношеній. Къ условіямъ, не-

¹⁾ См. *Делескій*, Соціальные антагонизмы (1910 г.), 248 слл., 367 слл. *Штейн-метцъ*, Философія войны (1915 г.).

²⁾ См. мою „Исторію римскаго права“ ⁵, § 49, VI.

благопріятно вліяющимъ на развитіе людей, принадлежитъ также нерѣдко дѣйствіе *полового отбора*. Среди животныхъ половой отборъ приводитъ къ закрѣпленію, если не непременно полезныхъ качествъ, то по крайней мѣрѣ имѣющихъ значеніе въ эстетическомъ отношеніи. Среди же людей дѣйствіе полового отбора часто оказывается вполне неблагоприятнымъ и ведущимъ къ вырожденію. При заключеніи браковъ часто больше вниманія обращаютъ на богатство, на соціальное положеніе человѣка, а не на его природныя свойства. Неблагопріятнымъ условіемъ для отбора является и современная *воинская повинность*. Война могла бы имѣть благоприятное вліяніе на отборъ, и въ древности она его имѣла, такъ какъ велась, какъ и борьба у животныхъ, при помощи, главнымъ образомъ, личной храбрости и ловкости сражающихся: на войнѣ перевѣсъ получали болѣе сильные люди. Теперь въ войско привлекаютъ также самыхъ сильныхъ и здоровыхъ людей, но при современномъ состояніи военной техники физическая сила и личное мужество не имѣютъ значенія въ сраженіяхъ; на войнѣ погибаютъ поэтому самые сильные элементы, а на ихъ счетъ торжествуютъ слабые. Слѣдуетъ принять во вниманіе, далѣе, ослабленіе *человѣческихъ обществъ* влѣдствіе классовой борьбы, отсутствіе заботы о грядущихъ поколѣніяхъ, благодаря невозможности регламентировать браки съ этою цѣлью, и т. п. условія современной цивилизаціи. Отмѣтимъ, наконецъ, и то обстоятельство, что культурное развитіе дѣлаетъ для людей нѣкоторые *органы тѣла* менѣе важными и тогда они подвергаются *регрессивной эволюціи*: въ борьбѣ за существованіе выживаютъ особи со слабо развитыми органами и передаютъ свои недостатки потомству. Этимъ объясняется, напр., увеличивающееся развитіе близорукости въ культурномъ *человѣчествѣ* ¹⁾.

Подводя итоги всему сказанному, современные соціологи приходятъ къ неодинаковымъ выводамъ. Одни думаютъ, что *человѣчество*, несмотря на всѣ отрицательныя стороны культуры, должно двигаться впередъ, вѣрять въ прогрессъ. Къ такому оптимистическому заключенію приходитъ, напри- мѣръ, итальянскій соціологъ *Ваккаро* ²⁾. Онъ признаетъ, что, бла-

¹⁾ См. *Леже*. Человѣкъ (1913 г.), стр. 256.

²⁾ *Vaccaro*. La lotta per l'esistenza (1902; есть франц. пер.).

годаря извращеннымъ условіямъ борьбы за существованіе, лучшие люди часто гибнутъ, а посредственности торжествуютъ. Тѣмъ не менѣе результатъ работы лучшихъ людей остается и ими пользуются новыя поколѣнія. Сверхъ того, и работа посредственностей сама по себѣ двигаетъ культуру впередъ. Далѣе, Ваккаро указываетъ, что экономическая и социальная зависимость не уничтожаетъ вполнѣ возможности прогресса. Общество, основанное на рабствѣ, нѣкоторое время можетъ прогрессировать. Господствующіе классы, которымъ рабство даетъ досугъ, получаютъ возможность двигать культуру впередъ. Конечно, это можетъ продолжаться только нѣкоторое время; рано или поздно наступаетъ то обоюдное развращеніе, которое въ концѣ-концовъ приводитъ общество къ упадку; несомнѣнно, что однимъ изъ главныхъ условій паденія античной культуры было именно рабство. Однако, слѣдуетъ считаться съ тѣмъ, что по мѣрѣ подчиненія природы человѣку ослабляются условія, которыми создается всякая социальная зависимость. Все это заставляетъ Ваккаро вѣрить въ будущность современныхъ культурныхъ народовъ. Но есть голоса и въ обратномъ направленіи. Такъ, мюнхенскій врачъ *Шалльмайеръ* въ своей книгѣ: „О наслѣдственности и отборѣ въ жизни народовъ“¹⁾, сравнивая условія западной культуры съ восточной, отдаетъ предпочтеніе китаецамъ, у которыхъ условія борьбы за существованіе и отбора, по его мнѣнію, гораздо благоприятнѣе, чѣмъ у насъ: онъ указываетъ на цѣлостность въ Китаѣ семейнаго начала, на уваженіе къ наукѣ, на болѣе равномерное распредѣленіе богатствъ, на сравнительно незначительную роль родовитой аристократіи. Вслѣдствіе всего этого нашей культурѣ, думаетъ авторъ, грозитъ опасность погибнуть при столкновеніи съ восточной культурой. Французскаго писателя *Лакомба*²⁾ пугаютъ результаты, къ которымъ можетъ привести западноевропейскія общества классовая борьба. Она все обостряется на почвѣ двухъ условій: неравномернаго распредѣленія богатствъ и растущей демократической тенденціи. Лакомбъ опасается взрыва, въ которомъ погибнетъ вся наша культура.

¹⁾ См. мой рефератъ объ этой книгѣ въ „Научномъ Словѣ“ за 1904 г., № 4, 129 слл.

²⁾ *Лакомбъ*. Соціологическія основы исторіи (1895 г.), 319—354.

2) Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса, какъ увеличеніе густоты и плотности населенія влияетъ на *внутреннюю структуру общества*. Какъ мнѣ кажется, можно показать, что современные демократическія идеи вытекаютъ изъ такого простаго факта, какъ движеніе населенія. *Дюркгеймъ* въ своей книгѣ „La division du travail social“¹⁾ развиваетъ по этому поводу слѣдующія идеи. Обычный ходъ вещей состоитъ въ томъ, что населеніе возрастаетъ, между тѣмъ, какъ территория, на которой оно живетъ, не увеличивается. При этихъ условіяхъ первой мыслью населенія является желаніе расширить свою территорию. Оно вступаетъ на путь завоеваній. Усиливается военный элементъ въ общественномъ строѣ (Римъ въ первую половину республики), но внутреннія экономическія отношенія существенно не мѣняются. Рано или поздно, однако, наступаетъ моментъ, когда территорию расширять больше нельзя, завоеванія прекращаются. Тогда возникаетъ проблема, какимъ образомъ на той же территоріи прокормить большее количество населенія. Единственнымъ исходомъ для ея разрѣшенія является интенсификація труда. Потребностью интенсификаціи труда вызываются: 1) техническія изобрѣтенія и 2) социальное раздѣленіе труда. Раздѣленіе труда, прежде всего, ослабляетъ борьбу за существованіе. Во времена самодовлѣющихъ хозяйствъ борьба за существованіе проявляется особенно ожесточенно, тогда какъ съ раздѣленіемъ труда и слабая личность можетъ найти примѣненіе своимъ силамъ. Заслуга *Дюркгейма* заключается въ томъ, что онъ обстоятельно выяснилъ, какъ раздѣленіе труда отражается на социальныхъ отношеніяхъ. Раздѣленіе труда приводитъ къ тому, что общество дѣлается болѣе разнообразнымъ по своему составу и болѣе подвижнымъ; кромѣ того, обыкновенно ослабляетъ силу традиціи.

Дюркгеймъ различаетъ два типа общества. Наиболѣе примитивный характеръ носятъ общества, которыя онъ называетъ *сегментарными*. Въ этихъ обществахъ раздѣленія труда нѣтъ, но имѣются извѣстныя дѣленія на семейно-родовыя группы, которыя по биологической аналогіи напоминаютъ

¹⁾ Русск. пер. *Дюркгеймъ*. О раздѣленіи общественнаго труда, Одесса, 1900 г.

нашему автору сегменты червя. Въ такомъ сегментарномъ обществѣ господствуетъ традиція, носителемъ и оплотомъ которой является семейно-родовая группа, охватывающая отдѣльную личность во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни.

Возрастающая плотность населенія вызываетъ раздѣленіе труда. Если при этомъ сила традиціи не ослабляется, то общество остается сегментарнымъ. Раздѣленіе труда приводитъ лишь къ тому, что общественные сегменты—семейно-родовыя группы—будутъ различаться по своимъ спеціальностямъ и застынутъ въ такомъ положеніи. Такъ возникаетъ неподвижный *кастовый строй*. Семейно-родовыя группы отличаются большой нетерпимостью. Онѣ не знаютъ человѣка, какъ такового, живутъ своими традиціями и во всякомъ чужеродцѣ видятъ врага.

Обыкновенно, однако, съ раздѣленіемъ труда сила семейно-родовой традиціи ослабѣваетъ и постепенно создается представленіе о равной повсюду человѣческой личности ¹⁾.

Прежде всего отмѣтимъ, что съ прогрессомъ раздѣленія труда связано обыкновенно возникновеніе большихъ населенныхъ центровъ. Я уже ранѣе имѣлъ случай говорить о томъ, какъ большіе города вліяютъ на ослабленіе силы традиціи. Далѣе, появляются профессиональные классы и организаціи, въ которыхъ, правда, также складываются свои традиціи, но онѣ не такъ сильны, какъ семейныя, и не захватываютъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Индивиды въ значительной мѣрѣ освобождаются отъ гнета общественной традиціи, они дѣлаются, благодаря различію въ занятіяхъ и образѣ жизни, гораздо разнообразнѣе, самая жизнь общества отличается большей подвижностью. Эти разнообразные индивиды другъ въ другъ нуждаются и постоянно сталкиваются между собою; въ нихъ укрѣпляется при этомъ представленіе о человѣкѣ вообще, независимо отъ индивидуальныхъ различій. Такъ, на почвѣ новыхъ общественныхъ отношеній, зарождается идея о принципиальномъ равенствѣ всѣхъ людей, въ смыслѣ равноцѣнности отдѣльныхъ личностей. Въ то же время въ подобномъ обществѣ неизбежно существуетъ неравенство, уже потому, что разные его члены занимаютъ различное обще-

ственное положеніе и начинаютъ различаться по богатству, получаемому воспитанію, занятіямъ. вмѣстѣ съ идеей равенства и на той же почвѣ появляется сознающая свое достоинство личность, которая требуетъ для себя свободы и вниманія къ индивидуальнымъ особенностямъ. При такихъ общественныхъ условіяхъ неизбежно складывается новый типъ права. Въ первобытномъ обществѣ господствуетъ уголовное право, которое ставитъ себѣ задачей защищать традиціонный порядокъ отъ нарушеній. Въ обществахъ новаго типа на первый планъ выдвигается право реститутивное, по терминологіи Дюркгейма. Задача этого права состоитъ въ томъ, чтобы создать справедливый социальный строй, который бы обезпечилъ равенство и свободу для всѣхъ членовъ государства.

Такимъ образомъ, оказывается, что современные идеалы свободы индивидуальнаго развитія и социальнаго равенства возникли подъ вліяніемъ того же самаго явленія—социальнаго раздѣленія труда, которое, съ другой стороны, превращаетъ всѣхъ насъ въ спеціалистовъ и дѣлаетъ развитіе каждаго изъ насъ одностороннимъ.

Интересныя соображенія по вопросу о вліяніи роста общества на развитіе личности и на ходъ общественныхъ процессовъ содержатся въ трудахъ Г. Зиммеля „Соціальная дифференціація“ и „Соціология“ ¹⁾. Въ послѣдней книгѣ Зиммель подвергаетъ тонкому анализу вопросъ о томъ, какое различіе существуетъ между общеніями, въ которыхъ принимаютъ участіе только двѣ стороны, и тѣми, гдѣ число участниковъ доходитъ до трехъ; положеніе третьей стороны отличается большими особенностями (*tertius gaudens*). Анализируя отношенія, слагающіяся въ возрастающихъ численно группахъ, Зиммель отмѣчаетъ, что подъ вліяніемъ разрастанія общества, связаннаго съ нимъ раздѣленія труда и внутренней дифференціаціи, мѣняются порядки и нравы. То, что было полезно и допустимо въ небольшомъ обществѣ, перестаетъ быть терпимымъ въ большомъ и сложномъ. Примѣры этого даетъ въ изобиліи исторія права; расширеніе

¹⁾ Ср. къ этому Буглэ. Эгалитаризмъ (1904 г.).

¹⁾ Зиммель. Соціальная дифференціація (1909). *Simmel. Soziologie* (1908). О послѣдней книгѣ см. мою статью Предметъ и методъ соціологии въ книгѣ „Нравственная личность и общество“ (1910 г.).

оборота всегда приводит къ переменѣ внѣшнихъ формъ дѣлового общенія, къ появленію новыхъ сдѣлокъ, къ усиленію юридической регламентаціи въ однихъ отношеніяхъ и къ ослабленію ея въ другихъ. Сложное строеніе общества приводитъ далѣе къ тому, что и образъ дѣйствія его членовъ въ разныхъ случаяхъ жизни становится сложнѣе; въ каждомъ предпріятіи приходится считаться съ необходимостью услугъ массы другихъ лицъ и цѣлыхъ установленій, вылившихся въ опредѣленные устойчивыя формы. Иными словами, члены общества, преслѣдуя эгоистическія цѣли, вынуждены пользоваться социальными средствами. Съ другой стороны, иногда эта социализація жизни приводитъ къ пониженію чувства личной отвѣтственности, создавая такія формы предпріятій, при которыхъ для ловкихъ людей открывается возможность эксплуатировать силы и средства другихъ людей, не принимая на себя большого личнаго риска (учрежденіе дутыхъ акціонерныхъ предпріятій и т. п.).

Б. Я васъ познакомилъ съ влияніемъ на историческій процессъ увеличенія населенія. Теперь остается сказать нѣсколько словъ объ *уменьшеніи населенія*. Съ этимъ явленіемъ приходится считаться не такъ часто, такъ какъ оно не является нормальнымъ. Временное уменьшеніе населенія можетъ наступить вслѣдствіе эпидемій, кровопролитныхъ войнъ, голодовокъ. Хроническое уменьшеніе населенія встрѣчается рѣдко; такой процессъ является симптомомъ ненормальнаго положенія страны. Въ этомъ мы можемъ убѣдиться на примѣрѣ двухъ современныхъ культурныхъ странъ ¹⁾. Въ такомъ положеніи находилась, во-первыхъ, Ирландія, гдѣ неблагоприятныя экономическія и политическія условія вызывали слабую рождаемость и усиленную эмиграцію. Во-вторыхъ, укажемъ на современную Францію; здѣсь численность населенія приняла стаціонарный характеръ. Французы стали въ послѣднее время обращать большое вниманіе на это явленіе. Я не могу произвести анализа всѣхъ причинъ, приводящихъ Францію къ такому положенію; во всякомъ случаѣ это симптомъ неблагоприятный; въ значительной степени остановка прироста населенія является слѣдствіемъ того, что

¹⁾ Ср. также примѣръ у *Буэскула*. Ист. аеци. демократіи, 418.

среди французскаго общества развита преувеличенная боязнь обостренія борьбы за существованіе: крестьянинъ не хочетъ оставлять много наслѣдниковъ изъ боязни дробить свой земельный надѣлъ; то же самое относится къ капиталистамъ, которые боятся оставить свое потомство необезпеченнымъ. Подобныя соображенія сами по себѣ являются показателемъ того, что жизненная сила населенія ослабѣваетъ ¹⁾.

IV. *Идеи (и изобрѣтенія)*. Идеи играютъ большую роль въ исторіи, и съ ними надо считаться, какъ съ самостоятельной силой. Можно различать два вида *исторической идеологии* ²⁾. 1) Особаго рода идеология—метафизическая—процвѣтала въ прежнія времена философіи исторіи; она состояла въ томъ, что старались отыскать руководящую идею всемірной исторіи. Виднымъ представителемъ такого взгляда является Гегель. Такого рода идеология не можетъ имѣть мѣста въ научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ научными средствами подобная задача неразрѣшима. Оставаясь въ предѣлахъ строгой науки, мы не можемъ установить руководящей идеи всемірной исторіи уже потому, что не знаемъ ни начала, ни тѣмъ болѣе конца историческаго процесса и не можемъ даже опредѣлить, какая именно часть исторіи чело-вѣчества намъ уже извѣстна, большая или меньшая. При такихъ условіяхъ можемъ ли мы мечтать о научномъ раскрытіи общаго смысла всемірной исторіи? Какъ мы увидимъ въ главѣ о прогрессѣ (ниже § 22), въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ большое значеніе имѣетъ элементъ чувства и воли. (2) Но идеологию можно допускать въ другомъ смыслѣ, строго научномъ. Мы можемъ признавать за идеями и изобрѣтеніями, возникающими у отдѣльныхъ людей и распространяющимися въ массахъ, самостоятельное историческое значеніе, видѣть въ нихъ важный факторъ, оказывающій влияніе на ходъ историческаго процесса. Если признать, что исторія есть наука о духѣ, и что въ ней дѣйствуетъ психическая причинность, то, несомнѣнно, что въ исторіи идеи не могутъ не

¹⁾ Въ послѣдніе годы пониженіе рождаемости, вызываемое аналогическими причинами, начало замѣчаться и въ Германіи. См. статью *Э. Вернштейна* въ „Исторіи нашего времени“ (изд. Гранатъ), т. III, стр. 2.—Ср. къ изложенному *Бьелорусовъ*, Франція (1915 г.), стр. 293 слл.

²⁾ См. объ этомъ *Goldfriedrich*. Die historische Ideenlehre in Deutschland (1902).

имѣть значенія. Конечно, историческій процессъ опредѣляется не всецѣло тѣми идеями, которыя выдвигаются его дѣятелями, такъ какъ въ силу гетерогоніи цѣлей задуманные планы никогда не могутъ быть реализованы вполне въ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе человѣческая исторія въ значительной степени сводится къ возникновенію у людей новыхъ идей и къ распространенію ихъ въ массахъ, при чемъ въ этомъ процессѣ распространенія идей мы сталкиваемся съ двоякаго рода силами: съ подражаніемъ и съ силами, противодѣйствующими ему.

Въ первомъ отдѣлѣ курса (§ 8, II) я указалъ на тотъ законъ, который Вундтъ кладетъ въ основу своей психологіи, именно на *законъ творческаго синтеза*; онъ состоитъ въ томъ, что въ процессѣ психической причинности, въ отличіе отъ физической, результаты не заключаются всецѣло въ вызвавшихъ ихъ причинахъ; поэтому результаты психической дѣятельности учесть впередъ цѣликомъ нельзя; здѣсь постоянно получаютъ качественно новые продукты. Примѣняя этотъ законъ къ исторіи, Вундтъ даетъ ему названіе *закона историческихъ равнодѣйствующихъ* (Resultanten) ¹⁾. Если при извѣстныхъ условіяхъ можно говорить о прогрессѣ въ исторіи, то, главнымъ образомъ, въ смыслѣ постоянного расширенія нашего знанія и накопленія новыхъ идей. Самые законы человѣческой психики въ общемъ остаются неизмѣнными, но въ области духовнаго творчества мы постоянно встречаемся съ новыми продуктами.

Что такое, собственно, идеи? Именемъ идеи или изобрѣтенія мы будемъ обозначать каждый новый продуктъ умственнаго творчества человѣка. Такой широкій смыслъ придаетъ этому слову Тардъ. Какъ о главныхъ движущихъ силахъ исторіи, онъ говоритъ объ изобрѣтеніи и о подражаніи, при чемъ слово изобрѣтеніе онъ беретъ въ широкомъ смыслѣ: новая идея есть изобрѣтеніе, какой бы она ни представлялась отвлеченной. Всякая идея имѣетъ практическое значеніе, поскольку она прибавляетъ нѣчто къ запасу нашего знанія о мірѣ, къ пониманію его законовъ, и, такимъ образомъ, расширяетъ нашу власть надъ нимъ. Поэтому изобрѣтенія и идеи всегда въ конечномъ счетѣ ведутъ къ

удовлетворенію нашихъ потребностей и стоять въ извѣстномъ соотношеніи съ ними. Но соотношеніе еще не есть односторонняя зависимость, и въ этомъ, на мой взглядъ, заключается основная ошибка экономическаго материализма. Я согласенъ, что соотношеніе между идеями и потребностями существуетъ, но оно не состоитъ въ томъ, что идеи только отражаютъ въ себѣ наличное состояніе экономическихъ условій. Развитие идей далеко не всегда совпадаетъ съ развитіемъ экономическихъ потребностей. Когда идея возникаетъ прежде, чѣмъ назрѣла потребность, она долгое время можетъ остаться незамѣченной. Когда же потребность является раньше идеи, которая бы указала способъ ея удовлетворенія, то это можетъ вызвать кризисъ въ жизни народа. Вотъ почему *Макиавелли* говорить, что судьба превращается въ разрушительный горный потокъ для странъ, которыя не сумѣли во время построить плотинъ ¹⁾.

Идеи зарождаются въ процессѣ индивидуальнаго творчества. Изобрѣтатель, конечно, опирается на добытыя раньше знанія, но они преломляются въ его умѣ особеннымъ образомъ. Чтобы сыграть роль въ историческомъ процессѣ, идея должна, однако, получить значеніе соціальной силы, быть усвоена массами ²⁾. Съ этимъ процессомъ усвоенія мы подробно познакомимся впоследствии, когда будемъ говорить о подражаніи.

Шеффле въ своей извѣстной книгѣ о строеніи и жизни общественнаго организма ³⁾ говорить о *порогѣ соціально-психическаго сознанія*. Новая идея не сразу становится предметомъ общаго вниманія. Если бы это было не такъ, то идея въ самомъ началѣ заглушалась бы противоположными ей идеями и интересами, которые въ данный моментъ уже завоевали себѣ господство. Но новыя идеи долгое время находятся въ періодѣ броженія, не будучи замѣчаемы представителями господствующихъ теченій и интересовъ. Затѣмъ наступаетъ моментъ, когда онѣ обнаруживаются; это вызывается либо простымъ накопленіемъ движенія, присущаго новымъ идеямъ, либо пониженіемъ порога общественнаго со-

¹⁾ *Wundt, Logik*, III, 430 слл.

¹⁾ *Макиавелли*. Князь, гл. XXV.

²⁾ См. объ этомъ *Riess, Historik*, I, (1912), §§ 149 слл.

³⁾ *Schäffle. Bau und Leben des sozialen Körpers*, I, 180—183, 38.

знанія въ связи съ контрастнымъ развитіемъ (см. объ этомъ ниже). Этимъ и объясняется кажущаяся иногда внезапность появленія новыхъ идей въ общественной жизни. Общественное сознаніе всегда имѣетъ границы въ ширину и потому неизбежно страдаетъ односторонностью въ своихъ господствующихъ теченіяхъ. Сверхъ того, оно способно утомляться и искать новыхъ путей, что и является причиной склонности къ перемѣнамъ, къ новшествамъ, иногда обнаруживающейся въ историческомъ процессѣ.

При распространеніи въ массахъ съ идеей можетъ произойти интересное превращеніе. Мировоззрѣніе массъ вообще не отличается критическимъ содержаніемъ: массы берутъ готовые результаты мысли, которые соотвѣтствуютъ ихъ интересамъ, не задаваясь вопросомъ о логической связи этихъ идей между собой, объ ихъ взаимной зависимости. Поэтому въ мировоззрѣніи массъ идеи нерѣдко превращаются въ *идеалы*, не нуждающіеся въ доказательствахъ, въ такія положенія, которыя цѣнятся сами по себѣ, независимо отъ ихъ логическаго обоснованія и практической цѣли. Идея изобрѣтателя, становясь соціальной силой, можетъ превратиться въ такого рода идеаль ¹⁾.

Тардъ указываетъ, что всякая новая идея, прежде чѣмъ стать соціальной силой, обречена на борьбу: 1) съ традиціей, 2) съ конкурирующими идеями. Тардъ насчитываетъ пять возможныхъ исходовъ такихъ „*поединковъ идей*“ ²⁾.

1) Новая идея вполне уничтожаетъ старую и замѣняетъ ее. Примѣрами могутъ служить разнообразныя улучшенія въ хозяйственной техникѣ (паровыя машины вытѣсняють иногда вполне примѣненіе ручного труда или силы животныхъ). 2) Старая идея теряетъ практическое содержаніе, но сохраняется, какъ пустая форма, какъ переживание; практическое значеніе получаетъ новая идея (гех sacroguin въ республиканскомъ Римѣ; это—царь, обратившійся въ простого жреца послѣ фактическаго уничтоженія царской власти). 3) Новая идея одерживаетъ верхъ, но не окончательно; старая идея сохраняется, какъ служебный придатокъ къ новой (рядомъ съ

¹⁾ Wallas. Human nature in politics (1910), гл. II. *Le Bon*, Lois psychologiques de l'évolution des peuples, кн. IV.

²⁾ Тардъ. Соціальная логика, 232 слл. Ср. Законы подражанія, гл. V.

железными дорогами удерживаются для нѣкоторыхъ категорій товаровъ и старые способы передвиженія на лошадахъ или водою). 4) Новая идея одерживаетъ побѣду надъ старой, но послѣдняя продолжаетъ жить въ видѣ сословнаго или мѣстнаго обыкновенія (сохраненіе мѣстныхъ нарѣчій при выработкѣ общелитературнаго языка). 5) Двѣ конкурирующія идеи примиряются новымъ изобрѣтеніемъ (напр., иногда новыя техническія изобрѣтенія временно прекращаютъ классовую борьбу, открывая новыя средства къ существованію).—Тардъ указываетъ на возможность существованія и *союзовъ идей*. Иногда идея, выступая въ одиночку, успѣха не имѣетъ, но въ союзѣ съ какой-либо другой идеей можетъ оказаться достаточно сильной.

Въ процессѣ борьбы за свою реализацію идея неизбежно терпитъ видоизмѣненія. Ни одна идея въ чистомъ видѣ не осуществляется. Это происходитъ, прежде всего, потому, что ни одна идея безошибочна не бываетъ. Вступая въ борьбу съ конкурентными идеями, она подвергается часто поправкамъ по существу. Сверхъ того, какъ было уже упомянуто, идея должна выдерживать борьбу съ традиціей, и это—также очень важное обстоятельство. Только та идея становится соціальной силой, которая воспринята обществомъ. А общество воспринимаетъ только тѣ идеи, которыя оно можетъ, если не строго логически, то психологически связать со всей накопившейся традиціей. Если какой-либо гений высказалъ идею, которая не можетъ быть уложена въ такую связь, то она и не получитъ соціальнаго значенія, она окажется преждевременной. При своемъ превращеніи въ соціальное достояніе всякая идея поэтому теряетъ много оригинальныхъ чертъ, которыя ей приданы были индивидуальностью того великаго ума, который ее впервые формулировалъ. Извѣстный современный писатель въ области соціальной психологіи—*Болдвинъ*—говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Здѣсь, какъ и вездѣ, все чисто частное есть эксцентричное и временное; и хотя первый шагъ къ прогрессу полагается частнымъ изобрѣтеніемъ какого-нибудь единичнаго мыслителя, но только та доля его частнаго достоянія, которая можетъ быть обобщена, становится настоящимъ достояніемъ общества и всего міра“ ¹⁾. Наконецъ, нужно принять въ соображеніе,

¹⁾ Baldwin. Social and Ethical Interpretation in mental Development, 480—481.

что, когда идея одерживает побѣду, то она осуществляется въ обстановкѣ, уже измѣненной самою борьбою за осуществленіе идеи, т.-е. не въ той обстановкѣ, въ какой она зародилась. Соціальное значеніе идей состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, что онѣ даютъ при своей реализаціи часть тѣхъ результатовъ, которыхъ ихъ изобрѣтатели отъ нихъ ожидали, и сверхъ того новые результаты, которые они не могли предвидѣть. Въ этомъ и заключается формулированный Вундтомъ законъ *heterogonim ceteris*, поясняющій намъ, въ какомъ смыслѣ историческій процессъ не зависитъ всецѣло отъ воли человѣка (§ 8, III).

Въ связи съ этимъ закономъ стоитъ то явленіе, которое можно обозначить, какъ *контрастное развитіе въ исторіи* ¹⁾. Такъ какъ идеи никогда не бываютъ безошибочны и никогда не реализуются въ чистомъ видѣ, то съ ихъ осуществленіемъ неизбежно связано извѣстное разочарованіе, которое создаетъ благоприятныя условія для усиленія въ обществѣ противоположныхъ теченій. Этимъ объясняется наблюденіе, не разъ отмѣчавшееся въ наукѣ, что каждая данная эпоха лучше понимаетъ не непосредственно ей предшествующую эпоху, но ту, которая имѣла мѣсто еще раньше. Такъ, XIX вѣку по общему своему духу ближе XVII, а не XVIII съ его рационалистическимъ оптимизмомъ. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, что исторія когда-либо возвращается назадъ. Реакція никогда не приводитъ къ той исходной точкѣ, отъ которой отправилась революція, такъ какъ и реакціи необходимо считаться съ измѣнившимися вслѣдствіе революціи обстоятельствами. Такимъ образомъ, исторія принимаетъ характеръ зигзагообразнаго движенія впередъ. При этомъ чистыя эпохи контрастнаго движенія чередуются съ промежуточными, *переходными эпохами*, въ которыхъ старые идеалы разрушены, а новые еще не укрѣпились, съ эпохами пессимизма и апатіи.

V. *Подражаніе*. Я закончу ученіе объ обществѣ, какъ факторъ историческаго процесса, рассмотрѣніемъ явленія подражанія, которое я затрудняюсь отнести къ опредѣленной категоріи факторовъ: оно въ равной степени дѣйствуетъ и какъ факторъ устойчивости, и какъ факторъ измѣчивости.

¹⁾ Wundt. Logik³, III, 436 слл. Подробнѣе объ этомъ см. ниже § 19, I.

Этотъ факторъ очень важенъ для уясненія соціальнаго процесса. Онъ былъ выдвинутъ на первый планъ Тардомъ („Законы подражанія“, „Соціальная логика“, „Соціальныя этюды“). Общее значеніе подражанія состоитъ въ томъ, что идеи и изобрѣтенія получаютъ характеръ соціальныхъ силъ только въ томъ случаѣ, когда они распространяются и укрѣпляются въ массахъ путемъ подражанія. Процессъ подражанія охватываетъ всѣ стороны соціальной жизни, такъ какъ подражать можно всему, начиная отъ техническихъ пріемовъ и кончая возвышенными идеями. Подражаніе въ общественной жизни основано на томъ психологическомъ фактѣ, что человѣку вообще свойственна склонность отъ представленія или описанія дѣйствія переходить къ его воспроизведенію. Эта склонность, наблюдаемая и у животныхъ, иногда у человѣка парализуется утомленіемъ или конкуренціей различныхъ образцовъ; исключаящихъ другъ друга, а иногда, напротивъ, усиливается такими факторами, какъ соображенія пользы или стремленіе показать, что подражающій не хуже своего образца и можетъ дѣлать то же самое. Какъ указываетъ Зиммель ¹⁾, подражаніе есть одно изъ главныхъ средствъ для взаимнаго пониманія людей. Подражая внѣшнимъ дѣйствіямъ другого человѣка, мы до извѣстной степени переживаемъ сами тѣ внутреннія духовныя состоянія, которыми сопровождался у него этотъ образъ дѣйствій. Въ этомъ и состоитъ смыслъ поговорки, предлагающей намъ „побыть на мѣстѣ“ другого, чтобы понять и надлежащимъ образомъ оцѣнить его настроеніе. А, конечно, чѣмъ глубже и полнѣе взаимное пониманіе людей, тѣмъ тѣснѣе дѣлается ихъ общеніе ²⁾.

Подражаніе бываетъ разныхъ видовъ и подчиняется особымъ законамъ. Прежде всего слѣдуетъ различать подражаніе добровольное и вынужденное. 1) *Добровольное* подражаніе иногда является слѣдствіемъ совершенно безотчетнаго влеченія. Чѣмъ менѣе человѣкъ развитъ, тѣмъ безотчетная

¹⁾ Зиммель Соціальная дифференціація, 125.

²⁾ Интересное изслѣдованіе процессовъ подражанія, кромѣ указанныхъ трудовъ Тарда, можно найти въ книгахъ Baldwin. Social and ethical interpretation in mental development (1906, есть рус. пер.). Ross. Social psychology (1908), Giddings. The principles of sociology (1898; есть рус. пер.). Макъ Дуголль. Основныя проблемы соціальной психологіи (рус. пер. 1916 г.).

склонность къ подражанію сказывается у него сильнѣе; насъ убѣждаетъ въ этомъ поведеніе дѣтей, дикарей, а также животныхъ. Съ другой стороны, добровольное подражаніе часто является результатомъ убѣжденія и критическаго мышленія. 2) Въ исторіи мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ *вынужденнымъ* подражаніемъ. Всѣ реформы сверху относятся къ этому виду подражанія; возьмемъ хотя бы, на примѣръ, дѣятельность Петра Великаго. Но не только государственная власть является источникомъ такого подражанія; иногда подражаніе вынуждается общественнымъ мнѣніемъ. Юридическій порядокъ держится не только на законѣ, но и на обычаяхъ, т.-е. на нормахъ поведенія, получившихъ обязательную силу въ результатѣ привычки народныхъ массъ къ извѣстному образу дѣйствій. Что же такое обычай, какъ не результатъ вынужденнаго подражанія? Извѣстный образецъ поведенія вызываетъ подражаніе, затѣмъ санкціонуется общественнымъ мнѣніемъ, укрѣпляется традиціей и, наконецъ, берется подъ защиту судами государства. Такъ возникаетъ юридическій обычай. Помимо юридическихъ обычаевъ существуетъ масса обычаевъ бытовыхъ, которые не взяты подъ защиту государственной власти; напр., приличія, моды относятся къ категоріи явленій вынужденнаго подражанія, такъ какъ ихъ исполненія также требуетъ, хотя съ меньшею силою, общественное мнѣніе.

Нашъ извѣстный соціологъ *Н. К. Михайловскій*, подвергая критической оцѣнкѣ теорію Тарда ¹⁾, внесъ въ нее существенную поправку. Становясь на новую точку зрѣнія, онъ различаетъ два вида подражанія: 1) *сознательное* и 2) *безсознательное*. Первое наступаетъ, какъ результатъ критическаго анализа и оцѣнки образца, второе есть слѣдованіе образцу безъ критики. Тардъ касается этого различія слегка и не придаетъ ему значенія. На самомъ же дѣлѣ значеніе его очень велико. У мало культурныхъ народовъ сила традиціи очень велика именно вслѣдствіе того, что критика слабо развита и безсознательное подражаніе получаетъ перевѣсъ. Оно часто съ большою силою проявляется и въ соціальной жизни культурныхъ народовъ въ тѣхъ случаяхъ,

¹⁾ *Михайловскій*. Герои и толпа. *Его же*. Научныя письма. (Сочиненія, изд. „Русскаго Богатства“, 1896 г., т. II).

когда сила критическаго анализа почему-либо ослабѣваетъ. Дисциплина въ арміи въ значительной мѣрѣ основана на развитіи именно безсознательнаго подражанія, которое получается вслѣдствіе преднамѣреннаго ослабленія работы критической мысли въ массѣ солдатъ. Когда соціальныи гипнозъ достигаетъ высокой степени, солдаты даже начинаютъ машинально повторять вслухъ командныя слова офицеровъ ¹⁾. Въ монастыряхъ монотонная обстановка жизни также способствуетъ развитію безсознательнаго подражанія; въ женскихъ монастыряхъ на этой почвѣ иногда нервныя заболѣванія принимаютъ эпидемическій характеръ.

Безсознательное подражаніе едва ли можно назвать инстинктомъ, такъ какъ инстинктъ дѣйствуетъ въ опредѣленномъ направленіи, тогда какъ подражаніе мѣняетъ свои пути въ зависимости отъ образца. Скорѣе, здѣсь слѣдуетъ видѣть особый способъ реакціи человѣка на извѣстныя внѣшнія раздраженія. Приходя человѣку на помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда инстинктъ и мышленіе оказываются недостаточными, подражаніе играетъ большую роль въ развитіи человѣка; такъ, дѣти выучиваются говорить, главнымъ образомъ, при посредствѣ безсознательнаго подражанія разговоръ взрослыхъ ²⁾.

Подражать можно разнаго рода образцамъ. Вотъ почему, какъ уже указано выше, я затрудняюсь отнести подражаніе къ факторамъ той или другой категоріи. Если мы подражаемъ старымъ образцамъ, то подражаніе есть сила *задерживающая*, если же мы усваиваемъ новыя идеи, то подражаніе есть сила *двигающая*. Подражаніе вообще, согласно сравненію Тарда, играетъ въ соціальной жизни ту же роль, какъ эфиръ въ физикѣ. Подражательное колебаніе соціальныхъ волнъ необходимо для каждаго соціальнаго процесса, въ чемъ бы онъ ни состоялъ; подобно тому, какъ въ области физики колебанія эфирныхъ волнъ полагаются въ основу самыхъ разнообразныхъ явленій. Подражаніе старымъ образцамъ порождаетъ общественную традицію, подражаніе же новымъ идеямъ вызываетъ новыя соціальныя теченія ³⁾.

¹⁾ О психологіи арміи см. *Увачъ Огородичъ*, Военная психологія (Кіевъ, 1911 г.).

²⁾ См. *К. Groos*, das Seelenleben des Kindes ² (1908), 52.

³⁾ О *модѣ*, какъ явленіи своеобразномъ, при помощи котораго люди удовлетворяютъ своему стремленію выдѣляться, не принимая на себя личнаго риска, см. *Simmel*, Philos. Kultur (1911), стр. 29—66.

Подражаніе внутреннимъ образцамъ чаще всего бываетъ бессознательнымъ, такъ какъ является слѣдствіемъ привычки, а не критическаго размышленія, подражаніе же внѣшнимъ образцамъ, чужестраннымъ примѣрамъ, чаще бываетъ сознательнымъ.

Новыя идеи принимаются первыми адептами лишь послѣ сознательной оцѣнки. Но это не значитъ, что новыя теченія и дальше непремѣнно распространяются сознательнымъ путемъ. Трудно завоевать первыхъ послѣдователей, но чѣмъ больше становится приверженцевъ данной идеи, тѣмъ бессознательнѣе дѣлается процессъ подражанія. Волны подражанія въ своемъ распространеніи возрастаютъ, и при этомъ новыя идеи часто пріобрѣтаютъ значеніе идеаловъ, принимаемыхъ на вѣру безъ критической провѣрки и оцѣнки.

Не всегда подражаніе и образецъ, которому подражаютъ, могутъ быть точно отдѣлены другъ отъ друга. Конечно, бывають такіе случаи, когда изобрѣтатель новой идеи, вообще создатель новаго образца, извѣстенъ, и мы можемъ прослѣдить и процессъ распространенія изобрѣтенія въ массахъ, и тѣ видоизмѣненія, которыя при этомъ претерпѣваетъ образецъ. Но очень часто въ социальной жизни наблюдается и такое явленіе, что какое-нибудь новшество оказывается результатомъ чисто массовой дѣятельности. Будучи поставлены въ одинаковыя условія жизни, люди начинаютъ дѣлать приблизительно одно и то же, при чемъ *каждый въ одно время и изобрѣтаетъ и подражаетъ окружающимъ* ¹⁾. Такъ общими силами создаются социальныя продукты. Такъ появился языкъ, такъ возникаютъ многіе обычаи. И чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ культурнаго развитія, тѣмъ большую роль начинаютъ играть такіе процессы чисто массоваго творчества, такъ какъ личность, способная къ оригинальному и смѣлому творчеству, выдѣляется изъ общества сравнительно поздно и на высокой уже ступени культуры. До ея же появленія культурное творчество идетъ описаннымъ массовымъ путемъ безъ опредѣленныхъ индивидуальных изобрѣтателей и потому идетъ очень медленно. Темпъ культурнаго развитія ускоряется, когда появляются творческія личности, сознающія свою индивидуальность и не

¹⁾ Ср. Вундтъ. Проблемы психологіи народовъ (рус. пер. 1912 г.) 85—92.

боящіяся смѣлыхъ новшествъ, которыя требуютъ энергичной борьбы съ традиціей.

Тардъ всю социальную жизнь сводитъ къ подражанію. Онъ говоритъ, что *„общество есть подражаніе, а подражаніе—родъ гипнотизма“* ¹⁾.

Съ этой формулой мы вполне согласиться не можемъ. Она намъ представляется слишкомъ узкой. Я объясняю эту односторонность Тарда двумя причинами. Во-первыхъ, Тардъ первый выдвинулъ впередъ факторъ подражанія и, какъ всякій новаторъ, чрезмѣрно увлекся своею теоріей. Во-вторыхъ, Тардъ разрабатываетъ вопросъ исключительно, какъ социологъ, а не какъ теоретикъ историческаго процесса; поэтому его вниманіе обращено только на тѣ силы, которыя сплачиваютъ общество, и онъ недостаточно выдвинулъ впередъ противоположныя силы, которыя вносятъ въ общество разнообразіе.

Противъ приведенной формулы Тарда можно сдѣлать много возраженій. Онъ несомнѣнно увлекается, когда утверждаетъ, будто всякое подражаніе есть гипнозъ и будто исключительно эта сила дѣйствуетъ въ человѣческомъ обществѣ.

1) Чтобы обосновать свою теорію, Тардъ рассуждаетъ такъ. Въ жизни каждаго человѣческаго общества мы встречаемся съ подражаніемъ и изобрѣтеніями, но каждое изобрѣтеніе есть только новый синтезъ стараго знанія, т.-е. новая комбинація старыхъ подражаній ²⁾. Слѣдовательно, весь социальный процессъ сводится къ подражанію. Здѣсь мы и встречаемся съ первой ошибкой Тарда. Нельзя говорить, что изобрѣтеніе есть только новая комбинація стараго знанія; если бы это было такъ, то мы всѣ были бы изобрѣтателями. Конечно, всякое новое изобрѣтеніе базируется на старомъ знаніи, но одного этого недостаточно; отъ изобрѣтателя требуется творческая способность, т.-е. особое свойство индивида, которое въ надлежащей степени присуще далеко не всѣмъ членамъ общества.

¹⁾ См. Законы подражанія, 89. Социальные законы, 17 слл. 25 (въ „Соц. вѣздахъ“ изд. Павленкова 1902 г.).

²⁾ См. Социальная логика, 190. Законы подражанія, 50, 94. Социальные вѣтвуды, 18, 23 слл.

2) Согласно формулѣ Тарда вся общественная жизнь есть своего рода гипнозъ. Тутъ въ ученіе Тарда вносить существенную поправку Михайловскій своимъ раздѣленіемъ подражанія на сознательное и бессознательное. Бессознательное подражаніе дѣйствительно можно сопоставлять съ гипнозомъ, сознательное же подражаніе является результатомъ критической работы мысли и имѣетъ уже мало общаго съ гипнозомъ.

3) Тардъ сводитъ всю социальную жизнь къ подражанію. Если бы это было вѣрно, то человѣчество давно превратилось бы въ однородную массу и, въ концѣ-концовъ, подражать было бы нечему. На самомъ же дѣлѣ, мы сталкиваемся въ исторіи съ самыми разнообразными явленіями социальной жизни. Это объясняется существованіемъ силъ, противодѣйствующихъ подражанію; такимъ является, напр., чувство національной гордости, чувство независимости, стремленіе выдѣлиться. Тарду, конечно, извѣстны эти факты; но онъ умаляетъ ихъ значеніе, называя ихъ именемъ „контръ-подражанія“ и поддерживая этимъ свою монистическую концепцію. На самомъ дѣлѣ общественный процессъ сложнѣе. Существованіе вынужденнаго подражанія указываетъ на самостоятельное значеніе стремленія властвовать, навязывать другимъ свои образцы.

По этому поводу слѣдуетъ отмѣтить, что въ трудахъ социологовъ вообще въ большей степени замѣчается одинъ существенный недостатокъ, которымъ страдаетъ не одинъ Тардъ: они слишкомъ выдвигаютъ впередъ тѣ факторы, которые покоятся на наличности у людей альтруистическихъ, объединяющихъ ихъ чувствъ, и недостаточно анализируютъ другую группу факторовъ, не менѣе важную, вытекающую изъ эгоистической, самоутверждающейся природы отдѣльнаго человѣка. Между тѣмъ жизнь человѣческаго общества складывается изъ взаимодействія обоихъ факторовъ; какъ и всякій жизненный процессъ, социальная жизнь есть борьба и состоитъ въ преодолѣніи препятствій. Парадоксъ социального развитія состоитъ въ томъ, что сами социальные чувства людей растутъ и крѣпнутъ не иначе, какъ въ борьбѣ съ противодѣйствующими имъ силами. Эгоистическими свойствами человѣка вызываются такія эмоціи, какъ зависть, ревность, стремленіе къ славѣ и къ стяжанію. Эти эмоціи ведутъ за собой возникновеніе борьбы въ самыхъ различныхъ ея видахъ, начиная

отъ кровопролитныхъ войнъ и кончая мирной и лояльной конкуренціей, гдѣ оба противника не стремятся непосредственно нанести ущербъ другъ другу, но соревнуютъ въ погонѣ за расположеніемъ публики или вообще за такимъ призомъ, который не находится въ рукахъ кого-либо изъ нихъ. И всѣ эти виды борьбы оказываются мощными факторами социального развитія. Конкуренція есть общепризнанный рычагъ прогресса всякой техники, искусства и науки; война, при всѣхъ ея ужасахъ и жертвахъ, несомнѣнно, въ тоже время увеличиваетъ сплоченность социальныхъ группъ, усиливаетъ идеалистическое настроеніе, побуждая людей отдавать свою жизнь въ защиту отечества, и является всегда строгимъ экзаменомъ для каждаго государства, подвергая провѣркѣ всѣ его силы, обнаруживая разные недочеты и вызывая нерѣдко важныя и крупныя реформы. Чтобы правильно оцѣнить значеніе этого рода факторовъ въ жизни общества, достаточно подумать о томъ, какую роль въ развитіи наукъ и искусствъ всегда играло и будетъ играть стремленіе людей къ личной славѣ и къ личному успѣху, а также соревнованіе цѣлыхъ странъ и городовъ въ погонѣ за такой же славою. Последняго рода соревнованіе вызвало большой расцвѣтъ культуры въ городахъ древней Греціи или Италіи XVI вѣка. Да и при самомъ зарожденіи человѣческой культуры не малую роль сыграло стремленіе человѣка къ простому украшенію своего тѣла, вызванному тщеславнымъ желаніемъ обратить на себя вниманіе, какъ-нибудь выдѣлиться изъ окружающей среды ¹⁾.

Тардъ выдвигаетъ еще одно, не совсѣмъ обоснованное обобщеніе; онъ говоритъ, что по мѣрѣ культурнаго развитія склонность людей къ подражанію все усиливается ²⁾. Онъ указываетъ въ подтвержденіе на цѣлый рядъ фактовъ, напр., на развитіе языка. Языкъ по мѣрѣ культурнаго развитія дѣлается все болѣе и болѣе однороднымъ и однооб-

¹⁾ См. къ изложенному *Simmel*, *Soziologie* (1908), гл. 4. *Штейнметцъ*, *Философія войны* (1915). *Lacombe*, *Introduction à l'histoire littéraire*. (1908), кн. II гл. I.

²⁾ Законы подражанія, 194 слл.

разнымъ; прежде языкъ каждаго народа распадался на рядъ нарѣчій, въ настоящее время эти нарѣчія вытѣсняются однимъ общимъ литературнымъ языкомъ. Наши костюмы также дѣлаются все болѣе и болѣе однообразными. Тардь забываетъ при этомъ, что по мѣрѣ культурнаго развитія мы встрѣчаемся не только съ нивелирующимъ ростомъ подражанія, но и съ ростомъ сознающей себя личности, которая начинаетъ бороться за свою свободу и защищать свои права. Безсознательное подражаніе съ особенной силой проявляется у дѣтей и у дикарей, и никто, конечно, не будетъ спорить о томъ, что элементъ сознательности въ нашихъ поступкахъ увеличивается по мѣрѣ развитія самосознанія личности. Слѣдовательно, съ ростомъ культуры, съ одной стороны, и подражаніе становится сознательнѣе, а съ другой стороны усиливается значеніе факторовъ, которые противодействуютъ подражанію.

Несмотря на всю важность фактора подражанія, съ нимъ надо оперировать осторожно. Въ исторіи мы часто встрѣчаемся со сходствомъ въ идеяхъ, учрежденіяхъ и обычаяхъ у различныхъ народовъ. Необходимо различать при этомъ сходство, являющееся въ результатъ подражанія, отъ сходства, возникающаго вслѣдствіе одинаковыхъ условій жизни. Въ особенности это относится къ первобытной культурѣ, гдѣ мы встрѣчаемся съ такими явленіями, какъ весьма сходная организація семейныхъ союзовъ, широкое распространеніе такихъ обычаевъ, какъ экзогамія или культъ умершихъ предковъ. Въ этихъ случаяхъ общность учрежденій возникла у различныхъ человѣческихъ группъ совершенно независимо отъ всякаго подражанія ¹⁾.

¹⁾ Тардь. Соц. этюды, 17. Зак. подр., 48 слл., 98 слл. Ср. Лакомбъ. Соціологич. основы исторіи, 196 слл. Weinstein, Welt—und Lebensanschauungen (1910), 10—13. Поэтому, какъ правильно указываетъ Картевъ, (Теорія историческаго знанія 1913 г.) гл. XI, и сравнительно историческій методъ можетъ преслѣдовать двоякую цѣль: изученіе заимствованій или же изученіе общихъ причинъ и слѣдствій; въ томъ и другомъ случаѣ результаты его цѣнны какъ для историка, такъ и для соціолога.

§ 18. Отношеніе личности и общества.

I. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы должны выяснить вопросъ о томъ, каково взаимодѣйствіе между отдѣльными личностями и массами, или, по иной терминологіи, о томъ, какую роль въ исторіи играютъ „великіе люди“. Въ наше время къ великимъ людямъ относятся въ общемъ довольно скептически; однако игнорировать ихъ значеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, невозможно.

Въ началѣ нашего курса мы сказали, что исторія есть наука о минувшихъ событіяхъ и состояніяхъ въ соціальной жизни людей. Само это опредѣленіе указываетъ на то, что безъ массъ, которыя представляютъ собой соціальный элементъ, исторія обойтись не можетъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить, что мы никогда въ исторіи не встрѣчаемся съ массой вполне однородной. Общественная структура массъ отличается большой сложностью. Даже въ примитивной человѣческой ордѣ мы встрѣчаемся съ дифференціаціей, съ различіями въ жизни населенія, согласно полу, возрасту, занятіямъ. По мѣрѣ соціальнаго развитія эти различія все увеличиваются. Такъ какъ не всѣ слои общества одинаково подвижны, то мы не можемъ и въ каждый данный моментъ смотрѣть на общественную массу, какъ на нѣчто вполне однородное и совершенно опредѣленное. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ сдѣлать одно обобщеніе: въ общемъ всякая масса оказывается обыкновенно сравнительно консервативнымъ элементомъ; прогрессивнымъ же элементомъ является отдѣльная человѣческая личность ¹⁾.

Это обобщеніе я позволю себѣ сдѣлать, исходя изъ слѣдующихъ соображеній. Всякая новая идея, то, что Тардь называетъ изобрѣтеніемъ, предполагаетъ не только суммированіе знаній, но и извѣстное творческое начало. Носителемъ такой творческой силы является болѣе или менѣе выда-

¹⁾ См. для примѣра Вузескулъ. „Исторія афинской демократіи“, 192. Вообще: Лэвенфельдъ. „О глупости“ (1912 г.), 153 слл. Ко всему вопросу ср. Картевъ. „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“ (изд. 2-е, 1914 г.). Его же. „Введеніе въ изученіе соціологіи“, гл. XII. Его же. „Исторіологія“ (1915 г.), гл. VIII и IX. Большой матеріалъ по этому вопросу собранъ въ книгѣ Goldfriedrich. „Die historische Ideenlehre in Deutschland“ (1902 г.).

ющаяся человѣческая личность, которой удается на почвѣ работы предыдущихъ поколѣній создать качественно новый продуктъ. Въ массахъ же преобладаютъ посредственности, и потому жизнь массъ обыкновенно носитъ традиціонный характеръ. Массы питаются преимущественно готовыми идеями; все же новое вносится въ исторію обыкновенно отдѣльными выдающимися личностями. Эти свойства общественныхъ массъ и составляютъ отправной пунктъ въ разсужденіяхъ сторонниковъ индивидуализма въ морали. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ презрѣніемъ относился къ массамъ *Фридрихъ Ницше*, окрестившій ихъ пренебрежительнымъ прозвищемъ: „слишкомъ многихъ“ и проповѣдывавшій уединеніе сильной и гордой личности¹⁾. Ницше имѣетъ послѣдователей и среди современныхъ социологовъ. Укажу для примѣра хотя бы французскаго ученаго *Паланта*, „Очеркъ социологіи“ котораго недавно появился и на русскомъ языкѣ. Палантъ настаиваетъ на томъ, что носителемъ прогресса культуры является только индивидъ. Въ коллективныхъ группахъ проявляются, по его мнѣнію, только отрицательныя черты человѣческой природы. Эти группы проникнуты массовымъ эгоизмомъ, сказывающимся въ ихъ стремленіи къ самосохраненію. Во имя своего самосохраненія онѣ не останавливаются ни передъ насиліемъ, ни передъ ложью. Проникнутыя этимъ стаднымъ чувствомъ массы, инстинктивно ненавидятъ всякое новаторство, которое грозитъ измѣнить привычныя условія существованія группы, и безъ всякой критики считаютъ хорошимъ все то, что способствуетъ сохраненію создаваемаго порядка существованія группы. Поэтому Палантъ считаетъ конфликтъ между личностью и обществомъ неустрашимымъ и непримиримымъ: общество всегда будетъ подавлять личное творчество. Какъ объ идеальнѣ развитія, Палантъ мечтаетъ о такомъ строѣ отношеній, когда давленіе общества на личность достигнетъ минимума. Это возможно лишь при очень обширныхъ размѣрахъ общества, такъ какъ, чѣмъ меньше общественная группа, тѣмъ сильнѣе ея гнетъ надъ личностью. Личность будетъ свободна только тогда, когда преобладаніе на практикѣ получитъ идея человечества въ цѣломъ, т. е. болѣе обширнаго и болѣе помѣстительнаго круга, чѣмъ всѣ другіе (нація, классъ, каста, семья).

¹⁾ См. о Ницше мои „Этюды по современной этикѣ“ (1908 г.), 3—105.

Разумѣется, такая точка зрѣнія слишкомъ односторонняя. Исторія создается не только личностями, но и массами. Массы не проявляютъ того творчества, источникомъ котораго всегда оказывается сильная личность. Но только массы придаютъ всякаго рода новымъ идеямъ ту мощь, которая свойственна социальнымъ силамъ. Идея, какъ бы она ни была велика, никогда не станетъ исторической силой, если она не будетъ понята и усвоена обществомъ, окружающимъ ея творца. Съ другой стороны, хотя общество само не творить, но оно составляетъ необходимую питательную среду для творчества самаго гениальнаго индивида. Палантъ мечтаетъ объ исчезновеніи всѣхъ болѣе узкихъ союзовъ и рисуетъ себѣ личность будущаго, какъ члена только общечеловѣческой семьи. Это, конечно, невозможный и неосуществимый идеаль. Такія организаци, какъ нація, какъ семья, несомнѣнно, необходимы для развитія индивида; человечество слишкомъ велико, чтобы оно во всей своей массѣ могло составить организацию, которая достаточна была бы для удовлетворенія социальныхъ потребностей людей. Уже самое разнообразіе природныхъ условій на землѣ приводитъ къ раздѣленію человечества на отдѣльныя націи. Тѣсныя организаци болѣе стѣсняють личность—въ этомъ Палантъ правъ,—но зато онѣ гораздо больше и даютъ ей.

Къ этому слѣдуетъ добавить еще, что сказанное о значеніи сильной творческой личности для культурнаго прогресса относится, собственно, только къ эпохамъ, которыя уже стоятъ на извѣстной степени культурнаго развитія. Вѣдь мы знаемъ, что въ исторіи не личность является первымъ по времени факторомъ, а общество. Личность, сознающая свою особность, дорожающая своей индивидуальностью и отваживающаяся вступать въ рѣшительный бой съ традиціей, сама есть продуктъ культурнаго развитія (см. § 17, III, А). „Въ исторіи человѣческаго общества первымъ звеномъ бываетъ не индивидуумъ, но именно сообщество ихъ. Изъ племени, изъ круга родни путемъ постепенной индивидуализаци выдѣляется самостоятельная индивидуальная личность“¹⁾. До появленія творческой личности процессъ культурнаго развитія движется впередъ исключительно массо-

¹⁾ *Вундтъ*, Проблемы психологіи народовъ, 67. Теорія.

вымъ творчествомъ, въ которомъ, какъ было указано въ § 17, V, каждый человекъ есть одновременно и образецъ для подражания и подражатель. Темпъ развитія въ такія эпохи бываетъ очень медленнымъ, такъ какъ творчество массъ не можетъ быть энергичнымъ, но развитіе все же происходитъ.

Таковы наши общіе принципы. Но они нуждаются въ дальнѣйшемъ развитіи и обоснованіи.

II. Если мы поставимъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ личность въ исторіи, то мы увидимъ, что представителями науки и философіи даются на него довольно различные отвѣты.

Первоначально историческая наука чрезмерно выдвигала личность на первый планъ. Задача историка состояла въ томъ, чтобы всесторонне опредѣлить руководящія личности въ исторіи и произвести ихъ оцѣнку. Прагматическая исторія всецѣло базировалась на почвѣ индивидуальной психологіи. Теперь прагматическая исторія есть уже отжившее явленіе. Современная исторія больше занимается массами, нежели отдѣльными личностями. Тѣмъ не менѣе и въ XIX вѣкѣ встрѣчаются историки и философы, которые попрежнему продолжаютъ говорить объ исключительномъ значеніи личности въ исторіи. Французскій философъ *Викторъ Кузенъ* (1792—1867) говорилъ ¹⁾, что вся исторія сводится къ исторіи великихъ людей, и въ каждой отдѣльной личности, какъ въ фокусѣ, суммируется духъ данной эпохи. Великій человекъ есть гармоническій синтезъ частнаго и общаго. „Откройте анналы исторіи, восклицаетъ Кузенъ, и вы найдете тамъ только собственные имена; иначе и быть не можетъ: хотя массы все дѣлаютъ только для себя, но онѣ ничего не дѣлаютъ сами. Онѣ всегда дѣйствуютъ черезъ своихъ вождей, которые занимаютъ аванъ-сцену и одни только попадаютъ на глаза зрителя и историка“. Въ тоже самое время въ Германіи аналогичныя идеи проповѣдывалъ *Вильгельмъ фонъ-Гумбольтъ* ²⁾,

¹⁾ Cours de 1828. См. *Flint*. History of the Philosophy of History (1893), 474 слл.

²⁾ *Humboldt*. Ueber die Aufgabe des Geschichtsschreibers (1820—21 г.; въ *Abhandlungen über Geschichte und Politik von W. v. Humboldt*, 1869, стр. 1—13); см. также *W. v. Humboldts ausgewählte philosophische Schriften herausg. v. Schubert* (1910). См. *Goldfriedrich*. Historische Ideenlehre in Deutschland (1902), 106—162.

для котораго вся исторія сводится къ смѣнѣ руководящихъ народами „идей“; носителями этихъ идей при ихъ возникновеніи являются великіе люди и великіе народы. *Гегель* признаетъ въ великихъ людяхъ цѣнный факторъ исторіи: объективный духъ пользуется ихъ замыслами и дѣлами для своихъ цѣлей и нерѣдко приноситъ ихъ въ жертву объективной идеѣ исторіи. Свои цѣли и свое призваніе эти герои черпаютъ изъ сокровеннаго источника бытія; ихъ дѣла и рѣчи—лучшая часть всего ихъ времени. Въ Англіи *Томасъ Карлейль* ¹⁾ въ своей книгѣ: „Герои и героическое въ исторіи“ и другихъ сочиненіяхъ является горячимъ сторонникомъ культа героевъ. Герои въ его изложеніи получаютъ какое-то мистическое значеніе. Въ герояхъ проявляется настоящій смыслъ міра. Каждая эпоха ищетъ своего великаго человека, и все историческое значеніе эпохи состоитъ въ томъ, что она его создаетъ. Значеніе социальныхъ реформъ сводится къ тому, чтобы обезпечить постановку героевъ во главѣ общества. Общество существуетъ для почитанія героевъ, и искренніе люди всегда ихъ почитаютъ. Та эпоха, въ которой это почитаніе недостаточно развито, тѣмъ самымъ показываетъ низкій уровень общественной жизни. Очень близкія къ изложенному воззрѣнія развивали у насъ *Т. Н. Грановскій*, который полагалъ, что въ исторіи собирательная мысль и воля народа непременно должна претворяться въ мысль и волю одного, особенно чуткаго и даровитаго лица (см. „Четыре характеристики“), и *С. М. Соловьевъ*, настаивавшій, что исторія имѣетъ дѣло не съ народными массами, а съ ихъ вождями и представителями (см. „Наблюденія надъ исторической жизнью народовъ“). Большое значеніе личности придаетъ и болѣе близкій къ намъ по времени *Владимиръ Соловьевъ*. Въ своемъ „Оправданіи добра“ онъ также говоритъ о культѣ героевъ. „Провиденціальныя люди, приобщившіе насъ къ высшей религіи и человѣческому просвѣщенію, не были первоначальными созидателями этихъ благъ. То, что они намъ дали, они сами приняли отъ прежнихъ всемірно-историческихъ гениевъ, героевъ и подвижниковъ, на которыхъ и мы должны распространить свою благодарную

¹⁾ *Ströle*. Thomas Carlyle's Anschauung von Fortschritt in der Geschichte (1909). *Сазаніан*, Carlyle (1913).

память. Мы должны съ наибольшою полнотою возстановить всю вереницу и духовныхъ своихъ предковъ, людей, черезъ которыхъ Провидѣніе двигало человѣчество по пути къ совершенству... Въ этихъ „избранныхъ сосудахъ“ почитается и то, что Онъ (Отецъ небесный) вложилъ въ нихъ; въ этихъ видимыхъ образахъ невидимаго Божества познается и прославляется Оно само“ (гл. IV). Большое значеніе великимъ людямъ придаетъ *Милль*. Онъ утверждаетъ, что законотѣрность общественной жизни вовсе не ведетъ къ фатализму и не устраняетъ дѣйствія человеческой воли на ходъ событий. Особенное вліяніе оказываютъ на историческіе процессы исключительные люди, которые не просто стоятъ на болѣе высокомъ мѣстѣ, откуда имъ виднѣе восходящее солнце, какъ это думалъ *Маколей*, но сами восходятъ на холмы и вызываютъ свѣтъ. Если бы не было Ньютона, то міру пришлось бы ждать другого такого же генія для появленія Ньютонской философіи; обыкновенный человѣкъ или рядъ обыкновенныхъ людей не построили бы такой философіи (Логика, кн. VI, гл. XI § 3). Отмѣчу еще одного французскаго философа — *Ренувве* ¹⁾. Онъ не является сторонникомъ безусловнаго господства закона причинности. Міръ для него не представляетъ изъ себя законченнаго цѣлаго, здѣсь возможно постоянно возникновеніе новыхъ причинныхъ рядовъ, т.-е. возникновеніе новыхъ явленій безъ всякой предыдущей причины. Онъ предполагаетъ, что и въ исторіи иногда возникаютъ совершенно новыя теченія, начало которымъ полагаютъ великіе люди. Близко къ Ренувве стоитъ американскій философъ *Джемсъ*, который также проповѣдуетъ возможность перерыва причинныхъ рядовъ въ мировомъ процесѣ ²⁾.

Но для нашего времени эти возрѣнія не являются типичными. XIX вѣкъ въ общемъ отрицательно относится къ великимъ людямъ. Такіе писатели, какъ Кондорсе, Контъ, Бокль, Тэнъ, Спенсеръ выдвигаютъ на первый планъ массы. *Контъ* смотритъ на великихъ людей исключительно, какъ на органовъ общественнаго цѣлаго, которые своею дѣятельностью только выражаютъ то, что съ необходимостью под-

готовлено уже общественной эволюціей. Исторія была бы возможна и безъ великихъ людей. *Спенсеръ* въ своемъ трактатѣ „Изученіе социологіи“ (гл. II) говоритъ, что вся социальная жизнь сводится къ массовымъ процессамъ. Великіе люди являются всецѣло продуктами социальной среды; Ньютоны не могутъ рождаться среди готтентотовъ и Мильтоны среди папуасовъ. На исключительномъ значеніи социальной среды особенно настаиваетъ *Бурдо* въ своей книгѣ „Исторія и исторіи“ (1888 г.). Онъ стремится развѣнчать героевъ исторіи и убѣжденъ въ томъ, что личность ничего оригинальнаго въ исторію не вноситъ. Человѣчество свободно могло бы обойтись безъ своихъ великихъ людей. Если бы не было Наполеона, то исторія отъ этого не измѣнила бы своего хода: его роль сыгралъ бы съ тѣмъ же успѣхомъ любой изъ его маршаловъ ¹⁾. *Гумпловичъ* утверждаетъ, что, если что-нибудь мыслить въ человѣкѣ, то это не онъ, а та социальная среда, которая его окружаетъ ²⁾. *Лампрехтъ* также на первый планъ выдвигаетъ массовыя явленія. Онъ различаетъ коллективныя состоянія и проявленія гениально-индивидуальнаго характера; коллективныя состоянія при этомъ оказываются болѣе сильными и всеобъемлющими. Поэтому главнымъ предметомъ исторіи должно быть изученіе коллективныхъ состояній и ихъ законотѣрной смѣны ³⁾. Въ очень рѣшительномъ тонѣ высказывается по этому вопросу французскій историкъ *Габріэль Моно*. „Какое бы участіе въ событіяхъ ни отводили, говоритъ онъ, оригинальнымъ изобрѣтеніямъ и автономнымъ дѣйствіямъ великихъ людей, я думаю, что ихъ нельзя понять внѣ ихъ среды и ихъ эпохи и что ихъ роль можно разсматривать лишь, какъ одну изъ тѣхъ добавочныхъ причинъ, которыя могли ускорить или замедлить кризисъ, заставить извѣстное движеніе уклониться въ сторону, придать событіямъ специфическую окраску. Ни одинъ изъ нихъ не необходимъ для общаго развитія человѣчества. Безъ нихъ оно продолжалось бы другими людьми съ нѣкоторыми случайными различіями, но въ томъ же ду-

¹⁾ См. *Flint* op. cit., 655 слл.

²⁾ *Джемсъ*. Зависимость вѣры отъ воли (1904 г.) 166 слл., 247—300.

¹⁾ По поводу этого примѣра ср. *Кудринъ*, Очерки современной Франціи (1904), стр. 43 слл.

²⁾ *Гумпловичъ*. Основы социологіи (1899 г.), 246.

³⁾ См. *Goldfriedrich*, op. cit 434, 446.

хъ“¹⁾. Проф. *Винперъ* видитъ въ современныхъ теоріяхъ, признающихъ роль личности въ исторіи, не болѣе, какъ „остатки стариннаго преклоненія, восторженнаго изумленія челоѣка предъ актами своего сознанія, своего ума и воли“, „укоренившійся миеологизмъ или магицизмъ“²⁾. Вотъ съ какими крайностями мы встрѣчаемся. Спрашивается, гдѣ же истина?

III. Я лично не примыкаю ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ крайнихъ воззрѣній. Прежде всего я безусловно буду возражать противъ тѣхъ писателей, которые полагаютъ, что личность имѣетъ исключительно рѣшающее значеніе въ исторіи. Я много разъ старался подчеркнуть, что личность есть продуктъ общества и что личное самосознаніе развивается при извѣстномъ состояніи общественной культуры. Общество создаетъ сознающую себя личность, и, какъ бы гениальна эта личность ни была, она не получитъ историческаго значенія, если не будетъ поддержана массами.

Исходя изъ такихъ соображеній, Лампрехтъ³⁾ предлагаетъ дѣлить гениевъ на гармоническихъ, у которыхъ всѣ свойства психики развиты въ равной степени, и дисгармоническихъ, у которыхъ одна сторона психической дѣятельности получила особенное развитіе. Онъ утверждаетъ, что этимъ различіемъ гениальныхъ натуръ объясняются такъ называемые *неудавшіеся гении*, которые не получили историческаго значенія именно потому, что они не были поддержаны окружающей соціальной средой. По мнѣнію Лампрехта, гармоническіе гении подходятъ къ эпохамъ законченной культуры, а дисгармоническіе—къ эпохамъ переходнымъ, и то въ зависимости отъ характера ихъ гениальности. Такимъ образомъ, мало родиться гениальнымъ челоѣкомъ; необходимо родиться въ подходящий моментъ и въ подходящей средѣ. Болдвинъ называетъ эти черты „соціальнымъ здоровьемъ“ гения; безъ этого условія гений обществомъ не можетъ быть понятъ и признанъ⁴⁾.

¹⁾ *Monod* въ сборникъ *De la méthode dans les sciences* (Paris, Alcan 1910), 402.

²⁾ *Винперъ*, *Очерки теоріи историческаго познанія* (1911 г.), 257, 264.

³⁾ *Lamprecht*. *Moderne Geschichtswissenschaft*, 100 слл. Ср. *Lindner*, *Geschichtsphilosophie*, 65 слл.

⁴⁾ *Baldwin*, *Social and Ethical interpretations in mental development* (1906), 170.

Но слѣдуетъ обратить вниманіе и на другую сторону дѣла. Спенсеръ говоритъ, что Ньютоны не могутъ рождаться среди готтентотовъ. Однако, нельзя не отмѣтить, что и не всѣ англичане рождаются Ньютонами. Поэтому, помимо соціальной среды, есть еще нѣчто такое, что нужно принимать въ учетъ, когда мы говоримъ о роли личности въ исторіи. Гениальный челоѣкъ—не только соціальный продуктъ, но и биологическая единица; гении рождаются въ результатъ извѣстной биологической комбинаціи. По выраженію Джемса, среда не производитъ гениевъ, а лишь ихъ *подбираетъ*. Вотъ почему гении могутъ быть удавшимися или неудавшимися, смотря по тому, приметъ ихъ или отвергнетъ данная среда, но самая гениальность извѣстныхъ индивидовъ, самое появленіе гения уже не вполне зависитъ отъ общества; это—въ значительной степени биологическая случайность.

Впрочемъ, говоря о роли личности въ исторіи, мы не должны ограничиваться одними только дѣйствительно гениальными людьми. Иногда исторія даетъ людямъ наименование великихъ, хотя они и не являются гениями по своему внутреннему существу; такихъ великихъ людей создаетъ исключительно соціальная обстановка. Это часто относится къ лицамъ, стоящимъ во главѣ государствъ; благодаря тому соціальному положенію, которое они занимаютъ, они оказываютъ настолько сильное вліяніе на ходъ историческихъ событий, что имъ иногда приписываютъ значеніе великихъ людей, даже при отсутствіи всякой гениальности въ ихъ характерѣ.

Кого же мы можемъ назвать великимъ челоѣкомъ или гениемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова? По опредѣленію профессора *Жюли*¹⁾, гений есть челоѣкъ, который, будучи охваченъ великимъ замысломъ, обладаетъ настолько сильнымъ интеллектомъ, воображеніемъ и волей, чтобы привести его въ исполненіе и обогатить людей новымъ творческимъ синтезомъ. Не во всякой средѣ могутъ появляться гении; для этого общественная среда должна быть достаточно разнообразна, достаточно дѣятельна и достаточно свободна,

¹⁾ *Joly*. *Psychologie des grands hommes* (3 éd. 1912 г.). Есть русск. пер.—Ср. *Оствальдъ*. „Великіе люди“ (рус. пер. 1910 г.). *Ribot*. „Essai sur l'imagination créatrice“ ч. II, гл. IV.

чтобы создать условия, благоприятные для выделения яркой индивидуальности и для ее свободного раскрытия. Но в такой среде гений, по его мнению, не есть и простая случайность. Если думать, что те условия, которые создают потребность в гении, работают и над его появлением, создавая соответственные склонности и предрасположения в членах общества. Истинный гений отличается всегда большим упорством в преследовании своего замысла, так как ему всегда приходится потратить много труда на синтезирование старой традиции с новой, творческой идеей; он умеет использовать для своих целей случай и обладает способностью находить себя необходимых сотрудников, внушать им приверженность к себе и своему делу. В результате своей деятельности он не нарушает естественного хода событий, но помогает отчетливо формулироваться тому, что для современников не было ясно, или доставить решительную победу какой-нибудь из борющихся тенденций. Пока твердо держится традиция, установленная великим человеком в его области, трудно в той же области появиться новому гению. Безусловно нельзя сопоставлять гений и помешательство, так как гений обладает именно той способностью объединять людей около своих творений, которой лишены сумасшедшие: ведь сущность психической болезни состоит в том, что человек становится непонятным для окружающих. Гениальность есть, напротив, особая способность вносить гармонию и порядок в запутанное и непонятное для большинства людей. Вот почему, утверждает Жюли, в гении нельзя видеть ничего антидемократического; сплочивая людей вокруг идеи, гений только служит их солидарности. „Тирания посредственности гораздо больше страшна, чем превосходство гения“ ¹⁾.

¹⁾ Параллельно с психологией великих людей Жюли изучает психологию святых. Великий человек в собственном смысле этого слова направлен на внешнее деяние; вот почему часто он для близких к нему людей вовсе не представляется великим; напротив, духовная жизнь святого направлена на внутреннее совершенство; святые удаляются от мира, и наиболее святы для тех, кто их близко знает. Святость состоит в любви к Богу и в любви ко всему существующему через Бога. Отрешаясь от всего личного и эгоистического, святой тем самым завоевывает себе настоящую свободу, так как повинуетя только воле Бога,

Лебонь ²⁾ проводит интересное различие между гениями, играющими роль в создании цивилизации, и гениями политическими. Он правильно отмечает, что „мыслитель слишком хорошо видит сложность проблем, чтобы когда-нибудь иметь очень глубокие убеждения, и слишком немногие из политических целей кажутся ему в достаточной степени достойными его усилий, так что он не преследует никакой. Изобретатели могут на долгое время видоизменить цивилизацию; но одни только фанатики, с узким интеллектом, но с энергичным характером и могучими страстями, могут создавать религии, царства и переворачивать мир. По зову Петра Пустынника миллионы людей устремились на восток; слова галлюцинирующего, каким был Магометь, создали силу, необходимую для победы над старым греко-римским миром; темный монах Лютер предал Европу огню и мечу. Голос же Галилея или Ньютона никогда не получить у масс даже слабого отзвука. Гениальные изобретатели ускоряют движение цивилизации. Фанатики и галлюцинирующие люди создают историю“.

Исторический процесс не может быть вполне понят и объяснен, если мы не будем считаться с этим значением личности. Я не буду доказывать, что реформация в Европу не была бы возможна без Лютера и Кальвина, но эти последние, несомненно, сообщили ей ходу известный индивидуальный оттенок. Реакция в начале XIX века была бы неизбежна и без Меттерниха, но он наложил своеобразный отпечаток на характер действий реакционных правительств.

добровольно ей себя подчиняя. Никим образом нельзя святость отождествлять с душевной болезнью или с истерией, так как у святого не только не наблюдается сужения сознания или раздвоения личности, но, напротив, его личность является особенно цельной, единой и сильной. Святость вовсе не мешает развитию интеллекта и воли, ибо истинный экстаз только укрепляет волю и помогает ей перейти к делам; святой может даже не отказываться от привязанностей к особенно близким людям, но их характер преобразуется его святостью. Иногда люди от таких привязанностей приходят даже к святости, так как всякий долг, исполняемый согласно с законом и с любовью, приводит к Богу. Святой ценит страдания, потому что они помогают ему отделяться от личных стремлений и перейти к самоотверженной, альтруистической любви. См. Н. Joly. „Psychologie des Saints“, 14 éd., 1912 г.

²⁾ Le Bon. „Lois psychologiques le révolution des peuples“, стр. 154—5.

Такимъ образомъ, въ исторіи предметомъ вниманія должны быть и народныя массы, и отдѣльныя личности, которыя, въ силу своей гениальности или въ силу своего социальнаго положенія, являются инициаторами новыхъ эпохъ и новыхъ теченій. Вообще, я думаю, что принципиальнаго антагонизма между обществомъ и личностью нѣтъ, потому что ни личность не можетъ существовать безъ общества, ни, наоборотъ, общество безъ личности. Но я не раздѣляю и того историческаго суевѣрія, которое выражается въ возрѣніи, будто каждая эпоха, непременно, находитъ того великаго человѣка, въ которомъ нуждается ¹⁾. Это положеніе совершенно метафизическое. Метафизикъ имѣетъ обыкновенно вполне опредѣленное возрѣніе на смыслъ историческаго процесса, который ему представляется выполнениемъ заранее предначертаннаго плана. Поэтому въ его представленіяхъ и великій человѣкъ является всегда, когда онъ нуженъ. Эд. фонъ-Гартманъ въ своей „Философіи безсознательнаго“ ²⁾ прямо утверждаетъ, что когда человѣчеству нужно пройти извѣстный этапъ въ развитіи, то всегда найдется тотъ гений, который становится во главѣ. Я думаю, что это совершенно невѣрно. Бываютъ эпохи, которыя напрасно ищутъ своего великаго человѣка, т.-е. такого человѣка, который былъ бы яркимъ воплощеніемъ извѣстнаго теченія; этотъ гений былъ бы тѣмъ центромъ, вокругъ котораго легко сплотились бы народныя массы. Часто появленіе великаго человѣка могло бы ускорить и упростить историческій процессъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что великій человѣкъ въ подобный моментъ непременно явится; какъ бываютъ неудавшіеся гении, такъ бываютъ эпохи, которыя нуждаются въ генияхъ и ихъ не находятъ. Результаты изъ этого могутъ быть различны. Иногда социальныя вопросы не находятъ разрѣшенія, пока за нихъ не возьмется сильная личность; на примѣръ, до появленія Бисмарка задача объединенія Германіи не была разрѣшена; но бываетъ и такъ, что крупныя историческія процессы разыгрываются безъ великихъ людей; примѣромъ можетъ служить великая французская революція.

¹⁾ Ср. Лакомбъ. „Соціол. осн. исторіи“, 25 слл.

²⁾ Hartmann. „Philos. d. Unbewusst. 11“, I, 329.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что, само собой разумѣется, каждая личность, какими бы свойствами она ни обладала, не въ состояніи провести до конца всѣхъ своихъ плановъ во всей ихъ чистотѣ. Мы уже знаемъ, что каждая новая идея въ исторіи должна выдержать борьбу съ традиціей и съ конкурентными идеями и въ этой борьбѣ не можетъ не измѣниться. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ дѣятельности тѣхъ личностей, которымъ приходится играть роль въ исторіи ¹⁾.

§ 19. Историческая психологія.

I. Психическая организація человѣка является прежде всего факторомъ устойчивости, такъ какъ психическія законы въ общемъ неизмѣнны. Тѣмъ не менѣе, въ исторіи намъ приходится считаться съ социальной психикой и какъ съ факторомъ измѣнчивости. Въ эволюціи человѣчества мы встрѣчаемся не только съ процессомъ накопленія знаній, но и съ извѣстными измѣненіями въ образѣ мышленія и характерѣ чувствованія. Такія измѣненія психики необходимо имѣть въ виду для сохраненія правильнаго историческаго взгляда на ходъ событій.

Отличительныя характерныя черты разныхъ эпохъ выражаются въ понятіи: *духъ времени*. Говоря о духѣ времени, мы, конечно, не имѣемъ въ виду какой-либо метафизической сущности; я полагаю, что въ этомъ понятіи есть и научное содержаніе. Дѣло въ томъ, что въ исторіи дѣйствуетъ законъ, который выдвинулъ еще Контъ, настаивая на томъ, что статическое состояніе общества опредѣляется гармоніей всѣхъ сторонъ общественной жизни (*consensus*). Вундтъ говоритъ въ этомъ случаѣ о законѣ историческихъ соотношеній ²⁾. Онъ состоитъ въ томъ, что въ каждую отдѣльную эпоху у даннаго народа мы находимъ тѣ или иныя господствующія тенденціи въ самыхъ различныхъ областяхъ его жизни. Религія, право, наука, искусство имѣютъ всегда из-

¹⁾ Особо важно значеніе получаетъ личность, конечно, въ такихъ отвѣтвленіяхъ исторіи, какъ исторія философіи, исторія искусства, исторія литературы.

²⁾ Wundt. „Logik 8“, III, 433 слл.

вѣстныя общія черты, присущія именно данной эпохѣ ¹⁾. Принимая это во вниманіе, мы можемъ ожидать, что въ разныя эпохи мы встрѣтимся и съ разнымъ характеромъ мышленія и чувствованія.

Но придавать духу времени безусловное значеніе нельзя, такъ какъ жизнь не укладывается никогда въ такія простыя формулы. Нельзя поэтому, опредѣливъ общій духъ эпохи, искать его полного и равномѣрнаго отраженія во всѣхъ рѣшительно проявленіяхъ соціальной жизни. Дѣйствіе закона историческихъ соотношеній скрещивается съ дѣйствіемъ другого закона, о которомъ мы имѣли уже случай упоминать (§ 17, IV) и который Вундтъ называетъ *закономъ историческихъ контрастовъ* ²⁾. Въ нашей индивидуальной жизни мы постоянно встрѣчаемся съ контрастами, необходимыми и неизбѣжными. Чувство удовольствія предполагаетъ чувство неудовольствія; наслажденіе предполагаетъ страданіе. Эти чувства такъ связаны между собою, что ни одного изъ нихъ нельзя опредѣлить, не затрогивая его контраста. Контрастныя чувства склонны замѣнять другъ друга. Такъ, слишкомъ интенсивное наслажденіе можетъ превратиться въ страданіе. Каждое чувство постоянно подготавливаетъ путь противоположному чувству. Насытившись въ одномъ направленіи, мы ощущаемъ потребность пережить противоположное. Физиологически этому соотвѣтствуетъ то обстоятельство, что нервная система исчерпываетъ свою энергію въ дѣятельности одного направленія, и тогда ея органы требуютъ либо покоя, либо возбужденія въ другомъ направленіи. Такъ получается то явленіе, что „чувства и побужденія, обладавшія сначала незначительной интенсивностью, усиливаются постепенно по контрасту съ преобладавшими въ продолженіе нѣкотораго времени чувствами противоположнаго качества, чтобы получить въ концѣ концовъ перевѣсъ надъ преобладавшими раньше мотивами и сдѣлаться такимъ образомъ господствующими на болѣе короткое или долгое время“ ³⁾.

¹⁾ Отсюда возникаетъ возможность *символизма* въ исторіи. Какой-нибудь матеріальный предметъ, въ родѣ париковъ вѣка Людовика XIV, можетъ быть подходящимъ символомъ для характеристики цѣлой эпохи. См. *Мопод* въ сборникѣ „De la méthode dans les sciences“ (1910 г.), стр. 398.

²⁾ *Wundt*. „Logik“³, III, 436 слл.

³⁾ *Вундтъ*. „Очеркъ психологіи“, 380.

Аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ и въ соціальной психикѣ. Хотя каждая эпоха имѣетъ свои преобладающія чувствованія и теченія, но всегда рядомъ съ ними существуютъ и контрастныя противоположности. Съ теченіемъ времени эти послѣднія усиливаются и приходятъ на смѣну прежнимъ. Это не есть какое-либо метафизическое предположеніе, но научно-установленный результатъ постоянной наличности въ обществѣ теченій и тенденцій, противоположныхъ господствующимъ. Это обстоятельство и нарушаетъ постоянно цѣльность впечатлѣнія отъ каждой эпохи.

Въ виду всего изложеннаго становится яснымъ, почему въ теоріи историческаго процесса намъ приходится считаться не только съ процессомъ накопленія званій, но и съ особой *исторической психологіей*.

II. Чтобы пояснить, что такое историческая психологія, я приведу нѣсколько примѣровъ. Тѣ изъ васъ, которые имѣютъ представленіе объ исторіи римскаго права, безъ труда поймутъ то различіе въ состояніи юридическаго быта, которое вытекаетъ изъ *формъ мышленія* въ разныя эпохи. Припомните, на примѣръ, образность и символизмъ древнеримскаго права ¹⁾. Малокультурный народъ облакаетъ свои сдѣлки въ образную форму и закрѣпляетъ ихъ не только словами, но и обрядами съ символическимъ значеніемъ. Въ древнемъ правѣ господствуетъ при этомъ строгій формализмъ. Соблюденіе установленныхъ формъ требуется педантично, и малѣйшая перемѣна въ разѣ установленномъ ритуалѣ, запинка или оговорка ведутъ за собой непризнаніе всей сдѣлки. Съ этимъ формализмомъ связано буквальное толкованіе нормъ права и заключаемыхъ договоровъ. Судья долженъ считаться съ буквой, а не со смысломъ договора, а при толкованіи законовъ обязанъ строго держаться словъ, но не выяснять мысли и намѣренія законодателя. Всѣ эти черты объясняются въ значительной степени приемами мышленія древняго чловека, который оперируетъ образами, а не отвлеченными формулами, подобно людямъ развитой культуры. Эта привычка мыслить образами и сказывается въ сложномъ ритуалѣ юри-

¹⁾ См. *Хвостовъ*. „Исторія римскаго права“⁵, § 16, II, 3. *Муромцевъ*. „О консерватизмѣ римской юриспруденціи“ (1875 г.). *Бляевъ* въ „Юридич. Вѣстникѣ“, кн. IV (1913 г.), 168—199.

дическихъ сдѣлокъ. Буквальное толкованіе законовъ и договоровъ есть слѣдствіе неумѣнья отличить мысль отъ слова. Мелочность и педантичность въ соблюденіи установленныхъ формъ объясняется неразвитостью ума, не умѣющаго отдѣлать существенное отъ несущественнаго.

Съ этими же особенностями древняго мышленія мы встрѣчаемся и въ другихъ областяхъ. Такъ называемые этиологическіе мифы суть не что иное, какъ догадки малокультурнаго общества о происхожденіи какого-нибудь непонятнаго обряда, учрежденія, имени, выраженные не въ отвлеченной, а въ символической формѣ; мы въ подобныхъ случаяхъ создаемъ гипотезы въ видѣ отвлеченныхъ соображеній, а древній человѣкъ облачаетъ свои догадки въ форму рассказовъ съ идейнымъ содержаніемъ. Примѣромъ такого рассказа можетъ служить римскій мифъ о похищеніи сабинянокъ, придуманный для объясненія стариннаго свадебнаго обряда. Древнее право и древнюю исторію невозможно понять, если не считатьъ съ этимъ отличительнымъ признакомъ малоразвитой мысли—образнымъ символическимъ мышленіемъ.

Если мы еще ниже спустимся по лѣстницѣ культурнаго развитія, то встрѣтимся съ фактами, еще болѣе для насъ странными. Англійскій писатель *Гобгаусъ* въ своей книгѣ объ „эволюціи морали“⁴⁾ весьма рельефно выставляетъ особенности примитивнаго человѣческаго мышленія. Онъ указываетъ, что эволюціи подлежатъ даже тѣ основныя категоріи, на которыхъ базируется вся наша логика. Умъ человѣка работаетъ при помощи познавательныхъ категорій, каковы предметъ и его атрибуты, лицо и его дѣйствіе, функція, отношеніе, субстанція, причина и слѣдствіе. На уровнѣ такъ называемаго здраваго смысла человѣкъ оперируетъ со всѣми этими категоріями, не имѣя о нихъ опредѣленнаго представленія, но все же довольно правильно, точно такъ же, какъ онъ успѣшно справляется съ рѣчью, не имѣя понятія о грамматическихъ правилахъ. Только научная критическая работа подымаетъ человѣка надъ этимъ уровнемъ и дѣлаетъ для него понятной работу того механизма, при помощи котораго онъ познаетъ міръ. Но есть уровень ниже

того, что мы называемъ здравымъ смысломъ. Этотъ уровень характеризуется тѣмъ, что сами логическія нормы и познавательныя категоріи примѣняются не вполне правильно, отчетливо и устойчиво, логически-познавательный аппаратъ человѣка не вполне еще сложился, такъ что постоянно происходитъ путаница: то, что сейчасъ было субстанціей, въ слѣдующій моментъ становится отношеніемъ, тогда какъ отношеніе можетъ принять субстанціональный характеръ; или же одно отношеніе можетъ перейти въ другое. При этихъ условіяхъ общія идеи уже образуются; но онѣ отличаются неопредѣленностью и неустойчивостью. Самый процессъ ихъ образованія случаенъ: здѣсь нѣтъ правильной индукціи, анализа и синтеза, но дѣлаются очень поспѣшныя обобщенія случайно замѣченныхъ связей.

На этомъ уровнѣ и стоитъ міровоззрѣніе первобытнаго человѣка. Чтобы въ немъ разобраться, слѣдуетъ принять во вниманіе важныя его особенности. 1) Процессы, которые совершаются въ вещахъ, свойства вещей, мысли о вещахъ и слова, въ которыхъ эти мысли выражаются, легко превращаются въ умѣ дикаря въ особыя субстанціи, въ такія же тѣла, какъ и самыя вещи, къ которымъ они относятся. Поэтому каждая общія идея выражается непременно въ предметныхъ представленіяхъ, въ образахъ вещей. 2) Самые предметы плохо разграничены другъ отъ друга. Очертанія ихъ неясны, и всякое сходство легко принимается за полное тождество. Отсюда склонность принимать на вѣру всевозможныя превращенія и тайныя воздѣйствія; здѣсь лежитъ объясненіе колдовства и магіи, а также и древняго религіознаго культа⁴⁾. Если вещь принадлежитъ мнѣ, то по представленію дикаря въ ней заключается часть меня, и, воздѣйствуя на нее, можно воздѣйствовать на меня и т. п. 3) Самого себя дикарь еще мало отличаетъ отъ всего окружающаго и потому весь міръ склоненъ представлять на подобіе самого себя. Его міровоззрѣніе отличается антропоморфнымъ характеромъ; въ то же время оно антропоцентрично, ибо малоразвитой человѣкъ вообще склоненъ интересоваться лишь тѣмъ, что его непосредственно касается, задѣваетъ его интересы.

⁴⁾ О понятіи «магія» и его отношенія къ религіи см. *Leuba, La psychologie des phénomènes religieux* (1914).

¹⁾ *Hobhouse, Morals in Evolution* (1906), II, гл. I.

Да и давно ли человечество даже в своих наиболее культурных слоях начало радикально порывать с этим антропоцентризмом и геоцентризмом, полагающим землю и человека центром всего мирового процесса?

Вундт отмѣчаетъ слѣдующія характерныя особенности первобытнаго мышленія. Логика первобытнаго человека отличается конкретностью и индивидуальностью; это сказывается в почти полномъ отсутствіи абстрактныхъ понятій. Мысль сосредоточена на объектахъ внѣшняго міра и оперируетъ преимущественно категоріями предмета и свойства. Все, что дано в объективномъ воспріятіи, считается достовѣрнымъ именно в томъ видѣ, какъ оно дано; не умѣютъ выдѣлать продуктовъ фантазіи изъ данныхъ объективнаго опыта. Наконецъ, представленія о всеобщей причинности нѣтъ, и самый вопросъ: „почему?“ ставится только относительно рѣдкихъ и выходящихъ изъ ряда обыкновеннаго явленій, непосредственно притомъ задѣвающихъ интересы дикаря, какова, напр., смерть. Объясняются эти явленія воздѣйствіемъ демоновъ, дѣйствующихъ наподобіе того, какъ дѣйствуетъ душа на тѣло человека. Только путемъ медленной эволюціи могла изъ этихъ зачатковъ развиться современная научная логика¹⁾.

Леви-Брюль в своей интересной книгѣ объ умственной жизни примитивныхъ обществъ²⁾ пытается свести къ одному принципу всѣ эти особенности первобытнаго мышленія. По его гипотезѣ онѣ являются результатомъ того, что духовная жизнь дикаря вообще слишкомъ мало дифференцирована. Поэтому в его психикѣ представленія еще не обособились в достаточной мѣрѣ отъ чувствованій и все его мировоззрѣніе пріобрѣтаетъ слишкомъ субъективную, эмоціональную окраску. Эмоціональные и двигательные элементы являются составными частями представленій. Всѣ вещи интересуютъ человека постольку, поскольку онѣ имѣютъ отно-

¹⁾ *Wundt*. Die Elemente der Völkerpsychologie (2-е изд. 1913). *Wundt*. Die Anfänge der Philosophie в изданіи Kultur der Gegenwart, I, 5 (рус. пер. в изданіи „Общая исторія философіи“, изд. т-ва Общ. Польза, т. I. Спб. 1910 г.). См. также *Weinstein*. Welt und Lebensanschauungen (1910), 16 слл. *Berr*. La synthèse en histoire (1911), 190 слл.

²⁾ *Levy-Bruhl*. Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures (1910). Ср. объ этой книгѣ *Berr*. La synthèse en histoire (1911), 190 слл. Ср. также *Ribot*. La logique des sentiments, 25 слл.

шеніе къ его жизни и дѣйствованію, и представленія о мірѣ получаютъ характеръ динамической. Объектъ не охватывается духомъ просто в формѣ идеи или образа; смотря по обстоятельствамъ, сущность этихъ представленій составляетъ боязнь, надежда, религиозный ужасъ, пламенное желаніе раствориться в общей субстанціи, страстный призывъ къ покровительствующей силѣ; все это дѣлаетъ представленія в то же время дорогими, страшными, священными. Дикарь не стремится къ выясненію объективныхъ связей между вещами и явленіями, у него отсутствуетъ представленіе о правильной и неумолимой законѣрности. Весь міръ представляется ему сплошнымъ дѣйствіемъ силъ, подобныхъ той, которую онъ ощущаетъ в самомъ себѣ, и онъ непосредственно переживаетъ взаимодействие силъ, в узелъ которыхъ онъ запутанъ. Отсюда возникаетъ в немъ потребность во всякомъ явленіи изыскивать специально эту *мистическую сторону* скрытыхъ в немъ силъ и разными магическими средствами воздѣйствовать на эти силы в желательномъ направленіи. Мышленіе дикаря управляется, по мнѣнію Леви-Брюля, не логическимъ закономъ противорѣчія, но до-логическимъ закономъ участія (*loi de la participation*). Съ его точки зрѣнія все можетъ участвовать во всемъ, при чемъ его вовсе не смущаетъ, если переживаемое и чувствуемое имъ участіе заключаетъ в себѣ логическую невозможность. Если онъ находитъ какую-нибудь мистическую связь между вещами, в смыслѣ участія одной вещи в жизни другой, то онъ объявляетъ, что эти вещи *суть* одно и то же. Законъ участія занимаетъ мѣсто закона тождества. Вотъ почему для него имя человека есть то же самое, что самъ человекъ, часть тѣла есть то же самое, что тѣло; каждая вещь в одно и то же время можетъ быть однимъ и другимъ: такъ, члены тотемической орды *суть* в одно и то же время люди и животныя той же породы, какъ ихъ тотемъ; одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть сразу в различныхъ мѣстахъ: такъ, души мертвецовъ сидятъ в могилахъ и в то же время бродятъ около живыхъ людей. Однимъ словомъ, в представленіяхъ этихъ людей ничто еще не дифференцировано в достаточной степени; ихъ мышленіе имѣетъ синтетическій, а не аналитическій характеръ. Связи представленій имъ даны вмѣстѣ съ самими представленіями. Память имѣетъ

гораздо большее значение, чѣмъ логическій анализъ. Соответственно этому и первобытный языкъ отличается необычайной конкретностью и, при помощи жестовъ, больше описываетъ пѣлые комплексы явленій, чѣмъ передаетъ абстрактныя понятія и отношенія. Такое мышленіе господствуетъ, по мнѣнію Леви-Брюля, до тѣхъ поръ, пока личность не начала выдѣляться изъ окружающей ее общественной среды, пока она насквозь социализирована. Но когда личность начинаетъ сознавать свою особность, то понемногу прекращается такая жизнь недифференцированныхъ переживаній; развивается анализъ и раздѣленіе и во всѣхъ другихъ областяхъ міровозврѣнія. Внѣшніе объекты также начинаютъ представляться наблюдателю одаренными индивидуальной душой; связь вещей между собой уже не переживается непосредственно, должна быть объясняема. Являются особые носители мистическихъ силъ, которые превращаются въ боговъ и демоновъ. Человѣкъ не довольствуется уже простымъ воспроизведеніемъ въ мысляхъ сложнаго переживаемаго духовнаго процесса, но начинаетъ стремиться къ объективациі представленій и къ созданію картины міра, независимаго отъ человѣческихъ чувствованій. Такъ постепенно пролагается дорога къ развитію логическаго мышленія. Но и современный человѣкъ не можетъ обойтись однимъ логическимъ знаніемъ; на ряду съ нимъ въ жизни религіозной и моральной до сихъ поръ держится знаніе мистическое, стремящееся охватить жизненный процессъ во всей его полнотѣ и цѣльности и не смущающееся логическими противорѣчіями.

Въ исторіи мѣняются не одни только формы и приемы мышленія. Изучая отдаленныя эпохи, мы должны считаться и съ различіемъ въ характеръ чувствованій и способовъ ихъ проявленія во внѣ¹⁾. Въ исторіи встрѣчаются факты, которыхъ нельзя понять и которымъ нельзя даже повѣрить, если не принять въ соображеніе подобныхъ различій въ области чувствованій. Такъ, напр., намъ кажется страннымъ и непонятнымъ поведеніе Генриха IV въ Каноссѣ; но мы поймемъ его, если вспомнимъ, что чувства людей того времени выражались [сильнѣе и грубѣе. И лишь на почвѣ такого сильнаго развитія эмоціональной жизни возможны и другія

¹⁾ См. *Bernheim*. Lehrbuch der hist. Methode (1903), 612 слл.

явленія, о которыхъ намъ говорятъ средневѣковыя хроники. Напримѣръ, въ средніе вѣка нерѣдко отправленіе мессы сопровождается слезами со стороны священниковъ; въ наше время едва ли мы часто встрѣтимся съ такимъ явленіемъ. Вся жизнь Іоанна Грознаго съ ея рѣзкими переходами отъ религіознаго экстаза къ политическимъ жестокостямъ является яркой иллюстраціей такого развитія эмоціональной жизни съ рѣзкими переходами отъ одного чувства къ другому¹⁾.

III. Спрашивается, существуютъ ли опредѣленныя схемы, подъ которыя можно было бы подвести историческія перемены въ социальной психикѣ? Индивидуальная психика имѣетъ опредѣленныя стадіи своего развитія. Существуютъ ли и для социальной психики такія обязательныя стадіи? Современная наука этого вопроса окончательно не разрѣшила, но попытки въ этомъ направленіи дѣлаются. Наиболее интересной и близкой по времени является попытка нѣмецкаго историка *Карла Лампрехта*²⁾. Въ основу своего обширнаго труда по исторіи Германіи онъ положилъ ту мысль, что психика каждаго народа въ своемъ развитіи проходитъ извѣстные періоды; эти періоды, по его мнѣнію, настолько же обязательны для развитія социальной психики, насколько для каждаго отдѣльнаго человѣка обязательны возрастные періоды развитія. Лучше всего они распознаются въ развитіи искусствъ, но затѣмъ, въ силу закона историческихъ соотношеній, ихъ легко прослѣдить и въ другихъ областяхъ исторической жизни.

Для германскаго народа Лампрехтъ насчитываетъ пять такихъ эпохъ. 1) *Эпоха символизма*. Эта эпоха представляетъ стадію общественнаго развитія, на которой личность еще не вполне сознательно отличаетъ себя отъ окружающаго міра; она все старается объяснить наподобіе себя самой и

¹⁾ См. другія иллюстраціи у *Ключевскаго*. Курсъ II, 153, 338; III, 333 слл., 418. *Lamprecht*, Einführung in das historische Denken (1913), 54 слл. *Эйкенъ*. Исторія и система средневѣк. міровозврѣнія, 281 сл. См. также выраженія чувствъ у героев Гомера, о которыхъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ говоритъ уже *Платонъ* въ началѣ III кн. «Государства». *М. Wundt*. Geschichte der Griechischen Ethik. I (1908), 5 слл.

²⁾ *Лампрехтъ*. Исторія германскаго народа, I, 1 — 20. *Lamprecht*. Moderne Geschichtswissenschaft (1905), 22 слл. Einführung in das historische Denken (1914).

благодаря слабому развитію отвлеченнаго мышленія представляет все въ образахъ и символахъ. 2) Эпоха *типизма*: это—та ступень общественнаго развитія, на которой отвлеченное мышленіе двигается нѣсколько дальше. Мышленіе уже не ограничивается смутными символами; человѣкъ идетъ дальше по пути разграниченія своей личности отъ внѣшняго міра. Онъ различаетъ отдѣльные типы въ окружающей природѣ, но улавливаетъ при этомъ только самыя общія черты и не разбирается въ конкретныхъ особенностяхъ. Міровоззрѣніе ограничивается установленіемъ общихъ типовъ. Поэтому и искусство этого періода занимается изображеніями животнаго вообще, растенія вообще, потомъ начинаетъ различать отдѣльныя породы животныхъ; причудливыя и запутанныя линіи въ орнаментахъ изображаютъ движеніе. Въ поэзіи этого времени преобладаетъ героическій элементъ, причемъ въ лицѣ героевъ изображаются излюбленные народныя типы. 3) Эпоха *конвенціонализма*, т.-е. условныхъ договорныхъ отношеній, пытается перейти отъ общихъ типическихъ понятій къ болѣе конкретному познанію дѣйствительности; начинаютъ улавливать разнообразіе, которое скрывается подъ общими типами. Но всѣмъ этимъ различіямъ придаютъ условный, конвенціональный характеръ. Въ политическомъ отношеніи эта эпоха совпадаетъ съ феодальнымъ строемъ. 4) Эпоха *индивидуализма*; личность освобождается отъ путъ, которыми она связана въ предыдущія эпохи символизма и договорныхъ отношеній. Индивидъ требуетъ свободы и рѣзко противопоставляетъ себя окружающей средѣ. 5) Эпоха *субъективизма*. Эта эпоха составляетъ противовѣсъ предыдущей, которая характеризовалась крайнимъ раціонализмомъ и черезчуръ одностороннимъ развитіемъ свободы личности. Субъективизмъ является реакціей въ сторону признанія чувства и коллективной, союзной дѣятельности. Эпоха эта продолжается и въ настоящее время.

Эти дѣленія относятся къ исторіи германскаго народа. Въ своемъ позднѣйшемъ произведеніи „*Moderne Geschichtswissenschaft*“ (1905 г.) Лампрехтъ обобщаетъ свои выводы. Исторія германскаго народа представляется здѣсь лишь исходной точкой для общаго изученія законовъ развитія соціальной психики. Исторію германскаго народа мы можемъ изучать только отъ извѣстной эпохи и не знаемъ, чѣмъ она кончится.

Задача общей теоріи историческаго процесса состоитъ въ томъ, чтобы, пользуясь матеріаломъ, который намъ даетъ исторія отдѣльныхъ народовъ, вывести общіе періоды развитія соціальной души. Выводы, которые получены изъ исторіи германскаго народа, могутъ быть на почвѣ сравнительно историческихъ изысканій провѣрены и дополнены. Изученіе доисторическихъ эпохъ поможетъ намъ продолжить эту лѣстницу обязательныхъ стадій развитія внизъ, а изученіе культуръ уже отжившихъ народовъ дастъ возможность установить тѣ стадіи развитія, до которыхъ еще не дошли современные народы. На этой почвѣ мы получимъ возможность до извѣстной степени предвидѣть и будущую исторію развитія современныхъ обществъ.

Соціальная психика есть, по мнѣнію Лампрехта, активное начало, которое не только воспринимаетъ, но и самостоятельно реагируетъ на толчки внѣшняго міра. Слѣдовательно, она должна подлежать закономерному развитію, аналогичному съ развитіемъ индивидуальной психики. Вотъ почему Лампрехту представляется несомнѣнной та мысль, что законы развитія соціальной души могутъ и должны быть найдены. Что касается вліянія внѣшняго міра, то Лампрехтъ вообще признаетъ, что измѣненія соціальной психики стоятъ, несомнѣнно, въ тѣсной связи съ строемъ экономической жизни. Тѣмъ не менѣе, онъ высказывается противъ историческаго матеріализма, сводящаго все къ экономическому началу. Какъ аргументъ противъ экономическаго матеріализма, онъ приводитъ между прочимъ то соображеніе, что бываютъ эпохи экономическаго застоя, которыя тѣмъ не менѣе не проходятъ безслѣдно для соціальной психики. Въ эти эпохи развивается усиленная интеллектуальная работа, которая можетъ оставить глубокой слѣдъ на психическомъ развитіи народа. Условія хозяйственной жизни являются лишь поводами къ проявленію закономерно наступающихъ измѣненій въ народной психикѣ, внѣшними раздражителями для послѣдней. Въ этой роли выступаютъ также и такія событія, какъ крупныя перевороты въ природѣ, эмиграція, великія открытія и изобрѣтенія.

Между отдѣльными стадіями развитія Лампрехтъ помѣщаетъ *переходныя эпохи*, черезъ которыя народная жизнь переходитъ изъ одного фазиса въ другой. Въ такія эпохи.

по выраженію Лампрехта, мѣняются „доминанты общественной жизни“. Доминантой онъ называетъ господствующую тенденцію данной эпохи. Въ переходныя эпохи мы неизбежно встрѣчаемся съ нѣкоторымъ шатаніемъ мысли: старые идеалы рушились, а новые еще не укрѣпились ¹⁾.

IV. Перейдемъ къ критической оцѣнкѣ теоріи Лампрехта.

Прежде всего я обращаю ваше вниманіе на то, что Лампрехтъ въ основу своей теоріи кладетъ ту мысль, что фазисы развитія соціальной психологіи соотвѣтствуютъ фазисамъ развитія отдѣльнаго индивидуума ²⁾. Но наука не даетъ намъ достаточныхъ основаній для такого утвержденія. Отдѣльный біологическій индивидъ — явленіе преходящее и кратковременное; удѣлъ его — смерть. Существуетъ ли такая же естественная смерть и для цѣлыхъ народовъ? Мы знаемъ, что нѣкоторые народы исчезли или растворились въ другихъ народахъ, но мы не можемъ утверждать, что эти явленія аналогичны смерти и что смерть есть такая же неизбежная участь для народовъ, какъ и для біологическихъ индивидовъ, хотя нѣкоторые ученые и выступаютъ съ такимъ утвержденіемъ ³⁾. Насколько шатки подобныя аналогіи между развитіемъ индивидовъ и цѣлыхъ народовъ, въ этомъ можно убѣдиться на первой же ступени эволюціи. Весьма часто сопоставляютъ міросозерцаніе примитивныхъ дикарей съ міросозерцаніемъ ребенка. Но уже та роль, которую играютъ въ міровоззрѣніи дикаря половыя отношенія и размышленія о смерти, указываетъ на принципиальное различіе между этими міровоззрѣніями ⁴⁾.

¹⁾ См. схему такихъ переходовъ отъ одной эпохи къ другой въ книгѣ *Lamprecht's* „Einführung in das historische Denken“ (1913), 145 слл.

²⁾ Аналогичныя мысли высказывалъ *С. М. Соловьевъ* въ своихъ „Наблюденіяхъ надъ исторической жизнью народовъ“. Онъ считаетъ недоказанною идею всеобщаго и непрерывнаго прогресса человѣчества: вѣдь будущаго мы не знаемъ; но онъ настаиваетъ на томъ, что каждый народъ проходитъ фазисы развитія, аналогичныя развитію человѣка. Жизнь народа по его схемѣ распадается, главнымъ образомъ, на періодъ чувства и періодъ мысли.

³⁾ См. общія соображенія о причинахъ „смерти“ государствъ у *Zenker*. „Gesellschaft“, II, 117—123. *Гумпловичъ*. „Основы соціологіи“, 345 слл. *Schallmayer*. „Vererbung und Auslese“ (1903 г.) 107 слл., 185 слл. *Карпеевъ*. „Осн. вопр. фил. ист.“, (1897 г.), 279 слл. 323, слл.

⁴⁾ *Wundt*. „Logik“, III, 415.

Въ качествѣ второго возраженія противъ теоріи Лампрехта можно выставить слѣдующее соображеніе. Самая единица соціальной психической жизни крайне неопредѣленна. Лампрехтъ такой единицей считаетъ *народъ*. Но что же представляетъ собою понятіе народа и чѣмъ оно характеризуется? Мы знаемъ, что, когда группа людей живетъ вмѣстѣ, то у нея постепенно вырабатывается извѣстное національное самосознаніе, какъ продуктъ историческаго процесса; это самосознаніе развивается сравнительно медленно; у европейскихъ народовъ съ наибольшей силой чувство національнаго единства проявляется только въ самое послѣднее время (выше, § 16, IV). Поэтому съ понятіемъ народа оперировать въ исторіи не такъ легко. Что такое представляетъ собою въ разныя эпохи тотъ германскій народъ, психику котораго изучаетъ въ историческомъ развитіи Лампрехтъ, и насколько прочно было его единство въ минувшія времена? Автору приходится дѣлать по этому поводу цѣлый рядъ оговорокъ, въ результатѣ которыхъ самое понятіе народа становится довольно смутнымъ. По словамъ Лампрехта, въ древнѣйшую эпоху національное единство германцевъ сказывалось въ преданіяхъ о происхожденіи отъ общаго божественнаго родоначальника, и въ слѣдующія эпохи національное единство долго еще не выражалось въ требованіи политическаго или культурнаго единства; оно проявлялось въ формѣ племенной и сословной и уживалось съ государствомъ средневѣковаго типа. Понятіе народа при этихъ оговоркахъ крайне расплывается, и намъ трудно представить себѣ единый народъ, у котораго національное самосознаніе не проявляется ни въ какомъ требованіи политическаго, экономическаго и культурнаго единства. Лампрехтъ и самъ признаетъ, что чѣмъ дальше мы проникаемъ въ глубь исторіи германскаго народа, тѣмъ болѣе національныя особенности ступшеваются передъ общечеловѣческими свойствами ¹⁾.

Новымъ камнемъ преткновенія является для Лампрехта вопросъ о *заимствованіи*, которое вноситъ въ развитіе народа чуждыя начала. Можно ли при этихъ условіяхъ говорить о стройномъ развитіи народной психики? Лампрехтъ

¹⁾ *Лампрехтъ*. „Исторія герм. народа“, I, 71. Ср. *Ed. Meyer*. „Geschichte d. Altertums“, I, 1 (3-е изд. 1910 г.), § 38.

утверждаетъ, что заимствованія только ускоряютъ темпъ народнаго развитія, не измѣняя его направленія ¹⁾. Но, во-первыхъ, это утвержденіе само по себѣ еще не обосновано; во-вторыхъ, есть культурные продукты, которые не являются, вообще, результатомъ національнаго развитія и носятъ космополитическій характеръ, на примѣръ, такое явленіе, какъ католицизмъ. Подобныя явленія не легко укладываются въ схемы Лампрехта.

Вообще эта теорія еще нуждается въ провѣркѣ и разработкѣ и не можетъ выступать въ качествѣ строго научной и вполне доказанной системы ²⁾. Что касается замѣченныхъ Лампрехтомъ стадій развитія, то онъ самъ не считаетъ ихъ достаточно установленными. Въ особенности же осторожно слѣдуетъ относиться къ попыткамъ обобщать на другіе народы тѣ стадіи развитія, которыя могутъ быть болѣе или менѣе правильно подмѣчены въ эволюціи какого-нибудь одного народа (въ данномъ случаѣ—германскаго). Вѣдь въ исторіи, вообще, мало повтореній. На примитивныхъ стадіяхъ развитія сходства въ эволюціи народовъ, при простотѣ жизни, можетъ быть еще сравнительно больше, но чѣмъ болѣе усложняется жизнь, тѣмъ труднѣе устанавливать историческія аналогіи.

V. Въ заключеніе этихъ замѣчаній объ исторической психологіи я сдѣлаю оговорку, что съ понятіемъ „духъ эпохи“ нужно, вообще, оперировать очень осторожно. Въ этомъ случаѣ, какъ уже указано, мы встрѣчаемся съ дѣйствіемъ не только закона историческихъ соотношеній, но и закона историческихъ контрастовъ; поэтому, выясняя духъ эпохи, мы должны обращать вниманіе на то, что онъ не во всѣхъ областяхъ жизни проявляется съ одинаковой силой и не во всѣ слои населенія одинаково проникаетъ. *Фрейтагъ* остроумно замѣчаетъ, что въ каждую данную эпоху въ народѣ всегда есть представители самыхъ различныхъ эпохъ ³⁾, потому что не всѣ слои населенія одинаково подвинулись въ культурномъ развитіи.

Можетъ легко возникнуть такой вопросъ. Если существуетъ историческая психологія и эволюція формъ мышленія и чувствъ, то не приведетъ ли эта эволюція къ чему-нибудь такому, что выведетъ насъ за предѣлы человѣческой исторіи? Такой трезвый мыслитель, какъ *Кантъ*, въ своемъ сочиненіи „Споръ факультетовъ“ намекаетъ на то, что исторія можетъ кончиться появленіемъ существъ, стоящихъ выше людей ¹⁾. *Спенсеръ* представляетъ себѣ конечнымъ результатомъ соціальнаго развитія появленіе существъ, у которыхъ будетъ господствовать „органическая нравственность“ ²⁾. Въ самой рѣзкой формѣ выражаетъ эту идею *Ницше*, который мечтаетъ о появленіи сверхчеловѣка, при чемъ этого сверхчеловѣка онъ изображаетъ иногда, какъ существо, стоящее выше человѣка, а иногда просто, какъ особо развитого человѣка. Другіе ученые не раздѣляютъ подобныхъ мечтаній. *Контъ* безусловно отклонялъ идею безконечнаго прогресса и цѣлью человѣческаго развитія считалъ установленіе позитивной науки и религіи человечества. Въ наше время румынскій историкъ *Ксенополь* ³⁾ категорически утверждаетъ, что на землѣ ничего выше человѣка появиться не можетъ, и что въ дальнѣйшемъ мы можемъ мечтать только объ эволюціи формъ человѣческой культуры. Я лично нахожу, что тѣ и другія сужденія выходятъ за предѣлы науки; наши знанія недостаточны для того, чтобы предсказывать столь отдаленное будущее ⁴⁾.

§ 20. Историческій материализмъ.

I. Мы познакомились съ факторами историческаго процесса во всемъ ихъ разнообразіи. Но очеркъ нашъ будетъ далеко не полнымъ, если мы не остановимся на современныхъ попыткахъ упростить это разнообразіе и по возможности свести историческій процессъ къ единству. Изъ всѣхъ такихъ попытокъ наиболѣе крупной и имѣющей наибольшій успѣхъ

¹⁾ Ср. *Lamprecht* „Einführung in das hist. Denken“. (1913 г.), 156 слл.

²⁾ Недалеко подвинулъ вопросъ и недавно выступившій на защиту Лампрехта *Rothacker*, „Ueber die Möglichkeit und den Ertrag einer genetischen Geschichtsschreibung in Sinne Karl Lamprechts“ (1912 г.).

³⁾ *Bernheim*. Lehrbuch, 618.

¹⁾ *Medicus*. „Kants Philosophie der Geschichte“ (1902 г.), 67.

²⁾ См. *Спенсеръ*. „Основаніе этики“, § 476.

³⁾ *Хенополь*. „La théorie de l'histoire“ (1908 г.), 218.

⁴⁾ Ср. также соображенія *Леве*. „Человѣкъ“ (1913 г.), стр. 410—422.

оказывается та, которая носить название исторического или экономического материализма¹⁾. На ней мы и остановимся.

Не слѣдуетъ смѣшивать исторического материализма съ материализмомъ философскимъ или метафизическимъ, т.-е. съ теоріей, согласно которой въ основѣ всего сущаго лежить матерія, а духъ самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Несостоятельность подобной метафизики была нами уже выяснена, когда мы разбирали вопросъ о матеріи и духѣ (см. выше, § 9, 1). Мы убѣдились, что съ гносеологической точки зрѣнія матерія оказывается построениемъ нашего познающаго духа, а потому и не можетъ считаться основой самаго духа. Но для того, чтобы раздѣлять теорію исторического материализма, нѣтъ безусловной необходимости стоять на почвѣ метафизического материализма. Правда, *Марксъ* и *Энгельсъ* въ значительной степени склонялись къ признанію материализма и въ этомъ общемъ смыслѣ, и у *Каутскаго* въ болѣе раннихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ выраженія, въ родѣ того, что идея есть только функція человѣческаго мозга. Но теперь и *Каутскій* признаетъ, что историческій процессъ есть процессъ духовный, и что для историческихъ материалистовъ нѣтъ необходимости быть материалистами метафизическими, а многіе видные защитники разбираемаго ученія сдѣлали это признаніе еще раньше (*Келлесъ-Крауцъ*). Такимъ образомъ, и на почвѣ признанія историческихъ и социальныхъ явленій духовными можно быть историческимъ материалистомъ. Въ чемъ же состоитъ это ученіе?

¹⁾ См. къ послѣдующему *Масарикъ*. „Философскія и социологическія основанія марксизма“ (1900 г.) *Штаммлеръ*. „Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи“ (1907 г.). *Карвевъ*. „Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ“ (1896 г.). *Ковалевскій*. „Современные социологи“ (1905 г.), 222 сл. *Кн. Е. Н. Трубецкой* въ сборн. „Проблемы идеализма“ (1903 г.). *Ю. Делевскій*. „Историческій материализмъ въ его логической аргументаціи“ (1906 г.). *Его же*. „Экономическій материализмъ и исторія науки“ (1907 г.). *Его же*. „Социальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи“ (1910 г.). Самыя ученія см. въ книгѣ *Бронштейнъ*. Историческій материализмъ, сборникъ статей *Энгельса*, *Каутскаго*, *Лафарга*, *Жореса*, и др. (1908 г.). *Марксъ*. „Къ критикѣ политической экономіи“ (пер. Румянцева, 1907 г.). *Бельтовъ*. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“. *Каутскій*. „Этика и историческій материализмъ“.

Оно состоитъ, въ общемъ, въ томъ, что среди всѣхъ историческихъ факторовъ на первое мѣсто выдвигается факторъ экономической. Эволюція экономическихъ отношеній кладется въ основу всей исторіи и дѣлается утверженіе, будто всѣ остальные явленія социальной жизни складываются подъ одностороннимъ влияніемъ экономическихъ отношеній, содержатъ въ себѣ простое отраженіе экономическихъ отношеній. Право, религія, искусство, философія составляютъ идеологическую „надстройку“ надъ зданіемъ экономіки, въ своемъ развитіи и содержаніи опредѣляются этимъ фундаментомъ экономическихъ отношеній. Такимъ образомъ, все разнообразіе историческихъ факторовъ приводится къ единству; экономическій факторъ является рѣшающимъ, а остальные получаютъ второстепенное, зависимое значеніе.

Вотъ какъ самъ *Марксъ* въ предисловіи къ своему труду „Къ критикѣ политической экономіи“ излагаетъ разбираемое ученіе. „Въ общественномъ отпавленіи своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленные, отъ ихъ воли независящія отношенія, — производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ собой процессъ жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе¹⁾. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями, или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія становятся ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха социальной революціи.

¹⁾ „Ручная мельница даетъ вамъ общество съ сюзереномъ во главѣ паровая мельница — промышленно-капиталистическое общество“, — говоритъ *Марксъ* въ другомъ мѣстѣ („Нищета философіи“).

Съ измѣненіемъ экономическаго основанія болѣе или менѣе быстро преобразуется и вся громадная надстройка надъ нимъ. При разсмотрѣніи такихъ революцій слѣдуетъ всегда имѣть въ виду разницу между матеріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно опредѣлить съ естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, религіозными, художественными или философскими, — словомъ, идеологическими формами, въ которыхъ люди воспринимаютъ въ своемъ сознаніи этотъ конфликтъ и во имя которыхъ борются. Какъ нельзя судить объ отдѣльномъ человѣкѣ по тому, что онъ самъ о себѣ думаетъ, точно такъ же нельзя судить о такой революціонной эпохѣ по ея сознанію; скорѣе, это сознаніе слѣдуетъ объяснить изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. *Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ лонѣ стараго общества.* Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условія, необходимыя для ея разрѣшенія, или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія“.

Послѣдующіе представители этого ученія не вполне сходятся между собою не только въ частныхъ выводахъ, но и въ довольно существенныхъ положеніяхъ. Поэтому излагать его въ подробностяхъ не такъ легко. Въ общемъ, экономическій матеріализмъ, или, какъ выражается Келлесь-Крауцъ, *моноэкономическая социологія*, настаиваетъ неизмѣнно на единствѣ основнаго фактора исторіи. Въ устахъ *Бельтова* нѣтъ худшаго прозвища, какъ „эклетикъ“; это прозвище онъ прилагаетъ къ сторонникамъ многообразія самостоятельныхъ факторовъ. Основнымъ факторомъ является экономическій. Человѣкъ тѣмъ отличается отъ животныхъ, что обладаетъ способностью дѣлать орудія, утилизировать ихъ въ

общественномъ сотрудничествѣ и этимъ путемъ воздѣйствовать на природу. Подъ вліяніемъ потребности въ большей интенсификаціи труда приходится мѣнять и совершенствовать эти орудія, т.-е. технику производства; въ этомъ и состоитъ, согласно выраженію Маркса, измѣненіе состоянія „*производительныхъ силъ*“. Что касается общественныхъ отношеній, то они приспособляются къ состоянію техники производства. Право, мораль, наука, искусство, философія въ этомъ смыслѣ и составляютъ надстройку надъ экономическимъ базисомъ. Но это приспособленіе формы социальной жизни къ содержанию происходитъ обыкновенно не плавно и безболѣзненно, а путемъ социальныхъ переворотовъ, въ которыхъ проявляется *историческая діалектика* ¹⁾. Переходъ извѣстнаго состоянія путемъ постепеннаго накопленія измѣненій въ свою противоположность, переходъ количественныхъ измѣненій въ качественные составляютъ сущность этой діалектики. Такъ какъ форма общественной жизни способна обращаться въ глазахъ господствующихъ классовъ общества въ самоцѣль, то она можетъ заостенѣть и превратиться въ силу, задерживающую эволюцію содержанія жизни. Если противоположность жизни и содержанія окажется слишкомъ велика, то происходитъ переворотъ, который иногда пріобрѣтаетъ бурный, революціонный характеръ. Тѣ классы общества, въ которыхъ сказывается приспособленіе къ новымъ условіямъ, созданнымъ развитіемъ производительныхъ силъ, являются прогрессивными; тѣ же, которые продолжаютъ оставаться въ состояніи, отвѣчающемъ старому положенію производительныхъ силъ, выступаютъ въ роли реакціонеровъ. При этомъ людямъ часто кажется, что они дѣйствуютъ вполне свободно и сознательно; на самомъ же дѣлѣ они только приспособляются къ совершившемуся помимо ихъ воли измѣненію условій производства. Гений есть тотъ, кто раньше другихъ уловилъ новую тенденцію развитія. Задача человѣческаго ума состоитъ въ томъ, чтобы во-время схватывать новыя тенденціи и содѣйствовать ускоренію процесса приспособленія общественныхъ отношеній къ новому состоянію производительныхъ силъ.

¹⁾ Основная мысль о діалектикѣ заимствована у Гегеля (см. выше, § 11, VI).

II. Таковы основные положенія теорій историческаго материализма. Я имѣлъ случай высказаться въ печати объ этой теоріи ¹⁾. Мои воззрѣнія по этому поводу не измѣнились; я по прежнему считаю всякую монистическую теорію историческаго процесса односторонней; поэтому въ дальнѣйшемъ мнѣ придется вкратцѣ повторить тѣ же самые аргументы.

Я далеко отъ мысли отрицать важное значеніе материальныхъ потребностей и экономическихъ отношеній для всего хода исторіи. Я признаю, что измѣненія экономическихъ отношеній отражаются во всѣхъ областяхъ соціальной жизни, не только въ области права, но даже въ области философіи и искусства. Все, противъ чего я спорю, состоитъ въ томъ, что истинные послѣдователи историческаго материализма склонны отрицать самостоятельное значеніе за развитіемъ человѣческой мысли и чувства и во главу угла хотятъ поставить исключительно экономическую эволюцію. Каутскій утверждаетъ, напримѣръ, что экономическія отношенія „среди факторовъ, вліяющихъ на человѣческую жизнь, составляютъ единственный перемѣнный элементъ. Всѣ остальные факторы постоянны и вовсе не мѣняются, а если и мѣняются, то только подъ вліяніемъ этого перемѣннаго элемента“. Въ частности, по мнѣнію Каутскаго, человѣческій организмъ, его способность къ мышленію, къ художественному творчеству и т. д. замѣтно не измѣнились на протяженіи исторіи. Вотъ эти-то предпосылки мнѣ представляются совершенно недоказанными.

Въ самомъ дѣлѣ, представители разбираемой теоріи, какъ мы видѣли, въ настоящее время уже соглашаются обыкновенно съ тѣмъ, что всѣ историческія и соціальныя явленія суть явленія психическія. Слѣдовательно, они должны признать, что психическій характеръ имѣютъ и тѣ явленія, которыя мы называемъ экономическими или материальными потребностями и интересами. *Потребность*, интересъ можетъ быть отраженіемъ въ нашей психикѣ извѣстнаго состоянія нашего физическаго организма, и тогда она называется материальной. Точно такъ же психическій характеръ имѣютъ

тѣ процессы, при посредствѣ которыхъ совершаются *техническія изобрѣтенія*, дающія намъ средства итти навстрѣчу удовлетворенія этихъ потребностей. Психическій характеръ имѣютъ и тѣ *общественныя отношенія*, которыя складываются въ обществѣ по поводу дѣятельности, направленной къ удовлетворенію этихъ потребностей, тѣ отношенія, которыя представители разбираемаго взгляда называютъ производственными.

Но разъ во всѣхъ этихъ областяхъ мы имѣемъ дѣло съ психикой, то какое же мы имѣемъ основаніе утверждать, что во многообразіи психическихъ процессовъ индивидуальныхъ и соціальныхъ первенство принадлежитъ непременно тѣмъ, которые находятся въ непосредственной связи съ физическими состояніями организма и что именно этими процессами опредѣляется ходъ всѣхъ остальныхъ? Я, конечно, понимаю, что безъ удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя именуется чувствомъ голода или холода, человѣкъ не могъ бы жить. Но я въ этомъ не усматриваю достаточнаго основанія для утвержденія, что весь ходъ психической жизни обусловленъ тѣмъ порядкомъ, въ которомъ удовлетворяются эти потребности. Напротивъ, я настаиваю на томъ, что чисто идейное развитіе, развитіе мышленія и чувства идетъ независимо отъ способовъ удовлетворенія материальныхъ потребностей, что ихъ удовлетвореніе составляетъ *лишь отрицательное условіе, безъ котораго немислимо существованіе чловѣка, но вовсе не причину, опредѣляющую ходъ и направленіе этого развитія*. Вопреки Каутскому, я настаиваю, что въ исторіи не одни экономическія отношенія представляютъ перемѣнную величину, но и психика чловѣка, способы его мышленія и чувствованія (см. выше, § 19), и что самое накопленіе знаній объ окружающемъ мірѣ представляетъ факторъ, имѣющій самостоятельное значеніе. Въ этомъ насъ должны были убѣдить всѣ наши соображенія о значеніи идей и объ исторической психологіи.

Я думаю, что чловѣку свойственны стремленія самыя разнообразныя. Во-первыхъ, онъ заботится о поддержаніи своего физическаго существованія и для этого предпринимаетъ извѣстныя дѣйствія. Во-вторыхъ, онъ заботится о познаніи окружающаго міра и самого себя, и это стремленіе присуще ему, независимо отъ всякихъ материальныхъ расче-

¹⁾ См. въ *моей* книгѣ — „Этюды по современной этикѣ“ — статью объ этикѣ Каутскаго. См. также *мою* „Соціологію“, ч. I (1917 г.) § 66.

товъ. Въ-третьихъ, человѣкъ имѣетъ и такія потребности, какъ, напр., стремленіе къ власти, стремленіе къ свободѣ. Есть у людей потребности религіозныя, эстетическія, потребность въ симпатіи окружающихъ и т. д.

Конечно, относительно дикаря, примитивнаго человѣка я не сталъ бы утверждать, что онъ обладаетъ научной любознательностью въ томъ смыслѣ, какъ современный культурный человѣкъ. Въ настоящее время достаточно установлено, что все мышленіе примитивнаго человѣка имѣетъ эмоциональный характеръ (§ 19, II). Дикарь обращаетъ вниманіе лишь на то, что возбуждаетъ въ немъ страхъ, желаніе, стремленіе, и пытается воздѣйствовать на явленія не путемъ познанія ихъ закономѣрныхъ связей, о которыхъ онъ не имѣетъ понятія, но путемъ такихъ приемовъ, которые аналогичны съ приемами, примѣняемыми для воздѣйствія на человѣческія страсти и чувства. Все повседневное и обыкновенное дикаря совсѣмъ не интересуется: онъ принимаетъ такія явленія просто безъ объясненій, какъ сами собою понятныя. Но, во-первыхъ, при объясненіи историческаго процесса мы не можемъ руководиться психологіей дикаря, а должны принять во вниманіе и тѣ психическіе элементы, которые появились въ человѣкѣ въ результатѣ развитія; къ ихъ числу относятся и любознательность, которая постепенно принимаетъ характеръ безкорыстнаго интереса къ научному познанію. Во-вторыхъ, и у дикаря, который интересуется только тѣмъ, что ему непосредственно полезно или вредно, самый характеръ отношенія къ интересующимъ его явленіямъ все-таки опредѣляется тѣмъ, какія идеи создаетъ его мысль по поводу всего этого и къ какимъ дѣйствіямъ побуждаютъ его эти идеи. Смѣна психическихъ состояній происходитъ и на этой ступени въ порядкѣ своей собственной закономѣрности, и эта психическая закономѣрность выступаетъ и здѣсь, какъ самостоятельный факторъ. Монистическое объясненіе и здѣсь невозможно.

Въ чисто же историческія эпохи, у культурныхъ людей стремленіе познать окружающій міръ пріобрѣтаетъ, какъ сказано, форму научнаго изслѣдованія, метафизической и религіозной потребности. Подъ вліяніемъ этихъ стремленій люди занимаются накопленіемъ знаній и художественнымъ

творчествомъ, независимо отъ экономическихъ цѣлей и расчетовъ ¹⁾.

Часто добытыя знанія оказываются полезными въ экономическихъ цѣляхъ и тогда получаютъ техническое примѣненіе немедленно. Но многія изобрѣтенія, впоследствии оказавшіяся очень полезными, появились первоначально внѣ прямой связи съ матеріальными потребностями, напримеръ, въ результатѣ стремленія украшать свое тѣло и тѣмъ выдѣляться среди окружающихъ, или въ результатѣ простой игры, забавы; потребности въ игрѣ и въ украшеніяхъ принадлежатъ къ числу самыхъ первоначальныхъ свойствъ человѣческаго рода и едва ли можно и ихъ причислить къ разряду матеріальныхъ и экономическихъ. Такая гетерогонія цѣлей, переводящая просто пріятное въ разрядъ полезнаго, очень часто имѣетъ мѣсто въ исторіи. Большой ошибкой является чрезмѣрная рационализація, приводящая къ представленію, будто изобрѣтенія всегда оказываются отвѣтомъ на возникшія экономическія потребности и даже вообще на сознанныя людьми потребности. Изобрѣтенія иногда представляютъ продуктъ случайнаго съ этой точки зрѣнія творчества, появляются раньше, чѣмъ будутъ сознаны практическія потребности, которымъ они могутъ отвѣтить, и лишь потомъ утилизируются для ихъ удовлетворенія. Было бы ошибочно приписывать такія открытія, какъ скотоводство, хозяйственному расчету. Искусственное прирученіе животныхъ развилось гораздо болѣе подъ вліяніемъ того удовольствія, которое человѣкъ получаетъ отъ общенія съ животными; особенно интенсивно это удовольствіе у первобытнаго человѣка, который себя самого не строго ограничиваетъ отъ животныхъ и на многихъ животныхъ смотритъ съ суевѣрнымъ страхомъ. Поэтому первоначально приручаются не наиболѣе полезныя животныя, а наиболѣе пріятныя и забавныя (собака, птицы). Многіе кочевники, хотя очень цѣнятъ свои стада, не умѣютъ ихъ хозяйственно эксплуатировать во многихъ отношеніяхъ, напр., не знаютъ употребленія молока. Хозяйственная польза прирученія сознается лишь постепенно ²⁾. Примитивныя искусства, какъ танцы, рисованіе

¹⁾ Ср. къ этому I. Simon. „Le devoir“ (19 изд. 1912 г.), [стр. 157—166.

²⁾ Schurz. „Urgeschichte der Kultur“, 251 слл. Ср. Wundt. „Elemente der Völkerpsychologie“, 291 слл.

линейных орнаментовъ, возникаютъ въ результатъ того удовольствія, которое человекъ получаетъ отъ ритмическихъ движеній своего тѣла. Но затѣмъ, очарованный собственнымъ произведеніемъ, человекъ и въ него влагаетъ чарующую силу, начинаетъ смотрѣть на танцы и рисунки, какъ на чудодѣйственныя вещи. Такъ появляются колдовскія церемоніи, заклинанія, амулеты, т. е. средства, отвѣчающія уже практическимъ цѣлямъ ¹⁾.— Бываетъ и такъ, что новая потребность возникаетъ именно подъ вліяніемъ изобрѣтенія, послѣ его появленія.— Но часто бываетъ и обратное: несмотря на всю остроту экономической потребности, не оказывается необходимыхъ для ея удовлетворенія знаній, и потребность остается неудовлетворенной, хотя бы люди гибли отъ этого. Это относится не только къ знаніямъ о физическомъ мірѣ, но и къ социальнымъ знаніямъ. Случается, что вслѣдствіе незнанія законовъ социальной жизни и неумѣнія овладѣть ими и справиться съ возникшими затрудненіями, оказываются невыполненными наэрѣвшія экономическія реформы. Такъ, я убѣжденъ, что главной причиной неудачи аграрной реформы братьевъ Гракховъ въ Римѣ было полное ихъ незнакомство съ экономическими явленіями, противъ которыхъ имъ пришлось бороться. Имъ не приходило въ голову бороться съ тѣми общими процессами, которыми вызывалось обезземеленіе крестьянъ въ Италіи, какъ-то: съ отсутствіемъ дешеваго кредита, съ конкуренціей дешеваго хлѣба, и они предлагали палліативы, которые дѣла не могли поправить. Тѣмъ же незнаніемъ основныхъ экономическихъ законовъ объясняются тѣ мѣры, которыми римскіе императоры пытались поправить состояніе государственныхъ финансовъ, каковы: порча монеты или знаменитая такса товаровъ по всей имперіи, введенная подъ страхомъ смертной казни за ея нарушение императоромъ Диоклетіаномъ. Точно такъ же едва ли можно серьезно отрицать, что одной изъ важныхъ причинъ гибели республиканскаго строя въ древнемъ Римѣ было отсутствіе въ тогдашнихъ политическихъ программахъ идеи народнаго представительства. Хотя провинціальная жизнь содержала даже въ себѣ нѣкоторый матеріалъ для появленія

¹⁾ См. *Wundt*. „Elemente der Völkerpsychologie“ (2 изд. 1913 г.), стр. 94 слл.

этой идеи, однако, она не появилась и никѣмъ не проводилась. Нельзя согласиться съ утвержденіемъ проф. Виппера ¹⁾, будто бѣда заключалась не въ отсутствіи идеи представительства, а въ томъ, что Италія была слишкомъ слаба, чтобы добиться правильной защиты своихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что никто съ программой введенія представительнаго строя и не выступалъ, такъ что преждевременно говорить о томъ, достаточно ли было бы силъ для ея проведенія или нѣтъ ²⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ именно недостатокъ необходимыхъ идей или изобрѣтеній прежде всего помѣшалъ удовлетворенію важныхъ практическихъ потребностей.

Точно такъ же и состояніе чувствъ имѣетъ свое самостоятельное значеніе въ исторіи. Я не могу допустить, чтобы развитіе религіознаго чувства, напримѣръ, или чувства племенной и расовой вражды находилось въ исключительной зависимости отъ экономическихъ отношеній, и не вижу, чтобы это было кѣмъ-либо доказано. Конечно, въ каждомъ историческомъ явленіи при внимательномъ анализѣ можно найти и экономическую сторону. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы экономика являлась единственнымъ основнымъ и самостоятельнымъ факторомъ исторіи. А, между тѣмъ, аргументація обыкновенно состоитъ въ томъ, что намъ обнаруживаютъ экономическую сторону процесса, а затѣмъ уже безъ всякихъ доказательствъ объявляютъ, что теорія экономического матеріализма оправдалась въ примѣненіи къ данному процессу ³⁾.

¹⁾ „Очерки исторіи Римской имперіи“, I, 209.

²⁾ См. къ изложенному мою „Исторію римскаго права“, § 43, II.

³⁾ Къ концу XVI и въ началѣ XVII в. какъ въ протестантскихъ, такъ и въ католическихъ странахъ Европы ужасающихъ размѣровъ достигали преслѣдованія вѣдьмъ. Въ основѣ лежитъ религіозный фанатизмъ, достигшій крайняго напряженія въ результатъ церковнаго раскола и борьбы за правильную вѣру. Если еще въ основѣ самой реформации можно видѣть дѣйствіе, между прочимъ, и экономическихъ причинъ, то едва ли можно утверждать, что ими опредѣлялось самое содержаніе вѣры въ дьявола и въ достигаемое съ его помощью вѣдовство. См. къ этому *Н. Сперанскій*. „Вѣдьмы и вѣдовство“ (1906 г.), стр. 34. О крестовыхъ походахъ и о реформации см. *Делевскій*. „Соц. антагонизмъ“, 149 слл.— По поводу излюбленнаго марксистами положенія, что всѣ социальные процессы въ конечномъ счетѣ сводятся къ экономическимъ, *Б. А. Кустяковскій*, „Социальныя науки и право“ (1916 г.), стр. 139, совершенно правильно замѣчаетъ, что „точные науки совсѣмъ не занимаются тѣмъ, что тѣмъ обусловлено въ конечномъ счетѣ“.

По моему мнѣнію, историкъ долженъ прослѣживать ходъ экономической эволюціи, эволюціи знанія и мысли, эволюціи чувства, но не имѣеть никакихъ основаній и никакой необходимости стремиться все эти эволюціи вывести изъ какой-нибудь одной. И пусть противъ этого не выдвигаютъ тотъ аргументъ, что все наше знаніе стремится къ единству, что единство есть конечная цѣль научнаго познанія міра. Это—вѣрно; но вѣдь о такомъ единствѣ можно мечтать лишь въ предѣлахъ всего міровоззрѣнія, ваятаго въ цѣломъ, а не въ предѣлахъ отдѣльной научной дисциплины, какова исторія людей. Монизмъ въ исторіи на дѣлѣ былъ бы только ни на чемъ неоснованнымъ упрощеніемъ историческаго процесса; между тѣмъ, задача историка состоитъ не въ томъ, чтобы упрощать исторію во что бы то ни стало, но въ томъ, чтобы изучать ее во всей ея сложности.

Вообще я полагаю, что въ положительныхъ наукахъ нельзя мечтать при теперешнемъ положеніи знанія ни о какомъ монизмѣ. Монизмъ, т.-е. сведеніе всего къ одному началу, пока возможенъ только въ метафизической системѣ, стремящейся открыть начало всѣхъ началъ. И эту задачу метафизикъ-монистъ выполняетъ съ большими натяжками (выше, § 9). Наукѣ же приходится имѣть дѣло со всѣмъ разнообразіемъ эмпирической дѣйствительности. Изучая ее, наука дѣлаетъ все болѣе и болѣе широкія обобщенія, но свести къ единству причинные ряды при современномъ состояніи опытнаго знанія, оставаясь въ предѣлахъ эмпиризма и не прибѣгая къ умозрительнымъ спекуляціямъ, невозможно. Настаивать на этомъ, не значитъ быть „эклектикомъ“, какъ думаетъ Бельтовъ, но значитъ только считаться серьезно съ границами опытнаго знанія, отмежевывающими его отъ монистической метафизики.

Я долженъ прибавить въ заключеніе, что у нѣкоторыхъ представителей современнаго соціализма матеріалистическое пониманіе исторіи обставлено такими оговорками, что противъ ихъ воззрѣній почти ничего уже не приходится возражать. Такъ, по формулѣ Жореса „развитіе моральныхъ идей человѣка опредѣлялось эволюціей экономическихъ отношеній, но въ то же время въ самой смѣнѣ соціальныхъ учрежденій проявлялся ишущій и дѣятельный человѣчскій духъ“. Жоресъ считаетъ поэтому возможнымъ „слить въ единую и

нераздѣльную концепцію“ матеріалистическое и идеалистическое пониманіе исторіи. Такихъ авторовъ едва ли уже можно причислить къ историческимъ монистамъ; въ этихъ воззрѣніяхъ, скорѣе, слѣдуетъ усматривать преодолѣніе историческаго матеріализма.

§ 21. Закономѣрность историческаго процесса.

I. Въ заключеніе нашего обзора основныхъ принциповъ исторической науки постараемся дать болѣе или менѣе отчетливый отвѣтъ на вопросъ: *существуетъ ли какая-либо особая историческая закономѣрность*, встрѣчаемся ли мы въ исторіи вообще съ дѣйствіемъ опредѣленныхъ законовъ, и въ чемъ эти законы состоятъ?

Противъ признанія историческаго процесса закономѣрнымъ дѣлаются нерѣдко возраженія. Есть, какъ мы видѣли, даже такіе мыслители, которые самую исторію не считаютъ наукой, ибо она никакихъ законовъ не устанавливаетъ и не вскрываетъ (выше, § 3). Главнѣйшія изъ возраженій можно было бы свести, на мой взглядъ, къ слѣдующимъ пунктамъ. 1) Если исторія изучаетъ отдѣльные неповторяющіяся событія въ жизни человѣчества, то въ ней огромную роль долженъ играть *случай*, составляющій, по самому своему понятію, антитезу всякой закономѣрности. На эту роль случая указываютъ не только ученые, но и сами историческіе дѣятели. Наполеонъ I любилъ повторять, что случай господствуетъ въ исторіи. Фридрихъ Великій также утверждалъ, что „Его Величество случай управляетъ тремя четвертями вещей въ этомъ жалкомъ свѣтѣ“. Французскій философъ Курно въ основу своей системы кладетъ положеніе, что если случай и не управляетъ міромъ, то безусловно принимаетъ видное участіе въ управленіи имъ¹⁾. Какъ же можно говорить о закономѣрности процесса, разъ въ немъ обнаружено такое широкое участіе случайныхъ элементовъ? 2) Но этимъ споръ о закономѣрности въ исторіи не ограничивается; указываютъ еще на то, что трудно называть закономѣрнымъ такой процессъ, въ которомъ намъ не удалось уловить *общаго*

¹⁾ См. Cournot. „Essai sur les fondements des nos connaissances“ (1851 г.), т. I, 64.

смысла и который поэтому нельзя свести къ логическому единству. 3) Если бы въ исторіи была законмѣрность, то не терпѣли бы неудачи попытки установить спеціальныя историческіе законы, обнаружить общеобязательные этапы въ развитіи народовъ и всего человѣчества. Остановимся на этихъ возраженіяхъ.

1) Мы были бы совершенно не правы, если бы стали утверждать, что случай не играетъ никакой роли въ исторіи. Мы отмѣчали, напримѣръ, вліяніе гениальныхъ людей на ходъ историческаго процесса. Между тѣмъ, само появленіе гениальныхъ людей есть въ весьма значительной степени біологическая случайность. Съ другой стороны, мы не можемъ отрицать того факта, что смерть виднаго дѣятеля, наступившая именно въ данный моментъ, можетъ оказать большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событий. Такъ, напримѣръ, мы не знаемъ, какой ходъ получила бы исторія, если бы Александръ Македонскій не умеръ въ молодости. Не знаемъ мы и того, что было бы съ философіей, если бы Кантъ прожилъ не 80 лѣтъ, а только 30. И такихъ примѣровъ рѣшающихъ случайностей въ ходѣ исторіи можно привести массу. А затѣмъ случай играетъ большую роль даже относительно тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ мы познаемъ исторію. Самый характеръ историческихъ матеріаловъ въ значительной степени опредѣляется случаемъ. Такъ, напр., весьма важный источникъ для познанія исторіи римскаго права—институціи Гая—былъ открытъ слѣдующимъ образомъ. Историкъ Нибуръ, занимаясь въ монастырской бібліотекѣ, случайно опрокинулъ чернильницу на пергаментъ, который оказался палимпсестомъ (т.-е. былъ дважды покрытъ письменами). Изъ-подъ пролитыхъ чернилъ показались новыя буквы. Химическимъ путемъ былъ сведенъ верхній текстъ и получился важный историческій документъ. Въ настоящее время для возстановленія древней исторіи очень много матеріала даютъ папирусы, которые употреблялись въ Египтѣ для заворачиванія мумій и часто выбрасывались въ мусорныя кучи; только благодаря счастливой случайности—особенной сухости египетской почвы и климата—эти весьма цѣнные матеріалы сохранились до настоящаго времени. Да и вообще развѣ не случаемъ опредѣляется обыкновенно со-

храненіе одного историческаго памятника и исчезновеніе другого? ¹⁾

2) Перейдемъ теперь ко второму возраженію. Смыслъ историческаго процесса намъ совершенно не ясенъ, и всѣ попытки установить его окончились полной неудачей. Одна изъ самыхъ видныхъ попытокъ этого рода принадлежала Гегелю. Въ своей философій исторіи онъ доводилъ исторію развитія человѣчества до своего времени и находилъ, повидимому, что міровой духъ нашелъ свое окончательное раскрытіе въ прусской монархіи 30-хъ годовъ. Между тѣмъ, послѣ Гегеля вспыхнула революція 48 г.; выросло такое важное движеніе, какъ социализмъ; произошло объединеніе Германіи; выступила на историческую арену желтая раса; въ послѣднее время разыгрались революціи въ Россіи, Турціи и Персіи; произошла колоссальная европейская война 1914 года. Все это показываетъ несостоятельность попытокъ установить общій смыслъ исторіи. Будущее намъ вполнѣ неизвѣстно; прошедшее же не вполнѣ извѣстно. При такихъ условіяхъ невозможно представить исторію человѣчества, какъ законченное логическое цѣлое.

3) Далѣе намъ указываютъ, что если бы историческій процессъ былъ законмѣренъ, то наукѣ удалось бы намѣтить общеобязательные этапы, по которымъ проходитъ общественное развитіе. Такихъ попытокъ было не мало, и самое ихъ разнообразіе говоритъ о томъ, что всѣ онѣ были неудачны.

Уже въ античной древности пытались установить определенную послѣдовательность *смѣны государственныхъ формъ*. Съ этой мыслью можно встрѣтиться у Платона, Аристотеля, Полибія. Позднѣе та же идея проводится у Макиавелли и у Вико. Эти мыслители говорили, что государственный формы проходятъ извѣстный процессъ круговращенія; обыкновенно при этомъ предлагалась слѣдующая схема: монархію смѣняетъ аристократія, которая уступаетъ мѣсто демократіи, а эта послѣдняя, въ свою очередь, переходитъ въ монархію. На самомъ дѣлѣ, эта схема никогда въ такой чистотѣ не осуществлялась; процессъ смѣны историческихъ формъ всегда

¹⁾ См. къ этому Ed. Meyer, „Geschichte d. Altertums“, I, 1 (3-е изд. 1910 г.), § 119.

былъ и будетъ гораздо разнообразнѣе. То же самое слѣдуетъ сказать и о болѣе новыхъ попыткахъ въ указанномъ направленіи. Конечно, не можетъ быть принята въ качествѣ историческаго закона, на примѣръ, та схема, которую предлагалъ *Контъ* (выше, § 4, V; § 11, VI). Мы знаемъ, что онъ дѣлитъ весь историческій процессъ на три періода: теологическій, метафизическій и позитивный; мы уже вступили въ этотъ послѣдній. Далеко не покрывая всей сложности минувшихъ эпохъ, эта схема вызываетъ естественный вопросъ: чего же *Контъ* ожидаетъ для человѣчества послѣ позитивнаго періода? Схема *Лампрехта*, о которой мы уже имѣли случай говорить (§ 19), устанавливаетъ общеобязательные этапы для психологическаго развитія народа. Недостаточная ея обоснованность выяснена была выше. Одновременно съ *Лампрехтомъ* выставилъ свою схему *Куртъ Брейзигъ*¹⁾, который дѣлитъ всемирную исторію на два періода, по 14 вѣковъ въ каждомъ—греко-римскій и германо-романскій—и въ каждомъ періодѣ насчитываетъ 4 эпохи: 1) эпоха родовыхъ союзовъ, 2) эпоха царской власти, 3) эпоха господства знати, 4) эпоха усиленія государства на почвѣ народнаго верховенства. При смѣнахъ этихъ эпохъ времена индивидуализма чередуются съ временами усиленія общественнаго гнета. Эта схема передаетъ, съ извѣстной точки зрѣнія, болѣе или менѣе правильно общій ходъ развитія культурныхъ государствъ, какъ онъ складывался до сихъ поръ, но усмотрѣть въ ней проявленіе какого-нибудь общаго закона, который былъ бы обязателенъ всегда и вездѣ, невозможно. Не болѣе обоснована и любопытная попытка *Лоренца*.

Оттокаръ Лоренцъ въ своей книгѣ „Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben“ (1886—1891) предлагаетъ историческій законъ *трехъ поколѣній* въ слѣдующей формулировкѣ. Онъ думаетъ, что столѣтіе является совершенно естественнымъ раздѣленіемъ исторіи, такъ какъ въ каждомъ столѣтіи дѣйствуютъ три поколѣнія, тѣсно связанные между собою, непосредственно другъ на друга влияющія и потому проникнутыя однородными тенденціями. Поэтому, если мы въ основу исторіи положимъ законъ *трехъ поколѣній*, то придадимъ ей характеръ гораздо болѣе точ-

¹⁾ К. Breysig. „Der Stufenbau und die Gesetze der Weltgeschichte“ (1905 г.).

ной науки, чѣмъ она была до сихъ поръ. Въ основѣ исторіи должна лежать научная генеалогія. Впрочемъ, для крупныхъ теченій въ исторіи столѣтіе оказывается величиной недостаточной, и *Лоренцъ* предлагаетъ различать здѣсь періоды изъ трижды трехъ и трижды шести поколѣній, т.-е. по 300 и по 600 лѣтъ. Новое ограниченіе вносится замѣчаніемъ, что этотъ законъ поколѣній годится только для тѣхъ народовъ, которые живутъ моногамными браками.—Не отрицая значенія, которое во многихъ случаяхъ можетъ имѣть для историка изученіе генеалогіи, мы не можемъ, однако, принять закона *трехъ поколѣній* въ той общей постановкѣ, которую даетъ ему *Лоренцъ*. Дѣло въ томъ, что въ такой чистотѣ три поколѣнія никогда въ исторіи не дѣйствуютъ. Если мы даже условимся о томъ, какой историческій моментъ мы положимъ въ основу счета поколѣній,—допустимъ, это будетъ моментъ такой исторической важности, какъ наша христианская эра,—то это далеко еще не разрѣшитъ всѣхъ трудностей. Въдѣ уже въ этотъ отправный моментъ на сценѣ будетъ нѣсколько различныхъ поколѣній, которыя въ рамки трехчленнаго дѣленія не уложатся. Это признаетъ и авторъ. Онъ самъ сознается, что его законъ „получилъ бы вполне чистое выраженіе лишь въ томъ случаѣ, если въ промежуткѣ 33 лѣтъ всегда дѣйствовало бы только одно поколѣніе“ (1,286). На самомъ же дѣлѣ „то, что въ жизни одного поколѣнія можетъ быть отмѣчено, какъ преобладающее направленіе времени всегда перекрещивается, стѣсняется и затрудняется массой другихъ поколѣній, которыя вслѣдствіе ихъ хронологически неравнаго происхожденія на половину или вполне принадлежатъ къ другой матеріальной связи психическихъ и физическихъ потенцій“ (1,285). И тѣ историческіе факты, которыми *Лоренцъ* пытается обосновать свое ученіе, являются лишь примѣрами и притомъ далеко не всегда убѣдительными¹⁾.

Мало помогаютъ дѣлу и тѣ дополнительные замѣчанія, которыя *Лоренцъ* сдѣлалъ къ своему ученію въ отвѣтъ на полемику, вызванную теоріей *трехъ поколѣній*. Именно онъ предлагаетъ считать поколѣнія, отправляясь отъ того поколѣнія, къ которому принадлежитъ самъ считающій историкъ.

¹⁾ См. объ этомъ *Bernheim. Lehrbuch* (1903), 73 слл.

Этимъ произвольность счѣта возводится въ принципъ. Далѣе онъ поясняетъ, что, принимая продолжительность поколѣнія въ 33 года, онъ имѣетъ въ виду естественный срокъ историческаго вліянія поколѣнія (II, 177), а выдѣляя одно поколѣніе среди массы людей, живущихъ одновременно и принадлежащихъ къ различнымъ возрастамъ, имѣетъ въ виду поколѣніе персонажей, дающихъ въ каждый историческій моментъ тонъ всей эпохѣ (напр., поколѣніе Гете; II, 180). Противъ этого можно замѣтить, что есть вѣдь и такія эпохи, когда такихъ руководящихъ персонажей можетъ не быть, или когда въ разныхъ областяхъ жизни дѣйствуютъ руководящіе персонажи разныхъ поколѣній.

Этими примѣрами, я думаю, можно ограничиться. Повторяю, уже самое разнообразіе дѣлавшихся до сихъ поръ попытокъ установить историческія схемы говорить не въ ихъ пользу. Въ немъ отражается субъективный характеръ этихъ попытокъ. Каждый авторъ видитъ въ исторіи то, что особенно привлекаетъ его интересъ, и часто также то, что ему хотѣлось бы въ ней видѣть. Самое преобладаніе въ этихъ схемахъ обычныхъ для нашей логической работы двухчленныхъ и трехчленныхъ дѣленій свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ въ гораздо большей степени опираются на чисто-логическіе мотивы, чѣмъ на наблюденія надъ исторической дѣйствительностью ¹⁾.

II. Но въ чемъ же тогда можетъ заключаться законмѣрность историческаго процесса? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ опредѣлить, что такое научный законъ (ср. выше § 6, IV). Опредѣленій закона очень много; я предложу вамъ формулу *Вундта*. По его опредѣленію ²⁾, *научный законъ есть формула, выражающая правильную связь логически самостоятельныхъ фактовъ, которая прямо или косвенно указываетъ на ихъ причинную или логическую зависимость*; такая формула имѣетъ эвристическую цѣнность для подведенія подъ нее новыхъ фактовъ. Законъ, такимъ образомъ, есть установленная наукой общая формула; ея задачу составляетъ указаніе правильной связи фактовъ. Та-

кія формулы лежатъ въ основѣ науки; онѣ именно даютъ возможность сводить все наше знаніе къ единству ¹⁾.

Какъ мы знаемъ, исторія такихъ общихъ законовъ не устанавливаетъ. Исторія есть наука объ отдѣльныхъ неповторяющихся событіяхъ въ жизни человѣчества, и событія эти она изучаетъ во всей ихъ единичности (выше § 10). „Историческій законъ“ поэтому есть понятіе, заключающее въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Можно говорить свободно о законахъ общественной жизни, законахъ социальныхъ или социологическихъ, но только не объ историческихъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе, нетрудно показать, почему и въ какомъ смыслѣ и исторіи приходится имѣть дѣло съ понятіемъ законмѣрности. Дѣло въ томъ, что хотя исторія общихъ законовъ не устанавливаетъ, но тотъ матеріаль единичныхъ фактовъ, который она изучаетъ, она разсматриваетъ и объясняетъ съ точки зрѣнія общихъ законовъ, установленныхъ другими науками. Въ этомъ смыслѣ историческій процессъ является законмѣрнымъ, а самой исторіи въ научности отказать нельзя. Что же касается систематической группировки тѣхъ законовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло исторіи, то она производится не самой исторіей, а той дисциплиной, которую мы называемъ философіей исторіи или теоріей историческаго процесса. Изучая отдѣльные факторы историческаго процесса и пользуясь при этомъ данными, которыя добыты самыми различными систематическими и феноменологическими науками, теорія историческаго процесса беретъ на себя задачу синтезировать тѣ научные законы, которые необходимы исторіи для законмѣрнаго генетическаго изученія отдѣльныхъ событій (выше § 14, I).

Такимъ образомъ, историкъ вынужденъ оперировать съ отдѣльными факторами историческаго процесса для объясненія изучаемыхъ имъ событій. Для этого приходится все сложное многообразіе историческихъ явленій расчленять на отдѣльные элементы и затѣмъ изучать свойства каждаго изъ

¹⁾ Защищаемое въ наше время нѣкоторыми авторами понятіе *индивидуальной причинности*, не включающей въ себя обобщающаго признака, я считаю только запутывающимъ весь вопросъ объ индивидуализирующихъ наукахъ. См. объ этомъ выше § 10, V примѣчаніе.

²⁾ См. также *Карпеевъ*, *Исторіологія* (1915 г.), гл. II. *Ed. Meyer*, *Geschichte des Altertums*, I, 1 (3-е изд. 1910), § 104.

¹⁾ См. *Wundt. Logik*³, III, 415.

²⁾ *Wundt Logik*³, III, 128 слл.

этих элементов въ отдѣльности. Чѣмъ детальнѣе будетъ сдѣланъ наукой анализъ историческихъ факторовъ, тѣмъ полнѣе и всестороннѣе станетъ генетическое объясненіе конкретныхъ фактовъ исторіи. Но это не значитъ, конечно, что нужно доводить дробленіе историческаго процесса до изученія жизни всѣхъ *отдѣльныхъ людей*, участвующихъ въ исторіи. Историкъ нѣтъ нужды изучать біографію каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ какъ огромное количество людей не призвано играть индивидуальную роль въ исторіи. Такіе люди для историка интересны исключительно, какъ представители массъ; онъ обращаетъ вниманіе только на ихъ типическія черты, характерныя для той соціальной среды, въ которой имѣли мѣсто изучаемыя событія. Такимъ образомъ, знаніе біографій всѣхъ членовъ даннаго общества было бы для историка излишнимъ. Съ другой же стороны, если бы историкъ располагалъ только такимъ знаніемъ, то оно оказалось бы для него и недостаточнымъ. Вѣдь историкъ приходится изучать жизнь общества, а общество не есть простая сумма индивидовъ. Оно есть особый соціально-психическій организмъ (§ 17, I). Мы не будемъ знать афинской демократіи, изучивъ жизнь каждаго грека той эпохи въ отдѣльности, потому что масса этихъ людей во всей ихъ совокупности составляла общество; общество же не сводится къ простой суммѣ людей; жизнь общества не исчерпывается жизнью отдѣльныхъ входящихъ въ него индивидовъ: въ немъ возникаютъ особаго рода соціальныя теченія ¹⁾.

Только что было упомянуто понятіе *типа*. Это понятіе играетъ очень важную роль въ работѣ историка. Хотя историкъ изучаетъ индивидуальныя неповторяющіяся событія и состоянія, тѣмъ не менѣе онъ долженъ прибѣгать къ извѣстному упрощенію матеріала, чтобы не потеряться въ его безконечномъ разнообразіи. Однимъ изъ средствъ для такого упрощенія и является построеніе типовъ. Типъ есть обобщеніе, которое не достигаетъ, однако, значенія научнаго или даже эмпирическаго закона. Законъ имѣетъ характеръ положенія всеобщаго и необходимаго; онъ не допускаетъ исключеній. Напротивъ, *типъ есть такое общее понятіе, которое допускаетъ исключенія*. Въ типическомъ понятіи мы

¹⁾ Ср. *Stimmel*. Die Probleme der Geschichtsphilosophie² (1905), 75 сл.

выражаемъ то, что является общимъ въ цѣлой группѣ сходныхъ явленій, хотя это общее не присутствуетъ во всѣхъ этихъ явленіяхъ вполне, такъ что въ нихъ встрѣчаются и черты, уклоняющіяся отъ типа. Такъ мы создаемъ понятія о типахъ культуры, о типическихъ процессахъ развитія, о типическихъ чертахъ той или другой эпохи, того или иного народа, хорошо зная, что отдѣльныя явленія, отнесенныя нами къ этому типу, цѣликомъ въ него не укладываются. — Созданіе такихъ типовъ не превращаетъ исторію въ науку объ общемъ, ибо типы, какъ сказано, не имѣютъ въ себѣ той всеобщности и необходимости, которую отыскиваетъ въ своихъ построеніяхъ наука объ общемъ. Изучая типъ, мы отмѣчаемъ въ то же время и встрѣчающіяся въ исторіи отклоненія отъ него. Сверхъ того, при построеніи самаго типа, мы постоянно имѣемъ въ виду установить, чѣмъ именно онъ отличается отъ другихъ извѣстныхъ намъ типовъ, и тогда типическое явленіе интересуется насъ именно съ точки зрѣнія своей индивидуальности ¹⁾.

III. Но если историческій процессъ закономеренъ, то какъ же примирить эту закономерность съ тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ въ исторіи случай? Для этого только нужно выяснитъ, *что такое случай*. Дѣло въ томъ, что случай вовсе не есть нѣчто безпричинное. Сведеніе событія къ категоріи „случая“ означаетъ только то, что мы не можемъ возстановить во всей полнотѣ причинную связь даннаго событія съ вызвавшими его явленіями. *Эдуардъ Мейеръ*, развивая мысли, высказанныя еще *Курно*, весьма наглядно разъясняетъ [это въ своей брошюрѣ „Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи“ ²⁾]. Изучая любой историческій процессъ, мы можемъ прослѣдить массу отдѣльныхъ причинныхъ рядовъ. Эти причинные ряды между собою пере-

¹⁾ См. о типахъ и ихъ значеніи для исторіи *Ланно-Данилевскій*, Методология исторіи, I (1910 г.), 155 слл. См. также *Sigwart*, Logik³, II, § 103, 17.

²⁾ Русск. пер. 1910 г. См. мой рефератъ въ „Научномъ Словѣ“ 1903 г., № 7, стр. 116 слл. Ср. также *Ланно-Данилевскій*, цит. соч., 256 слл. *Berr*. La synthèse en histoire (1911), 55—68. *Cournot*, Traité de l'enchaînement des idées fondamentales (1861), I, 93 сл.: „идея случая есть идея встрѣчи между фактами рационально другъ отъ друга независимыми, встрѣчи, которая сама по себѣ есть чистый фактъ, съ которымъ нельзя связать ни закона, ни основанія“.

крещиваются, и мы часто не можемъ опредѣлить именно той причинности, благодаря которой устанавливается это перекрещиваніе отдѣльныхъ рядовъ событій. Мы можемъ прослѣдить совершенно ясно причинную связь каждаго отдѣльнаго событія: мы можемъ объяснить, почему. А въ данный моментъ проходилъ по данной улицѣ, и почему въ данный моментъ на данной улицѣ съ крыши свалилась черепица. Но мы не можемъ установить, почему скатившаяся черепица упала на голову проходившему человѣку и убила его, почему именно въ данный моментъ причинный рядъ камня скрестился съ причиннымъ рядомъ человѣка. Такъ и получается то, что мы называемъ случаемъ въ исторіи. Случай есть просто результатъ неполноты нашихъ знаній.

Можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что наши знанія когда-нибудь настолько разовьются, что случай не будетъ имѣть мѣста въ нашихъ представленіяхъ объ исторіи? Я отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ отрицательно. Конечно, по мѣрѣ расширенія знаній случайность будетъ играть все меньшую роль, но окончательно она не исчезнетъ. Наше знаніе ограничено и относительно. Мы познаемъ все только путемъ сравненія и сопоставленія и не можемъ познать то, что ни съ чѣмъ несравнимо. Поэтому мы никогда не будемъ въ состояніи съ научной точностью и доказательностью познать причину всѣхъ причинъ и свести всѣ причинные ряды къ одному центру, изъ котораго бы они расходились въ стройномъ порядкѣ. А разъ это такъ, то, слѣдовательно, всегда останутся явленія, которыхъ мы объяснить не сможемъ.—Можно притти къ этому выводу и путемъ другого разсужденія. Благодаря относительности мышленія, познаніе наше получаетъ абстрактный характеръ. Въ вашихъ разсужденіяхъ мы никогда не можемъ охватить слитнаго потока жизни во всей его цѣльности. Мы вынуждены изъ сложныхъ содержаній сознанія выдѣлять элементы, привлекающіе наше вниманіе, и затѣмъ, комбинируя эти элементы, получать все болѣе и болѣе абстрактныя понятія, которыя уже не могутъ быть адекватнымъ образомъ замѣщены наглядными представленіями. Только при помощи такого абстрагированія мы расширяемъ и углубляемъ наше знаніе о мірѣ и приводимъ его въ систему. Между тѣмъ, при этомъ процессѣ всегда неизбѣжно получается

остатокъ, не обработанный мышленіемъ, и потому не укладываемый въ систему знанія. Поэтому знаніе наше никогда и не можетъ быть законченнымъ ¹⁾.—Всѣ эти соображенія показываютъ намъ, что историческое знаніе, какъ всякое человѣческое научное знаніе, никогда во всей полнотѣ своего предмета не охватить.

Ясно, такимъ образомъ, что для такого представленія о мірѣ, въ которомъ всѣ причинные ряды сведены бы были къ единству и составили бы вполне законченное и легко обозримое цѣлое, необходимо такое полное знаніе о мірѣ, на которое точная наука никогда надѣяться не можетъ. Поэтому всѣ попытки представить историческій процессъ, какъ единое логическое цѣлое, въ которомъ все находится на опредѣленномъ мѣстѣ и нѣтъ никакихъ иррациональныхъ случайностей, носили и будутъ носить не научный характеръ. Только при помощи фантазіи и чувства строимъ мы *метафизическія картины*, гдѣ пытаемся свести все многообразіе историческихъ явленій къ единству (§ 7, IV; § 10, V). Но всѣ подобныя метафизическія схемы неизмѣнно страдаютъ неполнотой и односторонностью; нельзя разнообразіе явленій человѣческой исторіи втиснуть въ Прокрустово ложе логически построенной системы (§ 9, II). Такая система противорѣчила бы самому принципу *творчества*, который положенъ нами въ основу историческаго процесса и лишаетъ насъ возможности заранѣе предвидѣть его конечные результаты.

Подводя итоги всему изложенному, мы должны признать, что *случай изъ исторіи не устранимъ*. Случай есть тотъ иррациональный остатокъ, который образуется при всякой попыткѣ покрыть многообразіе дѣйствительности общими логическими схемами законовъ природы. Если даже метафизическимъ теоріямъ, которыя сооружаются чистымъ умоарѣніемъ, никогда не удается, благодаря дискурсивности чело-

¹⁾ См. *Wundt. Logik*³, I, 443 слл.—*E. Borel, Le hazard* (1914), 294 доказываетъ, что, если бы мы даже знали съ точностью законы, которыми опредѣляется движеніе каждой молекулы, то случай не былъ бы устраненъ: молекулъ такое огромное количество, что мы никогда не могли бы построить всѣ ихъ уравненія и всегда оставалась бы возможность явленія непредвидѣнныхъ, случайныхъ сочетаній причинныхъ рядовъ; даже такія явленія, какъ замерзаніе воды при ея нагрѣваніи, не вошли бы въ категорію *абсолютно недопустимыхъ*.

вѣческаго мышленія, удовлетворительно примирить единство со множествомъ, то тѣмъ болѣе никогда незаконченная эмпирическая наука, какова исторія, осуждена навсегда считаться со множественностью независимыхъ другъ отъ друга причинныхъ рядовъ, столкновение которыхъ составляетъ само по себѣ случай и которые, основываясь на творческой психической причинности, и независимо отъ такихъ столкновений постоянно готовятъ намъ нѣчто новое, небывалое и уже потому непредвидимое.

IV. При изученіи исторіи поэтому необходимо очень осторожно оперировать съ *параллелями и аналогіями*. Было бы, на примѣръ, очень соблазнительно уяснить себѣ исторію развитія современной демократіи на основаніи исторіи античной демократіи. Но это предпріятіе заранѣе осуждено на неуспѣхъ. Античная демократія во многомъ похожа на современную, но во многомъ и весьма существенномъ отъ нея отличается. Не говоря уже о томъ, что въ античномъ государствѣ нѣтъ народнаго представительства, съ точки зрѣнія современныхъ идей афинскій государственный строй былъ бы, несомнѣнно, признанъ аристократіей, потому что, во-первыхъ, свобода одной части населенія была тамъ основана на не-свободѣ другой; во-вторыхъ, въ настоящее время на первомъ планѣ стоитъ трудовое начало, въ античной же демократіи мы именно признанія труда не найдемъ, такъ какъ государство держится отчасти на трудѣ рабовъ, отчасти же на доходахъ, получаемыхъ съ союзныхъ и покоренныхъ оружіемъ общинъ ¹⁾.

Подобныя наблюденія мы можемъ примѣнить ко всякой исторической аналогіи. Сходство въ исторіи простирается до извѣстныхъ предѣловъ, но полнаго тождества событий найти нельзя. На примѣръ, если мы будемъ новѣйшую турецкую или персидскую революцію объяснять по аналогіи съ исторіей французской революціи конца XVIII вѣка или съ революціей 1848 г., мы рискуемъ впасть въ весьма крупныя ошибки. Поэтому и объ „урокахъ исторіи“ можно говорить только весьма осторожно. Несомнѣнно, въ историческихъ событіяхъ проявляются всегда дѣйствія нѣсколькихъ общихъ

законовъ, открываемыхъ систематическими науками, но законы эти не такого рода, чтобы знаніе ихъ допускало вполне точное предвидѣніе. Такое предвидѣніе въ области социальной жизни немыслимо именно въ силу отсутствія въ исторіи повтореній одного и того же.

Каждому, кто работаетъ въ области исторіи, никогда не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ физической или механической, но съ психической причинностью, основнымъ закономъ которой является извѣстный намъ законъ творческаго синтеза (§ 8, II). Съ этимъ закономъ тѣсно связанъ также много разъ упоминавшійся принципъ гетерогоніи цѣлей (§ 8, III). Подъ дѣйствіемъ этихъ законовъ въ исторіи, при всей закономерности ея хода, происходитъ постоянное творчество качественно-новыхъ синтезовъ и притомъ такое творчество, результаты котораго далеко не всецѣло могутъ быть предвидѣны самыми зоркими и проницательными историческими дѣятелями. При этихъ условіяхъ повторенія одного и того же дѣлаются безусловно невозможными, и если между отдѣльными историческими событіями и состояніями иногда усматривается сходство, то дальше болѣе или менѣе отдаленной аналогіи оно итти не можетъ.

Тѣмъ не менѣе, пользованіе сравненіями и параллелями очень полезно не только въ социологическихъ, но и въ чисто историческихъ трудахъ. Дѣло въ томъ, что сравненія не только служатъ къ тому, чтобы уяснить сходство, но и къ тому, чтобы уяснить различія. Особенности каждаго исторического процесса становятся для насъ вполне наглядными только по сравненію его съ какимъ-либо другимъ, похожимъ, но не тождественнымъ. Это вытекаетъ изъ извѣстной уже намъ относительности человѣческаго познаванія (§ 6, I). „Сравнительная исторія“ поэтому часто проливаетъ яркій свѣтъ на историческія событія и состоянія ¹⁾.

¹⁾ См. къ этому Бузескулъ. „Исторія афинской демократіи“ (1908 г.), 200 слл. Картевъ. „Государство—городъ античнаго міра“, гл. XX.

¹⁾ См. Картевъ. „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.), гл. XI. Теорія.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Предѣлы историческаго познанія и методъ исторіи.

Глава I. Гипотетическіе и метафизическіе элементы въ историческомъ міровоззрѣніи.

§ 22. Прогрессъ.

I. Терминъ „прогрессъ“ нерѣдко встрѣчается въ научныхъ трудахъ. Очень часто историки оперируютъ съ этимъ понятіемъ, не давая себѣ труда точно его опредѣлить и подвергнуть анализу съ точки зрѣнія примѣнимости его въ наукѣ. Но теорія историческаго процесса должна взять на себя именно эту задачу.

Опредѣлить понятіе прогресса не такъ трудно. Едва ли найдетъ серьезныя возраженія слѣдующая формула: прогрессомъ мы называемъ *развитіе, направленное въ сторону известной цѣли, которая для насъ представляется цѣльной*.

Понятіе прогресса, въ сущности, является созданіемъ новой философіи ¹⁾. Въ древности мы почти не встрѣчаемся съ теоріями прогресса. Правда, иногда у древнихъ поэтовъ и мыслителей (миѳъ о Прометѣѣ, Эсхилъ, Софокль, Лукрецій, Цицеронъ, Сенека) мы находимъ указаніе на то, что жизнь человѣческаго рода ведетъ къ улучшеніямъ, къ успѣхамъ въ той или иной области, но при этомъ не упоминается о безконечности такихъ успѣховъ человѣческаго генія. Въ древности вообще нѣтъ еще представленія о непрерывности и единствѣ историческаго процесса (§ 11, II).

¹⁾ См. къ дальнѣйшему *Grotenfelt* „Geschichtliche Wertmassstäbe in der Geschichtsphilosophie bei Historiker und im Volksbewusstsein“ (1905 г.) *Стасюлевичъ*. „Философія исторіи въ главнѣйшихъ ея системахъ“ (1902 г.). *II. Г. Виноградовъ*. „О прогрессѣ“ (1898 г.). *Delvaille*. „Essai sur l'histoire de l'idée du progrès jusqu'à la fin du XVIII siècle“ (1910 г.).—О самой идеѣ прогресса ср. *Hoffding*. „Der menschliche Gedanke“, § 144.

Часто въ древней литературѣ проводятся воззрѣнія, прямо противоположныя идеѣ прогресса. Подъ вліяніемъ наблюденій за періодическимъ возобновленіемъ положеній небесныхъ тѣлъ и соотвѣтствующей имъ періодической смѣной время года на землѣ, уже у халдеевъ возникла идея вѣчнаго круговращенія, т.-е. возврата однихъ и тѣхъ же событій. На этой идеѣ основаны были искусства предсказанія будущаго — мантика и астрологія — и они пользовались чрезвычайно широкимъ распространеніемъ ¹⁾. По общиндійскому представленію, перешедшему и въ Буддизмъ, міръ подлежит гибели черезъ опредѣленные промежутки времени (Кальпа), чтобы затѣмъ снова возобновиться. Библейскій рассказъ о человѣческомъ родѣ начинается описаніемъ райскаго состоянія людей, за которымъ слѣдуетъ грѣхопаденіе, а затѣмъ всемірный потопъ, погубившій почти весь родъ человѣческій въ виду усилившейся его грѣховности. Екклезіастъ проповѣдуетъ теорію вѣчнаго круговращенія, повторенія одного и того же, исключаящую всякое представленіе о прогрессѣ. „Что было, то и будетъ, и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: „смотри, вотъ это—новое“; но это было уже въ вѣкахъ, бывшихъ прежде насъ“ (I, 9, 10) ²⁾. Въ Греціи мы встрѣчаемся съ аналогичными представленіями. Гезіодъ, являясь выразителемъ весьма распространенныхъ убѣжденій, предполагаетъ, что лучшая эпоха человѣческой исторіи, золотой вѣкъ, находится уже позади; за этимъ вѣкомъ слѣдуютъ въ нисходящей степени по своему достоинству вѣка: серебряный, мѣдный и желѣзный. У Іонійскихъ философовъ VI и V в.в. (Анаксимандръ, Анаксименъ, Гераклитъ) проводится ученіе о смѣняющихся другъ друга міровыхъ періодахъ. Платонъ проповѣдуетъ возвращеніе къ минувшему золотому вѣку, когда царствовалъ Кроносъ. Въ идеальномъ государствѣ Платона всякій дальнѣйшій прогрессъ исключенъ: все должно оставаться неизмѣннымъ. Не-

¹⁾ См. *Леманъ*. „Исторія суевѣрій“, 44 сл.

²⁾ *Delvaille*, op. cit., 1—20 доказываетъ, что, однако, преобладающія въ Библии тенденціи имѣютъ характеръ оптимистическій; въ особенности пророки проникнуты вѣрой въ прогрессъ, выражающейся, между прочимъ, въ ученіи о Мессіи.

рѣдко у греческихъ и римскихъ писателей позднѣйшихъ эпохъ, напр., у Стоиковъ, у Полибія, мы встрѣчаемся и съ теоріей, которая изображаетъ исторію человѣчества, какъ вѣчный возвратъ одного и того же. Этотъ взглядъ въ наше время пытался возродить *Ницше*.

Въ средніе вѣка господствуетъ теологическое міровоззрѣніе, по которому вся цѣна жизни заключается въ загробномъ существованіи. Понятіе о прогрессѣ здѣсь мало выдвигается, потому что достойной для стремленія цѣли въ земной жизни не признается. Съ другой стороны, понятіе прогресса предполагаетъ вѣру въ безконечное развитіе человѣческаго генія. Въ средніе же вѣка такое предположеніе немислимо, такъ какъ это—эпоха господства авторитета, когда истина предполагается уже извѣстной. Вотъ почему въ эту эпоху исторія представляется законченнымъ цикломъ развитія по опредѣленному Богомъ плану, при чемъ послѣдній фазисъ развитія считается уже наступившимъ. Такова извѣстная намъ теорія о четырехъ міровыхъ монархіяхъ (§ 11, III) ¹⁾.

Только эпоха возрожденія, похоронивъ авторитетъ, расчистила почву для созданія ученія о прогрессѣ. Основные элементы идеи прогресса заключаются во-первыхъ, въ наличности представленія о непредѣльности творчества человѣческаго генія; во-вторыхъ, въ существованіи убѣжденія въ непрерывности и законмѣрности историческаго процесса. Эти представленія не сразу укрѣпились въ сознаніи людей. Такъ, хотя Боденъ и Бэконъ были уже близки къ идеѣ прогресса, но еще *Вико*, признавая все повторяющіяся смѣны однѣхъ и тѣхъ же эпохъ, стоитъ на почвѣ ученія о вѣчномъ круговращеніи въ исторіи ²⁾.

Для того, чтобы идея прогресса окончательно восторжествовала, нужно было, прежде всего, чтобы укрѣпилось представленіе о постоянномъ законмѣрномъ развитіи, чтобы пустила корни идея эволюціи и преемственности въ развитіи отдѣльныхъ народовъ. Этому долго мѣшало раціоналистическое воззрѣніе школы *естественнаго права*, которое исключало идею законмѣрнаго развитія. Основная мысль этой

¹⁾ О теоріи прогресса Бл. Августина см. *Delvaille*, 79 сл.; о нѣкоторыхъ проявленіяхъ идеи прогресса въ Средніе вѣка см. тамъ же, 99 слл.

²⁾ См. *Klemm*. Vico als „Geschichtsphilosoph und Völkerpsycholog“ (1906), 114.

школы, какъ мы знаемъ (§ 11, IV), состояла въ томъ, что идеальное право мы можемъ открыть раціоналистическимъ путемъ, путемъ углубленія въ человѣческую природу, и затѣмъ осуществить путемъ разумнаго законодательства. Исторически сложившееся право съ точки зрѣнія этого ученія цѣны не имѣетъ и является лишь результатомъ заблужденія человѣчества.

Вполнѣ опредѣленное убѣжденіе въ наличности историческаго прогресса мы встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ, прежде всего, у *Гердера* и у *Канта*. У Канта, впрочемъ, мы замѣчаемъ колебанія между двумя противоположными взглядами; съ одной стороны, Кантъ, какъ моралистъ, являясь сторонникомъ свободы воли и видя назначеніе человѣка въ безусловномъ исполненіи нравственнаго закона, полагаетъ весь смыслъ человѣческаго существованія въ отдѣльной личности; съ другой стороны, по теоріи Канта, какъ философа исторіи, человѣчество въ своемъ развитіи постоянно прогрессируетъ, и конечная цѣль историческаго процесса состоитъ въ введеніи правового порядка, свободы личности и международного мира. Такого прогресса требуетъ чистый разумъ и наличность его доказывается такими историческими фактами, какъ идеи французской революціи ¹⁾. Эти двѣ теоріи не вполнѣ согласованы между собой, такъ какъ недостаточно выяснена Кантомъ связь между чисто моральнымъ самоусовершенствованіемъ на почвѣ свободы умопостигаемой воли и безсмертія души и развитіемъ человѣчества въ сторону установленія правового порядка, обеспечивающаго только внѣшнюю легальность поведенія членовъ общества ²⁾.

¹⁾ См. *K. Fischer*. *Gesch. d. neuer. Philos.* V. 393—397.

²⁾ См. *Medicus*. *Kant's Philosophie der Geschichte* (1902). Проф. *Новгородцевъ*, „Кривизнь современнаго правосознанія“, стр. 265 объясняетъ эту черту Кантовской философіи слишкомъ абстрактнымъ воззрѣніемъ Канта на личность, въ которой философъ видѣлъ, главнымъ образомъ, родовыя черты; личность его интересовала не во всей полнотѣ своихъ индивидуальныхъ свойствъ, но только какъ представительница абстрактнаго нравственнаго закона, какъ представительница общаго родового разума. Отсюда противоположность личности и государства, свободы и равенства недостаточно сознавались этимъ мыслителемъ, какъ всѣми его современниками. О непониманіи Кантомъ индивидуальности во всей ея полнотѣ и значеніи и о роли Фихте въ развитіи этого понятія, см. *Lask*. „*Fichtes Idealismus und die Geschichte*“ (1902).

Во Франціи въ концѣ XVIII вѣка выступилъ съ теоріей прогресса знаменитый энциклопедистъ *Кондорсэ*¹⁾. Свою книгу „Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain“ (1793 г.; см. выше, § 11, IV) онъ писалъ, уже будучи преслѣдуемъ за свои жирондистскія убѣжденія, незадолго до ареста и смерти. Тѣмъ не менѣе, вся книга проникнута глубокимъ оптимизмомъ, вѣрою въ торжество свободы и равенства. Кондорсэ убѣжденъ, что прогрессу человѣчества не можетъ быть иного конца, кромѣ того, который положенъ будетъ самому существованію рода человѣческаго на землѣ. Держась принципа строгой законѣрности всего происходящаго въ исторіи и придавая особое значеніе массовымъ процессамъ, Кондорсэ набрасываетъ картину девяти эпохъ, уже пройденныхъ человѣчествомъ, и прибавляетъ къ нимъ очеркъ десятой, будущей эпохи. Онъ убѣжденъ, что исторія ведетъ къ уничтоженію неравенства между людьми и народами и къ усовершенствованію людей въ смыслѣ широкаго развитія ихъ способностей и дарованій. Прогрессъ въ этомъ направленіи составляетъ въ его глазахъ несомнѣнный историческій фактъ.

Въ началѣ XIX столѣтія возрождается въ Германіи спекулятивная метафизика. При этомъ, системы однихъ философовъ, напримѣръ, *Гегеля*, всецѣло основаны на признаніи идеи прогресса (§ 11, VI). Съ другой стороны, у тѣхъ же германскихъ метафизиковъ встрѣчается и обратное ученіе, напр., у *Шопенгауэра*. Намъ извѣстно его мнѣніе, что исторія научнаго значенія вообще не имѣетъ, такъ какъ она изучаетъ только кажущійся міръ феноменовъ (выше, § 3, II). Представители политической реакціи, въ родѣ Бональда, де-Местра, Галлера, также отвергаютъ идею прогресса. Для нихъ новое время есть эпоха упадка сравнительно со средними вѣками, когда личность была поставлена подъ строгую опеку теократически-сословнаго общественнаго строя.

Спекулятивная метафизика смѣняется торжествомъ позитивизма, первымъ виднымъ представителемъ котораго является *Контъ*. По его теоріи историческій процессъ состоитъ изъ смѣны трехъ эпохъ: теологической, метафизической и

научной. Въ основѣ этого ученія, такимъ образомъ, лежитъ также идея прогресса, такъ какъ Контское дѣленіе всемирной исторіи основано на представленіи о постоянномъ развитіи умственной культуры человѣчества, при чемъ за такимъ развитіемъ признается положительная цѣнность.

Аналогичныя представленія мы встрѣчаемъ и у многихъ современныхъ позитивистовъ. Такъ, напримѣръ, по теоріи *Де-Грефа*¹⁾, вся человѣческая исторія сводится къ прогрессивному движенію, которое состоитъ въ томъ, что организація общества постепенно совершенствуется, составъ его дѣлается болѣе разнообразнымъ, но части его лучше прилаживаются другъ къ другу, т.-е. совершенствованіе общественнаго организма ведетъ къ дифференціаціи состава и къ лучшей координаціи частей. *Людвигъ Морицъ Гартманнъ*²⁾ стоитъ на почвѣ экономическаго матеріализма. По его мнѣнію, прогрессъ состоитъ въ томъ, что общество развивается въ сторону укрѣпленія общественности, усиленія социальнаго духа. Онъ считаетъ это развитіе неизбежнымъ и вытекающимъ изъ экономическихъ отношеній, но все же утверждаетъ, что каждый человѣкъ долженъ ему содѣйствовать своей личной дѣятельностью. По мнѣнію *Н. И. Карьева*³⁾, прогрессъ есть возрастаніе уровня человѣческаго развитія, постепенное поднятіе человѣческой культуры, которая дѣлается доступной возможно большому количеству людей.

II. Изъ этихъ примѣровъ видно, что мы встрѣчаемся съ идеей прогресса въ современной наукѣ и притомъ даже у представителей позитивизма. Я считаю, однако, необходимымъ поставить вопросъ, насколько прогрессъ является понятіемъ научнымъ и можно ли оперировать съ нимъ въ научныхъ работахъ?

По моему мнѣнію, понятіе „прогресса“ не можетъ быть считаемо строго научнымъ. Это вытекаетъ изъ самаго опредѣленія этого понятія: прогрессъ есть развитіе, направлен-

¹⁾ *Де-Грефъ*. „Общественный прогрессъ и регрессъ“, 243, 335 слл.

²⁾ *Л. М. Гартманнъ*. „Ueber historische Entwicklung“ (1905 г.). Рус. пер. *Л. М. Гартманнъ*. „Объ историческомъ развитіи“ (1911 г.).

³⁾ *Карьевъ*. „Основные вопросы философіи исторіи“, 378. Ср. болѣе позднее произведеніе того же автора, гдѣ сдѣланы весьма существенныя оговорки по поводу примѣнимости понятія прогресса въ исторической наукѣ: „Историология“ (1915 г.), XIX.

¹⁾ Объ отношеніи къ идеѣ прогресса *Бодена*, *Монтескье*, *Вольтера*, *Руссо*, см. у *Grottenfelt*. „Geschichtliche Wertmasstäbe“, 36 слл.

ное къ цѣли, которой мы придаемъ положительную цѣнность. Когда Карѣвъ говоритъ о ростѣ культуры, Гартманнъ—объ обязанности каждаго содѣйствовать росту обществу, то изъ этого вытекаетъ, что они оба придаютъ большую цѣнность тѣмъ цѣлямъ человѣческаго развитія, достиженіе которыхъ считается ими прогрессомъ. Въ этомъ и заключается ненаучный элементъ идеи прогресса. Во всѣхъ разсужденіяхъ о прогрессѣ приходится исходить изъ двухъ предпосылокъ: 1) чтобы сказать, что данная цѣль имѣетъ положительную цѣнность, слѣдуетъ располагать опредѣленнымъ мѣриломъ цѣнности; 2) чтобы утверждать наличность прогресса въ исторіи, нужно доказать, что человѣчество, дѣйствительно, идетъ въ сторону достиженія этой цѣли.

Разсмотримъ каждую изъ этихъ предпосылокъ отдѣльно.

1) Какія существуютъ мѣрила цѣнности цѣлей? Чѣмъ опредѣляется наша оцѣнка? По этому поводу существуетъ большая путаница воззрѣній. Согласно этикѣ Канта, цѣнность человѣческаго существованія заключается въ выполненіи моральнаго долга. Существо моральнаго закона разъ навсегда установлено, и мы должны ему подчиняться, не заботясь о счастіи. Но существуютъ и другія этические школы съ противоположнымъ взглядомъ. Никакого долга безъ отношенія къ человѣческому счастью нѣтъ. Самое цѣнное въ жизни составляетъ счастье. Тутъ возникаетъ, однако, новый вопросъ: въ чемъ же заключается счастье? И на этотъ вопросъ даются различныя отвѣты: говорятъ объ удовлетвореніи потребностей, объ удовлетвореніи личности свободной дѣятельностью, о личномъ счастіи, объ общественномъ благосостояніи, о примиреніи счастья личности съ общимъ благосостояніемъ.

Итакъ, оставаясь на Кантовской точкѣ зрѣнія, мы получимъ одни выводы относительно критерія цѣнности, а, становясь на эвдемонистическую точку зрѣнія, придемъ къ прямо противоположному результату. Но этимъ затрудненія наши не кончаются. Предположимъ, что мы согласились считать мѣриломъ цѣнности масштабъ счастья или благосостоянія и признавать прогрессомъ то, что ведетъ насъ къ этой цѣли. Но почему же мы дорожимъ самимъ счастіемъ? Зачѣмъ вообще существуетъ человѣчество со всей его исторіей и его стремленіемъ къ счастью? Какую цѣну имѣетъ самое стремленіе его къ благосостоянію? Тѣ же самые вопросы возникаютъ

и въ томъ случаѣ, если мы станемъ на Кантовскую точку зрѣнія: почему долгъ, моральный законъ имѣетъ такую высокую цѣнность? Все это—вопросы чисто метафизическіе, и къ постановкѣ такого рода проблемъ неизбежно приведетъ вопросъ о цѣнности какой бы то ни было цѣли. Изъ всего этого слѣдуетъ, что масштаба оцѣнки человѣческаго прогресса средствами одной только науки мы установить не можемъ; не зная, въ чемъ состоитъ послѣдняя, конечная цѣль существованія человѣчества, мы не можемъ опредѣлить, оставаясь въ предѣлахъ доказуемаго знанія, чѣмъ намъ слѣдуетъ дорожить больше всего (выше, § 7, IV; § 9).

2) Перейдемъ теперь къ разбору второй посылки. Если мы въ основу исторіи полагаемъ идею прогресса, то намъ нужно доказать, что прогрессъ существуетъ, что человѣчество, дѣйствительно, идетъ къ извѣстной благой цѣли. Доказать этого научными средствами нельзя. Мы можемъ доказать, что съ теченіемъ времени увеличивается сумма знаній, дѣлаются тоньше и глубже этические воззрѣнія, но не знаемъ, становится ли человѣчество моральнѣе въ самомъ своемъ поведеніи, и дѣлается ли оно счастливѣе ¹⁾. Не можемъ мы, наконецъ, поручиться и за то, что процессъ культурнаго развитія человѣчества всегда будетъ идти непрерывно и сохранять внутреннее единство. А безъ этого условія невозможенъ всемірно-историческій прогрессъ. Въ этомъ отношеніи одинаково несостоятельны попытки научнаго разрѣшенія вопроса какъ въ духѣ оптимистовъ, такъ и въ духѣ пессимистовъ ²⁾.

Итакъ, строго-научнымъ путемъ нельзя установить ни масштаба цѣнности, такъ какъ его установленіе неизбежно приводитъ къ метафизическимъ построеніямъ, ни доказать наличность прогресса и регресса. Изъ этого мы заключаемъ, что понятіе прогресса ненаучно, и что въ научныхъ изысканіяхъ лучше къ нему не прибѣгать. Упомянутые выше ученые—позитивисты, какъ Де-Грефъ, Карѣвъ, Л. Гартманнъ,

¹⁾ Ср. даже объ интеллектуальномъ прогрессѣ сомнѣнія *Левенфельда*, „О глупости“ (1912 г.), 179 слл. См. также *Киддъ*, „Соціальное развитіе“ (рус. пер. 1897 г.), гл. IX.

²⁾ См. *Паульсенъ*, „Основы этики“, кн. II, гл. III. См. также *Piat.*, „La destinée de l'homme“ (2 éd. 1912 г.), стр. 200 слл. *Хвостовъ*, „Этика человѣческаго достоинства“ (1912 г.), стр. 139—145.

излагая свои учения о прогрессѣ, останавливаются на полпути, такъ какъ совсѣмъ не ставятъ вопросовъ о томъ мѣрилѣ, руководясь которымъ, они придаютъ положительную цѣнность той или иной цѣли человѣческаго развитія, хотя именно въ достиженіи ея они и видятъ существо прогресса ¹⁾).

Не слѣдуетъ смѣшивать съ идеей прогресса въ исторіи того общаго принципа *нарастанія психической энергии*, который мы вслѣдъ за Вундтомъ положили въ основу исторической законѣрности (§ 8, II). Дѣло въ томъ, что: 1) въ принципѣ нарастанія психической энергии не заключается еще того момента оцѣнки, который характеренъ именно для идеи прогресса; 2) этотъ принципъ проявляется въ исторіи только при условіи, что процессъ исторической жизни сохраняетъ преемственную связь и не нарушается какими-либо

¹⁾ *Louis Weber* въ своей интересной книгѣ „Le rythme du progrès“ (1913 г.), подвергнувъ разбору теоріи прогресса Спенсера, Бергсона и Конта, приходитъ къ заключенію, что прогрессъ, какъ понятіе оцѣночнаго характера, не можетъ быть предметомъ научнаго обихода. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ возможнымъ говорить объ *интеллектуальномъ прогрессѣ* и предлагаетъ для него особый „*историческій законъ двухъ состояній*“. Основная мысль автора при этомъ сводится къ тому, что слѣдуетъ различать двѣ особыя тенденціи человѣческаго интеллекта: *практическую*, которая выражается въ воздѣйствіи человѣка на матерію, и *теоретическую, или спекулятивную*, которая состоитъ въ работѣ надъ идеями и ставитъ себя задачей объясненіе міра. Работая въ практическомъ направленіи, человѣкъ дѣйствуетъ также путемъ интеллектуальныхъ операций обобщенія и абстракціи, но не отдаетъ въ нихъ себѣ отчета; тогда какъ при спекулятивномъ направленіи ума онъ начинаетъ задумываться и надъ самимъ мышленіемъ. Въ исторіи, по мнѣнію автора, замѣчается ритмическое чередованіе въ преобладаніи практической и теоретической тенденціи интеллекта. Эволюція человѣчества началась съ практическаго примѣненія интеллекта. Въ этой дѣятельности всегда особое значеніе получаетъ *индивидуальный* характеръ. Отдѣльные люди подъ вліяніемъ практическихъ нуждъ изобрѣтаютъ орудія и техническіе приемы, при чемъ руководятся указаніями опыта надъ окружающимъ физическимъ міромъ. Появленіе *языка* внесло перемѣну. Языкъ создалъ слова, которыя сами стали предметомъ работы мысли; даль людямъ представленіе объ особой причинности нематеріальнаго характера, дѣйствующей на разстояніи (по аналогіи съ воздѣйствіемъ человѣка на человѣка при помощи слова); внесъ въ міровоззрѣніе массу эмоциональныхъ элементовъ; наконецъ, на почвѣ счисленія создалъ понятіе о сущности, независимой отъ свойствъ предметовъ, что въ концѣ концовъ и привело къ возникновенію строго

противодѣйствующими теченіями ¹⁾. Только прибавленіемъ этихъ двухъ условій можно создать идею прогресса на почвѣ этого принципа. Точно такъ же ясно, что и тотъ „*методъ отнесенія къ цѣностямъ*“, которымъ, по мнѣнію Риккерта, опредѣляется выборъ историческаго матеріала, и правомѣрность котораго мы признали выше съ извѣстными оговорками (см. § 10 въ концѣ), самъ по себѣ не означаетъ введенія идеи прогресса въ работу историка. Своевременно мною было указано, что, конечно, весь нашъ интересъ къ исторической наукѣ вытекаетъ изъ факта признанія людьми извѣстныхъ цѣнностей, которымъ они придаютъ огромное значеніе. Историкъ, выбирая матеріаль для своего изслѣдованія, всегда сознательно или бессознательно останавливаетъ свое вниманіе именно на тѣхъ фактахъ, которые стоятъ въ связи съ тѣмъ или инымъ разрядомъ цѣнностей. Такъ какъ представленія о цѣностяхъ недостаточно установились, процессъ ихъ развитія у людей не закончился, то уже это обстоятельство, какъ увидимъ ниже, вноситъ нѣкоторый субъективизмъ въ работу историка (§ 25, III). Но съ этимъ приходится мириться; дальше же этого идти не слѣдуетъ.

логическаго мышленія. На образованіе понятій спекулятивнаго мышленія большое вліяніе оказываютъ *соціальныя* традиціи, а самая группировка понятій совершается въ значительной степени подъ вліяніемъ группировки словъ и соціальныхъ отношеній.—Въ дальнѣйшей эволюціи происходитъ *чередованіе эпохъ* технической, практической дѣятельности интеллекта, основанной на опытѣ, и спекулятивной, основанной на идеяхъ. Спекулятивныя эпохи суть эпохи покоя, когда интеллектъ обращается самъ на себя и на свои продукты. Между методами экспериментальнаго знанія и спекулятивнаго авторъ усматриваетъ большія различія: ученый экспериментаторъ ему представляется по существу тѣмъ же ремесленникомъ и долженъ обладать чисто техническими навыками. Авторъ полагаетъ, что уже въ доисторическую эпоху произошла первая смѣна техническаго періода спекулятивнымъ, затѣмъ мы опять встрѣчаемся съ техническимъ періодомъ въ самомъ началѣ исторіи, который въ Греціи вновь смѣняется спекулятивнымъ. Этотъ послѣдній продолжается въ теченіе 24 вѣковъ на протяженіи античной, средневѣковой и новой исторіи, но на нашихъ глазахъ начинается смѣняется техническимъ періодомъ. Путемъ этихъ ритмическихъ шаговъ человѣчество постепенно движется впередъ въ интеллектуальномъ отношеніи, но авторъ затрудняется вывести отсюда утвержденіе и о другихъ видахъ прогресса, напримѣръ, о наличности моральнаго прогресса: человѣчество дѣлается болѣе утонченнымъ, но это еще не значитъ, что оно становится нравственнѣе.

¹⁾ См. *Wundt*, „*Logik*“, III, 422.

На этомъ кончается роль понятія цѣнности въ исторической наукѣ. Не дѣло историка—провѣрять, насколько правильно понимали и понимаютъ люди содержанія признаваемыхъ ими цѣнностей. Если онъ возьметъ на себя такую задачу, то неизбежно собьется съ пути точнаго знанія и впадетъ въ область чистой метафизики. Точно такъ же не улучшить, а только ухудшить свою работу тотъ историкъ, который будетъ искать въ своемъ матеріалѣ доказательствъ того, что люди прогрессировали или регрессировали въ своемъ отношеніи къ той или иной цѣнности. Дѣло историка состоитъ только въ томъ, чтобы безпристрастно проанализировать состояніе фактовъ въ избранной имъ для изслѣдованія области, уяснить себѣ ихъ причинную зависимость. Производство же какихъ-либо оцѣнокъ съ точки зрѣнія этическихъ или эстетическихъ цѣнностей онъ долженъ предоставить философу, который захватываетъ всегда шире, чѣмъ ученый, но вынужденъ при этомъ пользоваться такими приемами и средствами, въ которыхъ гораздо больше субъективности, чѣмъ въ истинно-научной работѣ.

III. Посмотримъ теперь, насколько необходима идея прогресса въ практической дѣятельности для построенія *этической системы*? Это—вопросъ довольно сложный; Кантъ, а за нимъ и другіе мыслители основательно указываютъ, что если мы будемъ руководиться только вѣрой въ прогрессъ, то настоящій моментъ теряетъ самостоятельное значеніе. Онъ является лишь ступеню, которой воспользуется будущее. Конечно, можно строить этическую систему и на такомъ фундаментѣ, но возможно и иное обоснованіе этики. Мы можемъ соглашаться, что не знаемъ, къ какому исходу идетъ исторія человѣчества, и въ то же время утверждать, что каждый данный моментъ имѣетъ свое самостоятельное значеніе. Въ жизни существуетъ добро и зло. Задача каждого даннаго момента состоитъ въ борьбѣ съ наличнымъ зломъ; въ этомъ и заключается смыслъ нашего существованія. При такомъ разсужденіи человѣкъ дѣйствуетъ не во имя будущаго прогресса, а ради настоящаго момента. Такимъ образомъ, въ практической дѣятельности не все рѣшается идеей прогресса.

Гегфдингъ въ своей „Философіи религіи“ высказываетъ слѣдующее наблюденіе. „Среди людей,—говоритъ онъ,—встрѣ-

чаются натуры двоякаго типа: съ одной стороны, натуры активныя, для которыхъ дѣятельность составляетъ все ихъ существо, и которыя часто не ощущаютъ въ себѣ даже потребности вдаваться въ размышленія о смыслѣ жизни, будучи всецѣло захвачены жизненнымъ потокомъ; съ другой стороны, натуры пассивныя, которыя, напротивъ, живутъ созерцательной жизнью и стремятся укрыться отъ тревогъ активной жизни“ (стр. 283). Подобнымъ же образомъ и религіи дѣлятся на два типа. Одну группу составляютъ тѣ религіи, которыя цѣнность жизни видятъ въ *вѣчномъ и неизмѣнномъ* и не придаютъ положительнаго значенія событіямъ измѣнчивой исторіи человѣчества; другую группу составляютъ религіи, которыя усматриваютъ смыслъ жизни въ постоянной борьбѣ за раскрытіе цѣнностей и придаютъ рѣшающее значеніе процессу *культурной эволюціи*. Къ первому типу относится Буддизмъ съ его ученіемъ о нирванѣ и философская система Платона, проповѣдующая неизмѣнныя идеи, какъ основной принципъ бытія; ко второму типу Гегфдингъ относитъ религію Заратустры съ ея борьбой злого и добраго начала, а также и христіанство. Только съ послѣдней точки зрѣнія возможна метафизическая философія исторіи и, въ частности, ученіе о прогрессѣ. Но сторонникамъ этого послѣдняго мировоззрѣнія постоянно грозитъ та опасность, что для нихъ каждая эпоха рискуетъ превратиться въ простую ступень для лучшаго будущаго и утратить всякую самостоятельную цѣнность. Истинное этическое мировоззрѣніе должно пытаться отдать должное и настоящему моменту, признать самостоятельную цѣнность за нашими дѣйствіями во имя добра во всякій данный моментъ, независимо отъ ихъ результатовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ (стр. 51 слѣд., стр. 224 слѣд.).

Но это не значитъ, что этика можетъ, съ другой стороны, вполне игнорировать идею прогресса. Принимая во вниманіе конечность человѣческой личности, находящую себѣ наглядное выраженіе въ явленіи смерти, принимая во вниманіе, далѣе, несомнѣнную связь личности и общества, связь органическую и неразрывную, внѣ которой немислима разумная человѣческая личность, мы должны и вѣру въ общественный прогрессъ стараться включить во всеобъемлющій нравственный синтезъ. Въ такомъ направленіи и построены нѣкоторыя

этических системы. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу хотя бы на известное произведение нашего русскаго философа *Владимира Соловьева* „Оправданіе добра“ (2-е изд., 1899 г.). Этическое учение Соловьева старается воздать должное и личному и соборному началу въ нравственности и содержитъ въ себѣ цѣнныя соображенія по вопросу о прогрессѣ челоѳчества и его нравственномъ значеніи.

Что же касается чисто научныхъ теоретическихъ изысканій, то въ нихъ понятіе прогресса вводитъ въ качествѣ руководящей идеи не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ, какъ содержащее въ себѣ выходящее за предѣлы доказуемаго знанія метафизическіе элементы.

Какимъ же понятіемъ мы можемъ замѣнить въ исторіи понятіе прогресса? Мнѣ кажется, что въ наукѣ допустимо только понятіе *эволюціи*. Въ составъ этого понятія не входятъ никакихъ метафизическихъ элементовъ. Перейдемъ, поэтому, къ разсмотрѣнію этого понятія.

§ 23. Эволюція.

1. Прежде всего посмотримъ, каково значеніе термина „эволюція“? Буквально это слово означаетъ „развертываніе“, въ противоположность къ инволюціи — „свертыванію“. Въ современной наукѣ терминъ „эволюція“ употребляется во многихъ значеніяхъ, съ различными оттѣнками. Разберемъ главнѣйшіе изъ нихъ и постараемся отыскать въ нихъ то общее, что связано съ понятіемъ эволюціи, и что, несомнѣнно, заключается во всѣхъ разнородныхъ толкованіяхъ его.

1) Слово „эволюція“ часто употребляется, какъ антитеза *застоя*; оно означаетъ тогда всякое движеніе или измѣненіе какъ впередъ, въ сторону усиленія известной тенденціи, такъ и назадъ, въ сторону ослабленія ея.

2) Какъ развитіе спокойное и равномѣрное, эволюція иногда противопоставляется *революціи*, — движенію, съ которымъ не въ такой степени связаны закономерность и спокойствіе, гдѣ въ значительной степени проявляется элементъ случайности.

3) Иногда со словомъ „эволюція“ соединяется представленіе, сходное съ понятіемъ прогресса, т.-е. съ развитіемъ въ сторону лучшаго будущаго; эволюція является противоположностью *диссолюціи*, упадка, вырожденія.

4) У натуралистовъ терминъ „эволюція“ нерѣдко примѣняется въ узкомъ значеніи, какъ синонимъ теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ, и противопоставляется теоріи *творенія* отдѣльныхъ животныхъ видовъ.

5) Эволюція въ пониманіи *Спенсера*¹⁾ есть основной законъ, по которому течетъ жизнь всего міра. По теоріи Спенсера первоначально вся міровая матерія находилась въ состояніи хаотическаго движенія частицъ. Въ этомъ хаосѣ постепенно происходитъ интеграція, сплачиваніе матеріи, и раздѣленіе, дифференціація частицъ по группамъ, при чемъ части теряютъ свое самостоятельное движеніе въ общемъ движеніи массы. Такимъ путемъ матерія, находившаяся въ однородномъ, несвязномъ и неопредѣленномъ состояніи, переходитъ въ состояніе разнородное, связанное и опредѣленное. Иллюстраціей къ этому процессу можетъ служить происхожденіе планетной системы изъ хаотической космической туманности. Спенсеръ видитъ такой процессъ эволюціи во всѣхъ отрасляхъ міроздаія. Но, наравнѣ съ эволюціей, въ мірѣ дѣйствуетъ и диссолюція. Повидимому, Спенсеръ отдаетъ предпочтеніе первой, на примѣръ, въ вопросѣ объ эволюціи нравственности. Это находится въ нѣкоторомъ противорѣчьи со всей его системой, утверждающей, что процессы эволюціи и диссолюціи играютъ одинаковую роль въ міроздаіи и постоянно другъ друга смѣняютъ.

Таковы главныя значенія, въ которыхъ употребляется слово эволюція. Посмотримъ, нѣтъ ли во всѣхъ этихъ пониманіяхъ чего-либо общаго; нельзя ли на основаніи этихъ разнородныхъ толкованій установить такое общее понятіе, которое могло бы лечь въ основу научнаго изслѣдованія? Мнѣ кажется, что такое общее опредѣленіе эволюціи можно дать, и оно сводится къ слѣдующему: *эволюція есть единый, послѣдовательный процессъ измѣненій, который мы можемъ изучить, какъ связанное цѣлое*²⁾. Въ такомъ смыслѣ эволюція есть понятіе вполне научное и необходимое въ

1) См. *Спенсеръ*. „Основныя начала“, §§ 93 слл. — Въ статьѣ „Прогрессъ, его законъ и причина“ („Опыты“, ч. I) то же самое явленіе именуется уже прогрессомъ. Ср. къ дальнѣйшему мой „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“, § 18.

2) Ср. о понятіи эволюціи *Höfding*. „Der menschliche Gedanke“, §§ 142 слл.

современной наукѣ; исторія стала генетической наукой именно съ тѣхъ поръ, какъ было установлено такое понятіе эволюціи. Современные ученые смотрятъ на историческій процессъ, какъ на процессъ эволюціонный (выше, § 11, VII).

II. Но тутъ возникаетъ новый вопросъ. Мы сказали, что эволюція есть процессъ измѣненій, который мы мыслимъ, какъ связанное цѣлое; иными словами, подъ эволюціей мы разумѣемъ нѣкоторое актуальное единство. Спрашивается, можемъ ли мы такое понятіе безъ дальнѣйшихъ предположеній примѣнять къ духовной жизни и притомъ даже не отдѣльнаго человѣка, но цѣлыхъ человѣческихъ обществъ или всего человѣчества? Вѣдь, если мы станемъ говорить о развитіи, то такое разсужденіе, повидимому, предполагаетъ нѣкоего носителя этого развитія. Развиваться можетъ только что-нибудь или кто-нибудь. Такимъ образомъ, говоря о духовномъ развитіи человѣка, не должны ли мы предполагать въ качествѣ носителя этого развитія *духовную субстанцію* этого человѣка, а говоря о развитіи общества или народа, не будемъ ли мы вынуждены прибѣгнуть къ понятію *народнаго духа*, какъ извѣстнаго идеальнаго субъекта, носителя этого развитія? Далѣе, если необходимы такія предположенія, то не вводятъ ли они насъ въ область чистѣйшей метафизики? Вѣдь понятія духовной субстанціи индивида, а тѣмъ болѣе „народнаго духа“, не даны ни въ какомъ опытѣ и какъ-будто имѣютъ несомнѣнный метафизическій характеръ. Такимъ образомъ, если правильны всѣ эти послышки, то не оказывается ли, что и понятіе эволюціи въ примѣненіи къ духовной жизни человѣка и тѣмъ болѣе цѣлыхъ человѣческихъ обществъ также включаетъ въ себя метафизическіе элементы, ибо требуетъ, какъ своего необходимаго дополненія, понятій духовной субстанціи и субстанціональнаго народнаго духа, какъ субъектовъ эволюціоннаго процесса?

Такія соображенія по поводу примѣненія понятія эволюціи въ исторической наукѣ, дѣйствительно, высказываются въ литературѣ. Такъ, напримѣръ, *Зиммель* въ своихъ „Проблемахъ философіи исторіи“ ¹⁾ настаиваетъ на томъ, что не только понятіе прогресса, но и вообще понятіе развитія предполагаетъ допущеніе нѣкоего идеальнаго субъекта этого

¹⁾ *Simmel*. Die Probleme der Geschichtsphilosophie ², 149—151.

развитія, - субъекта, который носитъ чисто метафизическій характеръ. Если такъ, то, слѣдовательно, и понятіе эволюціи не можетъ считаться чисто эмпирическимъ; оно включаетъ въ себя богатую долю гипотетическихъ или даже метафизическихъ элементовъ.

Я не могу, однако, согласиться съ такимъ разсужденіемъ. Несомнѣнно, *Зиммель* правъ, когда онъ утверждаетъ, что эволюція, развитіе предполагаетъ нѣчто, что развивается, извѣстнаго субъекта развитія. Но, я думаю, онъ неправъ, когда утверждаетъ, будто въ области духовной жизни такой субъектъ развитія имѣетъ гипотетическій или метафизическій характеръ. Субъектомъ развитія, дѣйствительно, является отдѣльный человѣкъ, мыслимый, какъ психическая единица, или цѣлое общество людей, мыслимое въ томъ же качествѣ. Но развѣ духовное единство человѣка или общества суть только гипотетическія или метафизическія предположенія? Этого я не думаю и съ этимъ не могу согласиться не только по отношенію къ отдѣльному человѣку, но даже и по отношенію къ цѣлымъ обществамъ. Я думаю, напротивъ, что единство духовнаго процесса человѣка дано намъ, какъ фактъ, какъ совершенно необходимый элементъ сознанія ¹⁾. Мы знаемъ единство нашего „я“ по непосредственному переживанію; на основаніи переживаемаго нами *чувства* „я“ мы строимъ практически необходимую *идею* нашего „я“, и намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ какимъ-либо метафизическимъ дополненіямъ для принятія этой идеи (см. выше, § 7,

¹⁾ См. къ дальнѣйшему *Вундтъ*. „Очеркъ психологіи“, стр. 261. *Wundt*. „Logik“, I, 515 слл. III, 243 слл. „System der Philosophie“, I. 363—396. „Ethik“, II, 63 слл. *Паульсенъ*. „Введеніе въ философію“, 362 слл. *Eisler*. „Wörterbuch der philosophischen Begriffe“, слова: „Substanz“, „Seele“, „Actualitätstheorie“, „Materie“. Но чувство и идея собственнаго „я“ есть непремѣнная часть содержанія сознанія только у психически-нормальныхъ субъектовъ; психопатологія знаетъ случаи, когда единство психической жизни нарушается и наступаютъ явленія раздвоенія личности, утраты сознанія единства своего „я“. См. *Jastrow*. „La subconscience“; *Бурдо*. „Вопросъ о смерти“, гл. IV. *Зильковскій*. „Проблема психической причинности“ (1914 г.), ч. II, гл. III § 24, различая „я“ эмпирическое отъ „я“ реальнаго, относитъ раздвоеніе личности только къ первому, т.-е. только къ представленіямъ субъекта о своемъ „я“. Самая степень сознанія своего „я“ мѣняется въ зависимости отъ возраста, состоянія здоровья и т. п. Ср., впрочемъ, разсужденія *Pictet*. „La destinée de l'homme“ (2 éd. 1912), 28—31.

II). Если при изученіи міра физическаго мы вынуждены ввести понятие физической *матеріи*, какъ той гипотетической субстанціи, которая лежитъ въ основѣ физическихъ явленій, нами воспринимаемыхъ, то это объясняется тѣмъ, что физическій міръ мы вынуждены построить при помощи гораздо болѣе сложной мысленной работы; для его построенія мы должны объективировать наши переживанія, оперировать съ ними такъ, какъ будто-бы они были независимы отъ познающаго субъекта, по мѣрѣ возможности устранять изъ нихъ всѣ элементы, которые всецѣло приписываются воспринимающему субъекту. Для такой объективации намъ здѣсь и необходимо понятие матеріи, какъ гипотетическаго субстрата физическихъ явленій, нами не воспринимаемаго, но тѣмъ не менѣе мыслимаго, какъ реальность, независимо отъ насъ существующая (выше § 6, IV; § 7, I; § 9, I).

Вотъ въ этомъ-то субстратѣ мы и не нуждаемся, когда начинаемъ изслѣдовать міръ духовнаго опыта, психической жизни. Въ этомъ случаѣ мы изучаемъ наши переживанія, какъ они намъ непосредственно даны, и единство психической жизни является здѣсь также непосредственно даннымъ содержаніемъ сознанія. Въ этомъ и заключается очень важное преимущество наукъ о духѣ надъ науками о природѣ; первыя не нуждаются въ такихъ сложныхъ гипотетическихъ предпосылкахъ, какъ науки о природѣ, ибо изучаютъ психическую дѣйствительность въ ея непосредственной данности. Понятіе духовной субстанціи здѣсь оказывается излишнимъ (теорія актуальности) ¹⁾.

То же самое относится и къ процессамъ социальнo-психическимъ. Намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ метафизическому представленію „народнаго духа“, какъ особой сущности, когда мы говоримъ объ эволюціи народа или общества. Социальнo-психическій процессъ также есть непосредственно данный фактъ нашего сознанія, ибо каждый изъ насъ переживаетъ себя, какъ участника этого процесса. Единство

¹⁾ Въ очень смягченномъ видѣ понятіе душевной субстанціи защищаетъ *Зиньковский* въ указ. соч. По его конструкціи душевная субстанція есть лишь устойчивая основа душевныхъ переживаній, не должна быть представляема, какъ субъектъ, отдѣльный отъ процессововъ, имъ переживаемыхъ стр. 348), какъ вещь въ себѣ (349), имѣетъ лишь относительное значеніе (351). Но тогда можно ли употреблять терминъ: „субстанція“?

социальнаго процесса состоитъ въ его несомнѣнной законмѣрности, и на почвѣ этой законмѣрности взаимодействія индивидуальныхъ психикъ, къ которой и сводится понятіе человеческого общества, мы можемъ совершенно свободно говорить объ эволюціи общества, не прибѣгая ни къ какимъ метафизическимъ предпосылкамъ.

Такимъ образомъ, я не считаю существенными возраженія Зиммеля и думаю, что понятіе эволюціи въ примѣненіи къ общественно-историческимъ процессамъ оказывается понятіемъ строго научнымъ. Повторяю, только на этомъ понятіи и можетъ держаться исторія, какъ генетическая наука о духѣ.

Глава II. Историческій методъ.

§ 24. Психическій характеръ историческихъ данныхъ.

I. Въ заключеніе постараемся рѣшить вопросъ: возможно ли для насъ вполне устранить *субъективизмъ* изъ историческихъ изысканій? Ранке указываетъ, что цѣль исторіи состоитъ въ томъ, чтобы изобразить и изучить событія въ такомъ видѣ, какъ они были въ дѣйствительности, т. е. вполне объективно¹⁾. Но возможно ли это, можемъ ли мы отрѣшиться вполне отъ субъективизма при разработкѣ историческихъ матеріаловъ? На этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно; какъ бы мы ни стремились къ объективному изученію исторіи, извѣстной субъективности мы не избѣгнемъ.

Главная причина этого заключается въ томъ, что исторія изучаетъ процессы психическіе, и поэтому мы не можемъ понять ея иначе, какъ при помощи умозаключеній, дѣлаемыхъ по аналогіи съ нашей собственной психической жизнью (выше, § 7, II). Возьмемъ область, въ которой, казалось бы, отсутствуютъ психическіе элементы, область экономическихъ отношеній. Здѣсь дѣло идетъ о матеріальныхъ потребностяхъ, о техническихъ средствахъ ихъ удовлетворенія и о соціальной организаціи, являющейся слѣдствіемъ того или другого способа удовлетворенія матеріальныхъ потребностей. Всѣ эти процессы являются, однако, также процессами психическими, что теперь, какъ мы видѣли, признается даже экономическими матеріалистами; они только придаютъ экономическимъ процессамъ въ исторіи больше значенія, чѣмъ чисто идейнымъ (§ 20). Но отрицать психическій, духовный

¹⁾ Для выясненія мировоззрѣнія этого крупнаго историка см. *Winckler. L. v. Ranke. „Lichtstrahlen aus seinen Werken“*. (1885). Выше § 11, VI.

характеръ даже экономическихъ процессовъ невозможно. Матеріальныя потребности возникаютъ подъ вліяніемъ состояній физической стороны нашего существа, но сводятся все же къ извѣстнымъ процессамъ въ нашей психикѣ. А развитіе техники, которое должно дать удовлетвореніе этимъ потребностямъ, развѣ не является всецѣло результатомъ духовнаго творчества?

Итакъ, всѣ стороны исторіи, въ томъ числѣ даже экономическія отношенія, создаются въ результатѣ процессовъ индивидуальной и коллективной психической дѣятельности. Уяснивъ себѣ это положеніе, мы поймемъ, почему въ исторіи безъ субъективизма обойтись невозможно¹⁾.

Мы не въ состояніи познавать чужую психическую жизнь непосредственно, а умозаключаемъ о ней по аналогіи съ собственными духовными переживаніями. Отсюда является неизбѣжная склонность при оцѣнкѣ чужой психики мѣрять другихъ своей мѣркой. Конечно, возможна разная степень широты въ пониманіи психическихъ переживаній другихъ людей, но все же представленіе объ окружающихъ разнится у различныхъ индивидовъ. Долю субъективизма мы вносимъ и въ оцѣнку массовыхъ соціальныхъ процессовъ, которые мы неизбѣжно разсматриваемъ также на почвѣ личнаго психическаго опыта.

II. Отсюда возникаетъ рядъ обычныхъ и типическихъ ошибокъ при изложеніи историческихъ событій: 1) У людей интеллигентныхъ, привыкшихъ дѣйствовать на основаніи логическихъ соображеній, существуетъ тенденція приписывать такой же *раціонализмъ* народнымъ массамъ. На самомъ же дѣлѣ массы гораздо чаще отдѣльныхъ людей дѣйствуютъ подъ вліяніемъ чувства, которое въ массахъ обыкновенно проявляется гораздо сильнѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ индивидахъ, и нерѣдко совершенно подавляетъ разсудочный элементъ²⁾. 2) У насъ существуетъ всегда склонность къ *модер-*

¹⁾ См. къ этому *Лебонъ*. „Психологія социализма“, кн. II, гл. I, § 1.

²⁾ См. *Сигеле*. „Преступная толпа“ (1896 г.). *Макъ-Дуголль*. „Основные проблемы соціальной психологіи“ (1916 г.). О наклонности людей чрезмѣрно раціонализовать психическіе процессы, см. *Höffding*. „Der menschliche Gedanke“ (1911 г.), ч. I (психологія мышленія). О разработкѣ психологіи массъ въ изящной литературѣ, см. *Charles-Brun*. „Le roman social en France au XIX siècle“ (1910), гл. IX.

низации прошедших событий, т.-е. къ представлению минувших эпохъ наподобіе переживаемой нами. Эта тенденція особенно замѣтна у древнихъ историковъ (описание борьбы патриціевъ и плебеевъ дѣлается римскими историками въ такихъ краскахъ, какъ-будто она относится къ концу республики), а затѣмъ и въ средніе вѣка (изображеніе дѣйствующихъ лицъ священнаго писанія въ средневѣковой обстановкѣ)¹⁾. Изъ исторіи исторической науки видно, какъ трудно было ученымъ дойти до мысли о разнообразіи и измѣнчивости историческаго процесса и принципиально отрѣшиться отъ модернизации минувшихъ эпохъ²⁾. 3) Часто мы встрѣчаемся со стремленіемъ во что бы то ни стало найти руководящихъ дѣятелей въ историческомъ процессѣ, связать событія съ опредѣленной личностью. На этомъ основано все построеніе такъ называемой прагматической исторіи. Въ извѣстныхъ предѣлахъ это стремленіе законно, такъ какъ личность играетъ самостоятельную роль въ исторіи, но въ наивныхъ построеніяхъ историковъ прежняго времени оно проявлялось въ чрезмѣрной степени. Такъ объясняется, на примѣръ, масса легендарныхъ законовъ въ римской традиціи, которые приписываются отдѣльнымъ личностямъ. На самомъ дѣлѣ измѣненія римской жизни, приписываемая традиціей законодателямъ, были результатомъ массовыхъ процессовъ³⁾. Это стремленіе *индивидуализировать* исторію вытекаетъ изъ того, что индивидуальное творчество каждому изъ насъ ближе и понятнѣе, чѣмъ коллективное творчество народныхъ массъ.

Задача историка состоитъ въ томъ, чтобы по возможности избѣгать всѣхъ этихъ невольныхъ тенденцій, т.-е. не втискивать историческаго процесса въ рамки субъективнаго раціонализма, модернизации и индивидуализации. Для этого прихо-

дится выполнять весьма трудную работу: отрѣшившись отъ современнаго и личнаго міровоззрѣнія, стараться возстановить психологію давно минувшихъ народовъ и эпохъ на основаніи часто недостаточныхъ источниковъ. Чтобы болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшить эту задачу, историкъ, конечно, прежде всего долженъ обладать особенной способностью исторической интуиціи, которая не всѣмъ дана въ одинаковой степени. Есть люди, которые болѣе другихъ надѣлены даромъ понимать чужую психику, а этотъ даръ именно для историка, который вынужденъ разбираться въ психикѣ людей давно минувшихъ эпохъ, особенно необходимъ. Но, помимо всякихъ природныхъ дарованій, историкъ нуждается и въ солидной психологической подготовкѣ. Хотя историческая психологія есть наука еще очень молодая, но кое-какимъ цѣннымъ матеріаломъ она и теперь располагаетъ. Не мало важныхъ данныхъ можетъ дать историкъ вообще коллективная психологія, или психологія народовъ; только на почвѣ знакомства съ нею можно съ увѣренностью оперировать въ области массовыхъ движеній и состояній, которыя играютъ такую важную роль въ исторіи. Наконецъ, историкъ въ высокой степени полезно знакомство и съ изящной литературой, гдѣ онъ найдетъ мѣткое изображеніе разнообразныхъ типовъ и характеровъ. Пока не разработана въ достаточной степени психологія индивидуальной жизни или этологія, изящная литература остается чуть ли не единственнымъ средствомъ для проникновенія въ эту важную область.

III. Я считаю не бесполезнымъ сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о современномъ состояніи *науки о характерахъ*¹⁾.

Психологія ставитъ себѣ задачей изученіе общихъ законовъ, управляющихъ духовной жизнью людей. Но эта жизнь есть очень сложное явленіе; психологическіе законы въ конкретномъ результатѣ даютъ великое множество отдѣльныхъ духовныхъ процессовъ, которые далеко не одинаково протекаютъ во всѣхъ людяхъ. Поэтому издавна чувствуется потребность дополнить абстрактную психологію такой наукой, которая вводила бы насъ хоть сколько-нибудь во все разнообразіе типовъ духовной дѣятельности людей и помогла бы

¹⁾ См. *Эйкенъ*. „Исторія и система средневѣкового міровоззрѣнія“ (1907 г.), стр. 582 слл.

²⁾ Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣетъ знакомство историка съ такими науками, какъ *историческая психологія* (§ 19, выше) и *историческая географія*. Объ этой послѣдней наукѣ см. *Фриманъ*. „Методы изученія исторіи“ (пер. 1893 г.), 179 слл. *Его же*. „Историческая географія Европы“ (пер. 1892 г.).

³⁾ См. мою „Исторію римскаго права“, § 9. Вообще къ изложенному ср. *Вундтъ*. „Проблемы психологіи народовъ“ (руск. пер. 1912 г.), 56 слл.

¹⁾ Ср. *Лазурскій*. „Очеркъ науки о характерѣ“. 3 изд. 1917 г.

намъ разбираться въ неисчерпаемой конкретной дѣйствительности. Такая наука могла бы получить назганіе *этологіи* или науки о характерахъ. Нѣкоторые предлагаютъ называть ее *спеціальной* или *индивидуальной* психологіей. Разработка подобной науки представляла бы большой интересъ и оказала бы существенную услугу многимъ другимъ научнымъ дисциплинамъ. Знаніе человѣческихъ характеровъ весьма важно для моралиста, для юриста, для педагога, для историка. Но современное состояніе этой отрасли знанія еще весьма далеко отъ сколько-нибудь законченной науки. Не установилось согласія о самыхъ основныхъ пунктахъ разсматриваемой дисциплины.

Наиболѣе ранней является мысль классифицировать всѣхъ людей по такъ называемымъ *темпераментамъ*. Подъ темпераментомъ разумѣютъ отраженіе въ психической жизни физиологическихъ особенностей человѣка. Съ давнихъ поръ установилось въ этой области четырехчленное дѣленіе; обычно различаютъ темпераменты сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій, или иначе: сангвиническій, нервный, желчный, лимфатическій. Начало свое это дѣленіе ведетъ отъ *Гипократа*, который ставилъ его въ связь со своей теоріей четырехъ главныхъ жидкостей въ человѣческомъ тѣлѣ: крови, черной желчи, желтой желчи и мокроты. Физиологическая основа темпераментовъ, конечно, мѣнялась по мѣрѣ прогресса науки, но четырехчленное дѣленіе темпераментовъ сохранялось. Его держится *Кантъ*; его воспроизводитъ *Вундтъ*; о подобномъ же дѣленіи говорить и *Фулье* ¹⁾. Въ частности, Фулье въ основу своихъ четырехъ темпераментовъ кладетъ два признака: онъ различаетъ, во-первыхъ, преобладаютъ ли въ организмѣ явленія накопленія энергіи (анаболизма), или же ея расходванія (катаболизма), и затѣмъ, во-вторыхъ, совершаются ли жизненные процессы медленно или быстро и съ какой степенью интенсивности. Такъ, онъ получаетъ чувствительный типъ, раздѣляющийся на сангвиниковъ и меланхоликовъ, и активный типъ, дѣлящийся на холериковъ и флегматиковъ.

¹⁾ *Fouillée*, „Tempérament et caractère selon les individus, les sexes et les races“. 4 éd. 1901 г. (есть русскій пер.).

Противъ всѣхъ подобныхъ попытокъ дѣлается теперь принципиальное возраженіе. Мы еще слишкомъ мало знаемъ о соотношеніи физиологическихъ и психологическихъ процессовъ, чтобы имѣть возможность строить дѣленіе людей, относящееся, по существу, къ ихъ духовной жизни, на физиологическихъ основахъ. Поэтому вся теорія четырехъ темпераментовъ покоится на довольно произвольномъ соотношеніи между психологическими особенностями и физиологическими. Темпераменты на самомъ дѣлѣ не выводятся изслѣдователями изъ физиологической основы, но строятся на основаніи психологическихъ различій, подъ которыя уже затѣмъ довольно произвольно подводится физиологическій базисъ. Въ частности, классификація Фулье, кладущая въ основу признаковъ анаболизма или катаболизма, можетъ быть примѣнена развѣ только къ различію *мужского и женскаго темперамента* ¹⁾, но не вообще къ различію темпераментовъ, независимо отъ пола людей, такъ какъ въ предѣлахъ одного и того же пола соотношеніе между накопленіемъ и расходваніемъ энергіи должно быть болѣе или менѣе равномѣрнымъ, чтобы организмъ вообще могъ жить. Женскій организмъ, повидимому, дѣйствительно, есть болѣе накапливающей, чѣмъ расходующей, по сравненію съ мужскимъ, но вѣдь только женщинамъ присущи такія специфическія формы траты энергіи, какъ дѣтороженіе.

Въ настоящее время болыше, чѣмъ темпераментами, занимаются поэтому ученіемъ о *характерахъ*, какъ чисто психическихъ формахъ различія между людьми ²⁾. Но и въ этой области спорными являются самые основные вопросы. Прежде всего не выясненъ вопросъ о *методѣ*, которымъ здѣсь надлежитъ итти. *Милль* въ своей „Логикѣ“ (кн. VI, гл. V) предлагаетъ создать науку о характерахъ, *этологию*, дедуктив-

¹⁾ Ср. *Геймансъ*. „Психологія женщины“ (1911 г.). Изложеніе этой книги въ *моей* брошюрѣ: „Психологія женщины. О равноправіи женщинъ“ (1911 г.). См. также *мою* книгу „Женщина и человѣческое достоинство“ (1914 г.).

²⁾ Фулье, кромѣ упомянутыхъ уже четырехъ темпераментовъ, даетъ еще и классификацію характеровъ, основанную на психологическихъ признакахъ (люди чувствительные, интеллектуальные, волевые), но не опредѣляетъ точно соотношенія этихъ двухъ дѣленій.

нымъ путемъ, примѣняя общіе психологическіе законы къ разнымъ сочетаніямъ условій; наблюденіе должно давать только матеріалъ для провѣрки. Такой методъ оказывается неосуществимымъ, во-первыхъ, потому, что мы слишкомъ мало еще знаемъ законы общей психологіи, чтобы имѣть возможность пользоваться ими для такихъ сложныхъ задачъ; во-вторыхъ, потому, что разновидности людей слишкомъ велики, чтобы мы могли исчерпать ихъ такимъ путемъ. Поэтому вполне очевидно, что мы должны въ этой области работать сперва надъ собираніемъ матеріала наблюденій и фактовъ, а затѣмъ уже пытаться объяснить его дедуктивнымъ путемъ изъ общепсихологическихъ законовъ.

Но и въ дальнѣйшемъ получается большое разногласіе. Среди большинства изслѣдователей держится мысль, что все разнообразіе человѣческихъ характеровъ можно все-таки *подвести подъ известныя общія рубрики*, такъ какъ существуютъ опредѣленные законы сочетанія психическихъ элементовъ, которыми и опредѣляются характеры. Въ основѣ этихъ классификацій, обыкновенно, лежитъ раздѣленіе духовной жизни на процессы чувства, воли и мышленія; характеры различаются, смотря потому, какой изъ этихъ элементовъ преобладаетъ въ жизни человѣка: на активные и апатичные, аффективные, интеллектуальные и волевые. Къ этому прибавляется раздѣленіе характеровъ по самому соотношенію отдѣльныхъ элементовъ психической жизни; приходится различать людей уравновѣшенныхъ и неуравновѣшенныхъ, а затѣмъ, смотря по источнику уравновѣшенности, людей умѣренныхъ отъ природы или же выучившихся владѣть собой, смотря же по силѣ и качеству неуравновѣшенности, людей эмотивныхъ и страстныхъ, постоянныхъ и неустойчивыхъ и т. п.

Другіе изслѣдователи, какъ, на примѣръ, *Поланъ* ¹⁾, не признаютъ возможнымъ устанавливать такіе общіе типы. Они утверждаютъ, что отдѣльные элементы характера могутъ въ людяхъ соединяться самымъ различнымъ образомъ, при чемъ никакимъ опредѣленнымъ законамъ эти комбинаціи элементовъ не подлежатъ. Поланъ поэтому предлагаетъ цѣлый рядъ различныхъ элементовъ характера, которые

¹⁾ *Paulhan*. „Les caractères“. 3 éd. 1909 г.

распредѣляются имъ на группы съ точки зрѣнія формы сочетанія отдѣльныхъ тенденцій (люди уравновѣшенные, владѣющіе собой, безпокойные, противорѣчивые, непослѣдовательные и т. п.), съ точки зрѣнія качества тенденцій (люди широкіе, узкіе, мелочные, чистые, спокойные, путанные, страстные, упрямые, гибкіе и т. п.), наконецъ, съ точки зрѣнія содержанія преобладающихъ тенденцій (тенденціи, относящіяся къ органической жизни, къ духовной жизни, тенденціи социальныя, тенденціи безличнаго характера и т. п.). Характеръ каждаго отдѣльнаго человѣка Поланъ предлагаетъ опредѣлять просто путемъ перечисленія тѣхъ группъ, подъ которыя его одновременно можно подвести, при чемъ сочетанія могутъ получиться самыя причудливыя. Такой методъ Поланъ называетъ *аналитическимъ*.

Большое разногласіе получается, далѣе, по вопросу объ *измѣнчивости характера*. Писатели, которые ставятъ ученіе о характерѣ въ тѣсную связь съ физиологическими различіями и склонны сближать характеръ съ темпераментомъ, обыкновенно считаютъ врожденный характеръ болѣе или менѣе неизмѣннымъ. Такое утвержденіе мы находимъ, на примѣръ, у *Рибо* ¹⁾. Но слѣдуетъ отмѣтить, что Рибо и самое понятіе характера очень суживаетъ. Онъ считаетъ основными признаками характера единство и устойчивость и потому совсѣмъ не признаетъ характера за людьми аморфными, которые легко поддаются вліянію среды, и людьми неустойчивыми. вмѣстѣ съ тѣмъ Рибо склоненъ почти совсѣмъ отрицать *вліяніе интеллекта на характеръ*: по его мнѣнію, сознаніе только освѣщаетъ нашъ характеръ, который опредѣляется природой чувствованія и дѣйствованія, а не интеллекта. Напротивъ *Малаперъ* ²⁾ считаетъ характеръ очень измѣнчивымъ и именно интеллекту приписываетъ большую роль въ воспитаніи характера, такъ какъ на интеллектъ можно легче вліять, чѣмъ на другія свойства человѣка, а при посредствѣ интеллекта можно воздѣйствовать и на эти стороны нашей психики. Есть и такіе ученые, которые, сводя ученіе о характерахъ по существу къ физиологическимъ

¹⁾ *Ribot*, „Psychologie des sentiments“, 8 éd. 1911 г., гл. XII.

²⁾ *Malapert*, „Les éléments du caractère et leurs lois de combinaison“. 2 éd. 1906 г. (есть русскій пер.).

темпераментамъ, тѣмъ не менѣе, считаютъ характеръ измѣнчивымъ. Такъ, *Гартенбергъ*¹⁾ раздѣляетъ людей: на сангвиниковъ, лимфатиковъ, желчевиковъ и нервныхъ (гипостениковъ или меланхоликовъ и гиперестениковъ), но въ то же время утверждаетъ, что лимфатикъ можетъ превратиться въ сангвиника (напримѣръ, улучшивъ условія своей жизни, проводя время на чистомъ воздухѣ), а сангвиникъ можетъ стать нервнымъ (попадая въ плохія условія жизни); нѣкоторые слѣды прежняго темперамента при этомъ, впрочемъ, сохраняются.

Такимъ образомъ, наука о характерахъ далеко еще не является установившейся. Тѣмъ менѣе можемъ мы ожидать сколько-нибудь поучительнаго и систематическаго примѣненія выводовъ этой науки къ разрѣшенію прикладныхъ вопросовъ. Такъ, по вопросу о значеніи различныхъ характеровъ въ исторіи, мы имѣемъ только собранія примѣровъ, въ родѣ того, которое содержится въ первомъ томѣ „Историки“ *Риса*²⁾. Такія собранія представляютъ извѣстный интересъ, но только въ смыслѣ матеріала, которымъ можно воспользоваться при построеніи соотвѣтственной теоріи. Самой же теоріи пока не имѣется никакихъ признаковъ. Между тѣмъ, подобная теорія могла бы имѣть значеніе при реконструкціи историческихъ событій. Намъ легче было бы разбираться въ вопросахъ объ исторической роли отдѣльныхъ персонажей, если бы мы располагали общимъ ученіемъ о томъ значеніи, которое въ социальныхъ отношеніяхъ людей получаютъ тѣ или иные характеры.

§ 25. Критика, выборъ и раздѣленіе историческаго матеріала.

I. Мы говорили о невозможности непосредственно познать чужую психику вообще и о нѣкоторыхъ неизбежныхъ ошибкахъ, возникающихъ вслѣдствіе этого. О содержаніи чужой психики мы умозаключаемъ лишь по аналогіи съ нашей собственной. Еще въ большей степени всѣ эти замѣчанія относятся къ изученію историческихъ событій. Здѣсь мы встрѣчаемся съ еще большими трудностями, чѣмъ при изученіи

¹⁾ *Гартенбергъ*. „Физиономія и характеръ“. 1912 г.

²⁾ *Riess. Historik*, Bd. I. 1913.

духовной жизни окружающихъ насъ людей. Намъ приходится судить не о жизни личностей, живущихъ около насъ, не о дѣятельности окружающихъ насъ народныхъ массъ, съ которыми мы сроднились, а о жизни давно умершихъ дѣятелей и часто даже исчезнувшихъ уже народовъ, психика которыхъ намъ можетъ быть совершенно чуждой. Мы судимъ о ней не по непосредственнымъ наблюденіямъ хотя бы за внѣшними ея проявленіями, но по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ воспоминаніямъ другихъ людей и инымъ остаткамъ, и на основаніи этихъ скудныхъ данныхъ намъ приходится выводить заключенія объ историческихъ событіяхъ. Принимая все это во вниманіе, мы поймемъ, почему одинъ изъ видныхъ историковъ нашего времени — *Сеньобосъ* — называетъ исторію „разсужденіемъ о документахъ“¹⁾.

Надъ имѣющимися въ его распоряженіи матеріалами историческихъ данныхъ историку приходится выполнить цѣлый рядъ разнообразныхъ и сложныхъ операций, отъ успѣшности которыхъ зависитъ весь ходъ его работы. „Исторія исходитъ изъ отдѣльныхъ фактовъ дѣйствительности, говоритъ Э. Мейеръ въ книгѣ, которая названа ниже, — и кончаетъ именно этими отдѣльными фактами; ея задача состоитъ въ очищеніи матеріала, даваемаго эмпиріей въ нечистомъ видѣ, часто искаженномъ примѣсами и извращеніями, при помощи мыслительнаго процесса, который мы называемъ научнымъ методомъ“ (стр. 184). Я не буду подробно останавливаться на разныхъ видахъ историческихъ источниковъ, этой специальной области методологіи исторіи. Подробная разработка методологіи источниковѣдѣнія содержится во 2-й части обширнаго курса *А. С. Лаппо-Данилевскаго* „Методологія исторіи“ (вып. II, 1913 г.). Тѣмъ же вопросамъ посвящена большая часть курса *Н. И. Карьева* „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.). Нѣкоторыя данныя по этимъ вопросамъ желающіе найдутъ въ книгѣ *Сеньобоса* „Историческій методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ“ (М. 1902 г.). Сжатый, но довольно содержательный очеркъ даетъ *Gabriel Monod* въ сборникѣ „De la méthode dans les sciences“ (Paris,

¹⁾ *Сеньобосъ*. Историч. методъ въ примѣненіи къ социальнымъ наукамъ, 6. *Фриманъ*, Методы изученія исторіи, 164, называетъ историка „комментаторомъ и пояснителемъ оригинальныхъ текстовъ“.

Alcan, 1910) ¹⁾. Цѣнная характеристика содержится въ 1-й части 1 тома известной „Geschichte des Altertums“ Ed. Meyera, (1910 г., 3-е изд.). обстоятельное изложение вы найдете въ книгѣ Bernheim'a „Lehrbuch der historischen Methode“. Болѣе краткое изложение взглядовъ *Bernheim'a* содержится въ другой его книгѣ: *Bernheim's*, „Введение въ историческую науку“, пер. подъ ред. С. Е. Сабинина, изд. Прокоповича, 1908 г. ²⁾. До сихъ поръ сохранили значеніе живые очерки *Фримана* „Методы изученія исторіи“ (рус. пер. 1893 г.).

Историческіе источники ³⁾ весьма разнообразны. Рѣже всего такимъ источникомъ является *собственное наблюденіе* историка; это бываетъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда историкъ поставилъ себѣ задачей описать тѣ событія, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ или которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такое непосредственное наблюденіе далеко не всегда гарантируетъ правильность изложенія въ виду какъ возможной предвзятости точки зрѣнія или тенденціозности автора, такъ и независящихъ отъ нашей воли ошибокъ воспріятія и памяти, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. „Комментаріи“ Юлія Цезаря по исторической надежности едва ли стоятъ выше произведеній Ливія; хотя Цезарь

¹⁾ Рус. пер. Методъ въ наукахъ. Спб. 1911 г.

²⁾ См. также *A. Meister*. Grundzüge der historischen Methode (Grundriss der Geschichtswiss., I, 6). *Пако*, Элементы философіи наукъ (1915), гл. XI. Специально для древней исторіи см. *Wachsmuth*. Einleitung in das Studium der alten Geschichte (1895). *Бузескуль* Введение въ исторію Греціи² (1910 г.). *Schäfer*. Abriss der Quellenkunde der griechischen und röm. Geschichte. *Gercke und Norden*. Einleitung in die Altertumswissenschaft (1910—1912). Для среднихъ вѣковъ и новаго времени см. указанія у *Bernheim*. Lehrbuch, гл. III, § 2. *U. Chevalier*. Répertoire des sources historiques du moyen-âge 1894 слл. *A. Potthast*. Bibliotheca historica medii aevi. 1896. *Wolf*. Einführung in das Studium der neueren Geschichte, 1910). Указатель литературы для всѣхъ эпохъ: *P. Herre*. Quellenkunde zur Weltgeschichte. 1910. Историческій обзоръ трудовъ по методологіи исторіи см. у *Ланно-Данилевскаго*. Методологія исторіи, I (1910 г.), 17—59. Для исторіи рус. литературы см. *Перетцъ*. Изъ лекцій по методологіи исторіи русской литературы (1914 г.).

³⁾ Что такое историческій источникъ? *Ланно-Данилевскій*. Методологія исторіи, вып. II (1913 г.), стр. 375, предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе: „историческій источникъ есть реализованный продуктъ человѣческой психики, пригодный для наученія фактовъ съ историческимъ значеніемъ“.

описываетъ событія, въ которыхъ самъ участвовалъ, но описываетъ онъ ихъ тенденціозно.—Чаще историческимъ источникомъ является устная или письменная *передача известій* о событіяхъ, основанная на дошедшихъ до автора сообщеніяхъ (*традиція*). Съ *устной традиціей* мы встрѣчаемся въ видѣ пѣсни, саги, легенды, историческаго анекдота и т. п. Здѣсь существуютъ свои особенности и недостатки. Переходя изъ усть въ уста, известіе можетъ быть искажаемо самымъ процессомъ его передачи. Сверхъ того, въ пѣсняхъ и сагахъ, а также въ анекдотахъ историческая правда часто извращается работой фантазіи, которая разукрашиваетъ историческія событія, прибавляя къ нимъ много вымысла. Существуютъ и такіе циркулирующіе въ народѣ рассказы, которые по внѣшности очень напоминаютъ историческія преданія, но на самомъ дѣлѣ не содержатъ въ себѣ ни слова исторической истины. Таковы *миѳы* этиологическіе и религіозные. Этиологическимъ миѳомъ называется рассказъ, которой подъ формой повѣствованія о минувшихъ событіяхъ содержитъ въ себѣ просто образное объясненіе какого-нибудь непонятнаго названія, учрежденія, надписи (выше, § 19, II). Такъ, римскій миѳъ о похищеніи сабинянокъ, какъ это уже было упомянуто, есть не что иное, какъ рассказъ, созданный для объясненія старинныхъ свадебныхъ обрядовъ; миѳъ о Ромулѣ есть попытка объяснить происхожденіе города Рима и его названія, миѳъ о Нумѣ Помпиліи имѣетъ своимъ назначеніемъ объяснить происхожденіе римскаго національнаго религіознаго культа и т. п. Религіозные миѳы связаны съ характеромъ и функціями отдѣльныхъ боговъ. Такого рода сказанія пригодны для выясненія общей культурной фізіономіи эпохъ, къ которымъ они относятся, но было бы совершенно неправильно отыскивать въ нихъ слѣды воспоминаній о дѣйствительно бывшихъ событіяхъ: они имѣютъ чисто идейное содержаніе. *Письменная традиція* выражается въ надписяхъ, мемуарахъ, лѣтописяхъ, газетахъ, памфлетахъ и т. п. Ей присуща специфическая опасность быть предметомъ поддѣлокъ и подлоговъ. Иногда письменная традиція претерпѣваетъ искаженія при распространеніи списковъ: переписчики дѣлаютъ свои вставки, дополненія и искаженія подъ вліяніемъ стремленія оживить рассказъ, или преслѣдуя иныя цѣли; часто встрѣчаются просто ошибки при снятіи копій. Поэтому при изслѣдованіи

письменной традиціи большое значеніе получаетъ возстановленіе по возможности первоначальнаго текста рукописи, существующей въ нѣсколькихъ спискахъ, для чего необходимо прослѣдить всю ея генеалогію и при этомъ установить хронологическія даты для каждаго списка, а также выяснить имена и личности авторовъ и ихъ историческую роль.—Наконецъ, немаловажнымъ источникомъ исторіи являются такъ наз. *остатки*, т.-е. непосредственные слѣды минувшихъ эпохъ, сохранившіеся до нашего времени. Къ остаткамъ принадлежатъ разнаго рода *матеріальные предметы*, каковы: скелеты, утварь, гробницы, зданія, дороги, водопроводы, сооруженія, воздвигнутыя въ ознаменованіе различныхъ событій или въ память историческихъ персонажей, надписи, письменные акты разнаго рода (юридическіе, дипломатическіе и др.); сюда же можно отнести дошедшія отъ далекой эпохи произведенія изящной *литературы*, *научные трактаты* и т. п. Остатки, конечно, представляютъ весьма цѣнный историческій матеріалъ, такъ какъ непосредственно знакомятъ насъ съ эпохой, но для правильнаго ихъ пониманія и истолкованія требуется иногда масса вспомогательныхъ свѣдѣній. Къ остаткамъ въ широкомъ смыслѣ слова можно причислить также сохраняющіяся въ языкѣ и учрежденіяхъ народа *переживанія*. Подъ переживаніемъ разумѣется такое выраженіе языка или такое учрежденіе нравовъ и обычаевъ, которыя не вяжутся съ общимъ духомъ данной эпохи и представляютъ собой обломки отъ пережитого времени, сохранившіеся, несмотря на общія измѣненія, происшедшія въ состояніи права или языка. По переживаніямъ часто можно дѣлать цѣнныя умозаключенія о такихъ эпохахъ, относительно которыхъ не дошло непосредственныхъ свѣдѣній. Напримѣръ, должность римскаго жреца, который носилъ имя „*rex sacrorum*“, составляетъ несомнѣнное переживаніе и служитъ однимъ изъ главныхъ доказательствъ того, что Римомъ нѣкогда правили цари.

Весь этотъ разнообразный матеріалъ вызываетъ необходимость въ рядѣ *вспомогательныхъ наукъ*, каковы: *нумизматика*, изучающая монеты, *палеографія*, изучающая старинныя письмена, *дипломатика*, изучающая грамоты разнаго рода съ точки зрѣнія ихъ состава, написанія и признаковъ

достоверности, *археологія*, изучающая матеріальные остатки, *эпиграфика* или наука о надписяхъ, *сфрагистика* или наука о печатяхъ и т. п. Знакомство съ этими дисциплинами иногда является необходимымъ условіемъ для веденія историческаго изслѣдованія. Палеографія, начало которой положено, какъ мы знаемъ, Мабильономъ (выше, § 11, IV), превратилась теперь въ разработанную дисциплину, имѣющую своимъ назначеніемъ изслѣдовать исторію писменъ и опредѣлить значеніе различныхъ письменныхъ знаковъ. Этимъ путемъ удается опредѣлить подлинность историческихъ актовъ, установить время, къ которому они относятся, и уяснить содержаніе документовъ, писанныхъ непонятными прежде для изслѣдователей знаками, каково ассирійское клинообразное письмо, египетскіе іероглифы и т. п. Особую отрасль палеографіи составляетъ эпиграфика, имѣющая своей задачей изученіе различныхъ, дошедшихъ до насъ, надписей. Изученіе эпиграфическаго матеріала обогатило цѣнными свѣдѣніями въ особенности античную исторію. Дипломатика и сфрагистика стоятъ въ тѣсной связи съ палеографіей и также даютъ въ руки историка важныя средства для опредѣленія подлинности и хронологіи документовъ. Большую важность получила нумизматика; монеты являются не только интереснымъ объектомъ изученія съ точки зрѣнія техники ихъ выполненія и тѣхъ изображеній и надписей, которыя на нихъ находятся, но оказались важнымъ источникомъ финансовой, экономической и политической исторіи: по монетамъ можно судить о состояніи государственныхъ финансовъ (порча монеты въ позднѣйшей римской имперіи), о торговыхъ отношеніяхъ (нахожденіе римскихъ монетъ въ Китаѣ и Африкѣ свидѣтельствуетъ о торговыхъ сношеніяхъ Рима съ этими странами), о политическомъ положеніи чеканящей ихъ организаціи (въ римской исторіи важно знать, имѣлъ ли городъ, подвластный Риму, право чеканить свою монету или нѣтъ.) Важное значеніе, особенно для исторіи древности, имѣетъ *хронологическое* изслѣдованіе; въ этой области дѣло осложняется различіемъ календарныхъ системъ у отдѣльныхъ народовъ, которое вызывается тѣмъ, что естественныя единицы счисленія времени: годъ, мѣсяць и день—безъ остатка другъ на друга не дѣлятся; это обстоятельство заставляло создавать искусственные годы и мѣсяцы, исчислявшіеся по раз-

личнымъ довольно несовершеннымъ способамъ ¹⁾. По мѣрѣ накопленія матеріала для историка большое значеніе получаетъ знакомство съ *архивнымъ* и *библиотечнымъ* дѣломъ, а также и со все болѣе и болѣе разрастающейся *библиографіей*.

II. Я представляю вамъ лишь самый бѣглый и краткій очеркъ операций, которыя историку приходится совершать надъ документами ²⁾. Эти операции можно раздѣлить на двѣ основныхъ группы: 1) критика документовъ и 2) научное объясненіе установленныхъ фактовъ.

A. *Критика документовъ* есть та операция, при помощи которой историкъ разбирается въ текстѣ и содержаніи документовъ (*низшая критика*) и оцѣниваетъ степень ихъ точности и достовѣрности (*высшая критика*).

1) Установленіе *текста* документа на всегда легко, такъ какъ для этого слѣдуетъ разобрать почеркъ, которымъ написана рукопись, раскрыть сокращенія словъ, правильно раздѣлить слова, если они написаны слитно, устранить описки, вставки, выяснить пропуски и т. п. Работа эта осложняется, если источникъ дошелъ въ нѣсколькихъ спискахъ, между которыми надлежитъ выяснитъ соотношеніе. Уясненіе *содержанія документовъ* осложняется тѣмъ, что они часто написаны на иностранныхъ, иногда мало извѣстныхъ или давно исчезнувшихъ языкахъ. Для истолкованія этихъ документовъ необходимъ поэтому большой запасъ филологическихъ свѣдѣній. Научное изученіе ихъ возможно лишь при разсмотрѣніи ихъ въ подлиннкѣ, такъ какъ переводъ самъ по себѣ является уже извѣстнаго рода толкованіемъ. Конечно, при толкованіи должны быть принимаемы во вниманіе всѣ культурныя особенности той эпохи и страны, къ которой принадлежитъ документъ, а также личность автора, его индивидуальныя свойства, преслѣдуемая имъ цѣль, особенности его стиля и т. п.

¹⁾ См. объ этомъ Ed. Meyer, Geschichte d. Altertums, I, 1 (3-е изд. 1910), §§ 136—142.

²⁾ Я имѣю въ виду въ послѣдующемъ изложеніи только документы, въ тѣсномъ смыслѣ разумѣя подъ ними какъ тѣ, которые относятся къ такъ называемой *письменной традиціи* (историческія надписи, мемуары, хроники, таблицы), такъ и тѣ, которые принято называть *памятниками* (акты, дипломы, надписи на монетахъ). Объ *устной традиціи* и *остаткахъ*, заключающихся въ зданіяхъ, гробницахъ, предметахъ утвари, произведеніяхъ искусства, языкѣ и т. п., см. указанныя выше пособія.

2) Слѣдующая задача историка состоитъ въ критикѣ *достоверности* всякаго документа, официального или частнаго. Предположимъ, что мы разобрали содержаніе и уяснили себѣ смыслъ документа. Тогда возникаетъ вопросъ, насколько мы можемъ ему вѣрить. Существуетъ много неподлинныхъ документовъ. Поэтому, прежде всего, историкъ долженъ провѣрить *подлинность* своего источника, т.-е. разрѣшить вопросъ, дѣйствительно ли онъ происходитъ отъ того автора, которому приписывается, появился въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. При рѣшеніи этого вопроса приходится принимать во вниманіе все, что извѣстно о личности и стилѣ даннаго автора изъ другихъ его произведеній, сопоставлять характеръ произведенія съ общимъ характеромъ той эпохи, къ которой оно должно относиться; сложное изслѣдованіе производится историкомъ, чтобы отличить копію отъ оригинала, позднѣйшія вставки—отъ первоначальнаго текста. Иногда приходится имѣть дѣло съ сознательными поддѣлками документовъ, которыя производятся для разныхъ цѣлей.—Часто изложеніе источниковъ страдаетъ тенденціозностью. Для оцѣнки степени *правдивости* документа необходимо установить, кто является его авторомъ и насколько въ интересахъ его было быть правдивымъ. На этой почвѣ оперировать трудно, и иногда невозможно достигнуть совершенно убѣдительныхъ результатовъ. Напримѣръ, при оцѣнкѣ мемуаровъ нужно всегда имѣть въ виду, какое положеніе занимаетъ авторъ ихъ относительно изложенныхъ событій, съ точки зрѣнія какой партіи и вообще съ какой цѣлью онъ приступаетъ къ ихъ составленію и т. п. Читая труды античнаго историка, не слѣдуетъ забывать о тогдашней манерѣ оживлять историческій рассказъ вымышленными подробностями и рѣчами. Имѣя передъ глазами какое-нибудь дипломатическое донесеніе, не нужно упускать изъ виду, что не всегда въ расчетъ дипломата входитъ сообщеніе истины даже своему правительству: онъ можетъ быть подкупленъ, можетъ писать свое донесеніе съ той цѣлью, чтобы оно было перехвачено враждебнымъ правительствомъ и т. п.

3) Третья задача исторической критики сводится къ выясненію, насколько авторъ былъ *точенъ* въ передачѣ фактовъ. Иногда лицо, даже искренно желающее быть правдивымъ, при изложеніи фактовъ невольно дѣлаетъ ошибки и допу-

скаеть неточности. Въ подтвержденіе этого часто приводится слѣдующій историческій анекдотъ. Сэръ Уальтеръ Ралей, извѣстный англійскій дѣятель XVI вѣка, по политическому дѣлу былъ посаженъ въ Тоуэръ. Онъ вздумалъ въ тюрьмѣ изложить историческія событія, въ которыхъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Однако, онъ не закончилъ этой работы и бросилъ свой манускриптъ въ печь подѣ вліяніемъ слѣдующаго происшествія. Изъ окна своей камеры Ралей былъ свидѣтелемъ драки и спора, происходившихъ на тюремномъ дворѣ. На другой день ему пришлось слышать рассказы объ этомъ событіи отъ двухъ очевидцевъ, при чемъ оказалось, что каждое изъ этихъ лицъ представило ему дѣло въ разномъ свѣтѣ, и оба рассказа не соответствовали тому, что видѣлъ самъ Ралей. Послѣ этого инцидента Ралей рѣшилъ, что если показанія очевидцевъ простого происшествія такъ недостоверны, то онъ, какъ очевидецъ болѣе сложныхъ историческихъ событий, тѣмъ болѣе не можетъ претендовать на точность и достоверность изложенія. Въ настоящее время это наблюденіе подтверждается производимыми изслѣдованіями точности свидѣтельскихъ показаній на судѣ; юристы и психологи даже пытаются выяснитъ тѣ законы, по которымъ происходятъ ошибки въ свидѣтельской передачѣ фактовъ¹⁾. Специально для этой цѣли организованные опыты дали довольно неутѣшительные результаты въ смыслѣ достоверности свидѣтельскихъ показаній. Такимъ образомъ, ясно, что самый правдивый авторъ можетъ неточно передавать историческія событія.

Д-ръ Леманнъ, настаивая въ своей „Исторіи суевѣрій и волшебства“²⁾ на томъ, что огромное большинство суевѣрій имѣетъ въ своей основѣ ошибки при наблюденіи и описаніи явленій, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ эти ошибки. Онъ дѣлитъ ихъ на: 1) ошибки воспріятія, 2) ошибки вниманія и 3) ошибки памяти. 1. Мы часто неточно воспринимаемъ явленія. Зрѣніе заставляетъ насъ неправильно опредѣлять форму, величину и отдаленность предметовъ; слухъ рѣдко даетъ возможность точно опредѣлить исходную точку звука;

¹⁾ См., напр., статью *Кони*. „Психологія и свидѣтельскія показанія“, въ сборникѣ „Новыя идеи въ философіи“, № 9 (1913 г.).

²⁾ Стр. 385 слл. Ср. *Липпо-Данилевскій*. „Методологія исторіи“ вып. II, 1913 г., стр. 688 слл.

осязаніе продолжаетъ сохранять ощущеніе давленія или холода нѣкоторое время послѣ того, какъ причина ощущенія перестала дѣйствовать. 2. Вниманіе, будучи сосредоточено на одномъ предметѣ, плохо воспринимаетъ остальные, одновременно получаемаыя впечатлѣнія; чѣмъ большимъ числомъ предметовъ занято одновременно вниманіе, тѣмъ неопредѣленнѣе будетъ получаемое нами впечатлѣніе о каждомъ изъ нихъ. Огромное значеніе имѣютъ предвзятыя идеи, ожиданіе, страхъ. 3. Память сохраняетъ только тѣ особенности, которыя всего болѣе сосредоточили на себѣ наше вниманіе или поразили наше мышленіе, при чемъ это далеко не всегда бываютъ именно существенныя особенности событія. При воспоминаніяхъ о цѣломъ рядѣ происшествій мы легко утрачиваемъ представленіе объ ихъ взаимной послѣдовательности, если не было особыхъ обстоятельствъ, не допускающихъ этого. Если въ рядѣ событийъ были сходныя, то мы легко смѣшиваемъ ихъ между собою. Слѣдуетъ замѣтитъ при этомъ, что привычка къ наблюденіямъ въ одной области явленій нисколько не гарантируетъ отъ ошибокъ при наблюденіяхъ за явленіями изъ другой, менѣе привычной области. Въ виду всего этого неудивительно, что очевидцы постоянно разногласятъ въ рассказахъ о видѣнныхъ событіяхъ.

При такихъ условіяхъ историкъ, во всякомъ случаѣ, даже когда у него нѣтъ основаній не довѣрять правдивости своего источника, долженъ относиться критически къ его показаніямъ. Онъ непременно долженъ заботиться о собираніи историческаго матеріала во всей его полнотѣ, выяснятъ генезисъ каждаго извѣстія, сличать извѣстія, полученныя изъ одного источника, съ извѣстіями о тѣхъ же событіяхъ, получаемыми изъ другихъ источниковъ, а также провѣрять, насколько сообщаемыя источникомъ данныя могутъ быть согласованы съ другими, уже извѣстными намъ историческими фактами. При сопоставленіи показаній объ одномъ и томъ же событіи, содержащихся въ разныхъ источникахъ, слѣдуетъ уяснитъ себѣ, въ какой степени эти источники могли вліять другъ на друга или же были независимы одинъ отъ другого, какими причинами можетъ вызываться умолчаніе одного источника о фактѣ, передаваемомъ въ другомъ; молчаніе источника не всегда можетъ считаться за доказательство несуществованія факта; иногда оно можетъ быть результатомъ незнанія

о фактъ, иногда—желанія скрыть извѣстный фактъ и т. п. Все это страшно осложняетъ критическую работу историка надъ источниками ¹⁾.

Б. Послѣ того, какъ уяснено содержаніе документа и опредѣлена его достовѣрность и точность, историку приходится перейти ко второй половинѣ своей работы,—къ научному объясненію установленныхъ имъ историческихъ фактовъ, т.-е. найти причинную связь событій. Для этой цѣли историку приходится принимать во вниманіе все ученіе о факторахъ историческаго процесса и его ходѣ. Весь мой курсъ имѣлъ въ сущности то значеніе, что онъ долженъ былъ показать, насколько мало мы еще знаемъ въ этой области. И въ эту работу историкъ вноситъ поэтому субъективный элементъ, такъ какъ ему приходится часто только догадываться о причинахъ событій. Неполнота данныхъ, которыя могутъ быть извлечены изъ наличнаго матеріала источниковъ, еще болѣе осложняетъ эту задачу историка. Онъ вынужденъ иногда по догадкѣ пытаться возстановить (реконструировать) такіе факты, о которыхъ источники умалчиваютъ.

III. Но, конечно, необходимо принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы сводить субъективизмъ въ исторіи до минимума и, по крайней мѣрѣ, сознательно не вносить его въ изслѣдованіе. Въ этихъ видахъ я и настаивалъ на томъ, что мы не должны пользоваться въ историческихъ изслѣдованіяхъ понятіями „прогресса“ или „регресса“, такъ какъ въ эти понятія по самому ихъ существу входятъ совершенно опредѣленные политическіе и этическіе масштабы оцѣнки, а, между тѣмъ, въ области этическихъ и политическихъ цѣнностей окончательно установившихся результатовъ пока еще не имѣется. Для того, чтобы историкъ могъ освободиться отъ субъективизма, связаннаго съ этическими и политическими оцѣнками, ему особенно рекомендуется примѣненіе такъ называемыхъ относительныхъ масштабовъ ²⁾. Этотъ приѣмъ состоитъ въ

¹⁾ Ланно-Данилевскій, *op. cit.*, стр. 618 слл. Ср. Фриманъ. „Методы изученія исторіи“ (рус. пер. 1893 г.), лекція III.

²⁾ См. O. Lorenz. „Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben“, I (1886 г.), 70 слл. Bernheim. „Lehrbuch“ (1903 г.), 712 слл. Ср. о различныхъ видахъ недопустимаго субъективизма въ исторіи (націона-

слѣдующемъ: при изложеніи историческаго процесса слѣдуетъ остерегаться излагать его съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и стремленій, но надлежитъ изображать историческія событія съ точки зрѣнія тѣхъ людей, которые въ нихъ участвовали. Можно быть противникомъ монархическаго строя; но при изученіи эпохи Августа слѣдуетъ отъ подобныхъ воззрѣній отрѣшиться и стать на точку зрѣнія основателя монархіи. Тогда задача историка сводится къ тому, что онъ слѣдитъ, какъ данный историческій дѣятель выполнялъ свои планы, и выясняетъ, къ какимъ послѣдствіямъ привела его дѣятельность. Такой путь въ значительной степени предохранитъ насъ отъ внесенія предвзятыхъ точекъ зрѣнія въ наше изслѣдованіе.

Тѣмъ не менѣе, еще цѣлый рядъ обстоятельствъ заставляетъ насъ быть субъективными. Мы не можемъ изучать сразу всю исторію, а должны остановиться на отдѣльной сторонѣ жизни, и уже въ этомъ выборѣ предмета изслѣдованія мы всегда субъективны ¹⁾. Въ XIX вѣкѣ усиленное изученіе экономической исторіи и массовыхъ процессовъ стоитъ, несомнѣнно, въ тѣсной связи съ той ролью, которую экономическіе вопросы стали играть въ наше время. Въдѣ XIX вѣкѣ является эпохой переворота въ промышленности, развитія капитализма, обостренія рабочаго вопроса. Экономическія отношенія повсюду выдвинуты жизнью на первый планъ. Неудивительно, что наука этого вѣка и въ исторіи обратила вниманіе, главнымъ образомъ, на экономическіе процессы и массовыя движенія. Каждая эпоха вообще интересуется тѣми сторонами исторіи, которыя играютъ наибольшую роль въ ея собственной жизни, тѣми событіями, которыя имѣютъ отношеніе къ наиболѣе дорогимъ для нея культурнымъ цѣностямъ ²⁾.

лизмъ, конфессіонализмъ, политическая партійность и т. д.) Карпезъ. „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.), гл. XVI—XXI. Хорошимъ примѣромъ тенденціозности можетъ служить обработка многихъ историческихъ темъ въ трудахъ германскихъ ученыхъ. См. Бузескуль. „Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX столѣтія“. 1915 г.

¹⁾ См. къ дальнѣйшему Эд. Мейеръ. „Теоретич. и методологическіе вопросы исторіи“. Карпезъ, „Теорія историческаго знанія“ (1913 г.), гл. XXII.

²⁾ См. къ этому Simmel. „Probleme“, 62 слл., 163 сл. Merkel. „Fragmente zur Sozialwissenschaft“ (1898 г.), 75 слл. Хорошо иллюстрируется эта мысль

Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить, что какую бы мы ни взяли тему для историческаго изслѣдованія, намъ невозможно изложить *всѣхъ* фактовъ, сюда относящихся, уже потому, что въ этомъ случаѣ мы потеряемъ всякую руководящую нить въ нашемъ изложеніи. Поэтому въ историческомъ изслѣдованіи необходимо различать *существенное отъ несущественнаго*. Какъ опредѣлить это различіе? Нѣкоторые предлагаютъ для этого количественный масштабъ, т.-е. предлагаютъ считать существенными тѣ факты, которые влекутъ за собой наибольшее количество послѣдствій. Но въ исторіи все такъ тѣсно связано, что даже самому незначительному факту можно приписать безконечное количество послѣдствій; поэтому количественный критерій оказывается недостаточнымъ и непримѣнимымъ. Нельзя, конечно, въ исторіи исходить и изъ степени общности фактовъ, такъ какъ это критерій соціологическій, а не историческій; исторія изучаетъ не общее, а индивидуальное. Единственно возможной является качественная оцѣнка фактовъ для опредѣленія степени ихъ значенія. Какъ при выборѣ темы изслѣдованія, такъ и при выборѣ матеріала мы должны руководиться тѣмъ методомъ, который Риккертъ называетъ „методомъ отнесенія къ цѣностямъ“ (см. выше, § 10). Между тѣмъ, уже было указано, что самыя представленія о цѣностяхъ далеко еще не окончательно установились, находятся въ процессѣ развитія, а потому при примѣненіи этого метода всегда будутъ субъективныя различія между отдѣльными историками. Да и вообще при примѣненіи качественныхъ масштабовъ невозможна та степень точности и объективности, которая достигается при оперированіи количествами ¹⁾.

данными, которыя собраны въ капитальномъ трудѣ *Füster*, „Geschichte der neueren Historiographie“ (1911 г.). „Каждое поколѣніе требуетъ, чтобы факты были пересмотрѣны, чтобы исторія предковъ была написана съ его собственной точки зрѣнія“, говоритъ, словами Паттисона, *Фриманъ*. „Методы изученія исторіи“, 162.

¹⁾ Изслѣдованіе такихъ фактовъ прошлаго, которые еще не укладываются ни въ какую историческую связь и не представляются поэтому существенными для историковъ, имѣетъ не историческій, а *антикварный* характеръ. Такія изслѣдованія, однако, могутъ навести своими результатами историковъ на новыя соображенія, которыя придадутъ антикварному матеріалу историческій интересъ. См. *Riess*. „Historik“, I (1912 г.), § 8.

Отмѣтимъ, наконецъ, одно послѣдствіе, возникающее изъ того факта, что наше мышленіе относительно, т.-е., что мы все познаемъ только путемъ сравненій. Это приводитъ къ тому, что, когда мы что-нибудь изучаемъ, мы беремъ известную массу матеріаловъ, которую такъ или иначе расчлениаемъ, и затѣмъ сравниваемъ полученные фрагменты между собой. Эта необходимая для насъ операція *раздѣленія матеріала* всегда субъективна и до известной степени произвольна. Въ частности для того, чтобы изучать исторію, мы должны дѣлить ее на періоды, столѣтія, эпохи, располагать матеріалъ по народамъ, мѣстностямъ, отдѣльно разсматривать политическую, экономическую сторону жизни, исторію права. Всѣ подобныя дѣленія искусственны, такъ какъ на самомъ дѣлѣ въ жизни всѣ явленія тѣсно связаны между собой; но безъ такихъ дѣленій обойтись невозможно: ихъ требуютъ законы нашей познавательной дѣятельности ¹⁾.

Ранке совершенно правъ, говоря, что историкъ долженъ изобразять историческія событія такъ, какъ они были; поэтому историку настойчиво рекомендуется не вносить *сознательно* субъективнаго элемента въ свои изслѣдованія. Но мы должны примириться съ тѣмъ, что каждый историкъ всегда остается до известной степени субъективнымъ уже въ силу того, что онъ вынужденъ проникать въ духовную жизнь давно исчезнувшихъ людей, подраздѣлять историческій матеріалъ, отдѣлять существенное отъ несущественнаго и восполнять догадками то, чего недостаетъ въ историческихъ данныхъ. Исторія пишется людьми и для людей, и на ней всегда будетъ отражаться несовершенство нашей познавательной дѣятельности, а также и тѣ болѣе или менѣе преходящіе интересы, которыми живутъ люди, изслѣдующіе историческія событія.

IV. Въ заключеніе этихъ замѣчаній объ историческомъ методѣ, приведу его общую характеристику, какъ она дается *Алоизомъ Мейстеромъ* въ его краткой, но содержательной статьѣ объ основныхъ принципахъ историческаго метода ²⁾.

¹⁾ Преувеличенное значеніе всѣмъ этимъ неизбѣжнымъ условностямъ исторической работы придаетъ пр. *Brunner* въ своихъ „Очеркахъ теоріи историческаго познанія“ (1911 г.).

²⁾ *A. „Meister. Grundzüge der historischen Methode“* (Grundriss der Geschichtswissenschaft v. A. Meister, I, 6, 1913 г.), стр. 7 слл.

„Научная исторія, — говоритъ Мейстеръ, — отличается отъ диллетантской своимъ методомъ. Подъ историческимъ методомъ разумѣется тотъ способъ, при помощи котораго по научнымъ принципамъ изъ историческаго матеріала получается историческое знаніе. Но виды примѣненія историческаго метода столь же разнообразны, какъ богато содержаніе исторіи. Отсюда слѣдуетъ, съ одной стороны, что методъ исторической науки никогда не можетъ быть изложенъ исчерпывающимъ образомъ; съ другой же стороны, что нельзя стать историкомъ при помощи только усвоенія на память правилъ методикки. Ученіе объ историческомъ методѣ правомочно лишь съ тѣмъ ограниченіемъ, что оно только въ общемъ пытается ввести въ историческое изслѣдованіе, даетъ нѣкоторые общіе технические приемы, которые историческій изслѣдователь не долженъ упускать изъ виду, если не хочетъ впасть въ диллетантизмъ. Опытъ показалъ, что есть въ научной работѣ цѣлый рядъ приемовъ, которые при одинаковыхъ условіяхъ всегда должны быть примѣняемы. Начинаящій долженъ ихъ себѣ усвоить и сознательно стремиться примѣнять ихъ къ отдѣльнымъ случаямъ. Но онъ скоро узнаетъ, что историческіе процессы слишкомъ многообразны въ своихъ частностяхъ, чтобы при помощи подобныхъ общихъ правилъ можно было отдать должное индивидуальности отдѣльнаго случая. Поэтому слѣдуетъ особенно настойчиво приглашать рядомъ съ изученіемъ методическихъ принциповъ прорабатывать возможно большее количество образцовыхъ изслѣдованій, чтобы начинающій получилъ необходимый для него опытъ и упражненіе вычитывать изъ единичнаго случая продуманно и осторожно, какъ слѣдуетъ цѣлесообразно и методически вести изслѣдованіе. — Вообще обучить можно лишь внѣшней техникѣ исторической науки; отысканіе же историческаго познанія, внутреннее разрѣшеніе историческаго вопроса остается всегда индивидуальнымъ. Учитель можетъ только показать, какъ онъ самъ это дѣлаетъ, и уже этимъ, а также надлежащей постановкой вопроса, показать учащемуся то направленіе, въ которомъ онъ найдетъ историческое познаніе. Въ этомъ заключается методологическое значеніе нашихъ историческихъ семинарскихъ упражненій. Но какъ только кто-нибудь долженъ производить самостоятельное историческое изслѣдованіе, всегда къ усвоенной путемъ обученія техникѣ должна присоединиться присущая ему

творческая самодѣятельность; примѣненіе метода, слѣдовательно, въ основѣ всегда индивидуально“.

Конечно, изучить всю всемірную исторію по первоисточникамъ немыслимо для одного человѣка, какъ бы онъ ни былъ ученъ. Не можетъ себѣ ставить этой задачи, тѣмъ болѣе, лицо, готовящееся быть преподавателемъ средней школы. Но каждому, кто занимается исторіей, слѣдуетъ пройти школу первоисточниковъ хотя бы по нѣсколькимъ вопросамъ, такъ какъ только при этомъ условіи онъ пойметъ, что такое исторія, какъ наука, и подготовится къ тому, чтобы пользоваться, какъ надлежитъ, современной исторической литературой. „Человѣкъ, — говоритъ Фриманъ ¹⁾, — приобрѣвшій привычку пользоваться первоисточниками, привыкшій сравнивать и подвергать критикѣ доказательства, можетъ довѣряться руководству новыхъ авторовъ, что не совсѣмъ безопасно для людей, не приобрѣвшихъ такой привычки. Онъ будетъ умѣть обращаться съ ними и будетъ знать, какъ къ нимъ относиться; его изученіе дастъ ему извѣстный историческій тактъ, который позволитъ ему отличить дурное отъ хорошаго; онъ сразу пойметъ, кому изъ современныхъ авторовъ можно довѣрять и кому — нѣтъ; благодаря детальному изученію извѣстныхъ періодовъ, онъ получитъ способность выдѣлять и усваивать главныя черты важнѣйшихъ фактовъ даже такихъ періодовъ, которые онъ не изучалъ детально. Онъ не будетъ пренебрегать оригинальными источниками даже относительно такихъ періодовъ, гдѣ ему приходится довѣрять современнымъ писателямъ. По крайней мѣрѣ, онъ узнаетъ, каковы эти оригинальные источники и каковъ ихъ характеръ; онъ сдѣлаетъ провѣрку относительно, по крайней мѣрѣ, самыхъ важныхъ вопросовъ и постарается прочесть въ оригиналѣ наиболѣе важные документы. Ни одинъ человѣкъ не можетъ изучить всю исторію по оригинальнымъ писателямъ; но человѣкъ можетъ изучить не всю исторію, что было бы очень трудно для одного человѣка, а большіе ея отдѣлы, если не прямо по оригинальнымъ писателямъ, то никогда не теряя ихъ изъ виду и всегда въ случаѣ надобности обращаясь къ ихъ помощи“.

¹⁾ Фриманъ. „Методы изученія исторіи“ (рус. пер. 1893 г.), стр. 114.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О преподаваніи исторіи въ средней школѣ.

I. Средняя школа тѣмъ отличается отъ высшей, что: 1) преподаваніе въ гимназій имѣетъ болѣе *энциклопедическій* характеръ, 2) но зато отличается въ гораздо большей степени *догматизмомъ*. Уровень познаній, возрастъ учениковъ и размѣръ времени, отводимого на каждый предметъ, не позволяютъ здѣсь придавать преподаванію характеръ критическаго ознакомленія съ предметомъ въ смыслѣ введенія учащихся въ самые приемы разработки науки. Именно такое *критическое* изученіе предмета составляетъ основную задачу высшей школы.

Но тѣмъ не менѣе преподаваніе въ средней школѣ должно показывать предметъ въ полномъ соотвѣтствіи съ характеромъ и задачами соотвѣтственной науки, хотя и беретъ эту науку преимущественно со стороны ея уже готовыхъ выводовъ, а не со стороны метода, которымъ эти выводы получаются.

Вообще каждый предметъ въ средней школѣ долженъ быть показанъ такъ, чтобы учащіеся составили себѣ правильное представленіе объ его роли и мѣстѣ въ системѣ современнаго научнаго міровоззрѣнія. Напримѣръ, математика должна быть представлена учащимся, какъ основа научнаго естествознанія. Поэтому и преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ должно ознакомить учащихся съ выводами исторической науки въ полномъ соотвѣтствіи съ современными воззрѣніями на общій характеръ и основныя задачи историческаго познанія. Что касается методологической части исторіи, то она можетъ быть въ значительной степени оставлена въ сторонѣ, но, конечно, дѣло только выиграетъ, если въ старшихъ классахъ окажется возможнымъ дать понятіе объ историческомъ ма-

теріалѣ, его критикѣ и вообще о приемахъ историческаго изслѣдованія.

II. Исходя изъ этихъ положеній, мы получаемъ слѣдующіе частные выводы о задачахъ и приемахъ преподаванія исторіи.

1) Если исторія есть наука о минувшихъ *событіяхъ* въ культурной дѣятельности человѣчества, то она и должна быть представлена въ этомъ видѣ. Учащіеся должны знать важнѣйшія событія исторіи, имѣющія положительное или отрицательное культурное значеніе. Изученіе этого матеріала предполагаетъ и сознательное усвоеніе *хронологіи*, безъ которой исторія представляла бы совершенный хаосъ; хронологія есть математическій элементъ исторіи.

2) Если задача исторіи состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ намъ процессъ созданія *культуры*, то на первый планъ должны быть выдвигаемы именно тѣ стороны исторической жизни, которыя наиболѣе цѣнны въ культурномъ отношеніи. Политическій бытъ, экономическій бытъ, движеніе философской и религіозной мысли, развитіе изящной литературы и искусства должны составлять основной предметъ изученія. Исторію *государства*, или политическую исторію, при этомъ нельзя игнорировать, ибо государство есть важнѣйшій факторъ культурнаго развитія. Необходимо поэтому знать и исторію международныхъ отношеній, въ частности и исторію войнъ. Это не значитъ, однако, что нужно заставлять обстоятельно учить военную исторію, т.-е. изучать самый ходъ войнъ, отдѣльныя битвы и приемы полководцевъ. Но слѣдуетъ знать причины, вызвавшія войну и опредѣлившія ея исходъ, а также результатъ войны. Формы *государственнаго устройства* и ихъ эволюціи должны быть показаны возможно наглядно и сопоставляемы между собою и съ современными, какъ болѣе извѣстными и доступными пониманію. Экономическій бытъ долженъ быть изучаемъ, какъ одно изъ важныхъ условій, опредѣляющихъ характеръ политическихъ и социальныхъ отношеній и отчасти даже направленіе философской мысли, техники, искусства. Исторія науки и техники, исторія литературы и искусства должны быть также предметомъ тщательнаго изученія и представляться какъ весьма важныя страницы исторіи, тѣмъ болѣе, что въ этой области трудъ преподавателя исторіи можетъ быть до извѣстной степени

раздѣленъ съ преподавателемъ исторіи литературы, а также съ преподавателями древнихъ и новыхъ языковъ.

3) Учащимся должно быть дано представление о *закономерности въ исторіи*. Для этого съ самаго начала слѣдуетъ развивать представление объ измѣнчивости исторической жизни. Эпизодическій курсъ младшихъ классовъ уже долженъ выполнять это назначеніе. На рядѣ примѣровъ должно быть показано измѣненіе не только промышленной техники и формъ общественной и политической жизни, но самаго мышленія и чувствованія. Иллюстрировать все это можно не только картинами, но и чтеніемъ отрывковъ изъ источниковъ и современной литературы. Преподаватель древнихъ языковъ также долженъ итти навстрѣчу этой потребности, такъ какъ онъ имѣетъ возможность ввести учащихся совершенно наглядно въ цѣлый міръ чуждой имъ культуры и идей. слѣдуетъ обращать вниманіе на силу исторической традиціи, на значеніе идей, на соотношеніе личности и массъ и показывать, что исторія не представляетъ собою всецѣло продукта сознательно планомѣрной дѣятельности людей, и что законъ гетерогоніи цѣлей сохраняетъ въ ней свое значеніе, несмотря на весь прогрессъ знанія.

4) Изученіе исторіи должно показать, въ чемъ состоятъ важнѣйшія культурныя завоеванія человечества, какими цѣнностями люди болѣе всего дорожили въ теченіе исторической эволюціи, что сдѣлано для укрѣпленія этихъ цѣнностей въ дѣйствительной жизни и что стоитъ на очереди въ этомъ направленіи. Въ этомъ пунктѣ изученіе исторіи соприкасается съ *этикой*. Исторія не должна превращаться въ моральную проповѣдь, но, несомнѣнно, что правильно поставленное преподаваніе ея можетъ содѣйствовать проясненію для учащихся содержанія культурныхъ и этическихъ проблемъ.

5) Въ старшихъ классахъ, какъ уже сказано, можно знакомить учащихся съ исторической *методологіей*, хотя бы въ видѣ нѣсколькихъ примѣровъ. Для этого можно воспользоваться русской исторіей и притомъ древняго періода. Памятники, бывшіе предметомъ изученія на урокахъ русской литературы, могутъ быть взяты затѣмъ въ качествѣ историческаго источника и разобраны съ этой точки зрѣнія.

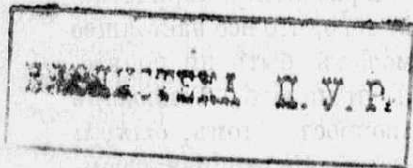
6) Средства преподаванія не должны ограничиваться учебникомъ и рассказомъ учителя въ классѣ. Рисунки должны

знакомить съ внѣшней культурой; заставляя учениковъ ихъ анализировать, слѣдуетъ заботиться о развитіи въ нихъ чувства исторической измѣнчивости путемъ проникновенія во все детали отжившей и чуждой намъ культуры. Еще больше значенія можетъ имѣть въ этомъ отношеніи посѣщеніе музеевъ, устройство историческихъ экскурсій и т. п. Карта должна давать представление о географической обстановкѣ. Сочиненія учащихся должны содержать въ себѣ по преимуществу сравненія разныхъ типовъ культуры и разныхъ эпохъ, анализъ причинной связи событій. Полезны синхронистическія таблицы и географическіе эскизы; тѣ и другіе должны изготовляться самими учащимися.

7) Настаивая на томъ, что главная задача преподаванія исторіи въ средней школѣ состоитъ въ развитіи историческаго смысла и чувства, т.-е. пониманія того, что все настоящее коренится въ прошедшемъ и не можетъ быть ни понято, ни правильно оцѣнено безъ знанія прошлаго, *Оттокаръ Лоренцъ* находитъ весьма важнымъ вопросъ о томъ, *откуда должно начинаться историческое обученіе*. Не отрицая огромной важности исторіи древняго міра и безусловной необходимости ея усвоенія для пониманія всего дальнѣйшаго процесса, онъ думаетъ, однако, что совершенно неправильно начинать историческое преподаваніе съ изученія древней исторіи. Начинать необходимо съ того, что стоитъ ближе къ ученикамъ, что имъ понятнѣе и доступнѣе, именно съ окружающей ихъ дѣйствительности, при чемъ слѣдуетъ показать, какъ тѣсно связана окружающая обстановка съ той, въ которой жили отцы учениковъ. Развивъ на этомъ матеріалѣ исторической смыслъ, можно переходить къ древности, которая, въ глазахъ Лоренца, вовсе не проще современности. Не проще она какъ потому, что здѣсь мы встрѣчаемся съ совершенно чуждымъ намъ теперь міромъ, такъ и потому, что въ этой области слишкомъ большое значеніе приобрѣла отрицательная критика источниковъ, которая разрушаетъ довѣріе къ исторической традиціи и обезцвѣчиваетъ самое историческое изложеніе, устраняя изъ него все конкретное, наглядное, анекдотическое и пизводя его на степень однѣхъ сухихъ схемъ ¹⁾.

¹⁾ O. Lorenz. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrihtungen und Aufgaben, II, 383 слл.

Несомненно, здесь есть много правды. Но не слѣдует забывать и о томъ, что, тѣмъ не менѣе, современность во многихъ отношеніяхъ сложнѣе античной древности и всякой иной древности. Тогда не было такихъ сложныхъ и запутанныхъ политическихъ и социальныхъ отношеній и вопросовъ, какъ теперь. Ввести въ эти вопросы маленькихъ дѣтей немислимо. Но мнѣ представляется, что мысль Лоренца осуществима въ двухъ отношеніяхъ: 1) начинать слѣдуетъ съ эпизодическаго курса исторіи роднаго народа; 2) самый же этотъ курсъ слѣдуетъ начинать съ какого-либо доступнаго дѣтямъ матеріала современности, который дѣйствительно могъ бы способствовать пробужденію въ нихъ историческаго чувства, какъ, напр., хроника С. Т. Аксакова ¹⁾.

¹⁾ Такое предложеніе сдѣлано въ программахъ гимназіи Медвѣдниковыхъ въ Москвѣ. См. изданіе этой гимназіи: „Основы учебно-воспитательной организаціи и первые годы жизни“ (1904 г.), стр. 223 слд. См. также *Знаменскій* въ сборн. „Методы первонач. обученія“ (изд. „Антикъ“, 1910 г.), стр. 237 слд. Вообще о внѣшнихъ приемахъ и о техникахъ преподаванія исторіи въ средней школѣ см. руководства по т. наз. *методикѣ исторіи*, каковы: *Броунионскій*. „Опытъ методикѣ элементарнаго курса исторіи“, изд. 2, 1899 г. *Картевъ*. „О школьномъ преподаваніи исторіи“ (1917 г.). *Д. Н. Егоровъ*. „Методика исторіи“ (лекціи 1915—1916 гг.). *Марковинъ*. „О задачахъ и способахъ преподаванія исторіи“, 2 изд. 1902 г. *Пвановъ*. „Очерки по методикѣ исторіи“, 2 изд. 1912 г. *Брусликовъ-Грвчанный*. „Методика исторіи“, 2 изд. 1912 г. *Марковъ*. „Записки по методикѣ исторіи и географіи“, 1912 г. *Покотило*. „Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи“, 2 изд. 1914 г. *Кулигинскій*. „Опытъ методикѣ систематическаго курса исторіи“, 1913 г. *Влаховуловъ*. „Методика исторіи“, 1913 г. *С. Троицкій*. „Замѣтки о преподаваніи исторіи“, Казань. 1913 г. *Улановъ*. „Опытъ методикѣ исторіи въ начальной школѣ“, 1914 г. *Дрейманъ*. „Методика исторіи“, Рига 1915 г. Сборники, изданные Историч. Комиссіей Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. „Вопросы преподаванія исторіи въ средней и начальной школѣ“. М. 1916 г. *Волжанинъ*. „Исторія, какъ предметъ начальнаго обученія“, 1916 г. *Сингалевичъ*. „Среднешкольное и университетское преподаваніе исторіи“. 1916 г. — *Jäger*. „Methodik des Geschichtsunterrichts“, 1905. *Ebner*. „Methodik des Unterrichts in der Geschichte“, 3 Aufl. 1913, и мн. др.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

	Стр.
§ 1. Необходимость философскаго обоснованія исторической науки. Спекулятивная и критическая философія.	3
I. Исторія. II. Теорія историческаго процесса; ея задачи. III. Философія исторіи. Критическая философія и ея содержаніе.	
§ 2. Содержаніе теоріи историческаго процесса.	7
I. Три отдѣла курса. II. Метафизическіе вопросы философіи исторіи. III. Философія исторіи и социологія.	

Отдѣлъ первый. Мѣсто исторіи въ системѣ научнаго знанія.

Глава I. Система наукъ.

§ 3. Наука ли исторія?	12
I. Общія задачи научнаго знанія. II. Особенности исторіи. Взглядъ Шопенгауэра.	
§ 4. Классификація наукъ въ ея историческомъ развитіи.	15
I. Понятіе классификаціи. Классификація наукъ. Значеніе теоріи познанія. II. Классификаціи Платона и Аристотеля. III. Средніе вѣка. IV. Классификація Вакона. V. Бенгамъ. Амперъ. Гегель. Контъ. VI. Спенсеръ. VII. Вундтъ. Риккертъ.	

Глава II. Очеркъ теоріи познанія.

§ 5. Предметъ теоріи познанія. Различныя направленія	30
I. Теорія познанія. Ея отношеніе къ психологіи и логикѣ. II. Различныя направленія въ рѣшеніи вопросовъ относительно: 1) происхожденія познанія; 2) обязательности познанія; 3) предмета познанія.	
§ 6. Соотношеніе мышленія и опыта.	40
I. Опытъ и мышленіе. Дискурсивность мышленія. Понятія и сужденія. Абстрактныя понятія. Умозаключеніе. II. Истина, какъ логическое единство опыта. Логическіе законы. III. Формы возрѣнія и категоріи. IV. Научный методъ. Гипотеза. Индукція и дедукція. Причинность. Эмпирической и научный законъ. Телеологическій приемъ. V. Чистый опытъ и чистое мышленіе.	

§ 7. Субъектъ и объектъ. Имманентная и трансцендентная реальность. 57
 I. Опытъ внутренній и внѣшній. Субъектъ и объектъ. Тѣло субъекта. II. Бытiе, независимое отъ сознанiя. Имманентизмъ и солипсизмъ. Проблема вещи въ самой себѣ. Сознанiе вообще. Другой человекъ. Понятiе реальности. III. Ирраціональные элементы бытiя. Соціальное знанiе. IV. Металогическiя основы науки и этики. Вѣра и знанiе.

§ 8. Причинность мiра физическаго и мiра духовнаго . . . 77
 I. Мiръ явленiй физическихъ. Законъ сохранения энергiи. Принципъ энтропiи. II. Мiръ духовнаго опыта. Законъ творческаго синтеза. Цѣнности. Свобода и необходимость. Воздѣйствiе человекъ на физическiй мiръ. III. Общественное сознанiе. Культурныя цѣнности. Коллективная психологiя. Герогонiя пѣлей. Науки о природѣ и о духѣ.

§ 9. Метафизика и наука. 89
 I. Метафизическая потребность. Раціоналистическiя системы. Монизмъ. Три вида метафизическаго монизма. Панпсихизмъ. II. Слабыя стороны всякаго монизма. Дуализмъ и плюрализмъ.

Глава III. Исторiя, какъ индивидуализирующая генетическая наука о духѣ.

§ 10. Науки объ общемъ и науки объ индивидуальномъ. . 103
 I. Задачи науки по общепринятому воззрѣнiю. Возраженiя Риккерта, Чупрова и др. II. Науки о природѣ и науки о культурѣ по Риккерту. Методъ отнесенiя къ цѣностямъ. III. Теорiя познанiя Риккерта. IV. Критика этой теорiи. V. Историческая причинность.

§ 11. Эволюцiя исторической науки. 129
 I. Недавнее появленiе исторiи, какъ самостоятельной науки. II. Античный периодъ. Записи о событiяхъ прошлаго. Эпическая поэзiя. Логографы и Геродотъ. Фукидидъ, Полибiй, Аристоклѣль. Римскiе историки. Прагматическая исторiя. III. Значенiе христiанства. Бл. Августинъ и общiй характеръ средневѣковыхъ историческихъ сочиненiй. IV. Возрожденiе. Макиавелли. Дѣленiе исторiи на основные периоды. Раціонализмъ и школа естественнаго права. Воденъ. Веконъ Веруламскiй. Мабиллонъ. V. Вико. Францiя вѣка просвѣщенiя: Вольтеръ, Монтескье, Тюрго, Руссо, Кондорсеъ. Гердеръ и Кантъ. Хладенiусъ. Англiйскiе историки, моралисты и экономисты XVIII вѣка. VI. Реакцiя противъ раціонализма въ началѣ XIX вѣка. Германская историческая школа юристовъ. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Ранке. Нибуръ. Гегель. Сень-Симонъ. Контъ. Милль. Бокль. Курно. Иерингъ. VII. Реалисти-

ческое направление второй половины XIX вѣка. Выясненiе основныхъ факторовъ исторической законмѣрности. Событiя и состоянiя. Исторiя и социологiя. Расширенiе круга источниковъ.

§ 12. Раздѣленiе историческихъ наукъ. Исторiя политическая и культурная. Исторiя литературы. 189
 I. Изученiе государства, какъ предметъ исторiи. Историческiя потребности разныхъ общественныхъ наукъ. Культурная исторiя. Сближенiе работъ общихъ историковъ со специальными изслѣдованiями. II. Разница между исторiей политической и культурной и содержанiе послѣдней. III. Исторiя литературы и ея область. Эстетическое и внѣэстетическое значенiе литературы, какъ фактора общественной жизни. Литература и письменность.

Отдѣлъ второй. Основные принципы исторической науки.

Глава I. Общее ученiе о факторахъ историческаго процесса. 206

§ 13. Факторы историческаго процесса. 206
 I. Понятiе о факторѣ. II. Возраженiе Ковалевскаго. Необходимость выдѣленiя факторовъ. III. Эстетическiй элементъ въ исторической работѣ.

§ 14. Классификацiя факторовъ. 212
 I. Человекъ, общество, внѣшняя природа. II. Факторы устойчивости и измѣнчивости. Сочетанiе этихъ факторовъ.

Глава II. Отдѣльные факторы и ихъ соотношенiе.

§ 15. Внѣшняя природа, какъ факторъ историческаго процесса. 216
 I. Связь человекъ съ природой. Народы культурные и некультурные. Состоянiе вопроса о значенiи внѣшней природы въ современной наукѣ. II. Внѣшняя природа, какъ факторъ измѣнчивости.

§ 16. Человекъ, какъ факторъ историческаго процесса. . 222
 I. Принципы биологической эволюцiи. Эволюцiя. Биогенетическiй законъ. Дарвинизмъ. Наслѣдственность приобрѣтенныхъ свойствъ. Теорiя Дарвина. Теорiя Вейсмана. Неоламаркисты. Значенiе отбора. Происхожденiе вариаций. Изоляцiя. II. Физическая и психическая организацiя человекъ. Анатомическiе и психическiе признаки человекъ. Психологiя народовъ. III. Че-

ловѣческія расы. Гобино. Лапужъ. Гумпловичъ. Попытки научной классификаціи расъ. Ихъ недостатки. Мнѣніе Деникера. Лингвистическія группы. Общее заключеніе. IV. Национальность.

§ 17. Человѣческое общество, какъ факторъ историческаго процесса. 249

I. Общество, какъ организмъ. II. Культурная традиція. Отличіе отъ инстинкта. Условія, благоприятствующія традиціи. Область традиціи. Польза и вредъ традиціи. Отдѣльные классы общества и народы въ ихъ отношеніи къ традиціи. III. Движеніе населенія. А. Возрастаніе населенія. Борьба за существованіе въ человѣческихъ обществахъ и ея особенности. Международная борьба. Дѣйствіе борьбы за существованіе въ исторіи. Раздѣленіе труда и его значеніе для развитія общества. Теорія Дюркгейма и Зиммеля. Б. Уменьшеніе населенія. IV. Идеи и изобрѣтенія. Два вида исторической идеологии. Законъ историческихъ равнодѣйствующихъ. Порогъ соціальнаго сознанія. Идеи и идеаль. Поединки идей и союзы идей. Гетерогонія цѣлей. Контрастное развитіе. V. Подражаніе. Виды подражанія. Формула Тарда и ея критика. Значеніе борьбы и соревнованія.

§ 18. Отношеніе личности и общества. 287

I. Значеніе массъ въ исторіи. Ницше и Палантъ. II. Воззрѣнія на великихъ людей Кузена, Гумбольдта, Гегеля, Карлейля, Грановскаго, Соловьевыхъ, Милля, Ренувье, Джемса. Взглядъ Спенсера, Конта, Бурдо, Гумпловича, Моно. III. Ученіе Лампрехта о генияхъ. Великіе люди въ исторіи. Всякая ли эпоха имѣетъ своего героя?

§ 19. Историческая психологія 299

1. Духъ времени. Законъ историческихъ соотношеній. Законъ историческихъ контрастовъ. II. Эволюція формъ мышленія и чувствованія. Выводы Гобгауза, Вундта, Леви-Брюля. III. Построеніе Лампрехта. IV. Критика этого построенія. V. Общее заключеніе.

§ 20. Историческій матеріализмъ 318

I. Отношеніе къ матеріализму метафизическому. Теорія Маркса и его послѣдователей. Производительныя силы и производственныя отношенія. Историческая діалектика. II. Критика этихъ теорій. Духовный характеръ историческихъ явленій. Матеріальныя и идейныя потребности. Самостоятельность идейнаго фактора. Потребность и изобрѣтеніе. Взглядъ Жореса.

§ 21. Закономѣрность историческаго процесса 325

I. Случай и его значеніе. Общій смыслъ исторіи. Общіе этапы историческаго развитія, въ частности схема Лоренца.

II. Научный законъ. Его значеніе для историка. III. Отношеніе исторической случайности къ закономірности процесса. IV. Параллели и аналогія въ исторіи.

Отдѣлъ третій. Предѣлы историческаго познанія и методъ исторіи.

Глава I. Гипотетическіе и метафизическіе элементы въ историческомъ міровоззрѣніи.

§ 22. Прогрессъ 338

I. Развитіе идеи о прогрессѣ. Теорія круговращенія, золотого вѣка и прогресса. Гердеръ, Кантъ, Кондорсе, Гегель, Контъ. Примѣры современныхъ теорій прогресса: Де-Грефъ, Людо Гартманъ, Карѣвъ. II. Метафизическіе элементы идеи прогресса. III. Ея этическое значеніе.

§ 23. Эволюція 350

I. Различныя значенія слова „эволюція“. II. Есть ли въ этомъ понятіи метафизическіе элементы? Вопросъ о духовной субстанціи.

Глава II. Историческій методъ.

§ 24. Психическій характеръ историческихъ данныхъ. 356

I. Взглядъ Ранке на задачу исторіи. Психическій характеръ историческаго процесса и значеніе этого обстоятельства для историческаго изслѣдованія. II. Раціоналізація, модернизация и индивидуализация историческихъ процессовъ. Значеніе психологической подготовки для историка. III. Этологія, или наука о характерѣ.

§ 25. Критика, выборъ и раздѣленіе историческаго матеріала. 364

I. Особенности изученія историческихъ событій. Исторія, какъ разсужденіе о документахъ. Виды историческихъ источниковъ. Вспомогательныя науки. II. Критика документовъ и объясненіе установленныхъ фактовъ. III. Относительныя масштабы. Выборъ темъ и фактовъ. Дѣленіе историческаго матеріала. IV. Общее значеніе методики исторической науки.

Приложеніе. О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. 380

I. Общій характеръ средней школы. II. Задачи и приемы преподаванія исторіи.

140

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Опыт характеристики понятий *aequitas* и *aequum jus* в римской классической юриспруденции. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Натуральные обязательства по римскому праву М. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новый труд по римской традиции. М. 1902 г. (Уч. Зап. Моск. Универ., вып. 20).

Система римского права. I. Общая часть. Изд. 4-е. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к
II. Вещное право. Изд. 3-е. 1908 г. Ц. 1 р. IV. Семейное право. V. Наследственное право. Изд. 3-е. 1909 г. Ц. 1 р.

История римского права. Изд. 6-е. М. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Общая теория права. Изд. 6-е. М. 1914 г. Ц. 1 р.

Очерк истории этических учений. Изд. 2-е, 1913 г. Ц. 2 р.

Общественное мнение и политическая партия. М. 1906 г. Ц. 15 к.

Значение и права народного представительства. Изд. 2-е. М. 1917 г. Ц. 20 к.

Избирательное право. М. 1906 г. Ц. 8 к.

Женщина накануне новой эпохи. Изд. П. Д. Путиловой. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Психология женщин. О равноправии женщин. Доход от продажи этой брошюры поступает в пользу недостаточных слушательниц Московских Высших Женских Курсов. Склад в конторѣ журнала „Вопросы философии и психологии“. М. 1911 г. Ц. 50 к.

Женщина и человеческое достоинство. Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева. М. 1914 г. Ц. 3 р.

Участие женщины в умственной культуре человечества. М. 1914 г. Ц. 30 к.

Женщина в обновленной культуре. Изд. преп. Моск. Ун-та. М. 1917 г. Ц. 40 к.

Социология. Введение. Ч. I. Исторический очерк учений об обществе. Изд. Московского Научного Института. М. 1917 г. Ц. 8 р.

Этюды по современной этике. Изд. Сытина. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Нравственная личность и общество. Изд. Ключкова. М. 1911 г. Ц. 1 р. 35 к.

Этика человеческого достоинства. М. 1912 г. Склад издания в конторѣ журнала „Вопросы философии и психологии“. Ц. 1 р.

Этика Метерлини. М. 1913 г. Ц. 75 к. Склад издания в конторѣ журнала „Вопросы философии и психологии“.

Имманентъ. Основоположение из метафизики нравовъ. Переводъ Л. Д. В. под редакцией В. М. Хвостова. Труды Московского Психологического Общества, вып. VII. М. 1911 г. Ц. 70 к.